

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Межвузовский сборник

Ответственный редактор проф. Э. Д. Фролов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1997

Рецензенты: д-р ист. наук А. А. Нейхардт (С.-Петербургский филиал ин-та Российской истории РАН), д-р ист. наук Г. Е. Лебедева (СПб. ун-т).

Редакционная коллегия: В. Н. Строгоцкий, Н. С. Широкова, Э. Д. Фролов (отв. ред.), А. В. Петров (отв. секр.)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского университета*

- А72 Античное общество: Проблемы политической истории: Сб. статей / Под ред. Э. Д. Фролова. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 1997. — 244 с.**
ISBN 5-288-01593-7

Сборник посвящен не только проблемам античной государственности, полиса или цивитас, но и всей совокупности социально-политических и духовных аспектов античной цивилизации в переломные моменты ее истории. Исследуются такие важные вопросы, как рождение гопплитской фаланги, складывание социальной иерархии в Спарте, прослеживается эволюция римского сената, рассматриваются перипетии гражданской войны после смерти Нерона и многие другие.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов, всех интересующихся историей и культурой античности.

Тем. план 1996 г., № 31

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-288-01593-7

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

В отличие от предыдущих сборников научных статей, подготовленных к изданию кафедрой истории Древней Греции и Рима Петербургского университета, новый сборник посвящен более широкой теме — не одной только проблеме античной государственности, проблеме полиса или цивитас, но всей совокупности социально-политических и духовных аспектов античной цивилизации в критические, переломные моменты ее истории. Отсюда и новое название — «Античное общество». Конечно, проблема полиса остается наиболее значимой, но — подчеркнем это еще раз — ее рассмотрение сопряжено в настоящем издании с целым рядом самостоятельных выходов в другие сферы исторической жизни древнего общества.

Сборник открывается группой статей, посвященных греческой архаике, времени, когда формируется классический тип античного гражданского общества. Специально исследуются такие важные сюжеты, как рождение гоппитской фаланги, в которой справедливо видят военное основание полисного строя; складывание социальной иерархии в таком консервативном полисе, каким была Спарта (проблема отношений спартиатов и илотов); наконец, формирование оракульной практики в таких авторитетных центрах религиозной и вообще духовной жизни древней Эллады, каким было, например, святилище Аполлона в Дельфах.

Более поздний эллинистическо-римский период представлен этюдом, посвященным противостоянию Рима и греческих городов Южной Италии. При этом в конфликте формирующейся римской державы с центральным полисом Великой Греции Тарентом автор этого этюда справедливо видит как завершение древнего противостояния италийского материка и возникших на его кайме греческих колоний, так и завязку новой конфронтации — Рима с миром эллинизма.

Большой блок статей касается важных моментов в жизни римского общества. В одной работе прослеживается эволюция римского сената, превращение его из органа патрицианской верхушки в институт более широкого гражданского качества, хотя и с сильным консервативным уклоном. В другой — исследуются перипетии гражданской войны после смерти Нерона, в 68—69 гг., и при этом выясняется особенная, повышенная роль провинций, провинциальных групп войск, что предreshало последующую трансформацию Римской державы из государства собственно италийского в средиземноморскую империю. Наконец, еще в одной работе показано, как та же принципиальная трансформация совершалась на самом высоком уровне, а именно благодаря перемене деспотического правления Домициана на более просвещенный и более конституционный режим Траяна.

И в этом сборнике, как и в предыдущих, не обойдена стороной и история периферийных областей античного мира. Специальному и очень обстоятельному рассмотрению подвергнута история греческих полисов в Причерноморье. Авторы посвященного этой теме большого очерка попытались представить этапы в межгосударственных отношениях в Понтийском регионе: начальный (VII—VI вв. до н. э.), когда основанные греками в Причерноморье новые города-государства могли спокойно, без значительных внешних помех развиваться в полнокровные политические организмы; срединный (примерно V—III вв.), когда над достигшими расцвета греческими полисами стали сгущаться грозные тучи, стали повторяться и усиливаться попытки внешнего вмешательства (со стороны Афин, но более всего со стороны скифо-сарматских племен); и наконец, трагический финал (II—I вв.), когда мир понтийских полисов едва не стал жертвой глобального наступления варваров и, спасаясь от этой напасти, должен был отдаться под покровительство сначала понтийских царей, а затем Римской державы, что и подвело черту под его — этого мира — независимым существованием.

По-прежнему большое внимание уделяется духовной жизни античного общества, вопросам политической идеологии, философии и религиозных исканий. Сюжеты берутся опять-таки из переломных эпох. Исследуются, например, политические идеи ранних пифагорейцев, на свой лад предуготовлявших позднейшее развитие правильной политической теории. Скрупулезному анализу подвергнута концепция Полибия об идеальном, так называемом смешанном государственном устройстве и связи этой концепции с реальным историческим прототипом — Римом. Наконец, рассматриваются сложные взаимоотношения новой, сформировавшейся в конце античности, христианской идеологии и философии с идеологией и политикой, сохранявшей традиции язычества Римской империи.

В этом сборнике, как и в одном из предыдущих, имеется особый раздел, своего рода приложение, где публикуются статьи по истории отечественной науки об античности. Представлены два портрета ученых старой школы — академика С. А. Жебелева и профессора А. И. Доватура. Оба были выдающимися исследователями классической древности, наставниками многих поколений филологов и историков-античников в Петербургском университете. Оба подверглись тяжким жизненным испытаниям в годы тоталитарного режима, и оба остались верны принципам чистой науки, традиции которой они упорно сохраняли и передавали своим ученикам.

Есть все основания надеяться, что новый сборник, посвященный истории античного общества, будет встречен с интересом всеми, кому дороги традиции классической культуры.

Э. Д. Фролов

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРЕКОВ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (Афины VIII—VI вв. до н. э.)

Одной из важнейших проблем в истории архаического полиса является тема его военного развития и связанных с этим социально-политических перемен. Центральное место здесь занимает вопрос о формировании фаланги, неизменно остающийся объектом дискуссий. Источниками по теме являются отдельные фрагменты, находимые у таких архаических поэтов, как Тиртей, Каллин и Архилох, а также изображения батальных сцен и фаланги в вазовой живописи. Сложность состоит в неоднозначности этих источников, что порождает многовариантность их истолкования и вынуждает охватывать более широкий круг вопросов и источников. Тема фаланги давно привлекает внимание исследователей: в западной историографии уже накоплена большая дискуссионная литература по этому вопросу. К сожалению, в русском антиковедении этот важный сюжет практически не нашел отражения, если не считать отдельные, мимоходом сделанные общие замечания о роли фаланги в становлении полиса. Мы пытаемся в общих чертах, если не заполнить пробел, то хотя бы вкратце осветить саму проблему и предложить свою точку зрения по данному вопросу.

Наиболее активно в литературе обсуждается вопрос о времени появления фаланги. Диапазон мнений по этой теме охватывает промежуток времени от 2-й половины VIII в. до н. э. до середины VII в. до н. э., когда фаланга была уже представлена на протокоринфских вазах.¹ Ее возникновение обычно связывается с появлением гоплитских элементов воору-

© Х. Туманс, 1997

¹ Lorimer H. L. The hoplite phalanx. With special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus // *ABSA*. XLIII. 1947. P. 76; Cartledge P. Hoplites and heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // *JHS*, XCVII. 1977. P. 19; Snodgrass A. *Archaic Greece. The Age of Experiment*. Berkeley, 1981. P. 103.

жения (прежде всего круглого щита с двойной рукоятью) и их приспособлением к новой тактике боя.² Сам этот процесс представляется либо как постепенная эволюция, либо как моментальная революция.³ Большинство авторов придерживается теории последовательного развития.⁴

Однако, прежде чем приступить к рассмотрению вопроса, необходимо уточнить, что мы понимаем под термином «фаланга». Это слово впервые встречается у Гомера при описаниях боевых построений воинов (II, II. 558; IV. 281; XIII. 126 и др.). Уже античные комментаторы Гомера объясняли слово «фаланга», исходя из его этимологии (*φάλαγξ* — буквально кусок или брусok дерева, бревно), по их мнению, «древние сражались палками, дубинами и палицами» (Shol. Hom II, IV. 250; XVI. 212—217); добавляли также, что и в их времена деревянные строения называют фалангами (Ibid., loc. cit.). В других «схолиях» сказано точнее: «фаланга — длинная и круглая палка» (Shol. Apoll. Rhod., II, 845). Вероятно, это домыслы поздних авторов, но возможно также и то, что они передают какую-то традицию из прошлого. Нет ничего невозможного в том, что в древнейшие времена греки сражались дубинами и палицами, подобно тем племенам, о которых писал Тацит (Germ., 45). Предание о Геракле, имеющее несомненно древние корни,⁵ изображает его вооруженным типично варварским оружием — дубиной и луком со стрелами. Кроме того, Аристотель без тени удивления сообщает, что Писистрат получил себе охрану из дубинщиков (Ath. Pol., 14, 1—2). Таким образом, фаланга — «дерево» могла обозначать изначально как отряд дубинщиков, так и саму дубину — кусок дерева, которую затем сменило опять-таки деревянное копье. К тому же, воинов могли когда-то считать по древкам (=«палкам»), подобно тому, как в иные времена отряды исчислялись в «штыках» или в «стволах». Для понимания смыслового значения фаланги важен еще один аспект: у Гомера фаланга всегда означает тесное сплочение, которое сравнивается с тем, как сплочены камни в стене-ограде (II. XVI, 212—217), причем не только воины, но и звероловы выступают «фалангой, крепкой как башня» (II. XII, 43). В этой связи представляет интерес одно место у Полиена, где от слова «фаланга» употреблен глагол в форме причастия, который означает слаженные действия воинов, не воюющих, но с помощью палок или бревен перетаскивающих ко-

² Snodgrass A. The hoplite reform and history // JHS. LXXV. 1965. P. 110—111; Latacz J. Kampfparänese, Kampfdarstellung und Kampfwirklichkeit in der Ilias, bei Kallinos und Tyrtaios. Münch., 1977. S. 25, 35—36; Welwei K.-W. Athen: von neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis, Darmstadt, 1992. S. 130.

³ Cartledge P. Hoplites and heroes... P. 19—20.

⁴ Welwei K.-W. Athen... S. 130.

⁵ Зайцев А. И. Геракл // Мифы народов мира. Т. I. М., 1991. С. 282.

рабли: τοῦτον οἱ στρατιῶται ἐύλοισ φάλαγγάσαντες ὑπερέννεον ἐγδοῦκοντα τριῖρες ἡμέρα μί (Pol. Strat. V, 2, 6). Из сказанного видно, что фаланга — это сплоченный строй, действующий максимально слаженно, как одно целое. Следовательно, смысловое поле слова «фаланга» могло включать в себя два понятийных момента: 1) деревянное оружие, или древко копья, и 2) уподобление боевого построения деревянному бруску, или дубине, в смысле монолитности и слаженности этого строя, подобно тому, как боевой порядок немецких рыцарей по уподоблению был назван «свиньей», или «клином».

Однако, чтобы отделить фалангу от нефаланги, необходимо проследить за употреблением этого термина. В Гомеровском словаре для обозначения строя используются два слова: *φάλαγξ* и *στίχες*⁶, причем практически всегда только во множественном числе.⁷ Это говорит о том, что не было еще единого общего строя, который имел бы и одно название. Этимология обоих слов показывает, что они не столько несут информацию о боевом порядке греков, сколько выражают некий архетип, а именно идею построения воинов плотным, упорядоченным строем. Гомеровские греки не имели единого войска, но строились по племенам со своими вождями, а также по фратриям и филам (II. II, 362),⁸ причем каждое такое племенное войско могло выступать автономно, о чем свидетельствует, в частности, пример Ахилла и его мирмидонян. Отсюда становится понятным и употребление слова «фаланга» во множественном числе.

В классическую эпоху смысл слова не поменялся, но наполнился новым содержанием. Закрепилось единственное число, поскольку появилось и то явление, которое по совокупности технических, тактических и социально-психологических характеристик мы называем греческой фалангой. Однако следует отметить, что такое понимание фаланги есть результат нашей классификации, поскольку сами греки воспринимали это слово гораздо шире и не выделяли технические особенности своего построения — их это не интересовало. Для них главное значение имел тот древний архетип, по которому фаланга — это вообще сомкнутый строй пехотинцев. Так, например, Ксе-

* По мнению Э. Д. Фролова, высказанному им в личной беседе, возможен еще один момент: фаланга может переключаться и с темой *στίχες*, что вызывает зрительный гомеровский образ: фаланги идут как бревна катятся или лежат одно за другим рядами.

⁶ Albracht F. Kampf und Kampfdarstellung bei Homer. Naumburg, 1886. S. 12; Latacz J. Kampfparänese... S. 49; *στίχες* — ряд воинов, вообще людей и предметов.

⁷ Lammert F. Phalanx (2). RE. Bd XIX. Hlbd. 38. 1938. Sp. 1625.

⁸ Albracht F. Kampf... S. 6—7; Welwei K.-W. Athen... S. 116—117; Kromayer V. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 23. — Этот принцип действовал и много позднее: см. Her. VI, 111; VII, 212.

нофонт называет египетских воинов с длинными до пят деревянными щитами, гоплитами (Anab. I, 89), хотя понятно, что они не имели ничего общего с греческими гоплитами. Следуя этой же логике, ниже он использует слово «фаланга» для обозначения обоих войск — варварского и греческого: «...τέτταρα-στάδια διαίχεται τὴν τῷ φάλαγγε ἀπ' ἀλλήλων...» (Anab. I, 8, 17). По тому же принципу и Цезарь позднее называл фалангой боевые построения галлов (B. G., I, 24,5; 52,5). Для нас же очевидно, что варварское войско и греческая фаланга — совсем не одно и то же. Классическая фаланга — это прежде всего унифицированное вооружение одного образца и определенный принцип построения по фронту и в глубину, а также особая тактика, имеющая целью сохранение ровного и цельного строя во время боя и основанная на дисциплине, выучке и особой психологии. В этом плотном строю, плечом к плечу, каждый знает свое место (см.: Нег. IX, 72; Хеп. Anab. I, 8, 4), все вместе держат линию фронта, даже при беге (Хеп. Anab. I, 8, 18), и идут, сомкнув щиты. Спартанцы, например, держали строй, идя в ногу под звуки флейты (Thuc. V, 70, 1). Сохранить в бою ровный и цельный строй — задача чрезвычайно важная, поскольку в этом заключался залог победы. Не случайно Фукидид писал, что для каждого воина в фаланге тем безопаснее положение, чем плотнее сомкнуты ряды (Thuc. V, 71,1). К такому построению, как нельзя лучше, подходят слова Тиртея: πῶδα παρ' ποδὶ θείης καὶ ἐπ' ἀσπίδος ἀσπί' ἐρείσας (фр. 9, 31 Hiller). Варвары также пытались сохранить строй, но весьма наивными и неэффективными способами: так, воины первых рядов у кимвров во время битвы с Марием были связаны друг с другом цепями (Plut. Mar. 27). Решить эту задачу смогла только греческая фаланга на основе единого вооружения, дисциплины и выучки. Итак, фаланга есть воплощение коллективной организации греков на поле боя. Однако, что привело их к такой организации?

Очевидно, истоки следует искать еще в гомеровские времена, а точнее — в конце VIII в. до н. э. Нашими источниками здесь являются гомеровский текст и археология. На основании этих данных большинство исследователей характеризуют «гомеровский» бой как неупорядоченную серию поединков героев-аристократов, выступающих на фоне массы рядовых легковооруженных воинов, играющих вспомогательную роль в битве.⁹ В противовес этой устоявшейся концепции выдвигается мнение, согласно которому уже в гомеровских описаниях представлена фаланга, а герои, сражающиеся впереди (πρόμαχοι), во-

⁹ Cybulski S. Das Kriegswesen der alten Griechen. Leipzig, 1901. S. 24; Kromayer V. Heerwesen... S. 23; Nilsson M. P. Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // Klio. 1928. Hf. 3. S. 240; Cartledge P. Hoplites and Heroes... P. 18; Lorimer H. L. The hoplite Phalanx... P. 80—130; Snodgrass A. Archaic Greece... P. 101—102.

все не герон, а воины первого ряда фаланги.¹⁰ Выразитель этого мнения И. Латац опирается исключительно на гомеровскую филологию и декларативно отказывается от археологии,¹¹ что уже само по себе неверно. К тому же, гомеровский текст отнюдь не поддается однозначной расшифровке, но допускает различные толкования. С помощью той же филологии убедительно доказывается и правдоподобие столь реалистично описанных Гомером батальных сцен, которые И. Латац предлагает толковать, исходя не из их буквального понимания, а из им самим предложенного контекста, как, например, в случае с *πρόμαχοι*. Если называть фалангой, как это делали сами греки, просто сомкнутый строй пехотинцев, то она действительно описана у Гомера, но это весьма далеко от классической фаланги, для которой немыслимо использование разнородного оружия в строю и колесниц вперемешку с пехотой, что так хорошо представлено в эпосе.¹²

У Гомера колесницы служат в качестве престижного средства передвижения аристократии, ее гордости, почетной добычи и способа состязаний (II. XII, 110—115; XI, 328; X, 504—513; XXIII, 262—652). Герон разъезжают среди войск на колесницах, выдвигаются к месту боя, а затем, поручив колесницу возничему, пешими вступают в бой (II., XII, 84 sqq.; XIII, 336 sqq.). Функционально колесницы используются только при бегстве или преследовании. Мы не склонны разделять скептицизм П. Гринхола, считающего гомеровские колесницы не более как поэтическими реминисценциями из прошлого.¹³ Должно отметить, что слишком часто для простых реминисценций колесницы изображаются в эпосе и в геометрическом искусстве, причем с такой технической точностью, которая позволяет самому же П. Гринхолу их классифицировать.¹⁴ Уже достаточно много сказано и по-прежнему говорится о соответствии между гомеровским эпосом и гомеровским искусством.¹⁵ К этому следует добавить только, что древнегреческое искусство, отражая всегда реалии своего времени, также и сюжеты на темы прошлого, облекало в современную ему материальную форму. Так, например, эпические герои на вазах VII в. до н. э. изображены в доспехах VII в., а на вазах V в. — в доспехах классического образца. Дипилонское искусство ориентирова-

¹⁰ Latacz J. Kampfparänese... S. 30—43.

¹¹ Albracht F. Kampf... S. 12.

¹² Ibid. S. 16.

¹³ Greenhalgh P. A. L. Early Greek warfare. Horsemen and chariots in the homeric and archaic ages. Cambridge. 1973. P. 42; 52—53; 61—62; 73.

¹⁴ Ibid. P. 20—25.

¹⁵ Whitman C. H. Homer and the heroic tradition. Cambridge, 1958. P. 91—101; Webster T. B. L. Homer and Attic geometric vases // ABSA. Vol. 50. 1955. P. 38—50; Patzek B. Homer und Mykene. München, 1992. S. 157; Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 277—279.

лось на общественно-политический престиж знати,¹⁶ служа которой, оно не могло не использовать символы зримые и понятные всем современникам. Последние исследования показывают, что и гомеровская поэзия, создавая фиктивную эпическую реальность, оперировала действительными реалиями, достоверными для аудитории.¹⁷

Итак, мы рассматриваем батальные сцены на диллонских вазах как серьезное подтверждение адекватности гомеровских описаний боя, построенных из типичных блоков и комбинаций,¹⁸ что вполне соответствует канонам геометрического искусства, тематика которого близка к эпической тематике. Диллонские боевые сцены почти буквально иллюстрируют гомеровские описания,¹⁹ особенно в изображении колесниц, показанных согласно гомеровскому способу их применения. Архаизированный контекст, в который вписаны колесницы у Гомера,²⁰ ничего не доказывает, поскольку архаизация — типичный прием эпической поэзии²¹ и может указывать здесь только на давнюю традицию применения колесниц и отголоски прошлого. Ни эпос, ни диллонское искусство не воспроизводят, как можно было бы ожидать, канувшую в лету микенскую или современную им ближневосточную колесничную тактику, но они демонстрируют свой вариант, единственно возможный в греческих условиях. В Микенах и на Востоке колесница была не средством престижа отдельных героев, но составляла особый род войск, возможный только при централизованной государственной организации. Поэтому у греков в эпосе и на вазах мы видим не несущиеся массы колесниц с лучниками и метателями дротиков в них, как на Востоке, но отдельные колесницы в статичном положении и с тяжеловооруженными воинами в них. Господство этих воинов-героев на поле боя определялось отнюдь не колесницами, но их боевой выучкой и превосходством в вооружении. Так, например, бронзовые панцири имели в эпосе только лучшие герои ахейцев и троянцев,²² а остальное их вооружение по качеству значительно превосходило снаряжение рядовых воинов (ср.: II, XIII, 160—XIII 405 и др.), что делало героев почти недостижимыми и страшными для про-

¹⁶ Himmelmann N. *Über bildende Kunst in homerische Gesellschaft*. Mainz, 1969. S. 35.

¹⁷ Patzek B. *Homer...* S. 151—152.

¹⁸ Fenik B. *Typical battle scenes in the Iliad* // *Hermes*. Hf. 21. 1968. P. 229.

¹⁹ О совпадении сцен погребения см.: Webster T. B. *L. Homer...* P. 46—47.

²⁰ Greenhalgh P. A. L. *Early greek warfare...* P. 37, 42; Андреев Ю. В. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. Л., 1976. С. 11.

²¹ Patzek B. *Homer...* S. 145—161; Андреев Ю. В. *Об историзме гомеровского эпоса* // ВДИ. 1984. № 4. С. 8.

²² Reichel W. *Homerische Waffen* // *Abhandlungen des archäologischen-epigraphischen Seminars der Universität Wien*. Wien, 1894. Hf. XI. S. 85—86.

стых воинов. В результате бой из поединков между аристократами мог превращаться в избиение ими рядовых пехотинцев (II, V 611 sqq.; XVI 395 sqq.; XXI 1—30). Важным подспорьем в этом служили им колесницы, позволявшие быстро передвигаться по полю боя.

Итак, гомеровский тип боя исключает существование фаланги, но возникает вопрос: с чего все-таки начинать отсчет? Традиционная точка зрения, как сказано выше, за основу берет появление гоплитского комплекта вооружения в самом конце VIII в. до н. э. Однако это еще не создало сразу готовую фалангу, которая появилась только где-то во 2-й четверти VII в. до н. э. На последних диллонских вазах уже заметна унификация вооружения и, в частности, переход к круглым щитам, но еще встречаются и другие формы щитов, а главное, по-прежнему изображаются боевые колесницы с воинами в них, что говорит об отсутствии необходимых условий для фаланги, технические предпосылки для которой уже были налицо. Поэтому исчезновение колесниц с поля боя может служить точкой отсчета для начала революции в военном деле. Колесницы, этот атрибут знати, исчезли в самом конце VIII в. до н. э. вместе с помпезными аристократическими диллонскими вазами. Тогда же на более демократичных вазах нового стиля появились первые изображения всадников.²³ Что же заставило знать покинуть колесницы в первых рядах и пересесть на коней? Два рода факторов должны были привести к такому итогу. Во-первых, это утрата аристократией своего превосходства на поле боя в результате целого ряда демографических и социально-экономических процессов, приведших к распространению гоплитского вооружения среди массы рядовых общинников, улучшивших свою экипировку и организацию. Это заставило знать искать выход, который и был найден с появлением конницы. Конь обеспечивал аристократу военное преимущество и соответствовал его престижному статусу, а колесница стала с тех пор исключительно роскошью и средством престижных состязаний. Во-вторых, к такому решению мог побуждать и опыт каких-нибудь конкретных компаний, в которых могла выявиться эффективность конницы в бою.

Здесь в орбиту нашего внимания неизбежно попадает так называемая Лелантская война, закончившаяся где-то на рубеже VIII—VII вв. до н. э.²⁴ Эта война может служить историческим примером войны «гомеровского» типа, ведущейся согласно описанной в эпосе тактике. Эта война имела аристо-

²³ См.: Greenhalgh P. A. L. *Early greek warfare...* P. 49, 50. 87; Coldstream J. N. *Geometric Greece*. New York, 1977. P. 172.

²⁴ Jeffery L. H. *Archaic Greece. The city-states c. 700—500 B. C.* London, 1976. P. 64—67; Popham M. R., Sacrett L. H. *Excavations at Leikahdi, Euboea*. London, 1968. P. 3—4, 33, 35; Tausend K. *Lelantische Krieg—ein Mythos? // Klio*. 1987. N 2. S. 501.

кратический имидж в традиции²⁵ и велась силами аристократии, как местной, так и из других городов Эллады. Главная особенность войны — соглашение обеих сторон о запрете на применение метательного оружия (Archil. 1, 2—3 Diehl.; Strab. X, 1, 11 sqq.). Этот запрет соответствует аристократическому кодексу чести, согласно которому настоящий герой должен добывать себе славу, сражаясь в ближнем бою тяжелым копьем или мечом, а метательное оружие, не требующее силы и храбрости, — удел трусов и «худших» людей из народа. Это убеждение было составной частью рыцарского этоса как в античности, так и в средние века.²⁶ Такие мотивы мы находим у Гомера (II, V 215 sqq.; XI 384 sqq.; XV 472 sqq.), Архилоха (fr. 1, 2—3 Diehl) и Тиртея (fr. 9, 28 Hiller). Примечательно, что этот кодекс оружия унаследовала затем фаланга, идеология которой признавала тяжелое гоплитское вооружение только за полноправными гражданами (Thuc. VIII, 97. 1), оставляя легкое оружие низшим слоям населения, прежде всего метекам. Поэтому метательное оружие долго оставалось непопулярным в Греции (Paus. I, 23, 4).²⁷ Учитывая такой характер Лелантской войны, особый интерес представляет для нас ее конец. Согласно традиции, исход войны решила фессалийская аристократическая конница, пришедшая на помощь халкидянам (Plut. Mor. 17, 760 e sqq.).

Можно представить себе резонанс этого события, так как с этого времени, т. е. с начала VII в. до н. э., конница распространяется по всей Греции. Искусство тут же откликнулось на это явление: вазовая живопись теперь изобилует изображениями конных воинов, которые позднее уступили в популярности гоплитам. Началась эра господства аристократической конницы, которая хотя и была непродолжительной, но оставила яркий след в историческом сознании греков, что выразилось, например, в слиянии понятий всадничества и аристократии (ἵππεῖς ἰπποβοῖται),²⁸ и в знаменитом тезисе Аристотеля о связи преобладания конницы с господством знати (Pol. IV, 2. 1289 B, 36—40; IV. 10. 1297 B, 16 sqq.). Из его слов видно также, что в Эретрии и в Халкиде после войны установились всаднические олигархии (Pol. V. 5. 1306 a 35 sqq; IV. 2. 1789 b 36 sqq.; так же — Нег. V, 77; VI, 100). Тем самым Аристотель засвидетельствовал универсальную взаимосвязь между социально-политической структурой общества и его военной организацией. О том, как блистала в то время конница, можно заключить из слов Страбона о колофонской коннице, непобедимость которой вошла в

²⁵ См. об этом: Nilsson M. P. Die Hoplitentaktik... S. 244.

²⁶ Sandstrom O. R. A study of the ethical principles and practices of homeric warfare. Philadelphia, 1924; Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1983. С. 499.

²⁷ См.: Snodgrass A. Archaic Greece... P. 151.

²⁸ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 109.

поговорку (Strab. XIV, 643, 28). Исторический опыт всех времен свидетельствует, что противостоять кавалерии способна только высокоорганизованная и дисциплинированная пехота в плотном строю. Печальный для пехоты опыт Лелантской войны подтвердил это. Поэтому естественным ответом греческой пехоты было сплочение рядов и организации строя на основе уже достигнутой стандартизации вооружения, постепенно доведенной до полной монолитности.

Так родилась фаланга, важнейшими предпосылками которой были господство аристократической конницы и унификация тяжелого пехотного вооружения, доступного для массы рядовых воинов.²⁹ С появлением фаланги роль конницы сошла на нет и свелась к вспомогательным функциям (см. Her. IX, 68; Thuc. II, 79; IV, 44). Этот переворот Аристотель также связывал с политическим развитием общества, утверждая, что первоначально у греков господствовала конница по причине бесполезности и неорганизованности тяжелой пехоты, но с ростом государства последняя заняла ведущее положение, что повлекло за собой участие в государственном управлении большего числа граждан (Pol. IV. 10, 1297 b, 16—24). Здесь Аристотель прямо говорит о влиянии пехоты, т. е. фаланги, на государственное развитие в сторону демократии.

Но что же все-таки послужило решающим фактором в этом процессе? Все рассмотренные нами предпосылки носят чисто технический характер, и сами по себе они еще не создают фаланги, ведь при наличии всех данных конница была основной военной силой и, господствуя на поле боя, могла препятствовать организации пехоты. Для этого нужен был толчок, который вовлек бы всю пехоту, т. е. массу рядовых общинников, в военное дело. Таким толчком мы считаем социальную ситуацию в каждом конкретном случае, согласно которой и время появления фаланги варьируется от полиса к полису.³⁰ Аристотель называет здесь социальное развитие «ростом государства». Хронологически на этот период приходится явление тирании, с которой, как отмечают многие исследователи, связано возникновение фаланги.³¹ Согласно традиции, гоппитский щит появился впервые в Аргосе, где вслед за тем и родилась фаланга при тирани Фидоне,³² впервые применившем ее в 669 г. до н. э. в битве при Гисиях,³³ которая принесла Фидону победу, а фаланге славу, способству-

²⁹ О доступности вооружения см.: Там же. С. 116; ср. также: Яйленко В. П. Арханская Греция // Античная Греция. Ч. 1. М., 1983. С. 171.

³⁰ Cartledge P. Hoplites and heroes... P. 20.

³¹ Salmon J. Political hoplites? // JHS. XCVII. 1977. P. 92—101; Nilsson M. P. Die Hoplitentaktik... S. 246; Andrewes A. The Greek tyrants. New York, 1963. P. 133—136; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса... С. 118.

³² Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 133—136.

³³ Salmon J. Political hoplites? P. 93.

щую ее распространению в других полисах. Там, где вслед за Аргосом возникла фаланга, ее появление также было связано с тиранами: Кипселом в Коринфе и Орфагором в Сикионе,³⁴ и только в Спарте имел место специфический путь развития.³⁵ Мы не склонны рассматривать эти факты как отрицание демократического характера фаланги.³⁶ Действительно, тираны часто начинали карьеру на военном поприще, обычно в должности полемарха (FgrHist N. 90, 57),³⁷ но это, на наш взгляд, говорит скорее об изначально демократической ориентации тиранов, ищущих поддержки у демоса в своей борьбе за власть. В этой борьбе, используя антагонизм между знатью и демосом, тираны выдавали себя за сторонников народа и выступали против аристократии. Аристотель недвусмысленно говорит и приводит примеры тому, что тираны выдвигались народом именно против знати (Pol. V. 8. 1310 b 2—30) и добивались поддержки демоса, вступив в борьбу с нею (Pol. V. 4. 1305 a 10—28).

Таким образом, социальные противоречия и внутривнутриполитическая борьба выдвигали личность военного лидера, противопоставившего мощь тяжелой пехоты-демоса аристократической коннице. Из этого противостояния и родилась фаланга как организация пехоты, способная отразить кавалерию, что исторически ярче всего подтвердилось в Греко-персидских войнах (см.: Нег. IX, 22 sqq.). Следовательно, социально-политическая ситуация и была тем фактором, который реализовал все имеющиеся военно-технические предпосылки, воплотив их в фалангу.

Результат этого был огромен: конница превратилась в придаток пехоты с чисто вспомогательными функциями (см.: Нег. IX, 68; Thuc. II, 79; IV. 44). Потеряв военное господство, аристократия потеряла и политическое, и была вынуждена теперь маршировать в фаланге,³⁸ что тут же отразилось в вазовой живописи.³⁹ В Греко-персидских войнах греческая конница уже не фигурирует. Так совершился переход от эпохи военно-политического господства конной знати, способной самостоятельно вести локальные войны, подобно роду Фабиев в Риме (T. Liv. II, 48, 8—50; Dion. Hal. IX. 15), к эпохе тяжелой пехоты-демоса, через стадию тирании. Вместе с тем военная революция совпала с политической, ознаменовав тем самым переломный момент в истории.

До сих пор мы говорили о всеобщих тенденциях, теперь

³⁴ Ibid. P. 97—99.

³⁵ Ibid. P. 99.

³⁶ Ibid. P. 95—101.

³⁷ Ibid. P. 97.

³⁸ Weiwei K.-W. Athen... S. 183.

³⁹ См. иллюстрации: Greenhalgh P. A. L. Early Greek warfare... P. 56, 117.

вкратце посмотрим, как они развивались конкретно в условиях Аттики. Эпоха «гомеровского» боя здесь хорошо представлена на дипилонских сосудах. Конница появляется в Аттике тогда же, когда и в Пелопоннесе, — в самом конце VIII в. до н. э.⁴⁰ Примечательно, что начало эпохи конницы в Аттике совпадает с переходом к годичной системе архонства в начале VII в., что само по себе означает сдвиг в сторону политической демократизации и коллективной власти всего слоя конной аристократии, безраздельно царящей на поле боя. Следующая, переходная стадия отразилась на рисунках протоаттического стиля, на которых видно уже гоплитское снаряжение, но бой ведется по-прежнему «гомеровским» способом и представлен поединками.⁴¹ На одной вазе изображена «протофаланга» — ряд гоплитов в строю, который отличается от фаланги разнообразием в наступательном оружии.⁴² Это гораздо более высокая организация пехоты по сравнению с гомеровской эпохой, но еще не строгая фаланга, хотя унификация вооружения уже совершилась. Первые изображения фаланги в Аттике появились в первой половине VI в. до н. э. Очевидно, что сама фаланга возникла здесь незадолго до этого, но чуть ли не на столетие позже, чем в Пелопоннесе.

Таким образом, военное отставание Аттики совпало с политическим, что опять-таки подтверждает взаимообусловленность обоих процессов и показывает решающее значение политического фактора для образования фаланги при наличии технических предпосылок. Наличие гоплитского унифицированного вооружения в «протофаланге» говорит о том, что Аттика отставала не в технической части военного дела, но в социально-политическом развитии. Пелопоннес уже давно узнал явление тирании, катализировавшей многие процессы, в том числе и формирование фаланги, а Аттика по-прежнему жила в условиях «аристократической республики», военным выражением которой служит кавалерия. Наилучшим примером такого соответствия является Фессалия со своей знаменитой конницей.

Первой политической встряской в Афинах была Килонова смута, поставившая к оружию и простой народ (Her. V, 71; Thuc. I, 12, 6, 8; Aristoph. Equit., 447). Следующим этапом стала борьба за Саламин, когда Солон агитацией на площади поднял афинян на войну (Plut. Sol. VIII; Diog. L., I, 46). Здесь не важно, было ли это заслугой самого Солона,⁴³ но важна суть: военное движение началось «снизу», с агоры, которая именно тогда, в начале VI в. до н. э., начала организовываться как

⁴⁰ См.: *ibid.* P. 49—51.

⁴¹ Ср.: Snodgrass A. *Archaic Greece*. fig. 10; Lorimer H. L. *The hoplite phalanx*... P. 86.

⁴² Lorimer H. L. *The hoplite phalanx*... P. 90.

⁴³ См.: Welwei K.-W. *Athen*... S. 147.

политический центр полиса.⁴⁴ Как мы уже выяснили, именно военно-политическая активность демоса привела к образованию фаланги. Можно предполагать ее появление в Аттике уже в это время, но, конечно, все эти процессы достигли кульминации во время смуты, предшествовавшей архонтству Солона, когда демос открыто противопоставил свою военную силу аристократии. Видимо, тогда и заявила о себе афинская фаланга. Связь солоновской цензовой системы с военной организацией, а точнее с фалангой, признается теперь большинством авторов.⁴⁵ Солон не создал, но только юридически оформил уже сложившуюся организацию. Примечательно, что второй состоятельный класс назван им всадниками, что подразумевает его аристократическое происхождение, а средний класс — зевгитами, т. е. стоящими вместе в одном строю,⁴⁶ что подразумевает фалангу демоса. Оформление фаланги при Солоне было важной частью его социальной программы, направленной на консолидацию гражданского коллектива под эгидой идеи полисного порядка.⁴⁷ В русле этой тенденции находится и его закон, карающий за уклонение от воинской службы — νόμος ἀστρατείας (Aesch. 3, 175; Dem. 24. 103).

Итак, с архонтства Солона можно твердо фиксировать наличие в Афинах классической фаланги с установленным законом принципом ее организации. Вскоре на афинских вазах появляются изображения фаланги, в которой знать спешившись марширует вместе со всеми.⁴⁸ Изображения всадников фигурируют еще вплоть до конца VI в., но после падения тирании почти полностью исчезают,⁴⁹ что хронологически совпадает с победой демократии и означает окончательное торжество гоплитской пехоты над аристократической конницей. По своему на истории аттической фаланги отразилась эпоха тирании. Здесь, в отличие от других полисов, катализатором выступала не тирания, но, задолго до нее, социальная напряженность и смута. Писистрат же начал свой путь к тирании традиционно, обратившись за помощью к демосу, которую он и получил в виде телохранителей и моральной поддержки (Her. I, 59; Arist. Ath. Pol. 14, 1 sqq.; Plut. Sol. 30). До этого он уже успел прославиться на военном поприще (Her. I, 69; Arist.

⁴⁴ Ibid. S. 214.

⁴⁵ Andrewes A. The Greek tyrants. P. 87; Bengtson H. Griechische Geschichte von der Anfängen bis in die Römische Kaiserzeit. München, 1977. S. 124; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 93, 107. — Исторической аналогией может служить реформа Сервия Туллия в Риме, также установившая соответствие между цензом и военной службой (см.: T. Liv. I. 43).

⁴⁶ Whitehead D. The Archaic-Athenian ΖΕΥΓΙΤΑΙ // CQ. 75. 1981. P. 281—286.

⁴⁷ Welwei K.-W. Athen... S. 180.

⁴⁸ Greenhalgh P. A. L. Early Greek warfare... P. 56, 117.

⁴⁹ Ibid. P. 112—130.

Ath. Pol. 14, 1) и, выступив защитником бедных, вполне подходил для роли народного лидера. Придя к власти, он, по сообщению Аристотеля (Ath. Pol. 15. 4), разоружил народ. Этот рассказ о разоружении не только внутренне противоречив,⁵⁰ но и анекдотичен, поскольку очевидно, что незаметно унести железные доспехи за спинами массы людей в народном собрании практически невозможно. Данный анекдот неизвестен ранней традиции — его нет у Геродота, охочего до всякого рода историй; он больше напоминает рассказы поздней традиции о тиранах греческого Запада⁵¹ и представляется нам недостоверным.⁵² Невозможно представить, чтобы фаланга дала себя спокойно обезоружить: это было немыслимо в обществе, в котором каждый гражданин был воином, политический статус которого определялся его местом в строю. Писистрат обеспечивал себе безопасность другими методами: он вел популистскую политику и старался максимально занять работой и рассредоточить опасное социальным взрывом бедное население (Arist. Ath. Pol. 15.4—16.5). Для политической стабильности ему достаточно было либо не созывать народное собрание, т. е. ополчение граждан, либо запретить являться на него с оружием, как это сделал Харонд в Катане (Diod. XII, 19). Таким образом, факт отсутствия фаланги может быть объяснен либо простым запретом, либо отсутствием мобилизации,⁵³ так как для личных и государственных нужд тирану вполне хватало наемников. К тому же в вазовом искусстве Аттики на протяжении всей эпохи тирании постоянно встречаются изображения пеших и конных гоплитов и поединков, причем особенно популярен мотив прощания гоплита с родными, в то время как изображения целой фаланги практически отсутствуют.⁵⁴ Итак, в период тирании фаланга не исчезла, но оставалась немобилизованным потенциалом, который блестяще раскрылся после падения тирании: сперва при осаде Гиппия (Heg. V, 64 sqq.; Arist. Ath. Pol. 19. 5), затем при осаде Исагора (Heg. V, 72; Arist. Ath. Pol. 20, 3) и, наконец, сразу в двух победных войнах с беотийцами и халкидянами (Heg. V. 77). С реформ Клизфена началась эпоха военного и политического господства фаланги — демоса в Афинах.⁵⁵

⁵⁰ См.: Welwei K.-W. Athen... S. 230—231.

⁵¹ Endt J. Die Quellen des Aristoteles in der Beschreibung des Tyrannen // Wiener Studien. XXIV. 1902. I. 41; Скржинская М. В. Устная традиция о Писистрате // ВДИ. 1969. № 4. С. 83—85.

⁵² См. также: Welwei K.-W. Athen... S. 231.

⁵³ Welwei K.-W. Athen... S. 231.

⁵⁴ Greenhalgh P. A. L. Early Greek warfare... P. 62—63, 114, 120, 123, 126.

⁵⁵ Примечательно, что в истории архаической Аттики также проявилась военная мощь фаланги, когда спартанская фаланга разбила фессалийскую конницу, пришедшую на помощь тирану, что и положило конец тирании в Афинах (Arist. Ath. Pol. 19, 5).

Таким образом, история фаланги в Аттике дает пример своеобразного развития, в котором тем не менее воплотились общегреческие закономерности. Важнейшей такой закономерностью является взаимосвязь между военной и социальной организациями полисного коллектива. В социуме, изначально являющемся общиной воинов (а затем уже земледельцев), социальный статус каждого члена определялся его местом и качеством в строю и на поле боя, и, наоборот, политическому статусу соответствовал военный статус. В таком обществе военно-технические и социально-политические процессы не только взаимовлияли, но и взаимообуславливали друг друга. В результате сложного переплетения этих процессов и родилась фаланга как военная организация демоса, ставшая адекватной моделью полиса или проекцией его социальной структуры в военной сфере.⁵⁶ К этому привел параллельный рост военного и политического могущества демоса. Фалангу породили социальные явления арханческого полиса, но, когда она сформировалась в законченную военную систему, она сама стала социально-политическим явлением со своей идеологией, воплощением чего стало народное собрание, архетипом которого была древняя сходка воинов. Политическая организованность, самодостаточность и целостность фаланги лучше всего проявились в знаменитом походе десяти тысяч греческих наемников, которые в критической ситуации политически организовались в своеобразный фаланговый полис (Хер. Анаб. V, 6, 15 sqq; VI, 4, 1, sqq).⁵⁷

Таким образом, именно в фаланге произошло полное слияние политической и военной структур полиса. Статус гражданина был неотделим от места в строю фаланги, которая стала опорой и воплощением демократии. Включение аристократической конницы в общий пеший строй означало победу коллективистского принципа, а связь политического статуса с местом в строю была зафиксирована в названиях ценовых классов всадников и зевгитов. Эти названия выражают важнейшие характеристики этих классов и свидетельствуют о примате военной шкалы ценностей в политической системе, внешним выражением которой была фаланга.

⁵⁶ Общую оценку фаланги см.: Nilsson M. P. *Die Hoplitentaktik...* S. 245 ff; Detienne M. *La phalange: problèmes et controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris; La Haye, 1968. P. 119—142; Bengtson H. GG. S. 110 ff; Jeffery L. *Archaic Greece...* P. 67 ff; Welwei K.-W. *Athen...* S. 131; Яйленко В. П. *Арханческая Греция...* С. 171—173; Кошеленко Г. А. *Древнегреческий полис // Античная Греция*. Ч. 1. М., 1983. С. 9—36; Фролов Э. Д. *Рождение греческого полиса*. С. 116—118.

⁵⁷ См. об этом: Фролов Э. Д. *Рождение греческого полиса*. С. 7

МЕГАРИДА И БЕОТИЯ: К ПРОБЛЕМЕ РАННИХ КОНТАКТОВ

В истории ранних Мегар есть немало вопросов, уже в древности вызывавших оживленную дискуссию и самые противоречивые суждения. В дошедшей до нас литературной традиции встречаются отголоски различных, порой взаимоисключающих версий, предложенных представителями разных исторических школ. В то время как местные мегарские историки (Диевхид, Герей и другие, неизвестные нам «мегарские писатели») изображали прошлое Мегар, руководствуясь патриотическими соображениями, афинские и проафински настроенные авторы часто давали иную версию событий, соответствующую интересам Афин. В традиции есть также указания на расхождения в мегарских и беотийских источниках. Противоречия в античной традиции породили дискуссию и в современной историографии. В научной литературе прошлого столетия получило широкое распространение представление о ранней Мегариде как о части афинской территории.¹ Отголоски этого взгляда можно встретить и в некоторых работах XX в.² Вместе с тем в последнее время получила распространение и так называемая «беотийская теория», согласно которой Мегарида во II тыс. до н. э. имела тесные связи с Беотией. Эта точка зрения, высказанная впервые У. Виламовицем,³ была наиболее полно и всесторонне обоснована К. Ганелем.⁴ Отдельные положения этой теории и, в частности, тезис о зависимости Мегариды от Беотии в микенское время требуют, на наш взгляд, специального рассмотрения. В связи с этим обратимся к источникам, содержащим информацию по данному вопросу.

В посвященных Мегарам главах Павсания есть несколько сообщений о ранних связях Мегариды и Беотии. Изложив местную мегарскую версию происхождения названия Мегар, Павсаний продолжает: «Беотийцы же говорят, что живший в Онхесте Мегарей сын Посейдона прибыл с беотийским войском, чтобы вместе с Нисом вести войну против Миноса. Он пал в

© Л. А. Пальцева

¹ Busolt G. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd 1. Gotha, 1893. S. 220 f.; Beloch J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd 1. Abt. 1. Berlin, 1924. S. 142; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Bd II. Abt. 1. Stuttgart; Berlin, 1928. S. 286 f.

² Meyer Ernst. Megara // RE. Bd XV. Hbbd. 29. Stuttgart. 1931. Sp. 181.

³ Wilamowitz von Moellendorf U. Homerische Untersuchungen. Berlin, 1894. S. 252.

⁴ Hanell K. Megarische Studien. Lund. 1934. S. 23 ff. — Позднее эта точка зрения была поддержана М. Н. Ботвинником. См.: Ботвинник М. Н. Из древнейшей истории Мегар // Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 251. Сер. истор. наук. Вып. 28. Л., 1958. С. 35 сл.

сражении и был здесь похоронен, а город, называвшийся прежде Нисой, по его имени получил название Мегары» (Paus., I, 39, 5). В другом месте, описывая достопримечательности акрополя Алкафоя, Павсаний упоминает «памятник Мегарея, пришедшего из Онхеста во время похода критян в качестве союзника» (Paus., I, 42, 1). Здесь так же, как и в первом случае, используется беотийская традиция, поскольку, как неоднократно отмечает Павсаний, сами мегаряне предпочитали умалчивать о войне с Миносом (Paus., I, 39, 6; 41, 5—6).⁵

В Мегарах существовала другая легенда о Мегарее. Согласно мегарской версии, Мегарей, сын Посейдона, женился на Ифиное, дочери царя Ниса, и унаследовал от него царскую власть в Мегарах (Paus., I, 39, 6).

Элементом, объединяющим беотийскую и мегарскую традиции, представленные Павсанием, является то, что обе они связывают Мегарея с Посейдоном. Другие авторы возводят Мегарея к герою Онхесту сыну Посейдона, эпониму одноименного беотийского города (Ovid. *Metamorph.* X, 605 f.; Plut. *Quest. Gr.*, 16; ср.: Paus., IX, 26, 5; Steph. Byz. s. v. Κῶται). Это еще раз показывает, насколько прочно Мегарей ассоциировался в сознании древних с Беотией.⁶ Еще одна традиция связывала Мегарея с Гиппоменом, героем беотийской легенды об Аталанте.⁷

Сохраненные Павсанием традиции о Мегарее имеют вместе с тем существенное расхождение в основном пункте. Согласно беотийской версии, пребывание Мегарея в Мегарах было кратковременным. Он прибыл сюда, чтобы оказать помощь Нису в войне с критянами, и вскоре погиб. О царствовании его в Мегарах беотийская версия не сообщает (Paus., I, 39, 5).⁸ В то же время в мегарском предании Мегарей изображается как царь Мегар, унаследовавший власть от Ниса благодаря браку с его дочерью. О продолжительности правления Мегарея говорит то, что, согласно традиции, его сыновья Тималк и Эвипп погибли при жизни отца, будучи уже совершеннолетними (Paus., I, 41, 3). Следует заметить, что из рассказа Павсания

⁵ О войне критян против Ниса и Мегарея в V в. до н. э. писал Гелланик (Hellenik. frg. 78. FgrHist. Bd I. P. 126; ср.: Apollod. III, 15, 8).

⁶ Беотийский город Онхест известен как место почитания Посейдона. Священная роща Посейдона в Онхесте впервые упоминается Гомером (Homer. II, II. 506; ср.: Homet. Numn. ad Apoll., 230—238). Павсаний, описывая развалины Онхеста, отмечает, что храм, статуя Посейдона и роща, которую воспевал Гомер, сохранились до его времени (Paus. IX, 26, 5). Однако Страбон, упоминающий храм Посейдона в Онхесте, пишет, что никаких следов рощи в его время уже не было (Strab., IX, 2, 33, p. 412).

⁷ Аполлодор называет Мегарея сыном Гиппомена (Apollod., III, 15, 8), в то время как у Овидия Гиппомен — сын Мегарея (Ovid. *Metamorph.* X, 605 f.).

⁸ Возможно, и Аполлодор зависит от беотийского источника, когда он говорит о гибели Мегарея от руки Миноса еще до того, как погиб Нис, преданный своей дочерью (Apollod., III, 15, 8).

остаётся неясным, признавали ли мегаряне беотийское происхождение Мегарея.

Беотийский вариант предания о Мегарее даёт представление о том, как трактовались в Беотии ранние связи с Мегаридой. По-видимому, беотийская традиция представляла эти связи в виде военного союза правителей двух городов. Насколько можно судить по имеющимся данным, в беотийском предании о Мегарее не было каких-либо указаний на неравноправное или зависимое положение Мегар, что имеет принципиальное значение для оценки характера беотийско-мегарских связей.

Существенным моментом в беотийском предании является ассоциация Мегарея с Онхестом — городом, который в исторический период не играл заметной роли в политической жизни. Это даёт основание предположить, что в беотийском предании о Мегарее нашли отражение реально существовавшие когда-то особые, может быть, действительно союзнические отношения Мегар с Онхестом. Предание относит эти контакты к микенскому периоду, и, возможно, в этой датировке есть рациональное зерно, поскольку расцвет Онхеста приходится именно на это время.⁹

К вопросу о беотийско-мегарских связях имеет отношение один из сюжетов «Греческих вопросов» Плутарха: «Что у мегарян называется „афаброма“? — Нис, именем которого названа Нисея, будучи царем, взял из Беотии в жены Аброту, дочь Онхеста, сестру Мегарея, женщину, отличавшуюся, по-видимому, необыкновенным умом и рассудительностью. Когда она умерла, мегаряне от всего сердца горевали о ней, а Нис, желая сделать вечной ее память и славу, приказал горожанкам носить такую же одежду, какую носила она, и эту одежду он в честь нее назвал „афаброма“. Кажется, что и бог помогал славе этой женщины, ибо не раз, когда мегарянки хотели изменить одежду, он давал оракул, запрещающий это» (Plut., Quest. Gr., 16).¹⁰

Рассказ Плутарха представляет собой, несомненно, этиологическую легенду, объясняющую местный обычай, связанный с ношением особого вида одежды. Несмотря на явно легендарный характер этого рассказа, можно думать, что отдельные его элементы могли иметь историческую основу. Реальным основанием для подобной легенды мог стать факт заимствования мегарянами из соседней Беотии особого типа женской одежды. Очевидно также, что в основе легенды лежит традиция

⁹ Археологический материал из Онхеста относится преимущественно ко II тыс. до н. э. Есть небольшое количество находок классического и эллинистического периодов. Материалов послемикенского времени не выявлено. См.: Hope Simpson R., Lazenby J. F. The catalogue of the ships in Homer's Iliad. Oxford, 1970. P. 31. Ср.: Kirk G. S. The Iliad: a commentary. Vol. I. Cambridge, 1985. P. 194.

¹⁰ Ср.: Hesych s. v. ἀφρόμα — «вид женской одежды».

о связях Мегар с Онхестом. Как было показано выше, Павсаний связывает эту традицию с Беотией. В данном случае, однако, мы имеем дело с мегарской традицией, ибо легенда, объясняющая происхождение распространенного в Мегарах вида женской одежды, скорее всего могла возникнуть в местной мегарской среде.¹¹ К тому же в этой легенде мы встречаем вполне соответствующий мегарской традиции образ Мегарея, связанного родственными узами с Нисом.¹²

Таким образом, если верны наши рассуждения, можно заключить, что мегарская традиция принимала версию о беотийском происхождении Мегарея, признавая тем самым наличие древних связей Мегар с Беотией. Однако в интерпретации мегарян это были не союзнические отношения (поскольку, как было отмечено выше, мегарская традиция вообще не признавала войну с критянами), а скорее контакты династического и культурно-бытового плана, вполне естественные для соседних областей. Это позволяет говорить о глубоких исторических корнях передаваемой Плутархом легенды. Вместе с тем, принимая во внимание тенденциозность мегарской школы в вопросе о крито-мегарской войне, не следует, наверное, отвергать и ту трактовку беотийско-мегарских связей, которую предлагает беотийская традиция.

К числу мифологических образов, общих для Мегариды и Беотии, можно отнести Ино дочь Кадма, ставшую морской богиней Левкотеей. В юго-западной части Мегариды, у дороги, ведущей в Коринф, была скала Молурида, посвященная Ино-Левкотее и ее сыну Меликерту-Палемону. Согласно местному преданию, с этой скалы Ино бросилась в море, держа в руках сына (Paus., I, 44, 7—8). Труп Ино был выброшен на побережье Мегариды, где его нашли и похоронили Клесо и Таврополис, дочери царя Клесона. Святилище Ино находилось в Мегарах по дороге в пританей (Paus., I, 42, 7).¹³

С Мегаридой предание связывает и другую дочь Кадма — Автоною. Павсаний сообщает, что, по представлениям мегарян, она жила в мегарском селении Эренее, переселившись сюда из Фив (Paus., I, 44, 5).

Упомянутые выше сюжеты и образы позволяют говорить о рано установившихся контактах двух соседних областей Греции. Как уже отмечалось, мысль о тесных связях ранней Мега-

¹¹ На мегарский источник указывает, по-видимому, и заглавие, предположенное Плутархом этому сюжету: «Что у мегарян называется „афаброма“?»

¹² Согласно Павсанию, родственные связи Ниса и Мегарея признавались мегарской традицией, в то время как в беотийской версии они не отмечаются (Paus., I, 39, 5—6; I, 42, 1).

¹³ Ср.: Ovid. *Metamorph.*, IV, 524—541, где дается более распространенная версия легенды, не связывающая гибель Ино с Мегаридой. Предание об Ино-Левкотее в его мегарском варианте рассматривается К. Ганелем (См.: Hanell K. *Megarische Studien*. S. 32. Ср.: Eitrem. *Leukothoe* // *RE*. Bd XII. Sp. 2293 ff.).

риды с Беотией, впервые высказанная У. Виламовицем, была впоследствии развита К. Ганелем. Оспаривая утверждение К. Зеелигера о том, что предание отражает реалии эллинистического периода, когда Мегары в течение непродолжительного времени (223—192 гг. до н. э.) входили в Беотийский союз, К. Ганель убедительно показывает, что связи Мегар с Беотией, нашедшие отражение в предании, восходили, скорее всего, к додорийскому времени.¹⁴ Рассмотренный нами мифологический материал дает основание присоединиться к этому выводу.

Едва ли можно считать непреодолимым препятствием для развития контактов Мегариды с Беотией горный хребет, разделяющий эти области.¹⁵ Горные проходы, которые использовались позднее, в архаический и классический периоды (в частности, паломниками из Пелопоннеса в Дельфы, путь которых проходил через Мегариду и Беотию),¹⁶ скорее всего были известны населению уже в микенское время. Возможно, подтверждением этого может служить имеющее историческую основу предание о походе семерых против Фив. Путь Адраста и его сподвижников проходил через Мегариду, где, по преданию, многие из них впоследствии были погребены.¹⁷ Не только военные походы, но и разного рода культурные и торговые связи, соединявшие Пелопоннес и Беотию во II тыс. до н. э., показывают, что проходы из Мегариды через Киферон и его отроги использовались уже в это время. Не менее активно они должны были использоваться при непосредственных контактах Мегариды и Беотии.¹⁸

Вопрос о характере мегарско-беотийских связей нередко

¹⁴ Hanel K. *Megarische Studien*. S. 24 ff., 54 f.

¹⁵ На это обстоятельство ссылаются, в частности: Beloch J. *Griechische Geschichte*. S. 142; Meyer Ernst. *Megara*. Sp. 181.

¹⁶ Плутарх упоминает об одном из священных посольств, направлявшихся в конце VII в. до н. э. из Пелопоннеса в Дельфы через Мегариду на повозках вместе с женами и детьми (Plut. *Quest. Gr.*, 59).

¹⁷ О погребении Адраста в Мегарах сообщают схолии к Пиндару (Schol. ad Pind. *Nem.*, IX, 30 — со ссылкой на мегарского историка Диевхиду) и Павсаний (Paus., I, 43, 1). Другие участники похода, как пишет Павсаний, были похоронены у дороги, ведущей из Элевсина в Мегары, Тезеем, к которому Адраст обратился за помощью, когда Креонт запретил родственникам убитых предать их погребению (Paus., I, 39, 2). В Пагах, т. е. в непосредственной близости от границы с Беотией, было святилище Эггалея, сына Адраста, по преданию, погибшего во время похода эпигонов против Фив и похороненного здесь родственниками (Paus., I, 44, 4). Повидимому, появление этого предания подразумевает, что, по мнению мегарян, эпигоны вторглись в Беотию (а затем возвращались из нее) по прибрежному пути, который шел через Паги и Эгосфены.

¹⁸ К сказанному выше относительно характера беотийско-мегарских связей можно было бы добавить данные о культах, общих для Мегариды и Беотии. В частности, можно отметить, что древнейшим культом в Мегарах и Фивах (так же как в Элевсине) был культ Деметры (Paus., I, 39, 5; IX, 16, 5).

рассматривается в свете данных «Илиады». Уже древние авторы обращали внимание на то, что Мегары не упоминаются Гомером среди городов, принимавших участие в Троянской войне. Это обстоятельство стало предметом дискуссии, отголоски которой дошли до нас и породили научный спор в литературе нового времени. Дискуссия разгорелась вокруг «священной Нисы» (Νῆσα ἁθέρη), которая упоминается в «Каталоге кораблей» в числе беотийских городов (Homer., II, II, 508).¹⁹ В древности предпринимались попытки отождествить Нису с Мегарами (Paus., I, 39, 5) либо с Нисеей (Schol. ad Theokg., XII, 27). Стремление древних авторов локализовать «священную Нису» на территории Мегариды было поддержано учеными нового времени. Так, К. Ганель вслед за У. Вилламовицем безоговорочно отождествляет Нису с Мегарами, расценивая данные «Каталога» как свидетельство тесных связей Мегар с Беотией в додорийскую эпоху.²⁰ М. Н. Ботвинник, принимая версию о тождестве Нисы и Нисеи, пишет: «Это могло быть вызвано близкой связью с беотийцами, а может быть и временной зависимостью от Беотии, для которой Нисея служила естественной южной гаванью».²¹

Между тем уже в древности отождествление «священной Нисы» с Мегарами и Нисеей вызывало возражение. Нису вполне резонно пытались поместить непосредственно в Беотии, отождествив ее с каким-либо из беотийских топонимов, удовлетворяющих требованиям стихотворного размера.²² Эти альтернативные версии суммируются в следующем пассаже Страбона: «Недалеко от Анфедона есть в Беотии священное место с остатками города, называемое Исос (с кратким первым слогом). Некоторые полагают, что вместо слов «священная Ниса» нужно писать «Исос священный и отдаленный Анфедон», удлиняя первый слог ради соблюдения стихотворного размера. Ибо, как говорит Аполлодор в сочинении «О кораблях», в Беотии нигде нет Нисы (Νῆσα) ... Некоторые пишут «Креуса священная», имея в виду нынешнюю Кревсу, гавань феспийцев, сооруженную в Крисейском заливе. Другие авторы пишут «Фары священные». Это одна из четырех деревень (Гелеон, Гарма, Микалесс и Фары) в округе Танагры. Пишут также «Ни-

¹⁹ Ниса (Нисса) упоминается вслед за Онхестом, Арной и Мидеей. Онхест находился на дороге, соединявшей Фивы с Копайдским озером; местоположение Арны и Мидеи неизвестно. Согласно Страбону, эти города были затоплены озером (Strab., IX, 2, 34, p. 413). Павсаний, однако, передает версию, по которой Арна и Мидея — древние названия Херонеи и Лебадеи (Paus., IX, 39, 1; 40, 5). Непосредственно после Нисы упоминается Анфедон — город, расположенный на беотийском побережье пролива Эврип.

²⁰ Hanel K. *Megarische Studien*. S. 23.

²¹ Ботвинник М. Н. Из древнейшей истории Мегар. С. 36.

²² Поэт называет Нису «священной», что (если это определение не вызвано метрическими соображениями) может служить указанием на культовое значение города.

са священная» «Ниса (Νῆα) — деревня близ Геликона» (Strab., IX, 2, 14, p. 405).

Независимо от того, насколько удачными (или неудачными) являются представленные Страбоном варианты, само их появление свидетельствует о том, что отождествление «священной Нисы» с Мегарами или Нисеей отнюдь не казалось в древности чем-то очевидным и бесспорным. Видимо, сторонники «мегарского» варианта не располагали достаточно убедительными аргументами.

В любом случае следует признать, что попытки найти «священную Нису» в Беотии, а не за ее пределами, были вполне закономерны, коль скоро автор «Каталога» помещает этот город в один ряд с городами северной части Беотии, кстати, наиболее удаленными от границ Мегариды. Если к тому же принять во внимание, что на кораблях, выставленных этими городами (включая Нису), плыли «беотийские юноши» (Homer., II, II, 510), можно заключить, что и сам автор «Каталога» не выделял Нису из числа других беотийских городов. В схолиях к «Илиаде» также принимается «беотийский» вариант, который к тому же явно противопоставляется «мегарскому»: «Ниса — в Беотии, а не в Мегариде. Здесь находится известное святилище Диониса» (Schol. ad Hom. II., II, 508).²³ Все чаще раздаются голоса в пользу «беотийского» варианта и в работах современных исследователей.²⁴

В поддержку этой точки зрения следует заметить, что Ниса — далеко не единственное упоминаемое в «Каталоге» поселение, которое не может быть с уверенностью локализовано на местности. Как отмечает Д. Пейдж, из 164 населенных пунктов, названных в «Каталоге», более или менее определенно идентифицированы 96.²⁵ В то же время многие древние и известные города в «Каталоге» не упоминаются, что побудило древних авторов искать им соответствие среди той группы поселений, которые не поддаются идентификации.²⁶ Таким образом, ситуация с Мегарами отнюдь не исключительна. Причина

²³ Scholia graeca in Homeri Iliadem // Ed. G. Dindorfius. T. III. Oxonii, Lipsiae, 1877. P. 138.

²⁴ Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 157. N 10; Hope Simpson R., Lazenby J. F. The catalogue of the ships... P. 32; Kirk G. S. The Iliad: a commentary. P. 194.

²⁵ Page D. L. History and the Homeric Iliad. P. 120.

²⁶ Так, упоминаемая среди беотийских городов Грея отождествлялась с Танагрой (Strab., IX, 2, 10, p. 404; Paus., IX, 20, 2), Арна — с Херонеей (Paus., IX, 40, 5), Мидея — с Лебадеей (Paus., IX, 39, 1). Отсутствие в «Каталоге» таких крупных городов, как Танагра и Херонея, существовавших, как показывают археологические находки, с микенского времени, выглядит особенно странно, тем более, что некоторые из упоминаемых в «Каталоге» поселений были весьма незначительны и в микенское и в послемикенское время. Такая неадекватность выбора объектов характерна не только для беотийской части «Каталога» (см.: Kirk G. S. The Iliad: a commentary. P. 168 ff.; 194 f.).

этих умолчаний не вполне ясна, но, по-видимому, есть все основания для того, чтобы связать ее с политической ситуацией, сложившейся ко времени создания «Каталога».²⁷

Итак, у нас есть все основания полагать, что ни Мегары, ни Нисея не были включены автором «Каталога кораблей» в число беотийских городов. Сообщение Павсания, отождествлявшего Нису с Мегарами (Paus., I, 39, 5), по-видимому, лежит в русле дискуссии о местоположении «священной Нисы». Что касается сближения Нисы и Нисеи (Schol. ad Theokr., XII, 27), то оно могло быть основано просто на созвучии названий. Если к тому же мы примем во внимание наиболее вероятную дату создания «Каталога» (конец VIII—VII вв. до н. э.),²⁸ мы должны будем признать, что заложенная в нем информация лишь в очень ограниченной степени может быть использована для изучения политической ситуации микенского и после-микенского периодов.

Подводя итог сказанному, отметим, что имеющаяся в нашем распоряжении информация о ранних беотийско-мегарских связях позволяет говорить о достаточно тесных и в целом дружественных контактах двух соседних областей. В беотийских и мегарских преданиях и легендах сохранились воспоминания о династических браках, о союзнических отношениях, о культурных заимствованиях жителей двух соседних областей. Сторонники так называемой «беотийской теории» безусловно правы, говоря о значительном влиянии на раннюю Мегариду со стороны Беотии. Вместе с тем следует признать, что рассмотренные материалы не дают оснований говорить о политической зависимости Мегар или других центров Мегариды.

²⁷ О времени создания «Каталога кораблей» см.: Андреев Ю. В. Политическая география гомеровской Греции (к вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде») // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 146 сл.; Page D. L. History and the Homeric Iliad. P. 118 ff.; Hope Simpson R., Lazenby J. F. The catalogue of the ships... P. 153 ff.; Kirk G. S. The Iliad: a commentary. P. 168 ff.

²⁸ Андреев Ю. В. Политическая география... С. 149.

Л. Г. ПЕЧАТНОВА

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ИЛОТОВ И СПАРТИАТОВ

В последнее время в западной историографии наметилась новая тенденция, которую можно охарактеризовать как попытку переосмыслить роль илотов в структуре спартанского полиса. Наиболее последовательно новая точка зрения на от-

ношения спартиатов и илотов развита в целом ряде статей французского исследователя Жана Дюка. Надо сразу заметить, что он отнюдь не первым попытался пересмотреть общепринятый взгляд на тот тип отношений, который сложился между спартамцами и илотами и который вкратце можно выразить парафразой из Ксенофонта: илоты ненавидели спартанцев настолько, что каждый из них не мог скрыть, что охотно съел бы их живьем. Уже Джордж Грот, правда с известной осторожностью, делал попытку несколько приглушить эту степень ненависти и недоверия между двумя основными группами населения в Спарте и переосмыслить известные нам по источникам случаи наиболее жестокого обращения спартанцев с илотами. По его словам, «различные анекдоты, которые рассказывались об отношениях спартиатов и илотов, скорее отличались нарочитым презрением и насмешкой, чем жестокостью». Этой более мягкой интерпретации придерживается в настоящее время целый ряд ученых и среди них наиболее последовательно Ж. Дюка.

Вкратце изложим точку зрения этих исследователей и посмотрим, на каких источниках она основывается. Прежде всего, по мнению этих ученых, илоты представляли собой привилегированную по сравнению с прочими рабами группу, которая обладала, по словам М. Финли, «всеми обычными человеческими институтами, за исключением свободы».¹ От рабов классического типа илоты действительно отличались целым рядом привилегий: это право на семейную жизнь, на, хотя и ограниченное, но владение частной собственностью (так, по свидетельству Фукидида (IV, 26, 6 сл.), в 425 г. некоторые мессенские илоты имели собственные лодки). Их узаконенное прикрепление к земле, с одной стороны, ставило илотов в положение крепостных крестьян, но с другой — гарантировало им и их потомкам сохранение определенного жизненного уклада. Между илотами и их хозяевами, спартиатами, стоял закон, который регулировал отношения этих двух социальных групп. Илоты, например, могли быть уверены, что их не продадут за границу, что с них не возьмут налог, больше установленной нормы, что распоряжаться их жизнью если кто и может, то только государство, а не частные граждане. Им также была дарована одна, по крайней мере, религиозная гарантия — право убежища в храме Посейдона в Тенаре. Всю совокупность этих прав илотов Поль Кэртлидж называет «элементами свободы»² в их образе жизни. Однако взвешенный подход к источникам не позволяет ему сделать более радикального вывода о существовании некоего консенсуса между спартиатами и илотами

¹ Finley M. I. The ancient economy. London, 1973. P. 63, 68.

² Cartledge P. Sparta and Lakonia. London, 1979. P. 164.

Он только говорит о необходимости диалектически подходить к этой проблеме.³

Ряд современных ученых в качестве доказательства существования перманентно мирных отношений между илотами и их господами ссылается на лояльность илотов и на отсутствие массового дезертирства с их стороны во время военных кампаний. Так, Ричард Талберт в своей статье «Роль илотов в классовой борьбе в Спарте» (1989) утверждает, что «спартиаты по большей части были уверены в лояльности своих илотов». При этом он ссылается на географические и демографические особенности Мессении и Лаконии. По его словам, с одной стороны, из-за малодоступности и удаленности многих районов Мессении от Спарты, а с другой — из-за значительного численного превосходства илотов над спартиатами «илоты не могли быть контролируемы без значительной степени покорности с их собственной стороны».⁴ Так как это утверждение противоречит данным источников, то Р. Талберт, желая преодолеть это противоречие, прибегает к следующей посылке: он утверждает, что все случаи нелояльного поведения илотов касаются только мессенских илотов, но даже и в их среде, по словам Р. Талберта, «идеи сопротивления и независимости имели ограниченное влияние».⁵ Все противоречащие этой тезе факты он объясняет «случайной мятежностью илотов». По его словам, «покорность илотов более значима, чем их случайная мятежность».⁶ Поскольку тезе Р. Талберта о чуть ли не врожденной лояльности илотов особенно противоречат те сведения античных авторов, которые касаются криптий как государственного института, направленного исключительно на терроризирование илотов, то Р. Талберт, не рискнув вообще отвергнуть все эти данные как недостоверные, был вынужден дать криптиям совершенно иное толкование, чем это делали античные авторы и чем это принято в современной историографии. По его словам, криптии — это что-то вроде спортивного клуба, который был создан «скорее для возбуждения энтузиазма молодых спартиатов, чем для подавления илотов».⁷

Статья Р. Талберта по сути дела замыкает собой ряд работ, в которых прослеживается та же тенденция, но выраженная, как правило, более тонко и осторожно, чем это делает Р. Талберт. Так, Ж. Дюка в статье «Аспекты илотизма» (1978) не отрицает и не умалчивает, подобно Р. Талберту, всю ту античную традицию, которая совершенно однозначно делает акцент на сильном напряжении, постоянно царившем между

³ Ibid. P. 177.

⁴ Talbert R. The role of the helots in the class struggle at Sparta // *Historia*. 1989. Bd 38. Hf. 1. P. 33.

⁵ Ibid. P. 31.

⁶ Ibid. P. 32.

⁷ Ibid. P. 34.

спартиатами и илотами. Однако, по мнению Ж. Дюка, политические теоретики, такие, как Платон и Аристотель, сделали из этой посылки неправильный вывод, будто бы именно этот тип рабства наиболее опасен. А это, как полагает Ж. Дюка, вовсе не так. «Нужно однако сознавать, — пишет он, — что илотская опасность оставалась по существу потенциальной».⁸ Спартанцы, как думает Ж. Дюка, специально раздували илотскую опасность, чтобы оправдать свое жестокое поведение по отношению к людям греческого происхождения. Таким образом, они формировали благоприятное для себя общественное мнение за пределами Спарты.⁹ Итак, делает окончательный вывод Ж. Дюка, если илотская опасность когда-либо и существовала, то исключительно как потенциальная опасность, никогда по-настоящему не реализованная в Спарте. Далее в своей статье Ж. Дюка довольно подробно разбирает известные в традиции случаи антиспартанских выступлений илотов. Явно тенденциозный подход к данным источников позволяет ему сделать вывод, что все известные нам случаи «вмешательства илотов в политическую жизнь Спарты не были результатом их инициативы». Так, например, в деле Павсания, по словам Ж. Дюка, «не было никакой активности илотов, наоборот, пассивность или даже лояльность».¹⁰ В тех же случаях, когда исторические факты никак уж нельзя подогнать под определенную схему, автор прибегает к так называемому «национальному» фактору. Так, знаменитое восстание илотов 465 г. до н. э., которое в традиции часто именуется Третьей Мессенской войной, имеет, по мнению Ж. Дюка, ярко выраженный национальный, а не социальный характер.¹¹ Чтобы как-то доказать это, Ж. Дюка приходится, например, полностью отвергнуть данные Диодора и Плутарха. Эти историки вполне определенно говорят, что инициатива восстания принадлежала именно илотам Лаконии. Таким образом, в целом совершенно верную мысль о необходимости дифференцированного подхода к мессенским и лаконским илотам Ж. Дюка доводит до крайности. Тенденциозный подход к источникам, желание во что бы то ни стало доказать наличие социального мира если уж не между всей массой илотов, то хотя бы между лаконскими илотами и спартиатами, приводит его к выводу о чуть ли не врожденной покорности лаконских илотов. По мысли Ж. Дюка, спартанцы целенаправленно внушали илотам представление о собственной ничтожности и ущербности, вырабатывая в них психологию рабов. Преданность илотов своим хозяевам он сравнивает с аналогичным поведением американских негров.¹²

⁸ Ducat J. Aspects de l'hilotisme // AS. 1978. 9. P. 34.

⁹ Ibid. P. 35.

¹⁰ Ibid. P. 27.

¹¹ Ibid. P. 26, 28.

¹² Ibid. P. 30, п. 85.

Надо заметить, что выводы Ж. Дюка о сущности отношений спартиатов и илотов по существу те же самые, что и у Р. Талберта, но сделаны они с большими оговорками и более осторожно. «Отношения между спартиатами и илотами не проходили исключительно под знаком враждебности. Покорность и сотрудничество равно имели там место. Как кажется, илоты предпочитали доверять нормальному функционированию спартанского общества больше, чем революционному насилию». «Не нужно этому удивляться, — продолжает Ж. Дюка, — эксплуатируемые классы часто являются добровольными конформистами...».¹³

Я привела в качестве примеров работы Ж. Дюка и Р. Талберта для того, чтобы продемонстрировать на конкретном материале давно уже наметившуюся в западной историографии античности тенденцию к сглаживанию противоречий между рабами и рабовладельцами, между эксплуатируемыми и эксплуататорскими классами. Эта тенденция имеет давние корни, и ученые, которые к ней склоняются, сделали много, чтобы доказать, что так называемый рабский вопрос в Греции был отнюдь не первостепенного значения. Конечно, такая крайняя точка зрения на илотию, как у Ж. Дюка или Р. Талберта, — это редкость. Желание свести на нет значение «илотского вопроса» для Спарты, доказать наличие никогда не существовавшего в природе консенсуса между спартиатами и илотами приводит этих ученых часто к частичному, а иногда и к полному игнорированию античной традиции. Они по сути дела занимаются мифотворчеством.

Но есть другая группа ученых, специально занимающихся проблемами илотики, которые гораздо более взвешенно и с большим доверием подходят к данным источников и не стараются столь уж радикально пересмотреть античную традицию, утверждающую, что илотская угроза была основным фактором спартанской истории. Я имею в виду таких общепризнанных специалистов по Спарте, как Д. Лотце, П. Олива, П. Кэртлидж. Они разделяют в целом идущий еще от античности взгляд на илотов и спартанцев как на две резко враждебные друг другу социальные группы, но в то же время они не отвергают и те немногочисленные данные, прямые или косвенные, которые являют собой примеры сотрудничества и взаимопомощи между этими двумя основными категориями спартанского населения.

Детлиф Лотце в своей статье «Между свободными и рабами» (1959), которая является одной из фундаментальных работ по данной теме, коснулся уже этого сюжета и рассмотрел известные случаи сотрудничества илотов и спартиатов. Главным образом это факты, относящиеся к военной истории Спар-

¹³ Ibid. P. 35.

ты. У историков, начиная с Геродота, мы действительно встречаем ряд упоминаний, правда, весьма немногочисленных и подчас противоречивых, об участии илотов в военных кампаниях Спарты за рубежом. Среди них есть отдельные примеры, которые можно толковать как образцы демонстративной лояльности илотов по отношению к своим господам. Тот же Д. Лотце ссылается именно на эти примеры, хотя интерпретирует их с известной осторожностью. Так, приводя в качестве хрестоматийного примера участие илотов в Платейской битве, он добавляет при этом, что не совсем ясно, какую роль играли илоты в этой битве.¹⁴ Общий его вывод неутешителен. По словам Д. Лотце, малочисленность и фрагментарность источников не дает нам возможности однозначно ответить на вопрос: какой тип отношений господствовал между илотами и спартиатами. «Как мало мы в действительности знаем об отношениях между спартиатами и илотами!» — восклицает он. «Вероятно, они были не столь уж напряженными, как нам хотелось бы их себе представить».¹⁵

В том же духе высказывается и Павел Олива. По его словам, «отношения между спартиатами и илотами не всегда были столь уж плохими... и нет недостатка в рассказах о дружеских отношениях между рабами и их хозяевами». Однако, как верно подметил П. Олива, все известные в истории факты приятных отношений между спартиатами и илотами, как правило, носят частный характер и не могут поколебать нашу уверенность в наличии «фундаментального конфликта между этими двумя группами, располагающимися на двух противоположных полюсах спартианского общества».¹⁶

П. Кэртлидж еще более осторожен в своих высказываниях по данной проблеме. Как и Д. Лотце, он полагает, что точный характер отношений между спартиатами и илотами из-за недостатка источников выяснить довольно тяжело. По его мнению, эти отношения носили диалектический характер и могли меняться в зависимости от времени и обстоятельств. Вслед за М. Финли П. Кэртлидж рассматривает илотов как социальную группу, имеющую более высокий статус, чем классические рабы. Именно в силу своей привилегированности илоты, по мнению П. Кэртлиджа, «имели смелость требовать себе и больше права и больше свободы», чем обыкновенные рабы-варвары в прочих греческих полисах. Для нас важен вывод П. Кэртлиджа, что существовало глубокое различие между илотами мессенскими и лаконскими. Первые численно значительно превосходили лаконских илотов и в отличие от них имели сильную политическую мотивацию в своих отношениях со

¹⁴ Lotze D. *Μεταξύ ἐλευθέρων καὶ δούλων*. Berlin, 1959. S. 33 f.

¹⁵ Ibid. S. 35.

¹⁶ Oliva P. *Sparta and her social problems*. Prague, 1971. P. 48.

спартиатами. По мысли П. Кэртлиджа, именно против мессенских, а не лаконских илотов были направлены все репрессивные меры спартанского государства.¹⁷

В целом для современной западной историографии характерна тенденция как-то дифференцировать всю массу илотов. Этот процесс идет как бы по двум линиям, по национальной и социальной, т. е. илоты делятся, с одной стороны, на мессенских и лаконских, с другой стороны, из всей илотской массы выделяется так называемая элита. Наши источники вполне отчетливо фиксируют случаи социальной дифференциации илотов. Этот процесс, по мнению некоторых ученых, начался во 2-й половине V в. до н. э. и связан был непосредственно с тем кризисом, в котором оказалась Спарта в ходе Пелопоннесской войны. По мнению Г. Коуквелла, именно в этот период резко меняется подход спартиатов к своим рабам, и начинается новая эра сотрудничества и согласия между ними.¹⁸ Правда новый тип отношений коснулся только илотской элиты, из среды которой и набирались новые контингенты спартанских солдат. Последние получили наименование «новых граждан» — неодамодов. Ж. Дюка, оценивая эту новую практику — пополнять собственную армию за счет илотов, — считает ее экстраординарной и очень опасной для спартанского гражданского коллектива мерой. Комментируя колебания спартанцев в 369 г. до н. э. по поводу очередного набора илотов в спартанскую армию, Ж. Дюка замечает, что «этот эпизод обнаруживает всю двойственность социальных отношений: спартиаты боятся илотов, но вооружают их, когда этого требует ситуация; илоты ненавидят спартиатов, но завербовываются в их армию, чтобы защищать Спарту».¹⁹ Ж. Дюка, как и Г. Коуквелл, связывает появление илотской элиты с Пелопоннесской войной. По его мнению, первыми представителями этой «гоплитской элиты» стали 700 илотов, взятых Брасидом в 424 г. во Фракию. Ж. Дюка справедливо считает, что эта элита первоначально имела исключительно военный характер. Рассуждая о механизме выделения элиты из общей массы илотов, Ж. Дюка несколько упрощает ситуацию, полагая, что единственным критерием тут был имущественный ценз. По мнению Ж. Дюка, движение наверх для экс-илотов никогда не доходило до наделения их гражданскими правами. Отсюда и двойственность отношений так называемых новых граждан к своим бывшим господам: от сотрудничества и взаимопомощи до скрытой, а иногда и открытой оппозиции.²⁰

П. Кэртлидж в своей недавней монографии «Агесилай и

¹⁷ Cartledge P. Sparta... P. 176 f.

¹⁸ Cawkwelle G. L. The decline of Sparta // CQ. N. S. 1983. Vol. 2. P. 393 f.

¹⁹ Ducat J. Aspects de l'hilotisme... P. 33.

²⁰ Ibid. P. 36 f.

кризис в Спарте» и Р. Талберт в вышеупомянутой статье пытаются гипотетически обнаружить источник пополнения илотской элиты. По их мнению, существовала целая группа илотских семей, которые на протяжении многих поколений были связаны с отдельными спартанскими семьями самыми тесными узами. Именно из их среды кооптировались надзиратели, управляющие имениями и прочие организаторы хозяйственной деятельности.²¹ В качестве низшего управленческого звена эти илоты, по мнению Р. Талберта, получали благоприятную возможность увеличивать свои доходы и вести довольно независимый и вполне обеспеченный образ жизни.²²

Очень сильным аргументом для сторонников теории о социальном мире между илотами и спартиатами служит античная традиция об экономическом процветании илотов. Плутарх сообщает, что в 222 г. до н. э. 6 тыс. илотов за выкуп в 5 аттических мин получили свободу. Инициатива в этом деле принадлежала царю Клеомену (Плут. Клеом., 23, 1). Это очень интересное и важное свидетельство. Оно, конечно, проливает свет на экономическое положение эллинистической Спарты и на ту парадоксальную ситуацию, которая сложилась здесь в дореформенный период, когда часть илотов, возможно, уже была богаче собственных господ. Но очень опасно по этому одному, к тому же довольно позднему, свидетельству делать какие-либо общие выводы об экономическом процветании илотов в более ранний период, как это делает, например, Л. Пайпер. В своей статье «Спартанские илоты в эллинистическое время» (1986)²³ она довольно неубедительно пытается доказать, что илоты имели возможность покупать себе свободу начиная, по крайней мере, с IV в. Вряд ли это так. И дело заключается не только в экономической базе самих илотов и в их финансовых возможностях. Конечно, и в период классики, а не только позднего эллинизма илотская элита вполне могла быть зажиточной и иметь достаточно средств для выкупа на свободу. Вопрос заключается в другом: пока спартанское государство было достаточно сильным, оно бесспорно сохраняло монополию на владение илотами. Вне зависимости от вопроса о реальной принадлежности илота, одно на всем протяжении спартанской истории оставалось бесспорным: только государство решало, где илоты должны жить и работать, когда и на каких условиях их освобождать, и конкретный спартиат не имел законной власти изменять эти решения. Поэтому думается, что пока государство было достаточно сильным и не нуждалось катастрофически в деньгах, механизм освобождения

²¹ Cartledge P. Agesilaos and the crisis of Sparta. London. 1987. P. 174.

²² Talbert R. The role of the helots... P. 30 f.

²³ Piper L. J. Spartan helots in the hellenistic age // AS. 1984—1986. 15—17. P. 75—88.

илотов вовсе не обязательно носил исключительно цензовый характер.

Все известные нам случаи освобождения илотов в конце V — первой половины IV в. носят ярко выраженную военную направленность. Илотов освобождали прежде всего ради пополнения спартанской армии. А финансовая сторона, связанная с их освобождением, в любом случае занимала второстепенное место. Во всяком случае, вплоть до позднего эллинизма у нас нет никаких данных, даже косвенных, об освобождении илотов за деньги. Наоборот, скорее можно думать, что государство, призывая илотов на военную службу, вооружало их на собственный счет. Именно так можно понять сообщение Ксенофонта, что при угрозе со стороны Эпаминонда в 370/369 г. эфоры распространили среди илотов прокламацию такого примерно содержания: все те, кто выразит желание получить оружие и вступить в армию, получают свободу, в чем их эфоры клятвенно заверяют (Ксен. Греч. ист., VI, 5, 28). Г. Бузольт полагает, что здесь речь идет о вооружении илотов за государственный счет. Фразу Ксенофонта *εἰ τις βούλοιο ὅπλα λαμβάνειν* он дополняет словами «vom Staat». Таким образом получается: «если кто захочет получить оружие от государства...». Именно на основании этого своего толкования Ксенофонта Г. Бузольт делает вывод, что «гоплитская служба илотов, для которых государство поставляло оружие, была, как правило, добровольной повинностью, которая влекла за собой освобождение».²⁴ Как бы ни толковать это место Ксенофонта, в любом случае ясно, что ни о каком имущественном цензе и выкупе на свободу за деньги здесь речи не идет. Так что вряд ли правы те западные ученые, которые, подобно Л. Пайпер и Ж. Дюка, видят в освобожденных илотах только экономических лидеров своего класса вне зависимости от временных и ситуационных ориентиров. Но в государствах, подобных Спарте, где исключительно важен был политический и идеологический момент, механизм освобождения илотов просто не мог быть полностью определяем узкоэкономическими задачами.

Однако каковы бы ни были причины начавшегося в конце V в. процесса, сам факт единовременных и довольно частых эмансипаций илотов свидетельствует о каких-то изменениях в отношении к илотам со стороны спартанского государства.

Подводя итоги нашему краткому историографическому обзору, хочется отметить следующие моменты. В западной историографии наметилась в последние годы тенденция преуменьшать значение социальных противоречий между спартиатами и илотами. Все известные нам факты, свидетельствующие о весьма сильной и постоянной напряженности между этими двумя

²⁴ Busolt G.; Swoboda H. Griechische Staatskunde. Hf. 2. München, 1926. S. 667, Anm. 6.

состояниями, трактуется тенденциозно, а подчас и просто искажаются. В результате получается картина, далекая от реальности. Ученые, проповедующие наличие социального мира в Спарте, в своих построениях часто пользуются следующим приемом: известные из источников частные случаи, свидетельствующие о преданности и послушании илотов по отношению к своим господам, возводятся в норму. Именно эти факты и кладутся в основу теории так называемого мирного сосуществования илотов и спартиатов. Хотя надо заметить, что в большинстве случаев даже сами эти факты поддаются отнюдь не однозначному толкованию. И что самое главное — в работах этих ученых игнорируются, как правило, многочисленные свидетельства об илотских восстаниях. Но ведь одна группа фактов отнюдь не противоречит другой. Наличие глубокого внутреннего конфликта между двумя социальными группами в Спарте вполне согласовывается с возможностью добрых отношений между спартиатами и илотами в частных, конкретных случаях. Точно так же было, например, и в крепостной России. С одной стороны, восстания Разина и Пугачева, а с другой — масса примеров самой преданной любви и верности холопов по отношению к своим господам. Но, как и в случае с илотами, примеры мирных отношений всегда носят частный характер, тогда как восстания крепостных крестьян — это проявления фундаментального социального конфликта, оказавшегося в конце концов роковым для России.

В целом, однако, работы таких ученых, как Ж. Дюка, Л. Пайпер, Р. Талберта, отнюдь не бесполезны. Знакомство с их концепцией учит нас тому, насколько опасно абсолютизировать ту или иную сторону исторической действительности. С другой стороны, их работы могут помочь избежать другой крайности, а именно изображать отношения илотов и спартиатов всегда и при любых обстоятельствах только как отношения глубочайшей вражды и ненависти.

О. В. КУЛИШОВА

ПРОЦЕДУРА ПРОРИЦАНИЯ В ДЕЛЬФАХ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОРАКУЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

История крупнейшего панэллинского святилища в Дельфах насчитывает свыше тысячелетия, расцвет же этого оракула Аполлона приходится на архаическую эпоху древнегреческой истории (VIII—VI вв. до н. э.). Религиозная жизнь этого времени характеризуется особым подъемом и сложным взаи-

модействием двух течений — рационализма и мистики,¹ ведь это, с одной стороны, время систематизации мифологических представлений, складывания понятия о богах как высшем гаранте справедливости, в том числе социальной, выдвижения гармонизирующего начала в культе Аполлона — одном из важнейших в архаическом пантеоне,² а с другой — это эпоха особенного распространения мистических учений и культов, среди которых важнейшими были поклонение Дионису, орфические таинства, Элевсинские мистерии, посвященные Деметре. С особенной силой взаимодействие этих двух начал — рационального, упорядочивающего и иррационального, мистического, — показывает оракульная практика, получившая также распространение в архаическое время и связанная прежде всего с почитанием Аполлона. Образ Аполлона оказывается едва ли не самым сложным в греческой мифологии из-за необыкновенного разнообразия своих функций. В этот период на первом плане оказываются те из них, которые связаны с общественной сферой и стремлением к гармонизации не только в области морали, искусства и религии, но и в социально-политической жизни: Аполлон выступает прежде всего как устроитель общественных дел, Мусагет, а также покровитель прорицаний. Заметим сразу, что в Греции архаического времени особенно популярными были оракулы экстатического типа,³ в деятельности которых очень значимым был мистический аспект; к таким прорицалищам относился и оракул в Дельфах.

Проследить такое взаимодействие двух вышеназванных начал тем более важно, что при характеристике греческой религии и культуры долгое время подчеркивалась лишь одна их сторона — рациональное гармонизирующее начало, в то время как другая лишь в последнее время получает заслуженное внимание антиковедов, хотя и имеет устойчивую историографическую традицию.

Процедура прорицания, осуществлявшаяся в Дельфах,

¹ Эта особенность греческой религии архаического времени отмечается в большинстве работ, посвященных истории религиозных представлений древних греков, особенное развитие она получила в трудах шведского исследователя М. П. Нильссона, см., напр.: Nilsson M. P. 1) *A History of Greek Religion*. Oxford, 1925. P. 180—223; 2) *Greek Popular Religion*. New York, 1940. P. 104—120; 3) *Greek Piety*. Oxford, 1948. P. 20—65 и др. — Из новейших исследований особо отметим работы швейцарского ученого В. Буркерта: Burkert W. 1) *Greek Religion: Archaic and Classical*. London, 1985; 2) *Ancient Mystery Cults*. London, 1987.

² О высоком значении рационального момента в духовной жизни античности см.: Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли (2-е изд., испр. и доп. Л., 1991), о рационализме в связи с темой Аполлона и Дельф особ. см. с. 254—263.

³ О видах греческой мантики и их особенностях см.: Bouché-Lerq A. *Histoire de la Divination dans l'antiquité*. T. 1—IV. Paris, 1879—1882; Halliday W. R. *Greek divination. A Study of its methods and principles*. London, 1913.

представляет собой довольно сложную проблему прежде всего из-за состояния письменной традиции. Несмотря на то, что обращение к оракулу требовало определенных усилий и затрат (вопрошающие должны были подвергнуться ряду очистительных церемоний, совершить жертвоприношение, внести определенную плату, кроме того, для обращения к оракулу существовали определенные дни), все же доступ к оракулу был достаточно свободен, святилище посещалось огромным количеством паломников; но тем не менее у нас нет свидетельств источников, подробно описывающих процедуру прорицания в Дельфах даже для классического времени, не говоря уже о более ранних периодах.

Отчасти это происходит потому, что пророчества Дельфийского оракула — явление, хорошо известное современникам, которое не требовало специальных пояснений. Недаром Геродот при описании других оракулов просто ссылается на процедуру, имевшую место в Дельфах, и тамошнюю пифию (напр., VII, 111). С другой стороны, изъявление божественной воли — процедура, связанная с таинством общения с божеством, а не зрелище, которое требовало описания и зрителей, хотя прямого указания на запрещение описания процедуры прорицания в Дельфах в античных источниках нет и оракул в Дельфах не относился, подобно Элевсинским мистериям, к запретной теме — философы, географы и другие античные авторы свободно высказывают свои соображения по этому поводу.⁴ Еще одна трудность при работе с источниками состоит в том, что свидетельства, которые до нас дошли, относятся к различным эпохам, а ведь сама процедура, несмотря на консерватизм этого действия как относящегося к религиозной сфере, не оставалась неизменной на протяжении веков. Кроме того, различен и характер сочинений античных авторов, упоминающих о процедуре прорицания (это и поэтические сочинения, и философские трактаты, и этногеографические описания), а также степень знакомства их с данной проблемой, чем отчасти объясняются противоречия и несоответствия в их сообщениях.

Намек на процедуру прорицания, осуществлявшуюся в Дельфах, мы встречаем уже в Гомеровском гимне Аполлону Пифийскому. Более многочисленные и пространные указания содержатся в труде Геродота, сочинениях трагиков эпохи классики — Эсхила и Еврипида, но основные сведения мы находим лишь у более поздних авторов — Диодора, Страбона, Плиния Старшего, Павсания и др., лексиконах Гезихия, Стефана Византийского, Свида. Особенно ценные рассуждения на эту тему сохранились у Плутарха, который сам исполнял обязанно-

⁴ Holland L. B. The mantic mechanism at Delphi // *AJA*. 1933. Vol. 37. N 2. P. 201; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic oracle. Oxford, 1956. Vol. I. P. 17.

сти жреца в Дельфах. Наиболее значимы его трактаты, посвященные Аполлону и Дельфам, которые сам Плутарх назвал «Пифийскими речами» (*De E ap. Delph.*, I, 384 e).

Кроме данных письменной традиции, следует отметить особую значимость археологических свидетельств, материалов греческой вазописи, эпиграфических источников.⁵

Сложная и противоречивая античная традиция о столь важной стороне греческой религиозной жизни не раз привлекала внимание авторов нового времени, вызывая неоднозначные и взаимоисключающие оценки.⁶ Обратимся прежде всего к наиболее дискуссионным аспектам оракульной практики в Дельфах.

Прежде всего заметим, что с Дельфами традиция связывает различные виды прорицаний.⁷ Сделаем несколько общих замечаний относительно способов, которыми могли даваться предсказания в Дельфах, особенно в ранние периоды истории оракула. «Илиада» и «Одиссея» не содержат явных свидетельств того, что прорицания в Дельфах осуществлялись таким же способом, который нам известен в период архаики и классики, хотя Г. Парк полагает, что ответ, данный Агамемнону, о котором повествует «Одиссея» (VIII, 75—82), легко может быть представлен в виде словесной двусмысленности, что характерно для ответов лифий классического времени.⁸ Гомеровский гимн ограничивается слабым намеком на то, что бог вещает из листьев лаврового дерева (HN II, 215), т. е., видимо, указывает на тот тип гадания, который практиковался в святилище Зевса в Додоне, где находился знаменитый дуб, а связь с божеством усматривалась в шелесте листьев, который, по словам жрецов, они понимали (см., напр.: *Od.*, XIV, 328; *Strab.*, VII, 7, 10—12, p. 327—329; XVI, 2, 38, p. 762; *Paus.*, I, 17, 5; VII, 21, 2; VIII, 23, 5).

Традиция упоминает также, что герой Парнас, эпоним горы, на склоне которой находились Дельфы, пользовался гаданием по полету птиц (*Plin. N. h.*, VII, 203; *Paus.*, X, 6, 1); птицегадание использовалось также на предмет того, благоприятно ли обратиться к оракулу с вопросом; Плиний Старший (*N.*

⁵ Археологические материалы были тщательно разобраны М. Курби еще в 20-е годы нашего столетия, см.: Courby F. *Le Terrasse du Tempe // Fouilles de Delphes*. Paris, 1915. T. II, Fasc. 1. P. 47 ss.

⁶ Среди многочисленных исследований по данной проблеме следует особо выделить труд Пьера Амандри (*Amandry P. La mantique apollinienne à Delphes*. Paris, 1950).

⁷ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1899. С. 195; Holland L. B. *The mantic mechanism...* P. 203—204; Amandry P. *La mantique...* P. 17—77; Delcourt M. *L'oracle de Delphes*. Paris, 1955. P. 159; Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle...* Vol. 1. P. 9—10.

⁸ Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle...* Vol. 1. P. 15—16. Note 37.

h., X, 21) указывает на знакомство Фемонои, по легенде, первой лифии в Дельфах, с ауспицией. Герои Дельф и Амфикион — эпонимы города и Амфикионии — обращались к гаданиям по внутренностям животных и по знакам и снам (Plin. N. h., VII, 203), часть жрецов пользовалась гаданием по огню (Paus., X, 5, 6; Hesych., s. v. πυρσοοί).

Особенным распространением в Дельфах отличался такой вид предсказаний, как клеромантия.⁹ Древняя традиция связывает Аполлона и Парнаса с Фриями, которые сами являются персонификацией жребия (Steph. Byz., s. v. Thria; Hesych., s. v. thriazein; thriai; Suid., s. v. Thriai, Pytho). Из различных способов предсказаний в обычном использовании в Дельфах сохранился именно этот — гадание по жребию, которое вообще являлось очень распространенным видом прорицания в Древней Греции, оно использовалось также и в очень древнем и авторитетном святилище в Додоне.¹⁰ Литературная традиция не сохранила описания процедуры гадания при помощи жребия в Дельфах, однако понятия, используемые при описании действий лифии, по мнению современных авторов, вполне соответствуют предположению об использовании в Дельфах такого типа гадания.¹¹ Подобным же образом могут быть интерпретированы и изображения на вазах.¹²

Применение гадания по жребию засвидетельствовано и в документальных источниках: в афинской надписи середины IV в. до н. э. (IG II², № 204),¹³ а также в тексте договора между Дельфами и Скиафом о порядке обращения к оракулу граждан этого государства.¹⁴ Г. Парк делает предположение, что форма многих ответов лифии говорит о том, что они могли быть даны именно при помощи жребия; даже те оракулы, которые в традиции представлены в виде словесных, могли быть просто усложненной и драматизированной версией решения жребием.¹⁵

⁹ Bouché-Leclercq A. Histoire de la divination... T. I. Paris, 1879. P. 192 ss.; Halliday W. R. Greek Divination... P. 210; Robinson F. S. The Lot oracle at Delphi // CPh. Vol. XI. 1916. P. 278 ff.; Holland L. B. The mantic mechanism... P. 203; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1941. Bd I. S. 155; 159; Amandry P. La mantique... P. 25—36; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 9—10.

¹⁰ Holland L. B. The mantic mechanism... P. 203.

¹¹ Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 9.

¹² Amandry P. La mantique... P. 25—36; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 18.

¹³ Глушкина Л. М. Из новой литературы о Дельфах // ВДИ. 1961. № 4. С. 160—161; разбор этого свидетельства см.: Amandry P. La mantique... P. 33; 151.

¹⁴ Amandry P. 1) Convention religieuse conclue entrée Delphes et Skiathos // BCH. 1939. T. 62. P. 183; 2) La mantique... P. 33 ss.

¹⁵ Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 18—19.

Гадание по жребию чаще всего предполагало ответ на альтернативный вопрос — «да» или «нет», но могло представлять собой и более сложное объявление воли бога: например, выбор эпонимов для десяти афинских фил из ста имен героев, предложенных Клисфеном (Aristot. Ath. pol., 21, 6; P—W № 80), вытягиванием жребия с именами богов определялось, какому именно божеству должно приносить жертвы и обращаться молитвы в том или ином случае, жребием мог осуществляться выбор из двух (или более) проектов решений каких-либо спорных вопросов.¹⁶ В отличие от словесных пророчеств пифии оракул по жребию в Дельфах действовал, по-видимому, не только раз в месяц, но и в другие дни, которые полагались благоприятными.¹⁷ По жребию в Дельфах определялась и последовательность вопрошавших, кроме привилегированных лиц и общин.

Любопытны свидетельства, которые предоставляет нам традиция, о борьбе видов предсказаний в Дельфах. Еврипид (Irrhig. T., 1259 sqq.) передает рассказ о том, как Гея в отместку за то, что Аполлон отнял святилище в Дельфах у ее дочери Фемиды, стала посылать людям правдивые сны и таким образом соперничала с прорицаниями Аполлона. Тогда Аполлон обратился к отцу своему Зевсу, который с этого времени, наряду с правдивыми, стал посылать и ложные сновидения.¹⁸ Известно и предание подобного же рода, когда Зевс в угоду Аполлону лишил достоверности и гадание по жребию. В архаическое же время в Дельфах (и во всей Греции) первенство следует признать безусловно за экстатическими прорицаниями. Еще Феогнид, поэт VI в. из Мегары, отмечал достоинства пифийских пророчеств:

«...либо прибавь что-либо — и уж нет исцеления, убавь —
опять не избежишь божественной западни»
(805—810, пер. А. К. Гаврилова).

Однако возможно, что первоначально прорицания, посылаемые Аполлоном, могли получаться в Дельфах и иным способом: или методом, о котором упоминает Гомеровский гимн, или гаданием по жребию, которое также восходило к глубокой

¹⁶ Глушкина Л. М. Из новой литературы о Дельфах. С. 160—161; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 19.

¹⁷ Parke H. W. The Days for Consulting the Delphic Oracle // CIG. 1943. Vol. 37. P. 19—24; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 17; 18.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Лурье С. Я. К проблеме толкования снов в античности. М., 1928. С. 483; Глушкина Л. М. Эзоп и антидельфийская оппозиция в VI в. до н. э. // ВДИ. 1954. № 4. С. 153—154; Farnell L. R. The Cults of the Greek States. Oxford, 1907. Vol. III. P. 9; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 4—5.

древности.¹⁹ Как бы то ни было, к началу VII в. до н. э. известная нам от классического времени процедура прорицания прочно господствовала в Дельфах.²⁰ Авторы V в. Эсхил и Еврипид, повествуя об основании оракула, говорят о пифии, которая изрекала оракулы, сидя на треножнике (Aesch. Eum., 2; Eurip. Ion., 91—93; Electr., 980).

Что же из себя представляла процедура прорицания, согласно данным античных авторов? Относительно того, в какой части храма Аполлона совершались предсказания, античная традиция и данные археологии сообщают немного. Очевидно, прорицание давалось во внутренней части святилища — *adyton* (Heg., VIII, 37; Plut. Sull., 12). Традиция указывает на некоторое отделение вопрошавших от пифии (Heg., VII, 140; ср.: I, 47 и 65; VIII, 37; Plut. De def. or., 49, 437 с), но они находились либо в одном помещении с пифией, либо в соседнем, откуда, по крайней мере, был слышен ее голос.²¹

В этой внутренней части святилища находились, согласно традиции, золотая статуя Аполлона, треножник, на котором восседала пифия, омфалос на прямоугольном основании и другие священные предметы (см., напр.: Paus., X, 24, 5), назначение и происхождение которых по-разному объяснялось уже античными авторами. Так, Плутарх, хорошо осведомленный в делах святилища, пишет о многочисленных загадках дельфийского храма и ритуала (De E ap. Delph., 2, 385 с).

Процедура обращения к оракулу для паломников начиналась с омовения — ритуального очищения в водах священного Кастальского ключа. После жертвоприношения (Eurip. Ion., 419) в случае благоприятного его исхода (о прорицании при неблагоприятном знамении см.: Plut. De def. or., 51, 438 b), а также внесения соответствующей платы, вопрошающий допускался в храм, чтобы задать свой вопрос в устной или письменной форме.²² Право обращения к оракулу имели и частные лица и целые общины.

Как определялся порядок обращения к оракулу? Дельфий-

¹⁹ К первому предположению склоняется Г. Парк, см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 3; 26, другим авторам более убедительной кажется вторая версия, см.: Holland L. B. The Mantick Mechanism... P. 203; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd I. S. 155; 159.

²⁰ Bouché-Lecleary A. Histoire de la divination... T. I, P. 360 ss T. III. P. 84—89; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 25. — Согласно археологическим данным, между 1000 и 735 гг. идет эволюция треножников — они приспособляются в качестве сидения, см.: Amandry P. La mantique... P. 147; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 25.

²¹ Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 28—29, 43 note 43.

²² О жертвоприношении и плате перед консультацией см.: Глускина Л. М. Из новой литературы о Дельфах. С. 161; Amandry P. La mantique... P. 86—103.

цы имели право обращаться к оракулу раньше всех остальных — *promanteia*, право следовать за ними в различные времена имели разные государства. Кроме этого, жрецы давали почетное разрешение некоторым лицам и государствам вопрошать оракул прежде основной массы желающих. В остальном последовательность вопрошающих определялась жребием (Aesch. Eum., 32; Eurip. Ion., 908). Женщинам обращаться к оракулу было запрещено (Eurip. Ion., 222 sqq.; 330—335; Plut. De E ap. Delph., 2, 385 c).

В различные периоды своего существования оракул функционировал с неодинаковой частотой. В глубокой древности консультации происходили лишь один раз в год, по свидетельству Плутарха, — в седьмой день месяца Бисия, затем каждый месяц также в седьмой день (Eurip. Ion., 93; Plut. Quaest. graec., 9, 292 f; De def. or., 8, 414 f; De Pyth. or., 8, 398 a), который, согласно религиозным представлениям древних греков, был посвящен Аполлону (Hesiod. Op. et dies, 770; Plut. Quaest. graec., 9, 292 e—f и др.). Оракул по жребию, как уже упоминалось, по-видимому, действовал в период расцвета деятельности святилища во все дни, кроме *dies nefasti*. По свидетельствам античных авторов, три месяца в году, когда Аполлон отправлялся в страну гиперборейцев, оракул бездействовал или ответы его считались ненадежными (Pind. Pyth., IV, 72; Schol. Pind. ad loc., Schol. Ap., I).

Плутарх сообщает, что в период наивысшей славы святилища при нем состояла не одна пифия, а две, и была даже третья — запасная; во времена Плутарха, по его же словам, была только одна пифия (Quaest. graec., 9, 292 f; De def. or., 51, 438 b; De Pyth. or., 22, 405 c).

Перед прорицанием пифия, очистившись водами священно-го Кастальского ключа и окурив себя лавром и ячменной мукой, брала в рот лист лавра и, держа в руке ветвь того же дерева, поднималась на треножник (Plut. De E ap. Delph., 2, 385 c; De Pyth. or., 6, 397 a; Paus., X, 5, 9, 24, 7).²³ Впадая в

²³ Одни из современных авторов видят в лавре средство очищения, см.: Amandry P. La mantique... P. 129—130, другие — один из источников пророческого экстаза пифии, см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 26. — В греческой мифологии лавр (*daphne*) был традиционно посвящен Аполлону. Знаменит миф о любви Аполлона к Дафне, изложенный Овидием в «Метаморфозах». Лавр часто упоминается античной традицией в связи с Дельфийским святилищем: первый храм Аполлона в Дельфах был построен из веток лавра (Paus., X, 5, 9); Павсаний называет Дафну первой пророчицей Аполлона в Дельфах (X, 5, 5); победителям на Пифийских состязаниях вручались лавровые венки (VIII, 48, 2; X, 7, 8); священный лавр находился во внутренней части святилища около треножника. В античности стойким было представление о том, что лавровое дерево имеет особые очистительные свойства (HH II; Theophr. Char., 16, 2; Paus., II, 7, 7; 30, 3). О лавре в Дельфах см. подр.: Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции, СПб., 1913. С. 125—129; Amandry P. La mantique... P. 126—134; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 26—28.

экстатическое состояние (на причинах которого подробнее мы остановимся ниже), она выкрикивала пророчества, которые записывал стоящий возле нее жрец, облакая их в стихотворную или прозаическую форму.

Первоначально пифия была молодой целомудренной девушкой, но после того, как один фессалиец, некий Эхекрат, похитил пифию, влюбившись в нее (Diod., XVI, 26; ср.: Paus., VIII, 5, 11—12), на эту должность выбирали женщину не моложе пятидесяти лет, хотя она прорицала в одежде незамужней девушки (Eurip. Ion., 1324), позже вновь был возвращен прежний обычай. Кроме мифической Фемонны, по традиции, первой жрицы в Дельфах (Strab. IX, 3, 5, p. 419; Paus., X, 5, 7; 6, 7), источники называют еще легендарные имена Фемистоклей и Ксеноклей (Paus., X, 13, 7; Diog. L., VIII, 1, 8; 21). Мы достоверно знаем два имени дельфийских пророчиц: Аристокли во времена Саламинского сражения (Her., VII, 140; Plut. De Pyth. or., 23, 406 a) и Перияллы, которую подкупил Клеомен (Her., VI, 66).

Относительно пифии и той роли, которую она играла в дельфийских пророчествах, возникает много вопросов. Прежде всего почему служительницей Аполлона вообще была женщина? Официальными жрецами Аполлона были мужчины в соответствии с общей практикой греческой религии, когда мужчины были жрецами богов, а женщины — жрицами богинь. Мужчина-предсказатель имел председательствующую роль в процедуре прорицания в Дельфах, но выразителем воли божества в словах была женщина. Такое использование женских уст не было типичным для прорицалищ Аполлона. В Дидимах и Кларосе, где находились известные оракулы этого бога, пророками были мужчины (о Дидимах см.: Her., I, 46; 157—158; VI, 19; Strab., IX, 3, 9, p. 421; XIV, 1, 5, p. 634; Paus., VII, 2, 6; Diog. L., VIII, 4; Iambl. De myst., III, 12; о Кларосе см.: Strab., XIV, 1, 27, p. 642—643; Plin. N. h., II, 232; Tac. Ann., II, 54; Paus., VII, 3, 1—3). В Патарах предсказательницей была женщина (Her., I, 182), но культ ликийского Аполлона так сильно отличается от материкового, что вряд ли справедливо проводить аналогии.²⁴ Из других оракулов лишь в Аргосе Аполлон вещал устами женщины, но там прорицалище, по-видимому, было основано прямо из Дельф (Plut. Pyrrh., 31; Paus., II, 24, 1).²⁵

Наиболее убедительное, на наш взгляд, объяснение заклю-

²⁴ Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 10.

²⁵ Poulsen F. Delphische Studien. Copenhagen, 1924. S. 28. — Этот автор полагает, что даже в Аргосе имела место трансформация в культе от служителя мужчины к женщине. Самая ранняя ссылка: Plut. Pyrrh., 31, т. е. 272 г. до н. э.; ср.: Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 10; 368—369.

чается в предшествующем поклонении в этом священном месте женскому божеству. Дельфы являлись священным местом еще в микенское время. И археологические материалы и свидетельства традиции (НН II; Aesch. Eum., I—II; Eurip. Iphig. T., 1234—1283; Ephor. ap. Strab., VIII, 6, 14, p. 374; Plut. De Pyth. or., 17, 402 e; Apollod., I, 4, 1; Paus., X, 5, 5—6) не оставляют сомнений, что предшественницей Аполлона в Дельфах была богиня, которая у греков затем отождествлялась с Геей.²⁶ Современное состояние археологических материалов не позволяет сделать бесспорное заключение о существовании прорицалища в Дельфах в микенское время, однако многие современные авторы вслед за античной традицией склоняются к такому предположению и определяют культ женского божества в Дельфах микенского времени как мантический.

В период Темных веков это священное место переживало упадок, но уже в VIII в. до н. э. оракул в Пифо (древнее название Дельф) был богатым и знаменитым местом поклонения, главным богом которого являлся Аполлон (Il., II, 519; IX, 401—405; Od., VIII, 79—82; P—W N° 19; Hesiod. Theog., 498 sqq.).²⁷

Если же здесь ранее поклонялись Гее, и, как утверждает традиция, она давала прорицания, то исходить они должны были из женских уст. Источники почти не сохранили свидетельств об оракулах Геи. Тем более любопытную аналогию вызывает прорицалище Геи, которое сохранилось в позднее клас-

²⁶ Farnell L. R. The Cults of the Greek States. Oxford, 1907. Vol. III. P. 9—15; Smertenko C. M. The Political Relations of the Delphic Oracle // Smertenko C. M., Belknap G. N. Studies in Greek Religion. Eugene, 1935. P. 6; Scheffer T. von. Hellenische Mysterien und Orakel. Stuttgart, 1940. S. 133; Amandry P. La mantique... P. 202 ss.; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 3—9; Graves R. The Greek Myths: In 2 vol. New York, 1957. P. 178, 181; Forrest W. G. G. 1) Colonization and the Rise of Delphi // Historia. 1957. Bd VI. H. 2. P. 171; 2) Delphi 750—500 B. C. // C.A.H. Vol. III². Pt. 3. 1982. P. 305—306; Crow J. A. Greece: The Magic Spring. New York, 1970. P. 27; Berman (Morgen) k., Losada L. A. 1) The Mysterious E at Delphi: A Solution // ZPE. 1975. Bd 17. P. 115—117; 2) The E at Delphi Again: Reply to A. T. Hodge // AJA. 1984. Vol. 88. N 2. P. 231—232; Lloyd-Jones H. The Delphic Oracle // Greece and Rome. 2nd ser. 1976. Vol. XXIII. N 1. P. 66; Sealy R. A History of Greek City-States ca. 700—338 B. C. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 35; Fine J. V. A. The Ancient Greeks. London, 1983. P. 115.

²⁷ Археологические материалы позволяют говорить о безусловном подъеме святилища в Дельфах с начала VIII в. См.: Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley; Los Angeles, 1980. P. 53; 55—56. Относительно воцарения Аполлона в этом священном месте определенно можно сказать лишь, что это произошло в Темные века и что к середине VIII в. это святилище, по представлениям древних, безусловно принадлежало ему. См.: Sealy R. A History of Greek City-State... P. 35; Snodgrass A. Archaic Greece... P. 56; Forrest W. G. G. Delphi... P. 306; ср. Fine J. V. A. The Ancient Greeks... P. 115 (к VII в.).

сическое время в Эгире в Ахайе (Plin. N. h., XXVIII, 147; Paus., VII, 25, 13). В Ахайе жрица Геи обычно спускалась в пещеру и возвращалась, вдохновленная на пророчество. Ритуальное предписание девственности для жрицы является таким же, как и для пифии в Дельфах. Вкушение бычьей крови, хотя и использовалось в Ахайе как испытание девственности, напоминает процедуру вкушения бараньей крови в Аргосе, где подобным образом жрица вдохновлялась на прорицание (Paus., II, 24, 1).

Современные авторы расходятся в оценке тех элементов, которые были заимствованы культом Аполлона из первоначальной процедуры прорицания, возможно, сходной с описанной в Ахайе, но едины в том, что пифия — это наследие старого женского культа, воспринятого новым мужским.²⁸ Некоторые исследователи идут еще дальше и объясняют предшествующим оракулом Геи не только роль служительницы-женщины, но и экстатический характер дельфийских пророчеств.²⁹

Другим источником, из которого могла быть заимствована роль пифии в процедуре прорицания в Дельфах, некоторые авторы нового времени называют поклонение Дионису, главными служительницами которого были женщины. Кроме того, с этим культом связан и вопрос о влиянии дионисийского начала на экстатический характер дельфийских пророчеств. Почитание Аполлона и Диониса в Дельфах находилось в сложном взаимодействии (Aesch. Eum., 24; Soph. Antig., 1126; Eurip. Ion., 550. 715; Plut. De Is. et Os., 35, 364f—365a; De E ap. Delph., 9, 388e—389b; Paus., I, 2, 5; X, 6, 4; 32, 7), этот вопрос является предметом специального рассмотрения,³⁰ здесь же отметим

²⁸ Farnell L. R. The Cults... Vol. III. Oxford, 1907. P. 11—12; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 10—11; 15, note 27; Lloyd-Jones H. The Delphic Oracle... P. 65—66.—Л. Р. Фарнелл полагает, что ритуальный глоток крови жертвенного животного, который мог использоваться не только как средство выбора жрицы, но и как способ вдохновения, был частью поклонения прорицающей Гее в Дельфах и что он был воспринят культом Аполлона и перенесен в Аргос. Г. Парк же в качестве такого заимствования называет вхождение в пещеру, которое, по мнению древних, приводило к еще более тесному общению с божеством, указывая на античную традицию, где подчеркивалась связь пифии с расселиной, над которой она восседала, или, по другой версии, с пещерой, куда она входила, чтобы получить пророческое вдохновение (ср. Paus., V, 14, 10—о Гее—предшественнице Зевса в Олимпии). Г. Парк указывает также на одну из возможных версий происхождения названия «Дельфы» от корня *delph-*, означающего «впадина» «дупло». Подробнее о расселине в Дельфах см.: Oppé A. P. The Chasm at Delphi // JHS. 1904. Vol. 24. P. 214—240.

²⁹ Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 12—13.—П. Амандри выступает против предположения о том, что пророческий экстаз пифии—наследие доаполлоновского оракула, см.: *Amandry P. La mantique*... P. 115—118.

³⁰ О Дионисе и Аполлоне в Дельфах см.: Латышев В. В. Очерк греческих древностей... Ч. 2. С. 164; Соколов Г. И. Дельфы. М., 1972.

только, что, хотя на Парнасе и совершались общие оргии в честь Аполлона и Диониса и, по представлениям древних, в течение трех зимних месяцев, когда Аполлон отсутствовал в Дельфах, Дионис занимал его место в качестве главного божества, все же, однако, в течение этого времени оракул, по-видимому, безмолвствовал. Степень влияния, которое культ Диониса оказал на процедуру прорицания в Дельфах, оценить довольно сложно и потому, что в отношении оракулов Диониса свидетельства античной традиции очень скупы (Heg., VII, 111; Paus., X, 33, 11). Но еще древние различали экстаз, внушаемый Дионисом, и то пророческое состояние, которое вдохновлялось Аполлоном (Plat. Phaedr., 265 b; 244 a — 245 a). Оценки ученых нового времени в отношении вакхического влияния на процедуру прорицания в Дельфах неоднозначны. Еще О. Буше-Леклерк полагал, что пророческий экстаз пифии ведет свое происхождение от Диониса, который предшествовал Аполлону в Дельфах.³¹ Много последователей имеет Э. Роде, который также вслед за поздними мифографами указывал на роль вакхического влияния. По мнению Э. Роде, экстатические прорицания пришли в Грецию с культом Диониса, который и определил характер процедуры прорицания в Дельфах. Автор вслед за Ф. Ницше подчеркивает различие между «рациональной» религией Аполлона и «иррациональной» религией Диониса.³²

Однако уже с начала XX в. еще большее количество сторонников приобрела противоположная точка зрения, показывающая, что экстатический характер дельфийских пророчеств, так же как и источник использования женских уст в процедуре прорицания, не должен объясняться исключительно вакхическим влиянием.³³ Э. Доддс в своей работе «Греки и иррациональное», ставшей в некотором смысле классической по данному кругу вопросов, обосновывает данную точку зрения, указывая на различие в характере аполлоновского пророческого вдохновения, которое имело целью знание будущего или настоящего, и дионисийского безумства, в котором мантический момент отсутствует или, во всяком случае, является под-

С. 10—11; Лосев А. Ф. Аполлон // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 1. С. 93; Farnell L. R. The Cults... Vol. V. Oxford, 1909. P. 114; Crow J. A. Greece... P. 148; 186; Holland L. B. The Mantic Mechanism... P. 202—205.

³¹ Bouché-Leclercq A. Histoire de la divination... T. I. Paris. P. 352 ss. T. II. P. 260. T. III. P. 52—53; 84—89.

³² Rohde E. Psyche: Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. 3. Aufl. Tübingen; Leipzig, 1903. Bd I. S. 289 ff.

³³ Dempsey T. The Delphic Oracle. Oxford, 1918. P. 30 ff.; Farnell L. R. The Cults... Vol. IV. P. 190 ff. Vol. V. P. 113; Willamowitz-Möller U. von. Der Glaube der Hellenen. Berlin, 1932. Bd II. S. 30; Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1941. Bd. I. S. 30; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. I. P. 15, note 36; Lloyd-Jones H. The Delphic Oracle... P. 65—66.

чиненным, а также отмечая, что пророческий дар — редкое свойство избранных личностей, дионисийский же опыт — коллективный и, напротив, «распространяется как эпидемия». Кроме того, замечает Э. Доддс, различались не только цели, но и методы этих двух типов вдохновения: два важнейших аспекта в культе Диониса — использование вина и религиозного танца — не имели места в аполлоновском экстазе. Невозможно представить, что один из них происходит от другого, заключает Э. Доддс.³⁴ По мнению этого автора, связь прорицания и экстаза принадлежит древнейшему индоевропейскому комплексу идей, экстатическое прорицание в Греции имело давнюю традицию (греки связывали *mantis* с *mainomai*; ср.: Plat. Phaedr., 244 с; Eurip. Bacch., 299).

Один из самых дискуссионных вопросов касается причин экстатического состояния пифии. Сложность этой проблемы обусловлена и тем, что результаты археологических раскопок на территории дельфийского святилища не подтвердили традиционного и прочно вошедшего в популярную литературу и в нашей стране и за рубежом представления о дельфийской пифии, восседающей на треножнике над расселиной, откуда исходили приводящие ее в состояние пророческого экстаза пары. При раскопках не было обнаружено никаких следов такой трещины или углубления под храмом Аполлона. Если же предположить, что эта расселина исчезла в результате землетрясения или обвалов, нередких в этих местах, то и тогда не остаются места для выхода газов, геологически исключаемых твердыми местными породами.³⁵

Большинство свидетельств письменной традиции говорит о пророческом экстазе пифии, вдохновлявшейся одурманивающими парами, выходящими из расселины, над которой она восседала на треножнике (другой вариант — она впадала в экстаз, входя в пещеру).³⁶ Но это объяснение экстаза пифии появляется в источниках с конца IV в. до н. э. (Cic. Div., I, 36, 79; Diod., XVI, 26; Strab. IX, 3, 5, p. 419; Plut. De Pyth. or., 17 402 e; Plin. N. h., II, 208; Apollod., I, 4, 1; Paus., X, 5, 6—7; Justin, XXIV, 6; Serv. ad Verg. Aen., 3, 92 и др.). Ранее в источниках мы не находим никакого указания на расселину или пещеру как источник вдохновения пифии. Авторы V и IV вв. до н. э., рассказывая о боге, прорицающем в Дельфах, или о пи-

³⁴ Dodds E. R. The Greeks and the Irrational. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 69.

³⁵ Глушкина Л. М. Из новой литературы о Дельфах. С. 160 (со ссылками на результаты археологических раскопок).

³⁶ Открытие дурманящих свойств испарений традиция приписывает пастуху Корету (Diod., XVI, 26; Paus., X, 5, 6—7). Согласно другой версии, эти испарения были результатом гниения Пифона — чудовища, убитого Аполлоном и упавшего в расселину (HH II, 371—372; Suid., s. v. Pythonos, Pytho) см.: Holland L. B. The Mantic Mechanism... P. 202; Crow J. A. Greece... P. 27—28.

фии, изрекающей оракулы, постоянно упоминают лишь о треножнике как обязательном атрибуте прорицания (Eurip. Ion., 91; ср.: 461; Or., 162; 329). Аполлон у Еврипида изрекает оракулы с треножника (Iphig. T., 1252—1254; Or., 955—956; Ion., 336; Electr., 980). Сцена борьбы Аполлона с Гераклом за треножник — очень популярная тема в литературе и искусстве эпохи классики.³⁷ Кроме свидетельств литературной традиции, изображения на вазах также показывают пифию, пророчествующую с треножника; на вазе V в., найденной в Вульчи, сохранилось даже изображение Фемиды, изрекающей оракулы с треножника.³⁸

Но в таком случае требует объяснения распространившаяся уже в древности традиция о пророческом экстазе и иступлении пифии. Еще в начале нашего столетия в связи с первыми результатами раскопок в Дельфах против мнения о том, что пифия вдохновляется парами, поднимающимися из расселины, выступили У. фон Виламовиц-Меллендорф и А. Оппе.³⁹

По мнению большинства современных авторов, то объяснение, которое мы находим в античных источниках, начиная с IV в. до н. э., является изобретением эллинистического времени и представляет собой неубедительную попытку рационалистического толкования экстаза пифии.⁴⁰ Но, несмотря на это, старая красочная версия упорно сохраняется в популярной литературе и даже некоторых научных трудах. К подобным попыткам рационалистического толка относится и следующее толкование, предлагаемое Л. Б. Холландом: в качестве источника экстатического состояния пифии выдвигается сжигание в нижней части святилища особых растений, дающих дурманящий эффект.⁴¹

Большинство современных авторов склоняется к психологическому объяснению экстаза пифии. Автор одной из самых авторитетных работ по данному вопросу Э. Доддс, используя наблюдения и опыт современных медиумов, полагает, что самое убедительное объяснение экстаза пифии — самовнушение.

³⁷ Об отражении этой темы в искусстве см.: Parke H. W., Boardman J. The Struggle for the Tripod // JHS. 1957. Vol. 77. Pt. I. P. 278—281.

³⁸ Ранние изображения пифии на сосудах сгруппированы в издании: Robbins F. S. The Lot Oracle at Delphi // CIPh. 1916. Vol. XI. P. 278 ff.; ср.: Amandry P. La mantique... P. 66 ss.

³⁹ Wilamowitz-Möllerndorff U. von. Apollon // Hermes. 1903. Bd 38. H. 4. S. 579; Oppé A. P. The Chasm at Delphi... P. 214—240.

⁴⁰ См., напр.: Dodds E. R. The Greeks and the Irrational... P. 73. — По мнению Г. Парка, рационализация особенно характерна для античной традиции, начиная с IV в. до н. э., он приводит и другие подобные примеры: Эфор, описывая основание святилища Аполлоном, рассказывает о победе бога над разбойником по имени Пифон, который носил прозвище Змея (Ephor. ap. Strab., IX, 3, 12, p. 422—423-FgrHist 70 F 31). Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle... Vol. 1. P. 22.

⁴¹ Holland L. B. The Mantic Mechanism... P. 214.

Ритуальные действия, которые предшествовали прорицанию, по мнению автора,⁴² хорошо согласуются с таким объяснением: омовение в водах Кастальского источника, глоток воды этого священного ключа, установление контакта с божественным началом с помощью его священного дерева — лавра (пифия держала ветвь лавра, жевала его листья, окуривала себя этим растением) и другого предмета культа — треножника.⁴²⁻⁴³ Э. Доддс подчеркивает, что все эти процедуры именно сопровождают самовнушение, ведь ни одна из них, как это было проверено опытным путем,⁴⁴ не производит никакого физиологического эффекта, не приводит в состояние транса.

По-видимому, в традиции о причинах вдохновения пифии нашли отражение и представления древних греков о тех особенных свойствах, которыми отличалось место расположения знаменитого святилища, ведь на карте, составленной Гекатеем, Дельфы находились в центре обитаемой земли. О природных красотах окрестностей Дельф, о тамошнем величественном пейзаже неоднократно писали античные авторы. В Дельфах греки ощущали близость бога и верили, что здесь открывается его воля; по выражению М. Делькур, можно говорить о своеобразном «гипнозе места».⁴⁵ Обратимся к свидетельству Страбона: «...все же и местоположение самого святилища кое-что прибавило к его славе. Ведь оно расположено почти в центре всей Греции как по эту, так и по ту сторону Истма, полагали также, что оно находится в центре обитаемого мира и называли его пупом земли; вдобавок был сочинен миф, передаваемый Пиндаром, о том, что здесь встретились оба орла (некоторые говорят, что это были вороны), выпущенные Зевсом: один — с запада, другой — с востока. В храме показывают также что-то вроде пупа, обвязанного лентами; на нем находятся два изображения встречи мифических птиц» (Strab., IX, 3, 6, p. 419—

⁴² Dodds E. R. *The Greeks and the Irrational*... P. 73—74.

⁴³ Особенную роль в процедуре прорицания священным предметом — треножнику, фиалу, ветви лавра — отводит также П. Амандри (Amandry P. *La mantique*... P. 41 ss.) Г. Парк, кроме того, значительное внимание при исследовании данного вопроса уделяет, как уже упоминалось, значению и смыслу расселины или пещеры в механизме прорицания, которые были связаны с культом Матери Земли. Затем, когда Аполлон занял место Геи, акцент, по мнению автора, был перенесен на треножник как на предмет, более тесно связанный с новым божеством, см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*... Vol. I. P. 12—45; Использование треножника в Дельфах и для жребия объясняется стремлением наделить предметы жеребьевки божественной силой, см.: Holland L. B. *The Mantik Mechanism*... P. 203—204; Amandry P. *La mantique*... P. 29 ss.; Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*... Vol. I. P. 25.

⁴⁴ Dodds E. R. *The Greeks and the Irrational*... P. 73; Lloyd-Jones H. *The Delphic Oracle*... P. 67.

⁴⁵ Delcourt M. *L'oracle de Delphes*... P. 226; см. также: Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*... Vol. I. P. 1—2; Forrest W. G. G. *Delphi*... P. 306.

420, пер. Г. А. Стратановского; о знаменитом пупе земли, который греки называли *omphalos*, см. также: Paus., X, 16, 3 и др.).

Однако славу святилище в Дельфах, по словам того же Страбона (*ibid.*), приобрело все же благодаря оракулу, ведущая роль в деятельности которого принадлежала конечно жречеству. Как известно, в Греции не существовало жреческого сословия. Замкнутые жреческие корпорации, живущие за счет доходов своей ритуальной службы, были необычным для Греции явлением, за исключением служителей при некоторых храмах, в том числе и при Дельфийском.

Самое раннее сообщение о жрецах Аполлона в Дельфах мы находим в Гомеровском гимне Аполлону Пифийскому. Автор гимна повествует, что Аполлон в поисках жрецов для своего святилища «залетает» дельфином на корабль критян, плывший в Пирос, и поворачивает его в сторону Крисы (ст. 210—261). Там Аполлон указывает им в качестве места поселения Пифо и дает наставления для исполнения жреческих обязанностей (ст. 262—366). Сообщение о том, что первыми жрецами Аполлона в Дельфах были критяне, вполне согласуется с обилием критского материала в слоях VIII—VII вв.⁴⁶

Дельфийское жречество избиралось из самых знатных и влиятельных дельфийских семей, о чем упоминает и Гомеровский гимн, где говорится, что плывущие на корабле критяне были людьми знатными (*esthloi* — ст. 217), об этом свидетельствует и последующая традиция (Eurip. Ion., 413—416).⁴⁷

Из храмового персонала в источниках упоминаются жрецы (*hierais* — Plut. De def. or., 51, 438b; De E ap. Delph., 5, 386b—c; 16, 391d—e), а также профеты (*profetai* — Her., VIII, 36 и 37; Eurip. Ion., 423 sqq.; Plut. De Def. or., 51, 438b). Последнее название является, по-видимому, синонимом слова *hieraeus*, так как у нас нет никаких указаний источников на функции профетов, отличные от жреческих обязанностей. Именно жрецы, формально выполняя роль посредников между пифией и вопрошающими, в действительности оказывали большое влияние не только на форму, но и на содержание ответа.

Следующей по значению жреческой должностью являлась

⁴⁶ О связях Дельф и Крита см.: Люперсольский П. И. Храмовый город в Дельфах с оракулом Аполлона Пифийского в Древней Греции. СПб., 1869. С. 103—120; Graves R. The Greek Myths... Vol. I. P. 181; Lloyd-Jones H. The Delphic Oracle... P. 62; Snodgrass A. Archaic Greece... P. 140; Forrest W. G. G. Delphi... P. 308; Fine J. V. A. The Ancient Greeks... P. 116.

⁴⁷ О составе жречества мы имеем достаточные сведения лишь для позднейших периодов. Эти материалы были тщательно проанализированы еще в конце прошлого века, см.: Никитский А. Дельфийские эпиграфические этюды. Вып. I—VI. Одесса, 1894—1895. С. 127 сл.; см. также: Глускина Л. М. Политическая роль Дельфийского оракула (Из истории Дельф VI в. до н. э.): Канд. дис. Л., 1948. С. 6—7.

должность госиев,⁴⁸ которые, наряду со жрецами, упоминаются в дельфийских надписях.⁴⁹ Госии (*hosioi* — «чистые», «освященные») также, по-видимому, участвовали в процедуре про-
рицания.⁵⁰ Плутарх, рассказывая о том, что пифию охватило
неистовство, когда ее принудили прорицать без благоприятных
знамений, указывает, что крики пифии заставили бежать не
только лиц, вопрошавших оракул, но и пророфа и присутство-
вавших из госиев (*De def. or.*, 51, 438 b). В другом месте Плу-
тарх сообщает, что госии — пожизненная должность, произво-
дят они себя от Девкалиона, число их равно пяти и «они во
многих делах споспешествуют толкователям пророчеств и вме-
сте с ними совершают жертвоприношения» (*Quaest. graec.*, 9,
292 d, пер. Н. В. Брагинской). В источниках засвидетельст-
вовано, что госии были связаны не только с культом Аполло-
на, но и с культом Диониса в Дельфах (*Plut. De Is. et Os.*, 35,
365 a).⁵¹ По мнению А. Никитского, эта связь характерна для
ранних периодов дельфийской истории.⁵² Л. М. Глузкина же
полагает, что даже если такое предположение и верно, то «в
поздний период вряд ли разграничение функций между служи-
телями двух дельфийских богов имело серьезное значение».⁵³
Таким образом, верхушка дельфийского жречества состояла из
семи лиц.

Существовал и служебный персонал:⁵⁴ прежде всего упо-
минаются неокоры (*neosoroí*). В ранние периоды дельфийской
истории они выполняли обязанности по поддержанию чистоты
и порядка в храме, но часто заботились вообще об исправном
содержании храмов, об украшении их во время праздников,
заведывали священной утварью и т. п. (напр., Ион у Еврипи-
да).⁵⁵ Впоследствии эту должность занимали богатые дель-
фийцы, имевшие, по-видимому, отношение к финансовым де-
лам храма. Неокоры были при каждом храме (в Дельфах их
было несколько), число их неизвестно. При Дельфийском свя-

⁴⁸ Однако некоторые современные авторы ведущую роль в жреческой
корпорации в Дельфах отводят именно госиям: по предположению Н. В.
Брагинской, они направляли политику оракула, тогда как пророфет, присут-
ствовавший вместе с ними при ответе пифии, только перелагал оракул в
стихи, см.: Плутарх. Застольные беседы / Отв. ред. Я. М. Боровский,
М. Л. Гаспаров. Л., 1990. С. 505, прим. 1 (к Греч. вопр., 9, 292d).

⁴⁹ ВСН. 1898. Т. XXII. Р. 76—77; 1925. Т. XLIX. Р. 83.

⁵⁰ Латышев В. В. Очерк греческих древностей... Ч. 2. С. 197; Глуз-
кина Л. М. Политическая роль Дельфийского оракула. С. 8; ср.: Амандру Р. La mantique... Р. 123—125.

⁵¹ Parke H. W. A Note on the Delphic Priesthood // *CIQ*. 1940. Vol.
34. N. 1—2. Р. 85—89; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic
Oracle... Vol. 1. Р. 31.

⁵² Никитский А. Дельфийские эпиграфические этюды... С. 147.

⁵³ Глузкина Л. М. Политическая роль Дельфийского оракула. С. 8.

⁵⁴ О служебном персонале см.: Латышев В. В. Очерк греческих древ-
ностей... Ч. 2. с. 60—61; Амандру Р. La mantique... Р. 125.

⁵⁵ Латышев В. В. Очерк греческих древностей... Ч. 2. С. 60.

тилище существовали и экскурсоводы — периегеты (*periegetai*), показывавшие посетителям священные памятники Дельф.⁵⁶

Роль дельфийского жречества в духовной жизни Греции трудно переоценить. Дельфы в период архаики были признанным руководителем Эллады в религиозных делах, им отводилась заглавная роль в установлении култов героев и поклонения богам. Со значением Дельф в религиозных вопросах было связано и установление греческого календаря, который представлял собой не что иное, как цикл государственных религиозных праздников. Со святилищем в Дельфах связывалась столь важная в греческом обществе идея очищения, прежде всего от убийства, а также от любого осквернения. Именно дельфийское жречество устанавливало процедуру очищения как для частных лиц, так и для полисов в целом. Дельфийская система идей являлась концентрированным выражением восходящих к древности обычаев и представлений, столь ярко сформулированных в гномах, приписываемых семи мудрецам. Канон семи мудрецов, составленный древними, в античной литературе, неотделим от Аполлона и оракула в Дельфах. О значении Аполлона и Дельф в интеллектуальной жизни Греции говорит прочная связь их с традиционной мудростью, идущей из глубины веков, связь, сохраняемая прежде всего в аристократической среде и святилищах, подобных Дельфийскому.

Именно эта древняя мудрость, присущая дельфийскому жречеству, участие которой в общественном устройстве было необходимым условием, стала залогом влияния оракула не только в области религиозной и моральной, но и политической. Особенно глубоким и действенным это влияние было в таких магистральных направлениях движения к формированию полиса, как законодательная реформа и колонизация. Именно в этих областях наиболее ярко проявился рациональный и конструктивный подход греков к решению общественных проблем и преодолению социальных противоречий, и обеспечен он был взаимодействием новаторской инициативы и накопленного опыта, традиционных основ, носителем которых выступило дельфийское жречество.

Однако популярность и авторитет оракула обеспечивался не только этой стороной его деятельности. В эпоху настоящего бума мистических учений и таинств особенно привлекательным выглядел сам процесс общения с божеством, которое, как считали древние, происходило в Дельфах. С этим оракулом Аполлона связывались многие виды прорицаний, особо следует выделить клеромантию, но господствующими были экстатические предсказания, которые пифия — жрица, унаследованная культом Аполлона от предшествующего поклонения в

⁵⁶ Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle...* Vol. II. P. X.

Дельфах женскому божеству Земли, — давала в состоянии транса и которые оформлялись жрецами в прозаические или стихотворные ответы. Пифия считалась посредницей между Аполлоном и вопрошающим оракул, включалась в культ этого бога. Феномены транса, экстаза были неотделимы от функционирования Дельфийского святилища, использовались его жрецами.

А. В. ПЕТРОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В РАННЕМ ПИФАГОРЕИЗМЕ (данные традиции)

В литературе, посвященной пифагорейской политике, принято говорить, с теми или иными оговорками, о политической деятельности братства, об аристократическом или демократическом ее характере, о политических взглядах его членов, а также о политической теории, формировавшей эти взгляды.¹

Однако, исследуя чьи-либо политические воззрения, надо отдавать себе отчет о том, какого рода результата мы добиваемся: стремимся ли мы получить по окончании анализа некую реально существовавшую систему взглядов, т. е. политическую теорию, или лишь набор высказываний и тенденций, не обязательно согласованных друг с другом. В последнем случае теория, если мы ее получили, окажется осознанной лишь нами, а не теми, кому мы ее приписываем. Кроме того, если восстановленная нами теория реально существовала, мы можем путем сопоставления отдельных ее утверждений реконструировать недостающие положения и даже основополагающие принципы, не сформулированные автором прямо.² В противном случае, обнаруживая подобные недостающие звенья, мы вполне можем ошибочно приписать автору то, что лишь логически необходимо, но им никогда не осознавалось и не подразумевалось.

© А. В. Петров, 1997

¹ О существовании политической теории у пифагорейцев прямо говорят немногие авторы: Minar E. *Early Pythagorean Politics in Practice and Theory*. Baltimore, 1942. P. 98—113; Нерсисянц В. С. *Политические учения Древней Греции*. М., 1979. С. 28—49; История политических учений / Под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Редькина. М., 1960. С. 54—55; История политических учений / Под ред. К. А. Мокичева. Ч. I. М., 1971. С. 43. Более взвешенный подход присутствует в следующих работах: Morrison J. S. *Pythagoras of Samos // Classical Quarterly*, 50, 1956. P. 152—156; Fritz K. *Pythagorean Politics in Southern Italy*. New York, 1940. P. 94—102; Кессиди Ф. Х. *От мифа к логосу*. М., 1972. С. 145—151; Гуторов В. А. *Античная социальная утопия*. Л., 1989. С. 100—126.

² Действительно, автор мог считать такие положения и принципы очевидными, формулировать в недодетализированных до нас сочинениях или устно на лекциях, или по каким-то иным причинам считать их необязательными для отдельного изложения, но при этом подразумевать.

валось. Таким образом, в самом начале исследования нужно выяснить, что мы хотим получить: реально существовавшую политическую теорию или нашу собственную конструкцию, помогающую нам понимать ход исторического процесса.

Мы попробуем разрешить этот вопрос в отношении Пифагора. Но сначала подумаем, как такой вопрос вообще можно решить. Можно опираться на общее впечатление от характера его личности: мог ли столь умудренный, «любящий мудрость» муж не иметь теоретической системы деятельности, которой занимался всю жизнь? Можно опираться на анализ отдельных политических положений, сохраненных традицией: нет ли в них следов политической теории? Можно, наконец, искать прямые указания источников, вроде: «Пифагор не только дал кротонцам наилучшие законы, но и всем эллинам наилучшее учение о благозаконной жизни».

Общее впечатление, складывающееся из тех источников, которые мы имеем основание считать в большей или меньшей степени достоверными, рисует Пифагора создателем разных теорий — натурфилософской, воспитательной, религиозной, математической, музыкальной, а также политической. Однако, если мы начнем искать прямые указания на существование политической теории, то ситуация окажется иной. Натурфилософское учение приписывается пифагорейцам Аристотелем (*De coelo*, II, 13, 293 a) и Евдемом (фр. 146 Wehrli); математическая теория — Аристоксеном (DK 58 B 2) и тем же Евдемом (фр. 133 Wehrli); теория механики — Аристоксеном (DK 47 A 1); религиозная теория — Дикеархом (*Porph., Vita Pyth.*, 19). Кроме того, Аристоксен (DK 58 D 5) и Аристотель (*Met.*, I, 5, 985 b — 986 a) говорят о существовании некой общей пифагорейской теории. А вот политическая теория не приписывается пифагорейцам вплоть до Ямвлиха (*Vita Pyth.*, 230), разве что еще Диоген Лаэций упоминает сочинения Пифагора «О государстве» (VIII, 6), да Стобей приводит цитаты из сочинения Архита «О законе и справедливости» (IV, 1, 135 Meineke), которое, по-видимому, написано в эллинистическую эпоху.³

Само по себе отсутствие прямых указаний на существование политической теории у пифагорейцев в ранних источниках не может свидетельствовать против ее существования, однако оно должно стать предметом размышления. Обратимся к текстам, которые могут показать, что у пифагорейцев существовал не просто набор отдельных взглядов на политику или устойчивая политическая тенденция, но система взглядов с теоретическими положениями.

Согласно справедливому, на наш взгляд, мнению Майне-

³ См.: Thesleff H. *The Pythagorean Texts of Hellenistic Period*. Abo, 1965. P. 75 (о подложности сочинения). За его подлинность высказывается: Morrison J. S. *Pythagoras of Samos*... P. 155. N 3.

ра,⁴ такого рода теория содержится во фрагменте «Пифагорейских изречений» Аристоксена, сохраненном Ямвлихом (*Vita Pyth.*, 174—176-DK 58 D 3). К чему сводится эта теория? Для установления справедливости наиболее действенна власть богов. Государство, законы, справедливость и право даны нам богом. В связи с этим нужно считать, что бог есть и что он надзирает за нами. Людям необходимо предводительство бога, поскольку всякое живое существо наделено страстями; божество дает ему благоразумие и порядок. Нет большего зла, чем анархия, так как человек не может спастись, если им никто не руководит.

На каком основании мы считаем, что данный текст излагает политическую теорию? Во-первых, этот текст посвящен политике. Во-вторых, он представляет собой систему: он содержит общее теоретическое положение о божестве как источнике закона, а частные, практические положения — о благочестии и почитании родителей, — которые мы здесь опустили, представляет в виде выводов из него. В-третьих, этот текст является рассуждением.

У нас, однако, имеются две серьезные оговорки. Стиль отрывка производит впечатление не очень аккуратной компиляции, распадающейся на отдельные части. Да и сам Аристоксен утверждает, что он «приводит пифагорейские установления по отдельности», а не излагает целостную политическую систему. Кроме того, указанные положения обнаруживают свои параллели в платоновском «Государстве».⁵ Такую зависимость от «Государства» можно видеть и в других фрагментах Аристоксена, особенно в тесно примыкающем к рассмотренному фрагменте 35 Wehrli (DK 58 D 4). В связи с этим было бы странно, если бы Аристоксен, передавая здесь мысли пифагорейцев, не вспомнил о текстах Платона, к которым он обычно любит прибегать. Мы склонны считать, что такая зависимость оказалась не в области конкретных мыслей (на это могли бы указать текстуальные совпадения, которых мы не обнаружили), а в общей схеме изложения, в платонически окрашенном духе получившейся системы, т. е. именно в той области, которая нас интересует. Итак, единственный безусловно теоретический текст, связанный с пифагорейской политикой, выражает заметное влияние платоновской концепции, в первую очередь в отношении приведения его в систему.

Остается, однако, еще одна возможность обнаружить политическую теорию, а именно рассмотреть те отдельные положения, которые разбросаны по древним свидетельствам. В нашем распоряжении имеются два пассажа, которые, по мнению их

⁴ Minar E. *Early Pythagorean Politics*. . . P. 99—102.

⁵ Бог как источник закона — IV, 427 a—e; бог, законы и наказания обуздывают дурную часть души — IX, 571 a—572 b; 590 d—591 a; о рассудительности и порядке — IV, 430 e.

автора, достаточно четко выражают суть пифагорейского учения. Один принадлежит Дикеарху, другой — Аристоксену.

Дикеарх⁶ говорит, что, когда Пифагор появился в Италии и произнес речи перед кротонцами, они настолько пленились речами, что стали его учениками. Он продолжает: «...но о чем он говорил собеседникам, никто не может сказать с уверенностью, ибо не случайно окружали они себя молчанием; но прежде всего речь шла о том, что душа бессмертна, затем, что она переселяется в животных и, наконец, что все рожденное вновь рождается через промежутки времени, что ничего нового на свете нет, и что все живое должно считаться родственным друг другу» (Porph., Vita Pyth., 19; пер. М. Л. Гаспарова).

Текст из «Пифагорейской жизни» Ямвлиха, по всей видимости восходящий к Аристоксену,⁷ рассказывает о порядке жизни в уже возникшем пифагорейском обществе. Перечислив события дня, Аристоксен завершает: «Перед тем как разойтись, виночерпий наливал им вина для возлияний, и по совершении возлияний самый старший произносил следующие заповеди: домашним и плодовым растениям вреда не причинять и не губить их, равно как и животным, не причиняющим вреда человеческому роду, не вредить и не губить их. Кроме того, он наставлял относиться с благоговением, иметь добрые помыслы о богах, демонах и героях, и точно так же относиться в помыслах к родителям и благодетелям, закону помогать, с беззаконием воевать. После этих слов все расходились по домам» (Iam., Vita Pyth., 99—100-DK 58 D 1, пер. А. В. Лебедева).

При сравнении этих текстов видно, что там, где Пифагор излагает основные положения учения, нет ни слова о политических проблемах. Однако они оказываются достаточно важными, чтобы быть сформулированными в ежевечернем наставлении, наряду с высказываниями, связанными с учением о переселении душ, культом и этикой. Кроме того, политическая заповедь, как и прочие, излагается, очевидно, в форме акусмы; акусмы же претендуют на то, чтобы быть наиболее архаичной формой пифагореизма.⁸ Но при этом в них невозможно усмотреть сокращенное изложение теории, как нередко представляется в связи с традицией об акусматиках и математиках.⁹

⁶ О принадлежности текста Porph., Vita Pyth., 19 Дикеарху см.: Burkert W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge (Mass.), 1972. P. 122. N 7.

⁷ Boissac P. *Sur la vie pythagoricienne* // *Revue des Etudes Grecques*. T. 52, 1939. P. 39—40.

⁸ Marcovich M. A. *Pythagorica* // *Philologus*. 108. 1964. P. 24—44.

⁹ Согласно этой версии, акусматики получали лишь формулировку вывода, а математики — его обоснование (Porph., Vita Pyth., 36—37). Хотя в раннем пифагореизме и существовали степени посвящения (см.: Milner E. *Early Pythagorean Politics* ... P. 29—34; Morrison J. S. *Pythagoras of Samos* ... P. 150—151), мысль об акусматиках как экзотериках, а математиках как эзотериках более позднего происхождения (см.: Burkert W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism* ... P. 192—208).

Скорее, наоборот — позднейшее толкование акусмь встраивало их в те или иные теории, как произошло с изречением «у друзей все общее». Среди акусмь мы больше не находим ни одной политической характеристики. Правда, в толковании трех акусмь появляется политический смысл,¹⁰ однако толкование акусмь (во всяком случае то, которое нам известно) более позднее и непифагорское.¹¹

Таким образом можно заключить, что из двух фрагментов, излагающих суть пифагорейского учения, тот, в котором формулируется политический принцип (Аристоксен у Iam., Vita Pyth., 99—100), не может служить свидетельством в пользу существования политической теории в раннем пифагореизме, хотя он и показывает значимость политической проблематики.

Данный фрагмент Аристоксена полезно сравнить с тем, о политической окраске которого мы говорили выше. Тогда станет ясно, в чем проявляется модернизирование Аристоксена в его теоретическом тексте. Он пишет: «Наиболее действенной для установления справедливости Пифагор считал власть богов, и как данные ею свыше устанавливал он государство, законы, справедливость и право. Не худо бы, впрочем, привести его установления по отдельности. Пифагорейцы считали полезным (научившись этому от него) думать о божестве, что оно есть, и причем относится к человеческому роду так, что оно надзирает за ним, а не оставляет без внимания. Ибо мы нуждаемся в таком предводительстве, против которого у нас не будет ни малейших оснований восставать, а таково предводительство, осуществляемое богом, коль скоро божество достойно править Вселенной. Животное, говорили они, по своей природе склонно к преступной наглости (*ὀβρισιχόν*) — и правильно говорили — и наделено всевозможными порывами, желаниями и прочими страстями. Поэтому оно нуждается в таком превосходстве и угрозе, от которых будут происходить дисциплина (*σοφροσύνη*) и порядок (*τάξις*). Стало быть, полагали они, каждый должен, осознав в своей совести запятнанность своей природы, никогда не забывать о благочестии и почитании по отношению к божеству, но постоянно представлять в мыслях, что оно надзирает и следит за человеческим поведением. После богов и демонов с наибольшим уважением надо относиться к родителям и закону и подчиняться им не притворно, но с убеждением. Вообще, думали они, надо полагать, что нет большего зла, чем анархия, так как человек по своей природе не

¹⁰ Diog. Laert., VIII, 34; «воздерживайся от бобов», потому что они имеют олигархический смысл, ибо ими кидается жребий; «хлеб не разламывать», потому что это ведет к трусости на войне; Porph., Vita Pyth., 42; «венок не обрывай», т. е. не нарушай законов, ибо они увенчивают город.

¹¹ Burkert W. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism ... P. 174—175.

может спастись, если никто им не руководит» (Iam., Vita Pyth., 174—175-DK 58 D 1; пер. А. В. Лебедева).

Нетрудно заметить, что порядок произнесения изречений на вечерней проповеди превратился здесь в порядок логического рассуждения, которое, кроме того, дополнено двумя положениями общего характера—о дерзости (*ὑβρις*) и об анархии, окончательно превратившись, таким образом, в теоретический текст, посвященный политике. Нам бы хотелось показать, что не только приведение этих высказываний в систему, но и придание политической окраски тексту в целом—заслуга Аристоксена, а не пифагорейцев. Для этого мы должны обратиться к другим свидетельствам, в которых говорится о дерзости и анархии, и убедиться, что это не политические понятия.

Среди дошедших до нас фрагментов Аристоксена, относящихся к пифагорейцам, имеется обширное рассуждение на воспитательно-этическую и диетологическую тему. Здесь мы и встречаем эти понятия в их подлинном контексте. Говоря о воспитании детей, Аристоксен сообщает (Iam., Vita Pyth., 200—213-DK 58 D 8): по мнению пифагорейцев, дети должны быть дисциплинированными (*εὐταχτεῖν*) и целомудренными (*σοφρονεῖν*) и воздерживаться от типичных детских пороков—необузданности и дерзости. Далее, переходя к теме питания, он вновь приводит мнение пифагорейцев о воздержании от тщетных, вредных, излишних и распущенных (дерзких) желаний. Затем то же понятие распущенности (дерзости) приводится также и в связи с половыми проблемами, где оно вновь противопоставляется *σοφροσύνη*, но уже не в смысле дисциплины, а в смысле целомудрия. Здесь же фигурирует и краткое замечание на политическую тему о необходимости благообразной власти (*ἀρχή*), которая не дает гражданину делать то, что он захочет. Однако именно здесь видно, что политический пример носит частный характер, являясь применением общего принципа: «животное, представленное самому себе, быстро дичает, становясь дурным и негодным» (Iam., Vita Pyth., 203).

Хотя в этом тексте нет термина «анархия», он встречается в другом фрагменте из Аристоксена у Стобея (DK 58 D 4), где говорится о частных примерах того, что противоположно анархии: в государстве, в воспитании, в еде, а в качестве синонимов, точнее, проявлений анархии указываются беспорядок и диспропорция—*ἀταξία* и *ἀσυσμμετρία*. Уже здесь видно, что анархия—термин более широкий, чем политический. В пользу этого, на наш взгляд, говорит и фрагмент, повествующий о значении *ἀρχή* (Iam., Vita Pyth., 182—183), где *ἀρχή* государственная рассматривается как частный случай *ἀρχή* вообще. Если вернуться к рассмотренному выше тексту Аристоксена (Iam., Vita Pyth., 200—213), то там мы обнаружим близкие к «анархии» понятия атаксии и асимметрии и вновь, как и в случае с понятием дерзость, в диетологическом контексте. Складывается

впечатление, что «анархия» обозначает причину атаксии как воспитательно-диетологического явления и трех основных видов дурного желания: *ἀσυχνησύνη*, *ἀσυμμετρία*, *ἀχαίρια*, т. е. желания изначально недостойного, желания несоответствующего ситуации и желания несвоевременного (DK 58 В 8, Стобей). Возможно, что связь понятия «анархия» с нравственно-медицинской проблематикой, которую мы здесь пытаемся установить, может подчеркнуть чисто медицинское значение понятия «монархия» у современника Пифагора, кроточского медика Алкмеона, которое означает господство одной из сил организма над другими и противоположно «исономии» (DK 24 В 4).

Таким образом, понятия «дерзость» и «анархия» оказываются принадлежащими более широкому контексту, чем политический, включающему, наряду с политикой, медицину и учение о страстях. Прежде чем перейти к другим свидетельствам о политическом учении пифагорейцев, мы приведем текст, относимый к Архиту и наглядно показывающий, что политическая тематика является лишь частным примером для учения о страстях.

Цицерон сообщает (De senectute, 13, 39—40; DK 17 А 9): «...по словам Архита, самый губительный блч, который природа могла дать людям, — плотское наслаждение; страсти, жаждущие этого наслаждения, безрассудно и неутержливо стремятся к удовлетворению. Отсюда случаи измены отечеству, ниспровержение государственного строя, отсюда тайные сношения с врагами; словом, нет преступления, нет дурного деяния, на которое страстное желание плотского наслаждения не толкнуло бы человека... В то время как самое прекрасное, что человеку даровала природа или какое-нибудь божество, — это разум. Ничто так не враждебно этому божественному дару, как плотское наслаждение» (пер. В. О. Горенштейна).

Из этого текста видно, что под анархией подразумевается отсутствие власти этого божественного начала, т. е. разума, что и приводит к беспорядку и диспропорции неумеренных страстей. На этом основании фразу, заключающую текст Аристоксена у Ямвлиха (Vita Pyth., 174—176) — *οὐ πεφωκέναι τὸν ἀνθρώπον δια νόμου καὶ μηδενὸς ἐπιστάτοιο*, — которую мы раньше трактовали политически, ориентируясь на созданный Аристоксеном политический контекст, и переводили: «человек по своей природе не может спастись, если им никто не руководит», теперь мы можем понять иначе: «человек по своей природе не может сохранять нормальное состояние, если им ничто не руководит», подразумевая под этим руководящим началом (*ἀρχή*) разум.

Вторая группа свидетельств, содержащая еще пять терминов, так или иначе относящихся к политической сфере, — «справедливость», «беззаконие», «равенство» (исономия), «удобный момент» и «дружба» — переводит нас в область пифагорейской математики. Ассоциация пифагореизма с математи-

кой одна из самых устойчивых. Знаменита теорема Пифагора о прямоугольном треугольнике, применявшаяся в самых разных областях, — от теоретической математики до создания роскопов. Популярно представление о промежуточной роли математики между познанием чувственного и идеального. Пифагорейцы считаются создателями числового религиозного символизма и математической теории музыки. Формирование такого представления продолжалось вплоть до последних веков античности. Краеугольный же его камень был заложен, видимо, Аристотелем. Самое знаменитое его свидетельство содержится в «Метафизике» (I, 5, 985 b-DK 58 B 4): «...так называемые пифагорейцы, впервые занявшись математическими науками, двинули их вперед, и поскольку они были воспитаны на них, то сочли их начала началами всех вещей. А так как первые по природе начала этих наук — числа, в числах же, как им казалось, наблюдается много подобий с сущими вещами и процессами... дескать, такое-то свойство чисел есть справедливость, такое-то — душа и ум, другое — удобный момент... то они стали полагать, что вся вселенная — гармония и число» (пер. А. В. Лебедева).

Тезис «все есть число» понимался в истории пифагореизма по-разному. В нем виделось указание на числовую философию, числовой атомизм; всеобщность числа понималась как всеобщность числового закона, регулирующего отношения вещей, как всеобщность числового субстрата, формирующего их материю. Мы хотели бы отметить три момента. Во-первых, ни одно из предлагавшихся объяснений нельзя считать полностью удовлетворительным. Во-вторых, не следует полагать, что Аристотель выдумал этот принцип, вероятно, он, как обычно, изложил пифагорейские воззрения на свой лад. В-третьих, в значительной части свидетельств, где говорится о так называемой числовой философии, мы имеем дело не столько с онтологией, сколько с этикой. И в этом свидетельстве два примера из трех относятся к данной области: «справедливость» и «удобный момент». В другом месте «Метафизики» (XIII, 4, 1078 b) он вновь говорит, что пифагорейцы, определяя вещи, соотносили их с числами, например: что есть момент, справедливость или брак, а также мнение, удобный случай, беззаконие, разделение или смешение. И хотя в «Никомаховой этике» (V, 8, 1132 b) он приводит определение справедливости как некой правовой категории, «воздаяние равным за равное», ясно, что принцип талиона имел значимость для пифагорейцев не сам по себе, а лишь благодаря его математическому основанию: «справедливость есть равностно равное число» (Magn. Eth., I, 1, 1182 a), иллюстрацией которого он являлся. Понятие «удобный момент», активно использовавшееся при описании отношений старших и младших (DK 58 D 5), в диетологии (DK 58 D 8) и в учении о страстях (там же) (мы уже сталкивались с акайри-

ей как одним из трех видов дурного желания), это понятие, судя по данным свидетельствам Аристотеля, имело сходное определение. Таким образом, мы и здесь обнаруживаем вместо самостоятельных политических определений некие арифмологические определения, установленные по неведомому для нас принципу, в которых сама политическая проблематика играет подчиненную роль.

Примечательно, что даже у Архита, уже современника Платона, фрагмент которого часто приводится, когда речь заходит о политическом учении пифагорейцев, политическая тема носит такой же иллюстративно-вспомогательный характер. В сочинении «О математических науках» он пишет (DK 47 В 3): «...изобретение счета положило конец раздору, умножило согласие. С изобретением счета исчезло лихоимство, наступило равенство, ибо благодаря ему мы рассчитываемся в сделках, благодаря ему бедные получают от состоятельных, а богатые дают нуждающимся, ибо те и другие верят, что благодаря счету получают поровну. Мерило праведных — преграда неправедных, умеющих считать оно отвращает от неправды, убедив их в том, что они не смогут остаться незамеченными, когда приступят к счету, а не умеющим считать препятствуют творить неправду, изливая их в неправде при счете» (пер. А. В. Лебедева).

Этот текст скорее представляет собой рекламу математики, чем демонстрирует попытку осмысления общественных проблем. Это лишь социальная иллюстрация утверждения Филолая о том, что «ложь вовсе не овевает числа, ибо ложь враждебна и супротивна природе, а истина свойственна и прирождена роду числа» (DK 44 В 11).

Сформулируем теперь наши выводы. Итак, мы не располагаем прямыми указаниями на то, что у древних пифагорейцев была политическая теория. Нет у нас и текстов, которые можно было бы понять как теоретико-политические. Анализ отдельных положений, относящихся к государственному устройству и принципам общественной жизни, не вскрыл политической теории как самостоятельной области в пифагореизме: все они приводятся в неполитическом контексте и носят частный характер. Даже во времена современного Платону пифагореизма мы не обнаруживаем самостоятельной политической теории, если, конечно, прав не Моррисон, а Теслефф, считающий сочинение Архита «О законе и справедливости» эллинистической подделкой.

Эти отрицательные выводы не следует понимать так, что пифагорейцы вовсе не осмыслили свою политическую деятельность и не ставили в этой деятельности широких целей. Они означают лишь то, что их политические взгляды не вырабатывались как самостоятельная система и не сложились в теоретическую программу, но обязаны своим существованием кон-

кретным потребностям (личным или сословным) членов союза, с одной стороны, а с другой — математическим и религиозно-этическим принципам, прямо переносившимся на сферу государственного строительства.

С. С. КАЗАРОВ

РИМ И ТАРЕНТ В 280 г. до н. э.: НАЧАЛО КОНФЛИКТА

В 282 г. до н. э. римская эскадра из десяти кораблей вошла в гавань Тарента, хотя согласно ранее заключенному договору римлянам было запрещено появляться за пределами Лацинийского мыса. Тарентинцы, возмущенные этим, атаковали римлян, частично потопив, частично захватив корабли противника. Таково вкратце содержание сведений античных авторов о произошедших событиях (App. Samn. 7; Dio frg. 39, 4—6; Zon. VIII 2, 2; Oros. IV, 1, 1; Liv. per. XII; Dionys Hal. XIX 4; Florus 13). Нападению тарентинцев на римскую эскадру, имевшему огромные последствия, предшествовали определенные исторические события, исследование которых представляет немалый интерес.

В. Хоффманн, специально занимавшийся исследованием источников по истории римско-тарентинского конфликта, указывает на крайнюю однобокость и субъективность источников: в центре внимания античных авторов находится «исполненный величия Рим», окружающий же итальянский мир «изображается в приглушенном виде».¹ Все это вызывает крайнюю осторожность в обращении с источниками.

В начале III в. до н. э. ситуация на Апеннинском полуострове отличалась крайней сложностью. Отечественная историография — как дооктябрьская, так и советская — выделяет три этапа становления господства Рима в Италии. Покорение греческих городов Южной Италии рассматривается как третья и завершающая фаза этого процесса.² Как образно отметил английский историк Г. Скаллард, «солнце эллинизма медленно закатывалось на западе».³ Со второй половины IV в. греческие города испытывали непрерывное давление со стороны италийских племен. Не обладая достаточной силой для отражения набегов бруттиев и луканов, греки все чаще вынуждены

© С. С. Казаров, 1997

¹ Hoffman W. Der Kampf zwischen Rom und Tarent in Urteil der antiken Überlieferung // Hermes. 1936. Bd 71. S. 11.

² См.: Герье В. Основы римской истории. М. 1899. С. 18; Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. 1. М., 1938. С. 65—66.

³ Scullard H. A History of the Roman World from 753 to 146 B. C. London, 1980. P. 140.

были прибегать к приглашению наемников из среды своих соотечественников.

Среди греческих городов Южной Италии особо выделялся Тарент (лат. *Tarentum*, греч. — ὁ Τάρας).⁴ Город был основан в 708 г. до н. э. и имел исключительно благоприятное географическое положение (об основании города см. *Plin. Nat. hist.* III, 99; *Strab.* VI, 278—280). В IV в. при Архите, философе-пифагорийце, Тарент достигает своего расцвета. Важное значение мореплавания и торговли в жизни города нашло отражение в легенде о его основании. Эпоним города Тарас считался сыном Посейдона, изображался сидящим на дельфине, и это изображение было гербом города.⁵ И хотя ряд исследователей рисуют идеальную картину развития города,⁶ таковой в начале III в. она уже не была. Все труднее этой торговой республике приходилось сдерживать натиск своих воинственных соседей, все чаще приходилось обращаться к услугам наемников. Более мелкие греческие города, как Неаполь, Регий, Фурии и Локры, не полагаясь более на помощь Тарента или Сиракуз, все чаще обращали взор в сторону Рима. Последний, заключив союз с Неаполем в 327 г., становился своего рода опекуном тех, кто в этом нуждался.⁷

Одним из первых приглашенных наемников был спартанский царь Архидам, который пал в битве с мессапиями в 338 г. Через несколько лет его место занял молосский царь Александр, добившийся определенных успехов, но затем рассорившийся с тарентинцами и павший в стычке с луканами в 330 г. Во время второй самнитской войны римские войска вступили в Апулию, к которой Тарент имел определенный интерес, и основали опорный пункт в Люцерии. В 303 г. луканы вновь возобновили свои атаки, и тарентинцы пригласили спартанского полководца Клеонида. Он также достиг определенных успехов, заставив противника заключить мир. Однако последовавшая вслед за этим ссора с тарентинцами привела к его отстранению от командования и последующему отбытию из Италии.

К этому времени между Римом и Тарентом было заключено соглашение, по которому римским военным кораблям запрещалось заплывать за Лацинийский мыс. К сожалению, об этом

⁴ О Таренте см.: Döhle A. *Geschichte Tarents bis auf seine Unterwerfung unter Rom*. Strassburg, 1877; Lorentz R. *Disquisitio de civitate veterum Tarentinorum*. Naumburg, 1833; Weinstock S. *Tarentum* // *RE*. 2. Reihe. Bd IV, Hbbd. 8, 1932. Sp. 2302—2316; Willeumier P. *Tarente des origines à la conquête Romaine*. Paris, 1939.

⁵ Немировский А. И. *История раннего Рима и Италии*. Воронеж, 1962. С. 197.

⁶ См., напр.: Нич К. *История Римской республики*. М. 1908. С. 132; Иегер О. *История Рима*. СПб., 1886. С. 72—73.

⁷ Cary M. A. *History of the Greek World from 323 to 146 B. C.* London, 1951. P. 176.

договоре нам известно только из одного источника (см. App. Samn. 7, 1). Без сомнения, этот договор должен был содержать и другие дополнительные условия.⁸ По-видимому, он должен был гарантировать безопасность Апулии от римских посягательств.⁹ Вопрос о времени заключения этого договора остается открытым: считается, что он был заключен либо при участии Александра Молосского,¹⁰ либо в период успехов спартанца Клеонима.¹¹

Временную передышку греческие города получили после высадки в Италии Агафокла, оказавшего помощь тарентинцам в борьбе с луканами. Также зафиксировано его присутствие в Апулии (Strab. VI 280; Diod. XXI, 3). Хотя предание и не сообщает нам об этом, возможно, что Агафокл в это время вошел в контакт с римлянами. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что историограф Агафокла Каллий (см.: Dion. Hal. I, 72) в своих трудах касался истории Рима.¹² Подчинив бруттиев, сиракузский тиран расширил свои владения до Кротона. И хотя считается, что операции Агафокла в Южной Италии и Адриатике, приходящиеся на последние годы его деятельности, «были для него только временной точкой приложения сил»,¹³ смерть сиракузского тирана практически вновь оставила Великую Грецию беззащитной.¹⁴

В исторической науке начала XX в. встречаются две противоположные оценки внешней политики Тарента в рассматриваемый период. Согласно первой, Тарент пытался проводить политику экспансии по отношению к местным варварским племенам, что привело его к неминуемому столкновению с луканами.¹⁵ Другая точка зрения обвиняет Тарент в излишней пассивности. Это привело к пагубным последствиям. Во-первых, тарентинцы слабо поддерживали самнитов в их великой борьбе с Римом, что привело к усилению последнего. Во-вторых, «они предоставили греческий город Фурии нападениям луканов, так что этот город, не поддерживаемый своими единоплеменниками, отдался под покровительство Рима».¹⁶ Как нам ка-

⁸ Низе Б. Очерк Римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 91.

⁹ Cary M. A History... P. 177.

¹⁰ Scullard H. A History of the Roman World... P. 140; Cary M. A History of the Greek World... S. 178.

¹¹ Низе Б. Очерк Римской истории... С. 91; Willeumier P. Tarante... S. 102.

¹² Низе Б. Очерк Римской истории... С. 90; Schubert R. Geschichte des Pyrrhus. Königsberg, 1894. S. 152.

¹³ Попов А. И. Агафокл и диадохи // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 91.

¹⁴ Подробнее о деятельности Агафокла в Италии см. Beloch C. J. Griechische Geschichte. Bd IV Abt. I. Berlin, 1927. S. 202.

¹⁵ Нетушил И. В. Римская историография. Введение к лекциям по римской истории. Харьков, 1907. С. 159.

¹⁶ Иегер О. История Рима... С. 72.

жется, эти обе крайние точки зрения не учитывают возможностей Тарента, внешняя политика которого не могла быть иной, кроме оборонительной. С другой стороны, наблюдается активизация внешней политики Рима. Пока был жив Агафокл, римляне не могли быстро решить вопрос о порабощении греческих городов. «С его смертью был устранен могущественный и влиятельный конкурент».¹⁷ Поставив под свой контроль мелкие приморские города — Локры, Фурии, Регий — римляне достигли преобладания на всем Апеннинском полуострове. Они стали твердой ногой как на побережье Адриатического моря, так и на берегу Тарентинского залива: Тарент представлял из себя последнюю независимую позицию в Италии.¹⁸

Решающие события развернулись в 282 г., когда Фурии в очередной раз обратились к римлянам за помощью против луканов. Эта просьба поставила римлян в трудное положение, так как луканы были союзниками римлян, в случае же отказа Фуриям в помощи Южная Италия оказалась бы вне сферы римского влияния.¹⁹ После нескольких лет колебаний римляне все же решили откликнуться на призыв фурийцев. Консул Фабриций Лусций был направлен в Фурии, и осаждавшие город отряды луканов во главе со Стением Статилием были полностью разбиты (Val. Max. I, 86). Чтобы более надежно защитить город и удержать его под влиянием римлян, Фабриций оставил там римский гарнизон. Полный и решительный успех римлян произвел огромное впечатление на соседние греческие города.²⁰ Обратившиеся за помощью к Риму Локры и Регий в том же году также были заняты римскими войсками.

Что же побудило Фурии, Локры и Регий обратиться именно к Риму? Причин, на наш взгляд, может быть несколько. Во-первых, Тарент, самый сильный из городов Великой Греции, настолько ослаб, что в рассматриваемый период с трудом защищал себя сам путем приглашения наемников. Во-вторых, после смерти Агафокла и распада его державы сицилийские греки были втянуты в длительную борьбу с карфагенянами, и на их помощь, естественно, нельзя было рассчитывать. В-третьих, Рим, покоривший самнитов, казался грекам силой, способной гарантировать безопасность от набегов италийцев. И наконец, в-четвертых, приход аристократов к власти в греческих городах, как справедливо отметил Р. Шуберт, способствовал их переориентации именно на Рим.²¹

¹⁷ Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 152.

¹⁸ Нич К. История Римской республики... С. 130.

¹⁹ Cross G. N. Epirus. Cambridge, 1932. P. 67.

²⁰ Willeumier P. Tarente... S. 101.

²¹ Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 152.— Действительно, судя по некоторым источникам (см. Zonar. VIII, 2; Plut. Pyrrh. 13, 14), в греческих городах шла упорная борьба между демократами и аристократами, из которых последние явно тяготели к Риму.

Вернемся теперь к тем событиям, которые произошли в гавани Тарента в 282 г. Относительно причин захода римской эскадры в Тарент источники не дают нам исчерпывающего ответа, что породило различие в оценке данных событий. Аппиан, который, по мнению В. Хоффманна, является здесь наиболее объективным,²² указывает, что римский флотоводец хотел осмотреть Великую Грецию (App. Samn. 7). Некоторые противоречия мы находим во фрагментах сочинения Диона Кассия. Так, в одном случае (frg. 39, 4) он вообще не указывает конкретной цели захода римской эскадры, в другом — такой целью прямо называет Тарент (frg. 39, 5).

По Орозию, римский флот в Таренте оказался чисто случайно (*Romanam classem forte praetereuntem* — IV 1, 1). Тит Ливий и Зонара также не говорят нам ничего определенного.

Эти противоречия, содержащиеся в источниках, не смогли преодолеть и современные исследователи. Так, Б. Г. Нибур считает, что эта эскадра обеспечивала связь с Фуриями, которые в то время находились под защитой Рима и размещали римский гарнизон.²³ К. Ю. Белох также, говоря об оккупации Локр и Регия римлянами, связывает эту экспедицию в Тарент с операциями римлян в этом регионе, в известном смысле следуя Б. Г. Нибуру.²⁴ В отличие от них Р. Шуберт отстаивает другую позицию. По его мнению, главной целью римского флота был именно Тарент, и его задачей была поддержка дружественных Риму аристократов.²⁵ Подобный взгляд до Р. Шуберта высказывал И. Г. Дройзен,²⁶ а после пытался развить Д. Кросс.²⁷ По мнению Т. Моммзена, римский флот, направляясь в Сену, колонию, основанную в 283 г., зашел в гавань Тарента с визитом дружбы.²⁸ Т. Моммзену вторит О. Иегер, добавляя, что эскадра укрылась в Тарентинской гавани от бури.²⁹

Как бы то ни было, попытка римлян установить связь по морю с их новым опорным пунктом на юге вполне понятна.³⁰ Если даже визит римлян в Тарент и нельзя прямо назвать дружеским, то уж во всяком случае у них отсутствовали какие-то злые намерения; иначе они не осмелились бы так доверчиво войти в гавань или, по крайней мере, не были бы захвачены

²² Hoffmann W. Der Kampf zwischen Rom und Tarent... S. 14.

²³ Niebuhr B. G. Römische Geschichte. Berlin, 1874. S. 971.

²⁴ Beloch C. J. GG². Bd IV. Abt. I. Berlin, 1927. S. 545—546.

²⁵ Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 153—154.

²⁶ Droysen J. C. Geschichte des Hellenismus. Bd III. Gotha, 1878. S. 121.

²⁷ Cross G. N. Epirus... P. 68—69.

²⁸ Момзен Т. История Рима. Т. I. М., 1936. С. 370.

²⁹ Иегер О. История Рима... С. 72.

³⁰ Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrhischen Krieg. Würzburg, 1927. S. 2.

врасплох. К тому же для проведения военной акции против Тарента десяти кораблей было бы мало.

Что же в таком случае могло послужить причиной столь бурной ответной реакции со стороны тарентинцев? Здесь, как нам кажется, на поверхности лежат два возможных варианта ответа, на которых в основном и остановилось большинство исследователей.

Во-первых, размещение римского гарнизона в Фуриях не могло не беспокоить тарентинцев.³¹ Этот гарнизон, по образному выражению Р. Шуберта, был «колючкой в глазу» у тарентинцев.³² В городе, с которым Тарент всегда находился в дружеских отношениях и который к тому же находился в непосредственной близости от Тарента, оказался гарнизон потенциального противника. Для проявления чувства возмущения имелись объективные основания, что и спровоцировало нападение на римский флот.

Во-вторых, появление римского флота было открытым нарушением вышеупомянутого римско-тарентинского договора, по которому римскому флоту запрещалось появляться за Лацинийским мысом.³³ По мнению ряда авторов, этот договор уже потерял свой смысл и значение, с тех пор как римляне овладели областью, лежащей на Адриатическом море к северу от Лацинийского мыса,³⁴ однако на фоне происходящих в Таренте событий появление римского флота не могло не послужить причиной мощного взрыва.

Дальнейшее развитие событий было таково. К моменту захода римской эскадры в гавань Тарента жители города праздновали Дионисии (Dio.frg. 39, 5; Zon. VIII, 2). Вид римских кораблей привел их в бешенство. Подстрекаемые демагогом Филахоридом тарентинцы напали на римский флот, потопили четыре корабля, а один захватили вместе с экипажем (App. Samn. 7). Нападение тарентинцев на римский флот и его последствия дали основания сначала К. Ю. Белоху,³⁵ а затем и К. Ничу³⁶ утверждать, что в гавани состоялась настоящая морская битва.

Быстрый и полный успех тарентинцев позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, тарентинцы должны были иметь в гавани военный флот, находящийся в боевой готовности.³⁷ Во-вторых, определенную роль должен был сыграть элемент вне-

³¹ Нетушил И. В. Римская историография... С. 160; Cary M. A History of the Greek World... P. 178.

³² Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 153.

³³ Нич К. История Римской республики... С. 132; Cary M. A History of the Greek World... P. 178.

³⁴ Иерер О. История Рима... С. 73; Scullard H. A History of the Roman World... P. 140.

³⁵ Beloch C. J. GG². Bd IV. Abt. I. S. 546.

³⁶ Нич К. История Римской республики... С. 132.

³⁷ Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 155.

запности, так как римляне явно не собирались сражаться. В-третьих, нападение на римский флот, представляемое источниками как нападение толпы «безумцев» и «черни» (App. Samn. 7),³⁸ не могло быть таковым, ибо чернь, как справедливо заметил К. Нич, никогда бы не смогла овладеть десятью военными кораблями.³⁹ Если это и не была настоящая морская битва, в чем убежден О. Гамбургер,⁴⁰ то, наверняка, короткая, но решительная стычка.

Вслед за этим шагом логически должен был последовать и другой. Тарентинцы сразу же выступили в поход против Фурий. Информация об этом походе содержится только у Аппиана (App. Samn. 7) и подавляющим большинством исследователей признается как исторический факт.⁴¹ Город был захвачен, сторонники Рима — аристократы — изгнаны из города, а римскому гарнизону была гарантирована неприкосновенность и возможность вернуться в Рим. При этом вполне естественно возникает вопрос, который почему-то не ставился никем из исследователей: принимал ли участие римский гарнизон в защите Фурий во время нападения тарентинцев, и входило ли это в его функции? Видимо, для римлян резкий поворот Тарента к открытой конфронтации мог быть неожиданным, а в функции гарнизона входила только защита города от набегов италийцев. Не имея на то указаний сената римляне воздержались от боевых действий с тарентинцами. К тому же нам ничего не известно о численности римского гарнизона.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники представляют в целом эти события как импульсивный всплеск тарентинского демоса, действовавшего чуть ли не под влиянием вина (Plut. Pyrrh. 13; App. Samn. 7; Zon. VIII, 2). Эту же версию без достаточного критического анализа принимают и некоторые исследователи.⁴² Попробуем разобраться в этом.

Назревание конфликта между Римом и Тарентом, скрытое нашими источниками, произошло довольно быстро. К 282 г. большинство греческих городов, находившихся в Южной Италии, оказались под протекторатом Рима. Политика «мирной экспансии», успешно осуществлявшаяся Римом, медленно, но неуклонно давала свои успехи. Кольцо римских владений неумолимо затягивалось вокруг Тарента. Жители Тарента сначала с недоверием, а затем с открытой ненавистью следили за

³⁸ Иегер О. История Рима... С. 74; Моммзен Т. История Рима. Ч. 1. М., 1861. С. 271.

³⁹ Нич К. История Римской республики... С. 132.

⁴⁰ Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrischen Krieg... S. 3.

⁴¹ Моммзен Т. История Рима... С. 371; Niebuhr B. G. Römische Geschichte... S. 972; Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 155; Beloch C. J. GG². Bd IV. Abt. I. S. 546; De Sanctis G. Storia dei Romani. Torino, 1907. Vol. 1. P. 382.

⁴² Моммзен Т. История Рима... С. 371; Иегер О. История Рима... С. 74.

распространением римского влияния, понимая, что в конце концов неминуемо наступит и их очередь. Политика аристократов вела город к установлению римского господства мирным путем, политика демократов приводила к военному противоборству с Римом, оставляя какую-то возможность сохранения независимости. Как справедливо отметил В. Хоффманн, оба эти пути в конечном итоге все же приводили к концу политической независимости Тарента.⁴³

Конфликт между Римом и Тарентом рассматривался тарентинцами как столкновение греков если не с варварами, то, во всяком случае, с чуждым им народом. Показателем в этом отношении упрек, который бросили тарентинцы жителям Фурий по поводу их обращения за помощью не к своим соотечественникам, а к римлянам (App. Samn. 7).

Потерпев неудачу в первой попытке подчинения города мирным путем, римляне предприняли вторую. В Тарент было направлено римское посольство во главе с Постумием, которое предъявило следующие требования (Dion. Hal. XIX, 5; Dio. frg. 39, 6—9; Zon. VIII 2, 3; App. Samn. 7; Oros. IV 1, 2; Liv. ep. XII; Val. Max. II 2, 5; Florus I 13, 5; Polyb. I 6, 5; Eutrop. II 11):

1. Выдача пленных;
2. Вывод войск из союзных Риму Фурий;
3. Возмещение или компенсация разграбленного имущества;
4. Выдача виновных.⁴⁴

Кажущаяся умеренность римских требований, как нам представляется, вполне объяснима. За этим скрывается попытка римлян оттянуть войну с Тарентом, что, по мнению Р. Скалы, объясняется трудным положением Рима в этот момент, сложившимся в связи с недавним окончанием войны с галлами и еще не завершившейся борьбой с этрусками.⁴⁵

Появившийся в театре Тарента перед народным собранием Постумий не был заслушан, подвергнувшись всевозможным оскорблениям. Античная традиция передает гордый ответ римских послов своим обидчикам: этот позор вы смаете кровью (Dion. Hal. XIX; App. Samn. 7; Zon. VIII, 2).

Достоверность подобных сообщений, мягко говоря, вызывает большие сомнения. К. Ю. Белох прямо считает сцену оскорбления римских послов маловероятной.⁴⁶ И. Г. Дройзен отдаст предпочтение несколько смягченным указаниям Валерия Максима (II 2, 5), отличающихся от других сообщений.⁴⁷ Р. Шу-

⁴³ Hoffmann W. Der Kampf zwischen Rom und Tarent... S. 22.

⁴⁴ Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrhischen Krieg... S. 3.

⁴⁵ Scala R. Der pyrrhische Krieg. Berlin, 1884. S. 122.

⁴⁶ Beloch C. J. GG². Bd. IV. Abt. I. S. 540.

⁴⁷ Droysen J. C. Geschichte des Hellenismus. Bd III. Gotha, 1878. S. 122.

берт, обвиняя в этих событиях тарентинских демократов, объективно принимает данные традиции.⁴⁸

Правдивость и объективность изображения упомянутого события прямо зависят от вопроса о первоисточнике. Р. Шуберт и Р. Скала⁴⁹ называют этим первоисточником Тимея. Однако лежащий на предании сильный римский отпечаток едва ли позволяет отнести его к Тимею.⁵⁰

Все это, однако, отнюдь не исключает возможности отказа от требований римского посольства в оскорбительной форме.⁵¹ Принятие римских требований означало бы окончательное признание господства Рима в Южной Италии. Отказ от выполнения требований римлян не оставлял последним иной альтернативы, кроме объявления войны. Обе стороны морально были уже готовы к войне. И она началась.

⁴⁸ Schubert R. Geschichte des Pyrrus... S. 155—156.

⁴⁹ Ibid. P. 35; Scala R. Der pyrrische Krieg... S. 123.

⁵⁰ По мнению О. Гамбургера, это мог быть римский историк Фабий (Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrischen Krieg... S. 5).

⁵¹ Ibid. S. 5.

А. Я. ТЫЖОВ

ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЛИБИЯ

Ценность «Всеобщей истории» Полибия заключена не только в энциклопедической информативности этого сочинения, но и в богатстве и многообразии теоретических подходов его автора. Среди прочих значительный интерес представляет теория развития государственного устройства Полибия, нашедшая свое отражение в VI книге «Всеобщей истории».

Кратко коснемся содержания этой теории. Полибий полагает, что существуют три правильные формы государственного устройства (VI, 4, 7—10): царская власть (*basileia*), аристократия (*aristokratia*) и демократия (*demokratia*), а также три измененные формы, являющиеся извращением трех первых: тирания (*tyrannis*), олигархия (*oligarchia*) и охлократия (*ochlokratia*). Поскольку Полибий предлагает читателю умозрительную картину восстановления человеческого общества после глобальной природной катастрофы, то для большей убедительности он ставит в начале движения единовластие (*monarchia*), основанное на превосходстве грубой физической силы. Общая схема развития государственности, по Полибию, будет выглядеть так: единовластие → царская власть → тирания → аристократия → олигархия → демократия → охлократия.

Из слов Полибия, о том что разнузданный демос (охло-

кратия) находит своего тирана, вполне можно предположить, что после олигархии должна возникнуть тирания и развитие должно вновь повториться от тирании и далее.

Этот круг развития Полибий назвал ἀνακύκλωσις — круговращением. Однако для того, чтобы объяснить, почему же происходит данное движение форм, необходимо было более точно определить развитие каждой формы в отдельности.

Полибий дважды говорит об этом: сначала (VI, 4, 12) он дает общую схему развития отдельных форм государства, а затем (VI, 9, 12) — эту же схему уже применительно к римскому государству. Суть состоит в следующем: вначале происходит зарождение, или становление, формы (γένεσις, σύστασις), затем возрастание (αὔξησις), далее расцвет (ἀκμή). После расцвета начинается переход к упадку (μεταβολή) и, наконец, завершение (τέλος), которое собственно означает переход в следующую форму. У ряда исследователей эта последовательность получила название «биологического закона».

Показав, что простые формы государственного устройства нестабильны и находятся в постоянном движении (VI, 10, 5), Полибий переходит к анализу смешанного государственного устройства, где соединяются преимущества трех лучших простых форм (VI, 10, 6). Благодаря взаимному контролю и конкуренции ни одна из этих форм в смешанном устройстве не развивается сверх меры, что позволяет государству пребывать в состоянии равновесия, подобно плавающему кораблю (VI, 10, 6—8). Смешанное устройство, считает Полибий, позволяет государству освободиться от действия законов цикла. Однако из дальнейшего изложения становится ясно, что смешанное государственное устройство, как и простые формы, подпадает под действие «биологического закона» (VI, 9, 12—13; VI, 51), причем Рим не составляет исключения.

В результате у Полибия возник ряд концепций, которые плохо согласуются между собой: учение о круговороте конституций, учение о смешанном государственном устройстве и представление о зарождении, процветании и упадке государства («биологический закон»), которое он заимствовал из сферы естественных наук. Отсюда возникает сомнение в том, что Полибий ставил перед собой задачу последовательно продумать всю проблему.¹

Точки зрения новейших исследователей можно разделить на две группы в зависимости от того, как они решают эту проблему. Основоположником первой группы мнений является Э. Мейер, который считал, что указанные противоречия воз-

¹ Laroche P. Charakteristik des Polybios. Leipzig, 1857. S. 29 sqq.; Susemihl F. Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Bd 11. Leipzig, 1892. S. 99. Amm. 75.

ники вследствие переработки Полибием своей первоначальной редакции VI книги. Причину этой переработки Э. Мейер видел в том влиянии, которое оказали на Полибия события, связанные с реформами братьев Гракхов.²

Этот тезис был принят и развит О. Кунцем, который полагал, что VI книга была написана Полибием в два этапа.³ На первом этапе Полибий рассматривал Рим как стабильное государство. К этой редакции относятся все пассажи, где звучит прославление римского могущества. Во второй редакции, введенной под влиянием событий 133 г. до н. э., ощущается перемена взглядов автора. К этой редакции относятся, по мнению автора, пассажи VI, 9, 10—14; 51, 3—8; 57, 1—9, исполненные скептицизма и пессимизма, которые были введены «без достаточной шлифовки образовавшихся швов и без согласования их содержания с написанным ранее». С мнением Кунца соглашается К. Свобода, с той лишь разницей, что относит вторую редакцию ко времени, предшествовавшему разрушению Карфагена.⁴

Е. Корнеман считал, что первая редакция VI книги относится к 60-м годам II в. до н. э. К этой редакции, по его мнению, относятся пассажи 11, 12—18; 19; 42; 48. Вторую редакцию Корнеман, как и Свобода, помещает в промежутке до 146 г. до н. э. и считает, что она была сделана под влиянием стоика Панеция.⁵

Концепцию трех последовательных редакций выдвинул Р. Лакер. В первой редакции Полибий ограничился, по мнению автора, тем, что провел простую параллель между Римом и Карфагеном, сделав ее, таким образом, продолжением рассказа о I Пунийской войне (I, 64, 2). Вторая редакция была вставлена в текст после описания сражения при Каннах (III, 118). К этому времени, как считает Лакер, у Полибия уже сформировалась теория смешанного государственного устройства, заимствованная им от Дикеарха. Третья редакция была сделана под влиянием Панеция между 140 и 130 гг. до н. э. В ней Полибий расширил свою философию истории, внося в нее теорию циклического развития.⁶

Г. Эрбзе считал, что последняя редакция текста «Истории»

² Meyer Ed. Untersuchungen zur Geschichte des Gracchen // Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 392; Laqueur R. Die Flucht des Demetrios aus Rom. Ein Beitrag zur Kritik des Polybios // Hermes, 1930. Bd 65. S. 166.

³ Cuntz O. Polybios und sein Werk. Leipzig, 1902. S. 37—42.

⁴ Svoboda K. Die Abfassungszeit des Geschichtswerkes des Polybios // Philologus. 1913. Bd 72. S. 472 sqq.

⁵ Kornemann E. Zur Staatsrecht des Polybios // Philologus. 1931. Bd 86. S. 169—184. Большинство современных исследователей отрицают возможность подобного влияния. См., напр.: Pédeck P. La méthode historique de Polybe. Paris, 1964. P. 249 sqq.; Aalders G. J. D. Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968. S. 87.

⁶ Laqueur R. Polybios. Leipzig, 1913. S. 223—249.

была проведена Полибием после 144 г. до н. э. При этом автор указывает на «ахронистическое» употребление Полибием глаголов в настоящем времени в так называемых «сравнительных» главах VI книги (например, в VI, 45, 5, где говорится о государственном устройстве Спарты и упоминаются уже не существовавшие во времена Полибия цари).⁷

Концепцию трех последовательных редакций VI книги разделил В. Тайлер. Первая редакция включала в себя, по его мнению, теорию смешанной конституции (VI, 1—2; 10), на которой основывалась картина римской конституции и военные установления (VI, 11, 10—42; 51; 52—56). Во второй редакции Полибий связал римскую историю с законом циклического развития, а следовательно, с законом гибели (VI, 4, 11—9; 11a—11, 9; 51, 3—8; 57, 10). При третьей редакции Полибий имел поясняющее предисловие (VI, 3, 5—4, 10), анализ греческих государственных устройств (VI, 43—50), а также политический прогноз о грядущей трансформации римского государства в охлократию (VI, 57, 1—9).⁸

Следует отметить, что все приведенные выше точки зрения отличаются произвольным членением материала VI книги на временные пласты. Разделения, сделанные исследователями, являются во многих случаях взаимоисключающими.

Вторая группа ученых пытается объяснить имеющиеся в VI книге противоречия исходя из единства мысли автора «Всеобщей истории». Рассмотрим наиболее важные из имеющихся точек зрения.

Л. Цанкан полагает, что полибиевская идея о постоянном круговороте в смене государственных форм совершенно исключает идею упадка и гибели.⁹ Расхождение концепций внутри VI книги возникло, по его мнению, из-за необходимости решить две различные проблемы. Прежде всего Полибию было необходимо объяснить столь быстрые и продолжительные успехи Рима; во-вторых, ему было нужно интерпретировать те симптомы упадка, которые современники событий открывали в римском государстве. Цанкан полагает, что задача Полибия облегчалась, если он объяснял успехи Рима его смешанным государственным устройством, но для объяснения причин внутреннего упадка, симптомы которого хорошо ощущали люди, близкие к Сципиону Младшему, этого было уже недостаточно. Используя для объяснения этого биологический закон гибели живых организмов, Полибий, по мнению автора, натолкнулся на циклическую теорию. В результате возникло противоречие,

⁷ Erbse H. Die Entstehung des polybianischen Geschichtswerkes // RM. 1951. Bd 94. S. 157—179.

⁸ Theiler W. Schichten im VI Buch des Polybios // Hermes. 1953. Bd 81. S. 296—302.

⁹ Zancan L. Dottrina delle costituzione e decadenza politica in Polibio // Rendiconti del reale Istituto Lombardo. 1936. Vol. 69. P. 449—512.

которое Полибий не смог преодолеть. В этом Цанкан усматривает слабость теории Полибия.

Полибиевская картина смешанной конституции представляет, по мнению Е. Миони, описание простых форм и их циклическую последовательность. Автор считает, что острота имеющихся в VI книге противоречий значительно уменьшается, если предположить, что Полибий с самого начала не приписывал системе смешанного государственного устройства способности к вечному существованию и что речь могла идти только о большей длительности его существования по сравнению с простыми формами государств. При всем этом автор отказывает Полибию в строгом логическом мышлении и даже относит его к тому разряду людей, которым, по словам самого Полибия, было недоступно учение Платона.¹⁰

П. Педек считает, что все три элемента VI книги — циклическая теория, смешанная конституция, биологический закон роста и упадка — логически связаны между собой. Связь цикла со смешанной конституцией Педек видит в реальной истории римской конституции, в которой происходила не смена простых форм, а их постепенное накопление. Историю этого накопления автор пытается восстановить на материале трактата Цицерона «О государстве», идея создания которого была навеяна VI книгой Полибия.¹¹

П. Педек, как и Е. Миони, считает, что Полибий понимал смешанную конституцию отнюдь не как форму вечного существования государства. Речь могла идти только о более длительном его существовании.

Г. Аальдерс видит в VI книге Полибия попытку соединить элементы разнородного происхождения, которые с трудом поддаются такому соединению.¹²

Вопрос о противоречиях VI книги Полибия неоднократно обсуждался в работах Ф. Уолбэнка. Его взгляды на эти вопросы с течением времени претерпевали изменения. Первоначально автор высказывал мнение о наличии в VI книге двух пластов, соответствующих развитию взглядов Полибия на римскую конституцию.¹³ Позднее Уолбэнк отказался от этой точки зрения. По мнению автора, VI книга является единым, но запутанным целым, хотя она оказала большое влияние на всю политическую теорию.¹⁴ Позднее Уолбэнк пришел к выводу, что нет никаких данных, на основании которых можно было

¹⁰ Mioni E. Polybio. Padova, 1949. P. 51—57.

¹¹ Pedeck P. La methode historique de Polybe. P. 312—316.

¹² Aalders G. J. D. Die Theorie... S. 85—106.

¹³ Walbank F. W. Polybius and the roman Constitution // CQ. 1942. Vol. 37. P. 73—79; Scullard H. H. Roman Politic 220—150 B. C. Oxford, 1951. P. 274 sqq.

¹⁴ Brink C. O., Walbank F. W. The Construction of the sixth Book of Polybius // CQ. 1954. Vol. 48. P. 97—122.

бы предположить, что какая-нибудь часть VI книги была написана позднее, чем вся книга в целом. Противоречия возникли в ней не из-за перемены во взглядах Полибия на устойчивость римского государства, а из-за трудностей, которые автор испытывал, пытаясь согласовать несколько различных концепций таким образом, чтобы они составляли единое целое.¹⁵

Важным этапом в разработке проблем VI книги является работа К. фон Фрица «Смешанная конституция в античности». Автор отвергает все попытки исследователей объяснить имеющиеся трудности позднейшими переработками текста.¹⁶ Точка зрения К. фон Фрица очень близка к точке зрения Уолбэнка. По мнению автора, противоречия связаны с тем, что Полибий, стремясь объяснить исторический феномен римского государства, делал это, пользуясь множеством теорий и аналогий, которые он заимствовал отовсюду. Сюда относятся: теория неустойчивости простых форм, которую Полибий, по мнению автора, превратил в теорию цикла конституции, аналогия с биологическим ростом и упадком государства и аналогия с порчей материалов из-за внутренних недостатков. Все эти теории используются Полибием для иллюстрации определенных аспектов объясняемых им феноменов. Всякий раз, однако, внутренняя логика теории или аналогии уводят Полития дальше той точки, к которой она действительно приложима, особенно когда эта теория дает возможность Полибию сделать историческое предсказание.¹⁷

Соглашаясь с теми исследователями, которые утверждают неизменность взглядов Полибия при написании VI книги «Истории», попытаемся глубже вникнуть в причины имеющихся противоречий. Для этого обратимся к анализу центрального элемента политической теории Полибия — к его учению о смешанной форме государственного устройства.

В отличие от других элементов его теории, функционирование смешанной конституции рассматривается Полибием не только с теоретической, но и с практической точки зрения на материале конкретных государственных устройств.

Теория смешанного устройства не была изобретением Полибия. Она являлась частью общей политической теории античности, направленной на поиск идеальных условий для полноценного существования личности в государстве и на достижение стабильной государственной системы.

Не останавливаясь на развитии этой теории до Полибия, обратим внимание лишь на два момента. Во-первых, тема смешанной политики разрабатывалась предшественниками Поли-

¹⁵ Walbank F. W. Polybius. Berkeley. Los Angeles; London, 1979. P. 134.

¹⁶ Fritz K. von. The Theory of the mixed Constitution in Antiquity. A critical Analysis of Polybius political Ideas. New York, 1958. P. 91.

¹⁷ Ibid. P. 91.

бия исключительно на материале греческих полисов. Во-вторых, все греческие авторы положительно оценивали смешанную политику, подчеркивая ее стабильность по сравнению с простыми формами государственного устройства.

В том, как Полибий рассматривает тему смешанного устройства, есть черты, как роднящие его с предшественниками, так и отличающие от них. Остановимся сначала на том, что отличает Полибия от предшественников. Это прежде всего выбор Полибием своего материала: основным объектом приложения теории является для него римское государство, не привлекающееся ранее к рассмотрению греческой общественно-политической мыслью. Что касается оценки Полибием смешанного устройства, то здесь его взгляды вполне традиционны. Рассмотрим полибиевский анализ политического устройства Крита, Спарты и Карфагена — государств, традиционно рассматривавшихся в ряду смешанных политий.

Крит не пользуется симпатиями нашего историка.¹⁸ Его отношение к Криту не свободно от ахейского патриотизма, поскольку Крит играл неблагоприятную роль в войне против Ахейского союза. Полибий отвергает мнение Платона, Ксенофонта, Эфора и Каллисфена о схожести критских установлений со спартанскими. Критикуя критские установления, он совершенно игнорирует хронологию. Создается впечатление, что историк сравнивает Спарту времен Ликурга с современным ему состоянием Крита, забывая о том, что Критское государство претерпело большие изменения.¹⁹ Очень характерно то, что Полибий вообще отвергает правомерность применения самого понятия смешанной конституции (традиционно воспринимавшегося греками как положительная характеристика) к этому несимпатичному ему государству (VI, 46—47).

Анализ государственного устройства Спарты, занимающий важное место в композиции VI книги, тоже не лишен тенденциозности, причем, как мы убедимся, эта тенденциозность также связана с идеализацией Полибием смешанного государственного устройства. Кратко представление Полибия о Спарте можно свести к следующему. Ликург создал смешанную конституцию, где власть царей уравновешивалась властью народа; задачей герусии было следить за тем, чтобы ни цари, ни народ не захватывали в государстве слишком большой власти. Ликург провел равное распределение богатств, сделал суровую и простую жизнь обязательной для всех; с этой же целью были введены деньги, годные только для внутреннего

¹⁸ Об отношении античной традиции к государствам Крита: Доватур А. И. Политика и полития Аристотеля. М.: Л., 1965. С. 294; Aalders G. J. D. *Die Theorie...* S. 90; Ollier F. *Le mirage spartiate. Étude sur l'édélisation de Sparte dans l'antiquité grecque.* Vol. 1. Paris, 1933. P. 306 sqq.

¹⁹ Effenter H. van. *La Crète et le monde grec de Platon à Polybe.* Paris, 1948. P. 285.

обращения, дабы воспрепятствовать импорту роскоши. Однако военный уклон определил общий агрессивный характер внешней политики Спарты, что в конечном счете и явилось причиной упадка установлений Ликурга.²⁰

Следует заметить, что критика спартанских установлений у Полибия касается не отдельных элементов государства, а только того обстоятельства, что Ликург, по мнению историка, ничего не предусмотрел для того, чтобы спартанцы могли распространить свое господство за пределы страны (VI, 48, 6). В этом К. фон Фриц склонен усматривать отсутствие у Полибия целостного анализа спартанского государства.²¹ По его мнению, Полибий не замечает, что причины упадка Спарты связаны не только с внешней экспансией, но и с внутренним устройством государства и с законодательством, которое сам историк считает безукоризненным; однако именно в законодательстве таилась главная опасность: гражданские права были поставлены в один ряд с равенством имущества и участием в сиссиях.²² Это обстоятельство не могло не привести к размыванию гражданского коллектива. Античная традиция указывает на постоянное уменьшение числа спартиатов и говорит о разного рода категориях граждан с урезанными правами. Полибий, однако, ничего не говорит о категориях неполноправных граждан, которые существовали в Спарте в его время. По-видимому, Полибий умалчивает о конструктивных недостатках спартанского устройства и законодательства в связи с тем, что указание на эти недостатки могло бы поколебать представление о том, что смешанная полития является идеальным государственным устройством.

В связи с идеализацией Полибием государственного устройства Спарты интересно еще одно обстоятельство. Полибий совершенно обходит молчанием попытки Клеомена III восстановить Ликургово законодательство в Спарте. Напротив, Полибий считает, что Клеомен ниспроверг спартанское законодательство при помощи тиранической демагогии (II, 47, 3; IV, 81, 13).²³ Ряд исследователей усматривает в этом недоброжелательную позицию ахейского историка по отношению к Клеомену, смертельному врагу Ахейской лиги.²⁴ Это совершенно справедливое толкование представляется нам, однако, не вполне достаточным. Если бы Полибий признал, что деятельность Клеомена была направлена на восстановление законодательства Ликурга, то он тем самым фактически признал бы

²⁰ Fritz K. von. The Theory... P. 100.

²¹ Ibid. P. 122.

²² Ibid. P. 113.

²³ Welwei K. W. Demokratie und Masse bei Polybios // Historia. 1966. Bd 15. S. 293 sqq.

²⁴ Schimron B. Polybios and the Reforms of Cleomen III // Historia. 1964. Bd 13. P. 147; Pedeck P. La methode... P. 328—329.

упадок государства и распадение гражданского коллектива. Поэтому в интересах Полибия было изобразить Клеомена III не восстановителем, а разрушителем установлений Ликурга. В противном случае его анализ идеального спартанского государства оказался бы несостоятельным.

Для полибиевского идеализированного представления о спартанском государстве очень характерно полное игнорирование существования Пелопоннесского союза, сложившегося и существовавшего в годы наивысшего расцвета спартанской государственности. На это обстоятельство до сих пор почему-то совсем не было обращено внимания. То, что Пелопоннесский союз не упомянут в VI книге, не является удивительным, поскольку античная общественно-политическая теория не рассматривала союзных образований. Более важно, что и в других частях сочинения Полибия нет никаких упоминаний о существовании вокруг Спарты Федерации. Говоря о римском устройстве, Полибий не скрывает существование вокруг него системы союзных государств. Таким образом, анализ структуры Пелопоннесского союза не только способствовал бы более глубокому пониманию основ спартанского государства, но и мог бы дать автору хороший материал для сопоставления с римской федерацией. На наш взгляд, Полибий не упоминает о существовании вокруг Спарты большого политического объединения потому, что это не могло бы не отразиться на всех аспектах государственного устройства Спарты, причем учет влияния этого объединения на характер внешней политики должен был нарушать очень важную для Полибия видимость баланса сил внутри государства. На практике это приводило к усилению в Спарте тех институтов, которые имели больше всего отношения к ведению внешней политики и военным походам, а именно царей и эфоров в противоположность герусии. Отсюда происходило неизбежное усиление конкурентной борьбы между царями и эфорами, что также нарушало равновесие сил, в сохранении которого Полибий видел залог существования смешанного государственного устройства.

Важным моментом в полибиевской схеме спартанского устройства является отсутствие в ней упоминаний об эфorate. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи.²⁵ П. Педек справедливо говорит о том, что античная традиция не была единодушна в оценке эфората как творения Ликурга.²⁶ Действительно, Геродот (I, 65), Ксенофонт (гр. Iас. 8, 3), Платон (Ер. 8, 354, В) и Диоген Лаэртский (I, 68) приписывают создание эфората Ликургу, в то время как тот же Платон в «Законах» (III, 692 А), Аристотель (Pol. 5, II,

²⁵ L a r o c h P. Charakteristik... S. 26 sqq; S u s e m i h l F. Geschichte... Bd II. S. 102.

²⁶ P e d e c k P. La methode... P. 309.

1313 а 25), Плутарх (Лыс. 7; Cleom. 10), Дион Хризостом (LVI, 6, 650) и Цицерон (Рер. II, 33; Leg. III, 7, 16) относили создание эфората ко времени правления царя Феопомпа.²⁷ Эта двойственность античной традиции в вопросе о происхождении эфората была воспринята новой историографией.²⁸

Для нашего рассмотрения здесь существенно то, что уже в античности в этом вопросе не было единодушия и ясности, и, следовательно, Полибий был вправе выбирать для себя тот или иной вариант традиции. Не удивительно поэтому, что он остановился на варианте, менее всего нарушавшем целостность его схемы и представлявшем смешанную политику в наиболее совершенном виде.

Тенденция, свойственная Полибию при описании Крита и Спарты, прослеживается и в его анализе карфагенской конституции. Он рассматривает карфагенское устройство в двух исторических планах: в начальный период и во время II Пунийской войны (VI, 51, 1; 3). Первоначальное устройство Карфагена, с точки зрения Полибия, было превосходным (VI, 51, 1). Карфагеняне имели царей; герусия представляла аристократический элемент: «народ имел власть над приличествующими ему вещами». В целом устройство Карфагена было таким же, как в Спарте и Риме (VI, 51, 4). Ко времени II Пунийской войны устройство Карфагена стало хуже. Карфагенское государство к этому времени уже миновало точку своего расцвета (παρίχμαζεν). Наибольшую силу в принятии решений получил народ; решения принимались большинством (VI, 51, 7—8).

В этом описании обнаруживается несоответствие исторической действительности. Цицерон, во многом усвоивший идеи Полибия, в трактате «О государстве» опирается в оценке Карфагена на иную, нежели Полибий, традицию. Он говорит, что в Карфагене усилилась монархия, очевидно имея в виду попытки партии Баркидов занять исключительное положение в государстве. Другие древние авторы говорили об олигархическом характере карфагенской конституции. Правильнее же, как нам кажется, было бы определить так: в Карфагене сосуществовали три простые формы государственного устройства, но не чистые, как считал сам Полибий, а извращенные, т. е. олигархия, тирания и охлократия. Между олигархическим кланом сената и отдельными аристократическими родами, стремящимися к установлению собственного господства, шла постоянная борьба. Демос, свободный от несения военной службы, все более развращался подкупам с обеих сторон и был склонен

²⁷ Schömann G. F., Lipsius J. H. Griechische Alterthümer. Bd 1. 4. Aufl. Berlin, 1897. S. 242.

²⁸ Szanto G. Ephorei // RE. 1905. Bd V. Sp. 2860—2864; Meyer Ed. Der Ursprung des Ephorats und lykurgische Landschaftsteilung // Forschungen zur alten Geschichte. Bd 1 (zur alten griechischen Geschichte). Halle, 1892. S. 250; Schmidt E. G. Ephorai // Kleine Pauly. Bd II. Sp. 298—299.

обрести себе тирана в лице Баркидов. Следовательно, Полибий мог видеть в Карфагене не усиление демократического элемента, а постепенное, одновременное вырождение всех трех элементов по линии цикла простых форм. Однако в таком случае Полибий вынужден был бы признать, что смешанные государства не имеют никаких преимуществ перед простыми формами.

О стремлении Полибия идеализировать смешанное государственное устройство говорит и то обстоятельство, что нигде на страницах VI книги Полибий не упоминает об Ахейском союзе, который по своему конституционному устройству мог бы вполне соответствовать представлениям нашего историка о смешанном устройстве.²⁹ Действительно, монархический элемент может быть отождествлен с должностью союзного стратега, которая первоначально исполнялась союзным секретарем. Демократический элемент был представлен двумя видами собраний: общими (σύνδοσις) и чрезвычайными (ἐκτακταί). Наконец, аристократический элемент был представлен союзным советом (βουλή), а также герусией,³⁰ функции которой, впрочем, не совсем ясны.

Отсутствие упоминания об Ахейском союзе в ряду смешанных государственных устройств может показаться тем более непонятным, что Полибий обещал читателю вскрыть причины особой популярности ахейского государственного устройства у эллинов Пелопоннеса и за его пределами.³¹ Вместо того чтобы выставить в качестве причины структуру ахейской конституции, Полибий указывает на равноправие, свободу и демократию как на некие имманентно присущие ахейцам качества (II, 38, 6; 42, 5—6). Все дурное в Ахейском государстве Полибий склонен объяснять недостатками отдельных лиц, а не системы в целом.³²

Уолбэнк предложил следующее решение этой проблемы. Он считает, что Ахейский союз не был введен Полибием в число смешанных политий потому, что он являлся федерацией, а федерации античная общественная мысль в этом плане не рассматривала. Кроме того, Полибию не было смысла проводить сравнение Рима и Ахайи, поскольку это могло бы привести читателя в смущение: будучи ахейским патриотом, анализирующим причины римского успеха, Полибий не смог бы удачно

²⁹ Fritz K. von. The Theory... P. 7—8.

³⁰ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I. Государственные и военные древности. 3 изд. СПб., 1897. С. 344—351; Schömann G. F., Lipsius J. H. Griechische Alterthümer. Bd II. Berlin, 1902. S. 128; Larsen J. A. Greek federal States. Their institutions and history. Oxford, 1968. P. 80—89.

³¹ Fritz K. von. The Theory... P. 8; Cole Th. The Sources and Composition of Polybius of VI // Historia. 1964. Vol. 13. P. 465.

³² Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. I. М., 1890. С. 87.

закончить это сравнение. Поэтому Полибий предпочел придерживаться традиционного списка конституций.³³

Объяснение Уолбэнка можно, на наш взгляд, дополнить следующим соображением. Заклятый враг родины Полибия — Этолийский союз — имел практически аналогичное с Ахейским союзом устройство.³⁴ Следовательно, упоминание Ахейского союза в числе смешанных политий повлекло бы за собой необходимость внести в их число и Этолийский союз, что для Полибия было совершенно невозможно, поскольку смешанный характер государственного устройства относится у него к числу лучших характеристик. Поэтому Полибию пришлось отказаться от рассмотрения Ахейского союза как смешанной политики и искать иные способы для прославления своих соотечественников.

Описание государственного устройства Крита, Спарты и Карфагена не было для Полибия самоцелью: по его замыслу, оно должно было позволить ему нагляднее продемонстрировать функционирование смешанной конституции и дать материал для сопоставления с политическим устройством римского государства, описанию которого посвящена основная часть трактата (VI, II, 11—18, 8).

Полибий считает, что римляне имели три чистых формы власти (VI, II, 11). Все функции были распределены между отдельными властями настолько равномерно, что невозможно, говорит Полибий, определить, какое именно устройство — монархическое, аристократическое или демократическое — существует в Риме.³⁵

Полибий показывает читателю, какие функции принадлежат каждой форме власти: консулы воплощают собой монархический элемент, сенат — аристократический, народ — демократический. Полибий анализирует полномочия этих трех властей начиная с консулов (VI, 12, 3—14, 12). Далее Полибий переходит к рассмотрению того, каким образом эти три формы государственного устройства сосуществуют в Риме (VI, 15—18). Целью Полибия является показать, что между этими формами существует равновесие, поскольку они, конкурируя между собой, взаимно уравнивают друг друга. При этом Рим предстает в описании Полибия государством с идеальной формой правления.

По мысли Полибия, в основе всякого государства лежат

³³ Walbank F. W. Polybius. P. 151.

³⁴ Schömann G. F., Lipsius J. H. Griechische Alterthümer. Bd II. S. 120—122; Larsen J. A. Greek federal States. P. 78—80, 195—215; Kiechle F. Aitolia // Kleine Pauly. Bd. I. Sp. 208.

³⁵ Полибий относит наивысший расцвет римского государства ко времени битвы при Каннах (VI, 11, 1—2). См.: Aalders G. J. D. Die Theorie... S. 93; Walbank F. W. A historical Commentary on Polybios. Vol. 1. P. 675.

не только законы, но и нравы (VI, 47, 2). Именно поэтому он уделяет столь большое внимание рассмотрению внеконституционных элементов в римском государстве. Особенно подробно он останавливается на системе воспитания молодого поколения, системе поощрений и наказаний, на религиозных установлениях и, конечно, на военной системе.

Главную цель римского воспитания Полибий видит в развитии гражданской и воинской доблести. Система поощрений и наказаний вызывает полное одобрение у Полибия, являвшегося противником всякого уравнительного принципа. Полибий хвалит римские религиозные установления за их основательный и систематический характер в противовес распадающейся религиозной практике греков. Сам Полибий, как позднее и Цицерон, очень скептически относился к религии, но считал ее неотъемлемым элементом всякой государственности (VI, 56).

Как профессиональный военный, Полибий уделяет большое внимание римскому военному делу (VI, 19—42). Не касаясь технических особенностей, которые хвалит Полибий, следует заметить, что главную ценность он усматривает в сохранении в Риме полисного ополчения. Все это давало, по мнению Полибия, Риму возможность в отличие от Спарты вести успешные внешние войны и закреплять свои успехи на завоеванной территории. Полибий высоко ценит способность государства к военной экспансии, и в этом состоит, на наш взгляд, существенное отличие его теории от теорий его предшественников Платона и Аристотеля, рассматривавших военные силы только как средство защиты полиса.

В государственной и военной системе Рима Полибий видит инструмент высшей исторической силы, которая преобразует мир и превращает его в единое целое. Он стремится доказать греческому читателю, что Рим — наилучшее из всех государств и что поэтому римское завоевание — благо. В таком контексте можно предположить, что теория смешанного государственного устройства является для Полибия всего лишь одним из аргументов этого доказательства. По-видимому, в связи с самой высокой оценкой смешанной политики в греческой традиции именно на нее, как на доказательство превосходного качества римского государства, Полибий возлагал наибольшие надежды.

Дополнительным аргументом к нашему тезису мог бы служить анализ противоречий, содержащихся в полибиевском описании римского устройства. Однако, поскольку этот вопрос требует специального рассмотрения, мы не будем здесь на нем останавливаться.

Возвращаясь к проблеме противоречивости политической теории Полибия, скажем следующее. Не вызывает сомнения, что с того самого времени, когда Полибий впервые оказался в Риме, у него возникла критическая оценка состояния римского государства. Уже в самом начале своего сочинения он

пишет, что ко времени II Пунийской войны Рим и Карфаген находились в высшей точке своего развития и, следовательно, свою эпоху Полибий должен был рассматривать как время упадка (I, 13, 12—13). Достижение Римом мирового господства способствовало его порче (I, 64, 1; XVIII, 35, 1). Порча нравов способствовала войны Рима и Греции, следовавшие за II Пунийской войной (VI, 56, 2; 14). В полной мере, как пишет Полибий, порча нравов дала себя знать после III Македонской войны.³⁶ Именно в это время он оказался заложником в Риме. Порча нравов вызывала сильное волнение в общественном мнении Рима, и споры вокруг этого ко времени приписываемые Полибию в Рим стали общим местом.³⁷

В своем описании Рима Полибий старается абстрагироваться от примет собственного времени и изобразить устройство и нравы Рима такими, какими они были в пору его расцвета.

Осуществить это намерение Полибию в полной мере не удалось, поскольку живая действительность вопреки стараниям постоянно врывается на страницы его произведения. Поэтому, как нам кажется, противоречия во взглядах Полибия лежат в иной плоскости, отличной от обычно рассматриваемой. Противоречие находится не между представлениями Полибия об устойчивости смешанной конституции, с одной стороны, и признанием неизбежности ее упадка — с другой, а между теоретическим убеждением в том, что смешанное государственное устройство является наилучшим средством поддержания политической стабильности, и фактическим признанием того, что римское государство, в котором Полибий хочет видеть смешанную политику, стоит на грани кризиса.

³⁶ Brink C. O., Walbank F. W. The Construction of the sixth Book of Polybe. P. 106; Трухьян Н. Н. Политика и политика «Золотого века» римской республики (II в. до н. э.). М., 1986. С. 7—11.

³⁷ Pöschl V. Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero. Berlin, 1930. S. 64—65.

М. В. БЕЛКИН

ЭВОЛЮЦИЯ РИМСКОГО СЕНАТА

В V—III вв. до н. э.

Сенат, как совет старейшин, возникнув на заре римской истории, являлся неотъемлемой частью системы управления общиной уже в царскую эпоху. То промежуточное положение между царем и народным собранием, которое занимал сенат, и определяло объем его власти и его значение.

Будучи совещательным органом, «царским советом» (Cic.,

г. р., II, 14), первейшей функцией которого было «обсуждать, что бы ни сказал царь и какое бы ни внес предложение» (Dion., II, 14), сенат всецело зависел от воли монарха. Но со смертью царя наступал момент, когда значение совета старейшин резко возрастало. В период междуцарствия вся власть в общине переходила к сенату. С назначением нового властителя подчиненное положение сената восстанавливалось.

Вместе с тем в силу естественного поступательного развития сенат постепенно теряет черты совета старейшин и уже к концу царской эпохи превращается в, пускай и несовершенное, государственное учреждение.

После изгнания Тарквиния Гордого, в конце VI в. до н. э., в Риме монархическое правление было заменено республиканским.

При всей своей новизне ситуация очень походила на междуцарствие. И совершенно естественно выглядело то, что во главе общины встал сенат.¹ Однако междуцарствие не могло продолжаться вечно. Как во главе любой римской семьи стоял *pater familius*, так и во главе всей общины должен был находиться один человек. С другой стороны, сенаторам не хотелось избирать монарха, чья власть со временем могла бы снова превратиться в тираническую. И было найдено блестящее решение. Они предложили народу выбрать нового «царя» не пожизненным властителем, а срочным, ограничив его власть не столько объемом, сколько временем и заменив его наименование с *rex* на, вероятно, *praetor*.² Благодаря столь мудрому решению сенат, формально вновь вернувшись на положение совета при правителе (магистрате), фактически остался во главе римской общины.

Наряду с этим перед сенатом стояла и другая проблема — проблема пополнения своих рядов. Все дело в том, что при Тарквинии Гордом численность сената резко сократилась. Ливий рисует яркую картину террора по отношению к сенаторам со стороны последнего римского царя (I, 49, 2—7). И наша традиция свидетельствует, что сразу после падения тирании Тарквиния число сенаторов вновь было доведено до 300, т. е. до того количества, которое образовалось, очевидно, в конце царского периода и просуществовало без изменений вплоть до I в. до н. э. (Liv., II, 1, 10—11; Fest, 304).

У нас нет никаких оснований, чтобы сомневаться в достоверности этого факта. Процедура пополнения сената тоже,

¹ Ср.: Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей, М., 1890—1902. С. 233.

² Ср.: Покровский И. А. История римского права. Пг., 1918. С. 77—78; Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 234. — То, что во главе римской общины находилась не коллегия магистратов, а один человек см.: Нетушил И. В. Обзор римской истории. Харьков. 1916. С. 17; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 74—76.

пожалуй, бесспорна. Право назначения новых сенаторов естественным путем перешло от царя к новому правителю общины.³ И в данном случае совершенно неважно, кто был конкретно тем человеком, который произвел пополнение сената (Liv., II, 1, 10 — называет Брута; Fest, 304 и Plut., Plut., XI — приписывают это Публиколе). Также не принципиален вопрос о количестве новых сенаторов, хотя Фест (ibid) и Плутарх (ibid) дают цифру 164 человека.

Первостепенное значение имеет другой вопрос — кто именно, представители каких сословий вошли в римский сенат в первый год республики? Иными словами, были ли допущены в него уже тогда плебеи?

Именно эти вопросы и порождают самую сложную проблему в истории раннеримского сената, связанную с его социальным составом.

Прежде чем перейти к детальному разбору имеющихся мнений историков, поясним, что проблема вращается вокруг интерпретации следующих терминов: *patres*, *conscripti*, *adlecti*, *pedarii* и *patrum auctoritas*.

Самой ранней (из того материала, которым мы пользуемся) является точка зрения Теодора Моммзена. Сразу нужно подчеркнуть, что для XIX в. она была практически общепринятой.⁴

Ее суть состоит в том, что Т. Моммзен относит возникновение формулы *patres (et) conscripti* к первому году республики, где *patres* — это патрицианские сенаторы, а *conscripti* — допущенные в сенат плебеи.⁵ Этот вывод базируется на доверии к сведениям, представленным Ливием (II, 1, 10—11) и Фестом (304). Далее, для Т. Моммзена термин «*conscripti*» применим к ранней республике и эквивалентен термину «*pedarii*», который происходит от способа голосования в сенате плебеев.⁶ Все дело в том, что, по мысли исследователя, *conscripti* были *de iure* лишены права высказывать в сенате свое мнение и вынуждены были голосовать путем перехода к той или иной группе патрициев — «голосовать ногами» (*pedibus in sententiam ire*: Gell., III, 18). В IV—III вв. до н. э., после того как плебеи были допущены к исполнению магистратур, словом «*pedarii*» стали обозначать сенаторов, ни разу не занимавших никакой должности.⁷ Наконец, из всего вышесказанного очевидно, что Т. Моммзен считал *patrum auctoritas* той прерогативой, той властью, которая отличала *patres* от *conscripti*.⁸ То есть, по его

³ Ср.: Нетушил И. В. Очерк... С. 248.

⁴ Ср. оценку: Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1888. С. 206.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. I. С. 242—243.

⁶ Там же. С. 243.

⁷ См. критику: Виллемс П. Римское государственное право. С. 212.

⁸ Моммзен Т. История Рима. Т. I. С. 242—243.

мнению, правом утверждать решения народа обладал не весь сенат, а только та его часть, которую представляли патриции.

Решение проблемы, предложенное Т. Моммзеном, в основном принимают М. Целлер и Ф. Эбботт, правда, с рядом существенных поправок. Так, на взгляд М. Целлера, после Овиниева закона (конец IV в. до н. э.) *pedarii* — это бывшие некурульные магистраты, среди которых было много, но не исключительно, плебеев.⁹

В данном аспекте с ним согласен Ф. Эбботт, который к тому же пользуется термином «*adlecti*», приравнивая его к «*conscripti*».¹⁰

Одним из немногих исследователей XIX в., категорически выступавших против подобной точки зрения, был П. Виллемс. Прежде всего он решительно отверг античную традицию по вопросу о происхождении и смысле формулы *patres conscripti*: во-первых, по его мнению, значение, придаваемое термину «*conscripti*», противно духу латинского языка — нужно было бы *adscripti*; во-вторых, определение *patres* как патрицианских сенаторов не может основываться ни на каком историческом доказательстве, ибо в выражениях «*patrum auctoritas*», «*auspicia pepes patres*» этот термин не имеет такого значения; в-третьих, в том, что касается ранга и инсигний, сенат не разделяется на патрициев и плебеев, но на курульных и некурульных, или *педариев*; наконец, в течение всего первого столетия республики сенат является исключительно органом патрициата, и история не упоминает ни одного плебейского сенатора ранее 400 г. до н. э.¹¹ На основании всего вышеизложенного П. Виллемс делает вывод: «Формула *patres conscripti* восходит к эпохе царей и обозначает *patres*, избранных (набранных) царем и внесенных в список сенаторов».¹²

Присоединяясь к дискуссии о термине «*pedarii*», он считает, что таким образом обозначалась категория некурульных сенаторов. Одновременно он настаивает на том, что *pedarii*, безусловно, имели право выступать в сенате. Точка зрения, лишаящая их этого права *de iure*, основывается единственно на неправильной этимологии слова. По мнению же П. Виллемса, *pedarii* носят свое наименование в противоположность курульным сенаторам, «подобно тому, как в последние века Империи *iudex pedaneus* противопоставлялся судебному магистрату, заведавшему в судилище».¹³

Наконец, несомненно, определяя *patres conscripti* как «отцы-

⁹ Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893. С. 207—209.

¹⁰ Abbott F. F. A History and Description of Roman Political Institutions. Boston; London, 1901. P. 221—224.

¹¹ Виллемс П. Римское государственное право. С. 206—207.

¹² Там же. С. 207.

¹³ Там же. С. 212.

приписанные», он относит прерогативу *patrum auctoritas* ко всему сенату.¹⁴

К позиции П. Виллемса по всем пунктам присоединяется И. В. Нетушил. Он также переводит *patres conscripti* как «отцы, внесенные в список», считает *patres* обозначением сената в целом.¹⁵ Однако несколько двусмысленно И. В. Нетушил подходит к вопросу о допуске плебеев в сенат. Так, в «Очерке римских государственных древностей» он соглашается, что плебеи вошли в сенат рано, хотя и не играли там заметной роли, но «в принципе право плебеев на принятие в сенат не оспаривалось».¹⁶ Вместе с тем в другой работе — «Обзор римской истории» — он заключает, что «принятие плебеев в сенат могло начаться только с того момента, когда они были допущены к занятию высшей магистратуры наравне с патрициями (в период консулярного трибуната)», т. е. с 444 г. до н. э.¹⁷

Затем И. В. Нетушил дополняет П. Виллемса, вводя в оборот термин «*adlecti*». На его взгляд, термин возникает после Овиниева закона и служит для обозначения сенаторов, незанимавших ни одну из должностей до зачисления в сенат.¹⁸

Особенно интересна его трактовка категории «*pedarii*». Он полагает, что этимология этого прозвища происходит, действительно, из способа голосования «ногами». Но это не определенный класс сената, который *de iure* лишен права высказывать свое мнение, а группа сенаторов, находящаяся в нижней части списка, которая не участвовала в выработке предложений только в силу того, что все возможные решения уже были высказаны сенаторами, выступавшими первыми. При голосовании эта группа расходилась к тем, чье мнение они поддерживали. Естественно, что, с одной стороны, количество *педариев* варьировалось от заседания к заседанию, а с другой — в их состав входили представители некурульных магистратур, а также *adlecti*.¹⁹

Не лишним будет отметить, что с точкой зрения П. Виллемса — И. В. Нетушила солидаризируются А. И. Покровский и С. И. Ковалев.²⁰

В свою очередь, Стюарт Йонс, акцентируя внимание на социальном составе римского сената в V в. до н. э., подчеркивает, что под *patres* в республиканское время понимались

¹⁴ Там же. С. 231.

¹⁵ Нетушил И. В. Очерк... С. 240—241.

¹⁶ Там же. С. 241.

¹⁷ Нетушил И. В. Обзор... С. 55.

¹⁸ Нетушил И. В. Очерк... С. 249.

¹⁹ Там же. С. 252.

²⁰ Покровский А. И. История... С. 70—71; Ковалев С. И. История... С. 103.

только патрицианские члены сената.²¹ Именно к ним переходила власть при *interregnum*, и именно они осуществляли *patrum auctoritas*.²²

Более подробно позволим себе остановиться на двух позициях новейшей историографии. Очевидно, что послевоенные историки как у нас в стране, так и за рубежом стремились преодолеть давление авторитета и Т. Моммзена, и П. Виллемса и предложить свое решение совокупности проблем, связанных с историей раннереспубликанского сената. Одним из этих решений является довольно оригинальный взгляд Р. Палмера.

По его мнению, римский сенат в течение первых двух веков республики состоял исключительно из патрициев, которые делились на *patres* и *adlecti*, где *patres* — это патриции, бывшие когда-либо до включения в сенат магистратами с *imperium* и *auspices*, а *adlecti* тоже патриции, но не занимавшие должностей и приписанные к сенату для доведения его численности до 300. Однако фактически власть осуществляли только «отцы». Ибо *patrum auctoritas* и *interregnum* — лишь их компетенция.²³

Далее, он относит появление формулы *patres conscripti* к 312 г. до н. э., когда впервые было произведено *lectio senatus* на основании плебисцита Овиния, разрешившего выбирать в сенат и плебеев. Теперь словом «*patres*» обозначались все патрицианские сенаторы (включая и *adlecti*), а под *conscripti* подразумевались плебеи.²⁴ Что касается разряда «*pedarii*», то их Р. Палмер приравнивает к *conscripti*, считая это кличкой, данной плебейским сенаторам их коллегами-всадниками, смотревших на *conscripti* как на пешцев-слуг.²⁵

Заслуживает внимания статья О. В. Сидорович, непосредственно посвященная исследованию социального состава римского сената в V—IV вв. до н. э. По ее мнению, социальный состав сената отражен в традиционной формуле обращения *patres conscripti*, которая подчеркивает неоднородность сената.²⁶ Поэтому *patres* — это избранная часть патрициев, записанная в сенат. *Conscripti* — категория сенаторов, добавленная туда в первый год республики и объединявшая и патрициев (*adlecti*), и плебеев (*pedarii*).²⁷

Итак, заканчивая обзор историографии по данной проблеме, нужно сделать небольшие обобщения. В XIX в. четко выделяются два магистральные направления, условно говоря Мадви-

²¹ Stuart Jones H. The Primitive Institutions of Rome // САН. Vol. VII. P. 413—414.

²² Ibid.

²³ Palmer R. E. A. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970. P. 198—199, 265.

²⁴ Ibid. P. 264—265.

²⁵ Ibid. P. 257.

²⁶ Сидорович О. В. Социальный состав римского сената в эпоху ранней республики // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 52.

²⁷ Там же. С. 56—61.

га — Моммзена и Виллемса — Нетушила. В XX в., несомненно, большинство историков пытается внести новизну в дискуссию, но порождает больше вопросов, чем дает ответов.

Теперь обратимся к тем скудным и противоречивым данным античной традиции, на основании которых строятся все возможные концепции. Самой важной и одновременно наиболее спорной является трактовка возникновения формулы *patres conscripti*, а следовательно, и ее смысла.

В отношении вопроса о появлении формулы *patres conscripti*, если опираться только на сведения античных историков, можно сделать два более или менее обоснованных утверждения:

1. Эта формула восходит к эпохе царей и обозначает патрициев, отобранных царем для своего совета (сената). Эта позиция опирается на Дионисия (II, 47) и Цицерона (Phil., XIII, 28).

2. Формула явилась результатом добавления недостающего числа людей в римский сенат сразу после свержения царской власти и стала обозначать новый сенат в целом, где *patres* — старые члены, а *conscripti* — новые. Эта точка зрения базируется на Ливии (II, 1, 11) и Фесте (36 и 304).

Первое утверждение отстаивают П. Виллемс и И. В. Нетушил, подкрепляя свою позицию лингвистическим анализом глагола *conscribere*.²⁸ Скажем сразу: их точка зрения представляется нам предпочтительнее. В свою очередь, укажем еще на один аргумент в пользу подобной гипотезы, оставшийся неиспользованным П. Виллемсом и И. В. Нетушилом. Дионисий Галикарнасский, описывая уже историю республики, продолжает употреблять для обозначения сенаторов то же выражение (ср. Dion. II, 47 и, напр., XI, 2, 3).

Однако, так мы отвечаем как бы на половину вопроса. Вторую можно сформулировать следующим образом — отражает ли формула *patres conscripti* неоднородность именно республиканского сената? Ибо предположим, действительно, свое происхождение эта формула ведет из царской эпохи, та категория лиц, которая пополнила сенат сразу после изгнания Тарквиния Гордого, не объединялась термином «*conscripti*», но, может быть, по мере проникновения в сенат плебеев официальная формула обращения к сенату *patres conscripti* стала менять свой смысл и подразумевать под словом «*patres*» патрициев, за которыми сохранилось исключительное право *patrum auctoritas* и власть во время *interregnum*, а под словом «*conscripti*» — новых сенаторов из плебеев.

По данному вопросу мы вновь хотим поддержать П. Виллемса и И. В. Нетушила. Формула *patres conscripti* на протя-

²⁸ См.: Виллемс П. Римское государственное право. С. 207; Нетушил И. В. Очерк... С. 240. Прим. 1, 3.

жении всей республики сохраняла свой первоначальный смысл как официального юридического обозначения сената и никогда не отражала те социальные изменения, которые претерпел сенат. *Patrum auctoritas* и власть при *interregnum* даже после допуска плебеев, *de iure* в 444 г. до н. э., а *de facto* в 400 г. до н. э., всегда являлись компетенцией сената в целом.²⁹

Такая позиция базируется на следующих выводах:

1. Контекст латинских авторов доказывает, что *patres-senatus* (особенно ярко это видно у Цицерона в диалоге «О законах»: III, 10).

2. Тогда, когда *patrum auctoritas* стала предварительной, она, несомненно, адекватна предварительному *senatus consultum*.

Вместе с тем у этой точки зрения есть слабое место, которое используется в качестве доказательства своей правоты сторонниками отождествления *patres* с патрициями³⁰ — употребление вместо *patres patricii*. Таких мест в источниках немного, но они есть: Ливий (VI, 42), Дионисий (VI, 90), Цицерон (*de domo*, 38).

Необходимо попытаться примирить эти пассажи с вышеизложенным мнением, хотя найти сильные доводы трудно. Заметим, что первые два свидетельства относятся к периоду до закона Гортензия (ок. 290 г. до н. э.). По мысли П. Виллемса, в V в. до н. э. и даже в IV в. до н. э. сенат состоял преимущественно из патрициев, и замена *patres* на *patricii* все равно подразумевает весь сенат.³¹ Если это так, то, учитывая, что с 292 г. до н. э. по 82 г. до н. э. было только три *interregnum*,³² а наиболее часто они повторялись в V—IV вв. до н. э., понятно, что тогда и избирали *interrex*ов и становились ими исключительно патриции.³³ Прямо скажем, ничего более убедительного привести невозможно. Тем более что в самом доказательстве заключена новая проблема — с какого времени в сенат стали избираться плебеи?

Дионисий (V, 13, 1) сообщает, что новые члены сената, пополнявшие его в 509 г. до н. э., происходили из плебеев.

Ливий (II, 1, 10—11) пишет, что в первый год республики в сенат вошли представители сословия всадников. А первого сенатора из плебеев, Публия Лициния Кальва, как уже отмечалось, упоминает в 400 г. до н. э. (V, 12, 11).

Фест противоречит сам себе, в одном случае (*Fest*, 304), называя тех, кто пополнил сенат в 509 г. до н. э., плебеями, в другом (*Fest*, 34) — всадниками.

²⁹ См.: Виллемс П. Римское государственное право. С. 231—232; Нетушил И. В. Очерк... С. 243—245.

³⁰ См. выше: С. 86—87.

³¹ См.: Виллемс П. Римское государственное право. С. 232.

³² См.: Palmer R. E. A. *The Archaic Community*... P. 270.

³³ Ср.: Нетушил И. В. Очерк... С. 243.

Таким образом, конкретные данные традиции не позволяют сделать однозначный вывод о времени появления в сенате пер-вых плебеев.

Наконец, выясним, какую информацию дают нам античные писатели об *adlecti* и *pedarii*. Ее мы можем позаимствовать только у Феста и Авла Геллия. Первый под *adlecti* именует тех, которые заносились в список сената из сословия всадников (*Fest*, 6). Что касается термина «*pedarii*», то сами древние авторы уже не могли найти истоки его возникновения. Примечательно, что Авл Геллий передает сразу две версии: первая — *pedarii* стали так называться потому, что голосовали в сенате «ногами» (*Gell.*, III, 18, 1); вторая — под этим термином скрывались некурульные магистраты, зачисленные в сенат, так как в старые времена курульные магистраты ездили в сенат на колесницах, а некурульные добирались пешком (*Gell.*, III, 18, 3—4).

На наш взгляд, вопрос о педариях не имеет того принципиального значения, какое есть у проблемы *patres conscripti*. Поэтому мы не станем ломать копыя в дискуссии, а поддержим и на этот раз весьма разумную точку зрения И. В. Нетушила.³⁴

Проделанный нами обзор античной традиции лишний раз доказывает ее противоречивость, а в каких-то сюжетах, наверняка, недостоверность. Поэтому мы считаем, что попытка выявить социальную природу раннереспубликанского сената, опираясь исключительно на терминологическую характеристику, имеющуюся в трудах греческих и римских писателей, обречена на неудачу. Приблизиться к решению проблемы можно, только рассмотрев общую картину эволюции роли сената в политической структуре Рима в V — первой половине III в. до н. э.

Вернемся к вопросу, на котором мы прервали наше изложение в начале главы. Представители какого сословия вошли в сенат на заре республики? Изменился ли в результате этой операции социальный состав римского сената?

По нашему глубокому убеждению, путь к правильному ответу на сформулированные вопросы лежит только через изучение характера внутреннего развития Рима в V в. до н. э. При всей недостоверности, где-то, может быть, преднамеренной фальсификации античной традиции, имеющейся в нашем распоряжении для этой эпохи, вряд ли стоит ставить под сомнение магистральную линию внутривнутриполитической истории Рима в V—IV вв. до н. э., каковой является то затихающая, то разгорающаяся с новой силой драматическая борьба плебеев с патрициями за преобразование римской общины в единую *civitas*.

Сейчас нас не интересуют ни конкретные формы этой борьбы, ни тем более перипетии ее. Нам важно констатировать сам факт. А в факте то, что оплотом римского патрициата, его

³⁴ См. выше: С. 88.

организующей силой, можно сказать, органом, олицетворяющим патрициат в V — начале IV в. до н. э., бесспорно, выступал римский сенат.³⁵ Отметим, что среди требований плебейских вождей невозможно отыскать требования типа: увеличить (или дополнить) сенат за счет плебеев или обязать высшего магистрата (магистратов) производить свободное избрание сенаторов и из плебеев (вплоть до закона Овиния), или, наконец, уравнивать в правах плебейских и патрицианских сенаторов (если допустить, что плебеи входили в сенат и он делился на *patres* и плебеев). Напротив, целью политической борьбы для плебеев служило право занимать курульные должности, что как раз и открывало им доступ в сенат. Ибо, действительно, в V в. до н. э. звание сенатора приобреталось двояким путем: во-первых, отправлением курульной магистратуры и, во-вторых, свободным избранием, произведенным магистратом, облеченным правом *lectio — adlecti* (но такой путь был возможен только для патрициев).³⁶ Исходя из всего сказанного выше, утверждаем, что до конца V в. до н. э. римский сенат был исключительно патрицианским.

Выходит, стоит отвергнуть информацию Дионисия и Феста о зачислении в сенат в 509 г. до н. э. плебеев? Как это не покажется парадоксальным, вовсе нет. Более того, мы осмеливаемся дать свою версию, объясняющую путаницу в источниках о сословном происхождении новых республиканских сенаторов. На путь этой гипотезы нас подтолкнули два пассажа из Ливия и Дионисия. Ливий за 504 г. до н. э. сообщает о переселении в Рим рода Клавдиев из Сабинской земли и об избрании самого Аппия Клавдия в сенат (Liv., II, 16, 4—5), тогда как Дионисий делает очень важное добавление, указывая, что сначала сенат и народ записали Клавдия в патриции (Dion., V, 40, 5). Сам факт может быть и недостоверен, но прецедент, из которого следует, что в самом начале республики пришлые или плебейские роды могли быть зачислены в патриции, а их представители в сенат, примечателен.

Тогда процедуру пополнения римского сената в первый год республики можно реконструировать следующим образом. Большая часть новых сенаторов происходила из потомственных патрициев, но нововведением явилось то, что те патриции, которым выпала столь большая честь, были не только из числа *seniores*, но и из *iuniores* (Liv., II, 1, 10; Fest, 36).³⁷ К ним добавляется незначительное количество сенаторов из наиболее видных, богатых, вероятно, активно участвовавших в борьбе с последним римским царем, плебейских родов, предварительно

³⁵ Ср.: Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1956. С. 135.

³⁶ Ср.: Виллемс П. Римское государственное право. С. 207—208.

³⁷ Принимаем точку зрения П. Виллемса (Виллемс П. Римское государственное право. С. 207) и Сидорович О. В. (Сидорович О. В. Социальный состав... С. 57).

возведенных в ранг патрицианских. Тогда становятся совершенно логичными слова Ливия (II, 1, 11 — Мера эта была очень полезна, способствуя согласию в государстве и привязанности простого народа к сенаторам). И не возникает противоречия с данными Дионисия (V, 13, 1) и Феста (304). Оба автора обратили внимание на изначальное происхождение части новых сенаторов, опустив промежуточную операцию.

Такой прецедент был вызван крайне тяжелым положением, в котором очутилась римская община после свержения Тарквиния Гордого, и, конечно, не мог стать правилом. Патриции крепко цеплялись за свои права и привилегии и соглашались на компромисс лишь в исключительных случаях. В дальнейшем звание сенатора не делало плебея патрицием. Поэтому плебеи могли попасть в сенат только как представители своего сословия, а единственно верной дорогой, ведущей в сенат, было «курульное кресло». И в 444 г. до н. э. плебеи впервые добиваются права занимать его. Но прежде бросим еще один взгляд на римский сенат V в. до н. э. Он высвечивает такие штрихи:

1. По-видимому, не существовало никаких ограничений для сенатора в возрасте, в имуществе (сенаторского ценза нет вплоть до времени Империи).

2. Звание сенатора было пожизненным.³⁸

Единственным критерием для магистрата, осуществлявшего *lectio*, был обычай, который требовал, чтобы сенатором становился человек уважаемый, умудренный годами, небедный, имевший заслуги перед общиной.

Несмотря на то, что уже в 444 г. до н. э. плебеи были допущены к исполнению высшей магистратуры, которая с этого времени стала коллегияльной и получила название *tribuni militum consulari potestate*, первый плебейский сенатор появился только в 400 г. до н. э. (Liv., V, 12, 9). Однако год не так уж важен. Принципиальнее другое — с этих пор право плебеев на место в сенате не ставится под сомнение.

В начале IV в. до н. э., безусловно, количество сенаторов-плебеев исчислялось единицами. Но по мере занятия плебеями все новых и новых магистратур их число в сенате быстро росло, пока, наконец, закон Овиния не предписал цензорам, к которым по этому плебисциту перешло *lectio senatus*, вообще не обращать внимание на сословное происхождение кандидата. Загадкой остается, почему ни один из историков не сообщает о законе Овиния. В данном вопросе наш единственный источник — Фест (246). Но он, к сожалению, не датирует это событие, а дает лишь его хронологические рамки; не ранее 444 г. до н. э. (ибо в тексте упоминается о военных трибунах с консулярной властью) и не позднее 312 г. до н. э. (цензура Аппия Клавдия — Liv., IX, 29 сл.).

³⁸ См.: Нетушил И. В. Очерк... С. 245—249.

Большая часть историков воздерживается от точной датировки, правда, сужая хронологические рамки вероятного появления этого плебисцита до полувека — с 366 г. до н. э. (когда высшая коллегия магистратуры была преобразована и вместо консульных трибунов стали избирать ежегодно двух консулов — одного из патрициев, другого из плебеев) по 312 г. до н. э.³⁹

Одним из немногих исследователей, кто стремится привязать закон Овиния к конкретному году, — Эндрю Ференчи. По его мнению, плебисцит народного трибуна Овиния имеет много схожего и укладывается в рамки демократических преобразований цензора 312 г. до н. э. Аппия Клавдия Цека. Поэтому Э. Ференчи относит его к году цензуры Клавдия.⁴⁰

Ограничимся и мы приблизительной датировкой закона Овиния между 366—312 гг. до н. э. Тем более что нам в данном случае намного важнее его содержание, так как он законодательно уравнивал права патрициев и плебеев на место в сенате. Согласно Фесту, плебисцит Овиния, передав полномочия в составлении *lectio senatus* цензорам, обязал их выбирать в сенат лучших граждан из всех сословий. Текст Феста создает новые проблемы. Во-первых, что значит *ex omni ordine*? Большинство историков, на наш взгляд, совершенно неправомерно понимают эти слова Феста как *ex omni ordine magistratuum*.⁴¹ Очевидно, это происходит потому, что исследователи пытаются найти для правила поздней республики, когда сенат комплектовался из экс-магистратов (Cic., leg., III, 27), законодательную основу. Но в отношении плебисцита Овиния это является неоправданной натяжкой. Мы хотим поддержать позицию Р. Палмера и Э. Ференчи, которые отрицают связь способа составления сената в позднюю республику с принципами, записанными в законе Овиния.⁴² Под термином «ordo» нужно понимать «класс», «сословие». Это во-первых.

Во-вторых, что скрывается за *cuiusmodi*. Надо признаться, что эта загадка остается для нас неразрешимой. Ряд исследователей обходит молчанием это указание Феста, объяснения других неудовлетворительны.⁴³

Заканчивая рассмотрение закона Овиния, подчеркнем еще

³⁹ Виллемс П. Римское государственное право. С. 208; Нетушил И. В. Очерк... С. 248—249; Abbott F. F. A History and Description... P. 47; Palmer R. E. A. The Archaic Community... P. 254.

⁴⁰ Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 160—161.

⁴¹ См., напр.: Виллемс П. Римское государственное право. С. 208; Нетушил И. В. Очерк... С. 249; Abbott F. F. A History and Description... P. 46.

⁴² Palmer R. E. A. The Archaic Community... P. 255; Ferenczy E. From the Patrician State... P. 161.

⁴³ См.: Palmer R. E. A. The Archaic Community... P. 255; Ferenczy E. From the Patrician State... P. 159.

раз самое главное — со времени его издания плебеи и патриции могли наравне претендовать на место в сенате.

А то, что римский сенат в середине IV в. до н. э. стал все больше превращаться в собрание бывших магистратов, было прямым следствием расширения системы должностей. Ведь способы приобретения звания сенатора менялись незначительно на протяжении всего существования республики. Ими оставались по-прежнему отправление магистратуры и *adlectio* (свободный выбор цензорами). Для IV в. до н. э. изменения коснулись двух аспектов: 1. Теперь исполнение любой должности — и курульной, и некурульной — давало право быть избранным в сенат; 2. *Adlecti* могли происходить не только из патрициев, но и из плебеев. Естественно, чем больше было магистратов, тем меньше оставалось места для свободного *adlectio*.

Стремительное проникновение плебеев в сенат кардинальным образом изменило роль и место сената в политической структуре Рима. Он перестал быть оплотом патрициата и к началу III в. до н. э. превратился в правительство римской республики. Важной вехой в этом преобразовании явились два плебисцита: закон Публилия Филона (339 г. до н. э.) и закон Мения (ок. 290 г. до н. э.). Они изменили процедуру *patrum auctoritas*, сделав ее предварительной к решениям комиций; первый — по отношению к законам (*Liv.*, VIII, 12, 15), второй — к выборам (*Cic.*, *Brut.*, 55). В результате *patrum auctoritas* трансформировалась в пробулевму (*Dion.*, IX, 41, 3).

Следствием этих законов явилось уничтожение сената в качестве совета, стоящего над римской общиной, и усиление его роли как важнейшей структуры управления римской республикой. Они укрепили взаимосвязь и взаимозависимость всех основных элементов римской политической системы: сената, комиций и магистратур. Более того, они не только ограничили компетенцию народного собрания, но и положили конец фактической независимости магистрата. Ибо, безусловно, внести коррективы в законопроект или отвергнуть его легче при предварительном обсуждении, чем после принятия народным собранием.⁴⁴ Именно эти обстоятельства, полностью изменив место сената в государственной структуре Рима, сохранили за ним роль центрального органа в римской конституции. Новое положение сената оказалось столь удачным и столь прочным, что он удержал его вплоть до падения республики.

⁴⁴ Cp.: Abbot F. F. *A History and Description...* P. 50; Ferenczy E. *From the Patrician State...* P. 58.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 68—69 гг. И ПРОВИНЦИИ

Толчком к началу гражданской войны 68—69 гг. послужило восстание Виндекса в Галлии. Долгие споры о характере этого восстания¹ можно теперь считать разрешенными. Оно не было антиримским, оно было антинероновским, элемент национально-освободительного движения в нем отсутствовал.² Это, однако, не означает, что провинции лишь пассивно наблюдали за происходящим. Их роль в событиях этого времени была довольно значительной. Императоры и претенденты на трон в своей деятельности учитывали провинциальный фактор.

Гражданская война сдвинула со своих мест значительную и, пожалуй, лучшую часть армий, что, разумеется, не только оголило границы, но и уменьшило фактор силы в контроле над провинциями. Результатом могло стать и новое вторжение варваров, и национально-освободительное движение в провинциях, и соединение антиримских сил по обе стороны границы. События показали, что все эти возможности в 68—69 гг. стали реальностью. В начале 69 г. в Мезию вторглись роксоланы, с трудом отбитые римлянами, и победа над ними оказалась так важна для Отона, что проконсул Мезии был награжден триумфальной статуей, легаты легионов — консульскими знаками отличия, а сам император расценил эту победу как новую славу для государства (Тас. Hist. I, 79). В конце 69 г. в ту же Мезию вторглись даки, воспользовавшись уходом отсюда римской армии, и лишь оказавшаяся там Восточная армия Муциана смогла их отбить (Тас. Hist. III, 46). Смутными обстоятельствами в империи пытался воспользоваться парфянский царь Вологез, предложивший Веспасиану 40 тыс. всадников, надеясь, видимо, такой небольшой ценой добиться своих целей на востоке империи, но Веспасиан отказался, явно не желая давать царю повод вмешаться в римские дела (Тас. Hist. IV, 51). Во время восстания Цивилиса его поддержали некоторые зарейнские племена.

Не обошли империю и национальные движения, направленные либо прямо против Рима, либо против его ставленников. Так произошло в Британии, где раздоры между царицей Карти-

© Ю. Б. Циркин, 1997

¹ Rostovtseff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 87—88; Syme R. Tacitus. T. 1. Oxford, 1958. P. 462; Chilver G. E. F. A historical commentary on Tacitus' Histories I and II. Oxford, 1979. P. 6.

² Brunt P. A. The Revolt of Vindex and the Fall of Nero // Latomus, 1959. T. 18, 3. P. 531—534, 543—559; Levi M. A. L'imperio romano. Torino, 1971. P. 154; Greenhalgh P. A. L. The Year of the Four Emperors. New York, 1975. P. 6—7; Chilver G. E. F. 1) A historical commentary... P. 7; 2) The Army and Politics, A. D. 68—69 // JRS. 1957. Vol. 47. P. 29—30.

мандуей и ее бывшим мужем Венуцием привели к сражениям между отрядами Венуция и римскими войсками (Тас. Hist. III, 45). На Нижнем Рейне и в Северо-Восточной Галлии в 69—70 гг. бушевало восстание Цивилиса. Как и в случае восстания Виндекса, историки спорят о характере этого движения.³ Думается, что доводы сторонников антиримской направленности восстания неоспоримы.⁴ Правда, поднимая восстание в западной части империи в то время, когда в Риме сидел Вителлий и его признавала западная часть государства, Цивилис объявил себя сторонником Веспасиана (Тас. Hist. IV, 13—14). Но последующий ход событий ясно показал, что имя Веспасиана было для него лишь прикрытием, ибо с победой Флавия он продолжал бороться с тем же упорством.⁵ В бывшем Полемоновом Понте также вспыхнуло восстание, возглавленное Аникетом, причем тот, действуя в сфере власти Веспасиана, выступил под знаменем Вителлия (Тас. Hist. III, 48). (Надо иметь в виду, что еще не закончилась Иудейская война.)

Таким образом, национально-освободительные движения не обошли Римскую империю, потрясаемую гражданской войной. Однако надо обратить внимание на следующие обстоятельства. Волнения и бои в Британии были по существу эпизодами той почти бесконечной войны, которую начал Клавдий и которая так и не завершилась полной победой Рима, ибо северная часть острова осталась независимой. Война в Иудее началась за два года до гражданской войны (и закончилась через три года после ее окончания) и была вызвана специфическими особенностями Иудеи. Полемонов Понт, жалкий остаток некогда грозной державы Митридата, был сравнительно недавно присоединен к Риму,⁶ и там еще были живы воспоминания о хоть призрачной, но независимости, и осталось, вероятно, много людей, проигравших в результате присоединения к Риму. Недаром инициатором и вождем восстания стал Аникет, царский отпущенник, командир флота при Полемене, пользовавшийся, по словам Тацита, большой властью в стране, а теперь этой власти лишившийся. Значительную часть населения этой далекой окраины Малой Азии составляли варварские племена, находившиеся на довольно низкой ступени развития,⁷ и именно они и составляли основную массу повстанцев, хотя, может

³ Cp.: Walser G. Rom, das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschreibung der frühen Kaiserzeit. Baden-Baden, 1951. S. 86—128; Brunt P. A. Tacitus on the Batavian revolt // Latomus. 1960. T. XIX. P. 494—517.

⁴ Brunt P. A. Tacitus... Passim.

⁵ Stein. Iulius, 186) // RE. 1917. Hbd. 19. Sp. 566—567.

⁶ Anderson J. G. C. The eastern frontier from Tiberius to Nero // CAH. 1934. Vol. X. P. 774; Hoffmann W. Polemon, 3 // RE. 1952. Hbd. 42. Sp. 1286.

⁷ Olshausen E. Pontos // RE. 1978. Spt Bd XV. Sp. 437; Болтунова А. И. Восстание Аникета // ВДИ. 1939. № 2. С. 59—62.

быть, к ним присоединилась и городская беднота Трапезунта.⁸

Положение в Галлии было довольно сложным. Нарбоннская Галлия была уже настолько романизована, что, говоря словами Плиния (III, 31), была скорее Италией, чем провинцией. Там почти полностью господствовал муниципальный строй. Сложнее было положение в Трех Галлиях, где сосуществовали римские и доримские порядки, но и там у эдуев, секванов и ряда других племен Лугдунской Галлии социальное развитие зашло достаточно далеко.⁹ Если эдуи в свое время восставали против римской власти под лозунгом независимости (Тас. Апп. III, 43—46), то, получив доступ в сенат при Клавдии (Тас. Апп. XI, 25), их знать вошла в правящий слой империи и стала весьма лояльна Риму. Частично на этот путь вступили и другие племена Галлии. Социальное развитие северо-восточных и прирейнских племен, а также подчинявшихся римлянам германцев, живших на римском берегу Рейна, было более замедленным.¹⁰ И именно эти племена и поднялись под знаменами Цивилиса, а затем и Классика, и лозунгом галльской свободы. Даже на призыв друидов, увидевших в пожаре Капитолия знак скорого падения Рима и перехода власти над миром к трансальпийским племенам (Тас. Hist. IV, 54), практически не откликнулась ни Лугдунская Галлия, ни Аквитания, ни тем более Нарбоннская Галлия, как несколько раньше полной неудачей закончилась попытка Марикка из племени бойев, который поднимал восстание под религиозным знаменем и против которого выступили не только римские когорты, но и значительная часть собственного племени (Тас. Hist. II, 61).

Итак, хотя обстановка гражданской войны благоприятствовала возникновению национально-освободительных движений и они действительно возникали, охватывали они лишь наименее романизованные (на Востоке — эллинизированные) окраины империи. Видимо, к этому времени основная часть провинций уже настолько втянулась в общую социально-политическую ткань империи, что их участие в гражданской войне было связано с поддержкой того или иного императора либо претендента. По словам Тацита (Hist. I, 77), не только армии, но и

⁸ Болтунова А. И. Восстание Аникета. С. 62—66; Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л. 1956. С. 393—394.

⁹ Pelletier A. La société urbaine en Gaule Narbonnaise à l'époque d'Auguste // Latomus. 1991. T. 50. P. 645—647; Alföldy G. The social history of Rome. Routledge. 1988. P. 105; Goudineau Ch., Février P. A., Fixot M. La réseau urbain // Histoire de la France urbaine. T. I. Paris, 1980. P. 101; Syme R. Then studies on Tacitus. Oxford, 1970. P. 22—25.

¹⁰ Hiddink H. A. Rural centres in the Roman settlement system of North Gallia Belgica and Germania inferior // Images of the past. Amsterdam, 1991. P. 213—215, 219; Бокшанин А. Г. Социальный кризис в Римской империи в I в. н. э. М., 1954. С. 212.

провинции разделились на две враждующие партии. И роль их в поддержке или противодействии была довольно значительна.

Так, позиция таких городов, как Лугдун и Виенна, во многом решала судьбу восстания Виндекса, как и выступления Вителлия.¹¹ Когда последний решил выступить в поход на Рим, он поручил Валенту переманить на свою сторону галльские провинции и лишь в случае их отказа опустошить их (Тас. Hist. I, 61). Поддержка восточной части Галлии обеспечила армии Валента свободный, довольно легкий и быстрый проход вплоть до Альп. Цецине же пришлось встретиться с враждебностью гельветов. И хотя победа над гельветами далась Цецине достаточно легко, ему пришлось там задержаться (Тас. Hist. I, 68—70), и трудно сказать, как эта задержка отразилась бы на ходе войны, если бы на сторону Вителлия не перешла силианская конница, передавшая ему Транспадану (Тас. Hist. I, 70). А в конце этого года, уже после поражения вителлианцев при Кремоне, Валент задумал поднять Нарбоннскую Галлию, и, как пишет Тацит (Hist. III, 41), в случае удачи результат был бы ужасным (*atrox*). Лишь действия прокураторов Нарбоннской Галлии Валерия Паулина и Приморских Альп Мария Матура сорвали план Валента.

Каковы же были позиции различных регионов империи на разных этапах войны? На первом этапе (восстания Видекса и Гальбы, поход последнего на Рим, гибель Нерона) ареной войны являлись Галлия и Испания. В Галлии Виндекса активно поддерживали эдуи, секваны и их союзники, а также ряд других галльских племен (Тас. Hist. I, 51) и город Виенна в Нарбоннской Галлии (Тас. Hist. I, 65). Именно на собрании галльской знати Виндекс открыто и решительно выступил против Нерона (Dio Cass. LXIII, 22—23), и эта знать поднялась вместе с ним (Ios. Bel. Iud. IV, 8, 1). По Плутарху (Galba 4), в распоряжении Виндекса было сто тысяч воинов. Учитывая, что римские легионы, стоявшие на Рейне, выступили против него, а других регулярных войск в Галлии не было, это могли быть только войска галльских магнатов. Виндекс был наместником Лугдунской Галлии,¹² однако сам Лугдун занял антивиндексовскую и пронероновскую позицию (Тас. Hist. I, 65).

Приглашение присоединиться к антинероновскому движению Гальба получил в Новом Карфагене. Там после некоторых колебаний он и выступил против Нерона, не принимая, однако, императорского титула, а объявив себя легатом сената и народа (Suet. Galba 10, 1; Plut. Galba 5).¹³ Уже тогда он получил оракул от местной знатной девицы, подтвержденный

¹¹ Greenhalgh P. A. L. The Year... P. 7.

¹² Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л. 1985. С. 189; Hainsworth J. B. Virginius and Vindex // Historia. 1962. T. IX, I. P. 88.

¹³ Wellesley K. The long year A. D. 69. Bristol, 1989. P. 5.

жрецом Юпитера в Клунии, что из Испании выйдет повелитель мира (Suet. Galba 9).¹⁴ Характерно выдвижение Клунии, старинного кельтиберского города, получившего, по-видимому, при Тиберии статус латинского муниципия.¹⁵ В этот город удалился Гальба, узнав о поражении Виндекса, и туда принес ему Икел известие о смерти Нерона и признании его, Гальбы, императором, и там новый принцепс принял этот титул перед толпой, собравшейся у его дома (Suet. Galba 11; Plut. Galba 6—7). Подтверждением значения Клунии в гальбовской эпопее служит чеканка Гальбой монеты с легендой Hispaniae Clunia. Вероятно, в награду город был возведен новым императором в разряд римской колонии и получил когномен Сульпиция.¹⁶

Готовясь к походу в Италию, Гальба собирал среди провинциалов новое войско (Suet. Galba 10). Среди войска был VII Гальбанский (позже Парный) легион, во главе которого Гальба поставил М. Антония Прима, уроженца Толозы в Аквитании, бывшего сенатора, выгнанного Нероном из сената.¹⁷ Значительная часть легионеров и масса вспомогательных солдат набиралась среди менее романизованных народов центральной и северо-западной части Испании.¹⁸ И опора на религиозные представления кельтиберов, и набор войск, видимо, в основном среди жителей менее романизованных территорий, и избрание до похода на Рим основной резиденцией Клунии, где Гальба принял императорский титул и установил первоначальную квартиру легиона, который он считал наиболее верным, так что только с ним одним и пошел на Рим, — все это говорит о поддержке новой власти именно в этой зоне Испании и о расчете претендента именно на эту зону.

Из Светония известно (Galba 12,1), что не все города на пути Гальбы в Рим принимали его радушно, и новый император такие города сурово наказывал, вплоть до разрушения стен и казни местных властей вместе с семьями. Биограф не уточняет, о каких городах идет речь, упоминая лишь о недоразумении с венком в Тарраконе (12,1). Плутарх (Galba 11) говорит о встрече Гальбы с посланцами сената близ Нарбонна. Оба эти города находились на Августовой дороге, бывшей главным сухопутным путем сообщения Испании с Римом. Она проходила через восточную часть Тарраконской Испании и

¹⁴ Bowersock G. W. The Mechanics of Subversion in the Roman Provinces // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1986. T. 33. 304.

¹⁵ Galsterer H. Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. Berlin, 1971. S. 35.

¹⁶ Ibid. und Bem. 50.

¹⁷ Ritterling. Legio // RE. 1925. Hbd. 24. Sp. 1629; Roldán Hervás J. M. Hispania y el ejército romano. Salamanca, 1974. P. 201; Alföldy G. Römische Heeresgeschichte. Amsterdam. 1987. S. 415.

¹⁸ Roldán Hervás J. M. Hispania... P. 246—248.

Нарбонскую Галлию,¹⁹ т. е. по самой романизованной зоне Западного Средиземноморья. Можно сделать вывод, что эта зона в целом оставалась на стороне Нерона и была против Виндекса и Гальбы.

В этом отношении характерны противоположные позиции двух соседних городов — Лугдуна и Виенны. Вторая решительно поддержала Видекса и Гальбу, в то время как первый город решительно выступил в поддержку Нерона, а позже Вителлия, рассматривая его, видимо, как мстителя за Нерона (Tac. Hist. I, 64—65). Большую роль в определении позиций сыграло соперничество двух соседей, как это подчеркивает Тацит.²⁰ Соперничество как мотив выбора той или иной линии поведения вообще нельзя отбрасывать. Явно именно этим объясняется различие позиций ПUTEОЛ и КУМ в конце гражданской войны (Tac. Hist. III, 57). Однако в случае Лугдуна и Виенны нельзя не обратить внимания на различное положение этих городов. Оба они были римскими колониями, но не случайно лугдунцы подчеркивали свой колониальный статус (*se coloniam Romanam*), умалчивая о статусе Виенны. Колония в Лугдун была выведена в 43 г. до н. э. будущим триумвиром Лепидом и претором Трансальпинской Галлии Л. Мунацием Планком, выполнявшими план покойного Цезаря. Колонисты были ветераны; и в 69 г. лугдунцы говорили, что они — не только колония, но и часть армии (*et partem exercitus*).²¹ Виенна же была столицей алоброгов, получившая при Калигуле колониальный статус, но без вывода туда колонистов. Она, таким образом, была титулярной колонией, и ее территория совпадала с землей алоброгов.²² Так что хотя Виенна была расположена в Нарбоннской Галлии, в социально-политическом плане она была ближе к общинам Трех Галлий, в то время как с Лугдуном дело обстояло обратным образом. И здесь мы вновь видим подтверждение того, что романизованные территории и общины выступали против Виндекса и Гальбы, а менее романизованные, как Виенна, которая не только поддержала Виндекса, но и собирала войско для Гальбы, заняли антинероновскую позицию.

Такое положение, вероятно, объясняется тем, что на провинции едва ли так разрушительно действовали безумства Не-

19 Roldán Hervás J. M. *Itineraria Hispana*. Granada, 1975. P. 45—48.

20 Chilver G. E. F. *A historical commentary...* P. 126.

21 Cramer, *Lugdunum* 1) // RE. 1927. Hbd. 26. Sp. 1719; Leglay M. *Lugdunum* // Kleine Pauly. 1979. Bd 3. Sp. 770; Heubner H. P. *Cornelius Tacitus Historien*. Bd I. Heidelberg, 1963. S. 137—138; Dudley D. R. *The world of Tacitus*. London, 1968. P. 183—184.

22 Heubner H. P. *Cornelius Tacitus...* S. 138; Bruhl A. *Vienna*, 2) // RE. Hbd. 16A. 1958. Sp. 2114—2115; Dudley D. R. *The world...* P. 184.

рона.²³ Тацит (Ann. XVI, 5) рассказывает, что прибывшие в Рим муниципалы и провинциалы с изумлением смотрели на происходившее там; видимо, вдали от центра государства им это было практически неизвестно, да и не очень их волновало. А занятым уже положением они, по-видимому, дорожили и не решались поставить его под сомнение участием в гражданской войне, к тому же в провинциях Нерон был достаточно популярен. В 58 г. он выступил с инициативой отмены пошлин (*vestigalia*), в том числе таможенных (*portoria*), но противодействие сената помешало претворению этого замысла в жизнь (Тас. Ann. XIII, 50). Император все же принял ряд мер по ограничению произвола откупщиков при сборе ими косвенных налогов, отменил пошлину в 1/40 и 1/50 при совершении различных сделок, выставил на всеобщее обозрение скрывавшиеся ранее правила действия откупщиков и обязал провинциальных наместников разбирать вне очереди дела против откупщиков (Тас. Ann. XIII, 51).²⁴ Все это имело эффект прежде всего в наиболее романизированной зоне с более активной экономической, в том числе торговой, жизнью, теснее связанной коммерческими узами с Италией. Так что у жителей наиболее романизированной зоны Испании и Галлии не было особого резона поддерживать сторонника, и в какой-то степени ставленника, «злого» сената против «доброего» императора. Еще важнее, как кажется, было объективное противостояние менее романизированным территориям с иным образом жизни и иной ее организацией. Колонисты прибывали в основном из Италии, и наличие в провинциях итало-римского и туземного миров требовало большего сплочения первого и не давало ему оснований присоединиться ко второму.

Особое место на этом этапе войны заняла Африка. Командир единственного стоящего там легиона Л. Клодий Макр в 68 г. тоже выступил против Нерона (Plut. Galba 6) и, по примеру Гальбы, объявил себя легатом сената и народа. Он стал чеканить свои монеты, образовал новый легион, а затем отказался подчиниться Гальбе, явно готовясь к войне за трон, задерживая суда с хлебом, надеясь заставить Италию капитулировать (Plut. Galba 13; Тас. Hist. I, 73).²⁵ Однако Гальба принял решительные меры, и Макр был убит по его приказу прокуратором Требонием Гаруцианом (Тас. Hist. I, 7). Первоначально у Макра сил было не меньше, чем у Гальбы, но все же его выступление закончилось катастрофой, и это, думается,

²³ Muñiz Coello J. La política municipal de los Flavios en Hispania // SHNA. 1984—1985. T. 2—3. P. 151.

²⁴ De Laet S. J. Portorium. Brugge, 1949. P. 120—121.

²⁵ Chilver G. E. F. A historical commentary... P. 13—14, 65; May Smallwood E. Documents illustrating the principates of Gaius, Claudius and Nero. Cambridge, 1987. P. 39; Hainsworth J. B. Virginius... P. 92.

объясняется прежде всего позицией провинции, ненавидевшей Макра (Тас. *Hisp.* I, 11).

Второй этап войны разворачивался (вне Италии) преимущественно в Галлии и альпийских провинциях. В Галлии территории, которые выступали против Виндекса и Гальбы, теперь поддерживали Вителлия. И все же здесь ситуация не была зеркальным отражением предшествующей. Племена Северо-Восточной Галлии и рейнской зоны, стоявшие на сравнительно низкой ступени социального развития и довольно тесно связанные с легионами Германской армии, не только активно поддерживали Вителлия, но и были в значительной степени инициаторами выступления (Тас. *Hist.* I, 8; 53—54).²⁶ Таким образом, в поддержку нового претендента выступили как наиболее романизированные (Нарбоннская Галлия, Лугдун), так и наименее романизированные (тревиры, лингоны и другие племена этого региона) элементы Галлии. Что же касается эдуев и других племен Трех Галлий, которые ранее активно поддерживали Виндекса, то теперь они были вынуждены соблюдать благоприятный для Вителлия нейтралитет. По-видимому, их силы были подорваны восстанием Виндекса, а регулярная армия выступила под знаменем Вителлия, и из страха они поддерживали его (Тас. *Hist.* I, 64). В войне между Вителлием и Отоном восточные и африканские провинции выступали на стороне последнего, а западные в основном — Вителлия.

Восточные провинции сыграли важную роль на третьем, заключительном, этапе войны. Как уже говорилось, поднять Нарбоннскую Галлию Валенту не удалось. Вспыхнуло восстание батавов и некоторых других германских племен Северо-Восточной Галлии, но основные массы галльского населения этого региона и вспомогательных галльских и германских частей присоединились к этому восстанию уже после смерти Вителлия, когда оно приняло открыто антиримский характер, а теперь и антифлавиевский (см. Тас. *Hist.* IV, 55).²⁷ Волновалась Африка (Тас. *Hist.* IV, 48—50). И все же главным событием была война между Веспасианом и Вителлием.

Положение Веспасиана было, пожалуй, более сложным, чем Вителлия, так как в Иудее еще продолжалось восстание, а постоянной угрозой границе была Парфия. Веспасиану, правда, удалось выйти из этого положения. Его дипломатическое искусство парализовало царя Вологеза (Тас. *Hist.* IV, 51), а ожесточенные распри в иудейской среде «заморозили» восстание и дали возможность претенденту все силы направить против сидящего в Риме императора. Но все-таки не искать опоры в

²⁶ Бокшанин А. Г. Социальный кризис... С. 212.

²⁷ Chilver G. E. F., Townend G. B. A historical commentary on Tacitus' Histories IV and V. Oxford, 1985. P. 11.

провинциях в таких условиях Веспасиан и его сторонники не могли.

Вероятно, своеобразной разведкой являлось зимнее путешествие Тита в начале 69 г., предпринятое под предлогом поздравления Гальбе (Suet. Tit. 5, 1; Tac. Hist. I, 10).²⁸ Вернувшись с полпути после известия о гибели Гальбы, Тит вопреки обычному каботажному пути направился напрямик на Родос и Кипр, где посетил особо почитаемый храм в Пафосе и получил там чрезвычайно благоприятное пророчество (Tac. Hist. II, 1—4; Suet. Tit. 5, 1). И сам Веспасиан прежде чем отправиться в Египет, где его должны были провозгласить императором, посетил гору Кармел с оракулом древнего филистимского бога, жрец которого, носящий красноречивое имя Басилид, предсказал ему исполнение всех его желаний (Tac. Hist. II, 81; Suet. Vesp. 5, 6).²⁹ Взятый в плен Иосиф предсказал полководцу, что тот станет царем и властителем (Jos. Bel. Iud. III, 8, 9). Существует очень обоснованное предположение, что в действительности это предсказание было сделано позже, как раз в период подготовки к выступлению Веспасиана.³⁰ И это вполне вписывается в общую картину. Все эти консультации с оракулами и распространение предсказаний были необходимы для подготовки провинциального общественного мнения к антивителлиевскому восстанию.

И после провозглашения императором Веспасиан не пренебрегал доказательствами божественной помощи. Он обратился в храм Сераписа, самого почитаемого в египетской столице божества (Tac. Hist. IV, 82; Suet. Vesp. 7, 1), дабы доказать александрийцам и, может быть, всем жителям Египта свое безусловное право на престол. Здесь его встретил некий Басилид, который должен был в этот момент находиться в самой Александрии, что уже само по себе было чудом и знаком покровительства Сераписа.³¹ Этот Басилид носил то же красноречивое имя, что и кармельский жрец, и некоторые исследователи полагают, что речь идет об одном и том же человеке, посланном в Серапеум египетским префектом Тиберием Александром.³² Если это так, то роль этого события как заранее

²⁸ Wellesley K. The long year... P. 42—46; Heubner H. P. Cornelius Tacitus... Bd II. Heidelberg, 1968. S. 12. — Возможно, что само путешествие было подготовлено и осуществлено с помощью Муциана или Тиберия Александра: Barzani A. Tiberio Giulio Alessandro, Prefetto d'Egitto // ANRW. 1988. Bd II, 10, 1. P. 542.

²⁹ Hermann L. Basilides // Latomus. 1953. T. 12, 3. P. 312.

³⁰ Shalit A. Die Erhebung Vespasians nach Flavius Josephus, Talmud und Midrasch // ANRW. 1975. Bd II, 2. S. 299.

³¹ Derschain P. et Hubaux J. Vespasian au Sérapeum // Latomus. T. 12, 1. 1953. P. 48; Bowersock G. W. The Mechanics... P. 301—302.

³² Hermann L. Basilides. P. 312; Heubner H. P. Cornelius Tacitus... Bd IV. S. 183. О роли Тиберия Александра в организации чуда в Серапеуме и чудесах в Александрии: Barzani A. Tiberio... P. 560.

подготовленной идеологической акции становится особенно ясна. Но если гипотеза об идентичности двух персонажей и абсурдна,³³ роль самого чуда в обосновании веспасиановского притязания на власть несомненна: через Басилида сам Серапис как бы благословлял Веспасиана и тем самым снимал с него всякие обвинения в клятвопреступлении и облакал божественной харизмой. Важно, что это благословение давал именно Серапис, соединявший в себе черты ряда египетских и греческих богов, культ которого в то время широко распространялся не только в Египте, но и далеко за его пределами.³⁴ Этой же цели — утверждению безусловного права на престол — служили и разговоры о чудесных излечениях, производимых новым императором в Александрии (Tac. Hist. IV, 81).

В Галлии и Испании Виндекс и Гальба выдвигали лозунги борьбы за свободу и справедливость против тирании и преступности императора, опираясь тем самым на староримские ценности, а Веспасиан взывал прежде всего к божественному покровительству, бывшему на эллинистическом Востоке одной из важнейших основ верховной власти.³⁵ Таким образом, Виндекс и Гальба обращались к римлянам и романизированной знати провинций, уже приобщившейся к традиционным ценностям Рима, а Веспасиан — к восточно-эллинистическому обществу.

Значение Египта для Веспасиана было очень велико. Он рассчитывал, овладев Египтом, лишить Рим хлеба, заставив его тем самым капитулировать, а в случае неудачи отсидеться в малодоступной стране (Ios. Bel. Iud. IV, 10, 5). Даже инициативу антивителлиевского выступления претендент предоставил не своим войскам, среди которых он пользовался огромной популярностью, а стоящим в Египте. И именно провозглашение его императором египетскими легионами 1 июля, а не признание римским сенатом позже считал Веспасиан началом своего правления (Suet. Vesp. 6, 3). А после провозглашения войсками вблизи Александрии Веспасиан предпочел повторить этот акт на александрийском ипподроме перед гражданами города, причем Тиберий Александр сумел организовать пышный прием Флавия, когда многочисленная толпа взывала к богу (вероятно, Серапису) в молитвах ради Веспасиана.³⁶ И в

³³ Dershaïn P. et Hubaux J. Vespasian... P. 52.

³⁴ Свенцицкая И. С. Эллинистическая культура // История древнего мира. М., 1989. Т. II. С. 360; Helck W. Sarapis // Kleine Pauly. 1979. Bd IV. Sp. 1549.

³⁵ Ср.: Mannzmann A. Βασιλεύς; // Kleine Pauly. 1979. Bd I. Sp. 835; Walbank F. W. Monarchies and monarchic ideas // CAH². 1984. Vol. VII. P. 84—99.

³⁶ Bengtson H. Die Flavii. München. 1979. S. 51—52; Dershaïn P. et Hubaux J. Vespasian... P. 47; Barzano A. Tiberio... P. 546. И позже, видимо, существовала александрийская традиция, утверж-

Антиохии Муциан после приведения к присяге Веспасиану солдат собрал толпу в театре, где добился поддержки нового императора провинциалами (Tac. Hist. II, 80).

В свою очередь, императоры 68—69 гг. предпринимали определенные шаги в пользу поддерживающих их провинциалов. Гальба расширил сферу гражданства в Галлии, распространив его на те племена и общины, которые поддерживали Виндекса, они также были освобождены от уплаты части налогов (Tac. Hist. I, 8). Уменьшены были налоги и для испанцев.³⁷ В ранг колонии была возведена Клуния, активно поддерживавшая Гальбу в решающий момент.³⁸ Противники Виндекса и Гальбы были наказаны отнятием части земли (Tac. Hist. I, 8), что привело к поддержке ими восстания Вителлия (Tac. Hist. I, 53—54). Отон ради укрепления своих позиций и привлечения провинциалов вывел новую порцию колонистов в испанские города Гиспалис и Эмериту Августу, причем наделы новых колонистов были, по крайней мере в Эмерите, не меньше прежних,³⁹ к Бетике были присоединены некоторые города Мавритании, что, по-видимому, должно было увеличить доходы провинции. Отон до своего присоединения к антинероновскому движению был наместником Лузитании и хорошо представлял значение Испании в борьбе за власть. Он также упорядочил управление Каппадокии и Африки⁴⁰ и дал всему племени лингонов римское гражданство (Tac. Hist. I, 78)⁴¹.

Вителлий сначала, вероятно, пренебрегал провинциальным фактором. Галльские провинции, одни с радостью, другие со страхом, но все же поддержали Вителлия, однако после его

давшая приоритет Александрии в провозглашении Веспасиана и отразившаяся у Филострата (V, 27—38); Derschain P. et Hubaux J. Vespasian... P. 51.

³⁷ Étienne R. «Quadragesima» ou «quinquagesima» Hispaniarum? // REA. 1951. T. 53. P. 62—70; Blázquez J. M. La economía de la Hispania Romana // Historia de España. T. II, I. Madrid, 1982. P. 422; Kleiner S. The Arch of Galba at Tarragona and Dynastic Portraiture on Roman Arches // *MM*. 1989. Bd 30. P. 241; De Laet S. J. Op. cit. P. 122, 274. Cp.: Vittinghoff. Portorium // RE. 1953. Hbd. 43. Sp. 379.

³⁸ Galsterer H. Die römische Städtewesen... S. 35.

³⁹ Die Schriften der römischen Feldmesser. Berlin, 1848. S. 51—52.

⁴⁰ Greenhalgh A. L. The Year... 59—60.

⁴¹ Сообщение Тацита о лингонах вызвало недоумение многих исследователей, так как лингоны в это время выступали против Отона. Предлагались различные варианты замены возможной опски переписчика или самого Тацита. Однако, видимо, правы те ученые, которые не считают нужным менять тацитовский текст: вероятно, историк соединил в одной фразе различные мероприятия Отона в отношении провинций, не заботясь о хронологической последовательности, так что дарование гражданства лингонам вполне может относиться к самому началу отоновского правления, когда тот знал только об антигальбанской позиции лингонов и мог еще видеть в Вителлии и его сторонниках своих союзников (Heubner H. Cornelius Tacitus... Bd I. S. 162), и только после напрасного обмена письмами (Tac. Hist. I, 74) начались открытые военные действия между Отоном и Вителлием.

победы ничего не получили, так что даже невиданная засуха не уменьшила подати и нормы рекрутского набора (Тас. Hist. IV, 26), что, конечно же, вызывало их возмущение. И лишь в конце своего недолгого правления, загнанный в угол постоянными поражениями своих войск, Вителлий решил искать опору в провинциях и предпринял для этого радикальные шаги. Он, по словам Тацита (Hist. III, 55), стал давать права федератов союзникам, латинское гражданство — иностранцам, откладывая выплату налогов, а некоторым вообще предоставил иммунитет. Говоря об этом мероприятии Вителлия, историк употребляет термин *tributum*. Трибут был отменен для Рима и Италии Августом,⁴² но сохранен в провинциях, причем и там получившие римское гражданство первоначально обычно от этого прямого налога освобождались, но позже жесткая связь между гражданством и налоговым иммунитетом была нарушена.⁴³ Надо отметить, что «трибут» — это налог, уплачиваемый в императорских провинциях, в то время как в сенатских он носил название «стипендий» (Gai Inst. II, 21). Может быть, этим актом Вителлий восстанавливал связь между гражданством и иммунитетом: от налога освобождались общины императорских провинций, уже имевшие гражданство, а не имевшим его предоставлялась отсрочка от уплаты.

Еще интереснее указание Тацита на предоставление прав федератов союзникам. Кто такие «союзники»? На этот вопрос даются различные ответы. Поэтому необходимо посмотреть на использование этого слова Тацитом.⁴⁴ Оно используется историком в разных смыслах. Иногда это действительно военные союзники, как германские племена, вместе с херусками выступившие против Арминия (Тас. Анн. II, 45, 1), или союзники иберского царя Фарасмана, захватывающего Армению (Анн. VI, 34, 1). Сравнительно часто *socius* означает соучастника какого-либо действия или положения. Например, Сенеку обвинили в том, что он — *socius*, т. е. соучастник, Пизона в заговоре против Нерона (Анн. XIV, 65, 2). Гальба называет своих сподвижников на войне *socii belli* (Hist. I, 15). Говоря о Муциане, который вел себя скорее как соправитель Веспасиана, чем его доверенное лицо, Тацит использует выражение *socium imperii* (Hist. II, 83). Лициний Лонг был в свое время единственным сенатором, сопровождавшим Тиберия на Родос и поэтому разделял с ним все его печали и радости (*omnium tristium letorumque socius*) (Анн. IV, 15, 1).

⁴² Gagé J. Les classes sociales dans l'Empire Romain. Paris. 1964. P. 130.

⁴³ Corbier M. L'impôt dans l'Empire Romain: résistances et refus (I—III siècles) // Forms of Control and subordination in antiquity. Leiden, 1988. P. 259.

⁴⁴ Concordantia Tacitea. Hildelsheim; Zürich; New York, 1986. P. 1677—1678.

И все же гораздо чаще это слово используется для обозначения провинциалов, а также вспомогательных частей, поставляемых провинциалами в римскую армию. Например, в речи Тразен в сенате при обсуждении дела критянина Клавдия Тимарха, обвиняемого в оскорблении сената, параллельно употребляются термины *provinciales*, *socii* (Ann. XV, 20, 4). Не разбирая все случаи употребления Тацитом *socii* в качестве синонима *provinciales* и *auxilia*, надо отметить, что насчитывается более пятидесяти таких упоминаний. Большинство из них относится к галлам и рейнской границе, и было бы очень соблазнительно думать, что это словоупотребление отражает особое положение местных племен и общин, подобное положению италийских союзников до Союзнической войны. Однако такое впечатление обманчиво и объясняется тем, что события в Галлии и на Рейне больше привлекали внимание историка. Отмеченное выше слушание дела Тимарха показывает, что этот термин использовался и по отношению к восточным провинциалам, и при этом безразлично, идет ли речь об императорских провинциях или сенатских, как Крит. Поэтому правы те, кто переводит слово *socii* в пассаже о Вителлии как «провинциалы».⁴⁵

Однако ограничиться только этой констатацией нельзя. Во многих случаях встречается не просто упоминание союзников, а их противопоставление другим категориям. Так, говоря о создании в Британии колонии Камулодун, Тацит отмечает, что она была создана для внушения покорности союзникам и как оплот против мятежников (*rebelles*) (Ann. XII, 32, 2). В предыдущей главе говорится о вторжении врагов (*hostes*) в земли союзников. Противопоставление *socii* — *hostes* встречается и в других местах тацитовских произведений.

Такое противопоставление было бы вполне естественно, если бы речь шла только о внешних войнах. Но обратимся к рассказу о восстании Боудикки. Боудикка была царицей племени иценов. Ее муж Прасутаг завещал свои огромные богатства Нерону и двум дочерям, рассчитывая, как пишет Тацит, что эта угодливость оградит его царство и богатства от насилий. Однако получилось наоборот — царство стали грабить центурионы, а имущество — рабы прокуратора. Сама Боудикка была высечена плетью, а дочери обесчещены. Так могло быть только в провинции, частью которой и стало племя иценов. И тогда те подняли восстание. К ним примкнули тринобанты, изгнанные из своих жилищ и полей при основании Камулодуна. Так что если царство иценов только сейчас стало как бы частью провинции (*forma provinciae*), то территория тринобантов явно входила в нее до того. Тем не менее восставшие здесь обычно называются либо *barbari*, либо *hostes*. Союз-

⁴⁵ Heubner H. P. Cornelius Tacitus. . . Bd III. S. 133.

ники же — это те неграждане, которые не примкнули к восстанию. Когда варвары взяли Верулакий и Лондиний, там погибло до 70 тыс. граждан и союзников (Апп. XII, 31—38).

Подобное противопоставление ясно видно и в рассказе о начале восстания Вителлия: римские солдаты видели в галлах, которые недавно активно поддерживали Виндекса, не союзников, а врагов и побежденных (*pec socios, ut olim, sed hostes et victos*) (Hist. I, 51). Классик, будучи префектом тревирской конницы на службе Рима, говорил, однако, что все его предки прославились не столько как союзники, сколько как враги римлян (*hostes populi Romani, quam socios*) (Hist. IV, 55).

Таким образом, *socii* — это мирные провинциалы, верные Риму. Если же они выступают против римской власти, то становятся *hostes* и *barbari*. Это свидетельствует о том, что во времена Тацита *socii* — не правовой термин, как это было по отношению к италикам во времена республики до Союзнической войны.⁴⁶ Для сравнения можно указать, что Флор, рассказывая о Союзнической войне, так ее и называет — *bellum sociale* (III, 18, 1) и в самом рассказе использует термин *socii* (III, 18, 2; 3), хотя упоминает и глагол *rebello* (III, 18, 2). Так же называет войну и Плиний Старший (III, 122). Так что если италики и во время мятежа против Рима остаются *socii*, то провинциалы в подобных обстоятельствах таковыми не являются.

Случаи употребления Тацитом слова *socii* в значении «провинциалы» можно разделить на три группы: во-первых, обозначение вспомогательных частей римской армии вместо или, реже, наряду с *auxilia*; во-вторых, явное противопоставление союзников врагам, мятежникам, варварам; в-третьих, сравнительно нейтральное упоминание. Последняя группа охватывает 23 случая. Дважды это слово употребляют императоры: Тиберий в речи в сенате, в которой он отказывается от установления ему культа (Апп. IV, 38, 3), и Нерон в письме тому же сенату (Апп. XIV, 18, 3). В большинстве остальных случаев речь идет об обсуждении тех или иных дел в сенате и о выступлениях сенаторов, и гораздо реже это слово употребляется непосредственно в рассказах о событиях. В одном случае оно вложено в уста батавов, которые вспоминают об освобождении ретов и нориков от налогов (Hist. IV, 25). Так как реты и норики в то время никак не могли быть союзниками батавов, ясно, что термин употребляется с римской точки зрения. По-видимому, можно говорить, что интересующий нас термин относится прежде всего к словоупотреблению сенатской знати.

В употреблении сенаторами слова *socii* можно увидеть некоторую закономерность. Его употребляет Тразея при обсуждении дела Тимарха (Апп. XV, 20, 4). Союзники обвинили в вы-

⁴⁶ Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 297.

могательстве наместника Азии Г. Силана, и поддержавший обвинение консуларий Мамерк Скавр ссылается в речи на примеры древности (Апп. III, 66). Сам Тацит осуждает демагогию Скавра, но соседство занимающего нас термина и ссылки на древность позволяют думать о некоторой связи. Тогда же льстец Долабелла предлагал принять заранее меры по пресечению преступлений по отношению к союзникам (Апп. III, 69, 1), что тоже напоминало о *mos maiorum*. Несколько раньше П. Вителлий обвинял Пизона (Апп. III, 13, 2). И в этой речи присутствовала изрядная доля демагогии, но Пизон обвинялся прежде всего в отравлении Германика, а тот был идеалом противников Тиберия. Вновь этот термин всплывает в рассказе о суде над тибериевским прокуратором Азии Капитоном, превысившим свои полномочия (Апп. IV, 5, 2), и над Суиллием, наводившим страх при Клавдии (Апп. XIII, 43, 1). Если все эти совпадения не случайны, то напрашивается вывод, что термин «союзники» связывается в этой группе упоминаний либо с «ревнителями старины», либо с теми людьми, которые, будучи на деле от этих «ревнителей» весьма далеки, перед общественным мнением старались предстать поборниками добрых старых нравов.⁴⁷

В этом отношении интересны различные толки об Августе, возникшие в Риме после смерти принцепса (Апп. I, 9—10). Наскоро пересказав вздор (*vana*), занимавший многих (*plebiscus*), Тацит передает мнения мыслящих людей (*prudentes*). Хвалившие покойного императора отмечали, что при нем царит среди граждан правосудие, в отношении союзников — умеренность, а сам город украсился великолепным убранством, и лишь немногое было совершено насилем, чтобы в остальном был мир и покой. Это — идеал доброго старого Рима. Эти слова перекликаются со знаменитой вергилиевской оценкой роли Рима в жизни мира (Аен. VI, 851—853).

Если учесть, что в большинстве остальных случаев упоминание *socii* вставлено в довольно нейтральный контекст, можно говорить, что этот термин входил в первую очередь в сферу словоупотребления людей, думающих достаточно консервативно (или пытающихся представить себя таковыми) и находящихся к преемникам Августа в оппозиции, если не действительно, то мысленной.

Что касается *externi*, то это слово обычно обозначает иностранцев. Это, видимо, тоже не юридический термин, каким являлся *peregrini*, а обычное словоупотребление. Правда, два случая позволяют подозревать, что под *externi* могли подразумеваться и провинциалы, не имеющие ни латинского, ни римского гражданства. В одном случае это слово употребляют

⁴⁷ О различных группах в римском сенате: Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 16—29.

Флор и Сакровир, уверяя будущих повстанцев, что в римской армии ненадежны все, кроме *externi* (Апп. III, 40, 3). Речь идет, конечно, о провинциальных *auxilia*. В другом случае жители Плаценции и воины обеих армий вдохновляют друг друга и хулят противников: отонианцы кричали, что их враги — *peregrinum et externum* (Hist. II, 21). Однако в этих случаях ясны эмоциональные преувеличения, это — не описание данной категории. Большее значение имеет для нас пассаж, относящийся к началу восстания Цивилиса. Тацит пишет, что в этом восстании приняли участие чужеземные и союзные племена (*externarum sociorumque gentium motu*) (Hist. IV, 12). Это почти параллельно указанию историка на войну с римлянами батавов (явно союзников, по крайней мере до восстания) и зарейнских племен (*Batavi Transrhenanique*) (Hist. IV, 23). Именно участие зарейнских племен и делало войну с Цивилисом одновременно и внутренней, и внешней (Hist. II, 69). Думается, что и в упоминании об акте Вителлия под *externi* надо понимать какие-то чужеземные, может быть, зарейнские или задунайские племена, связанные в то же время с судьбами Рима. В связи с этим надо вспомнить о страхе Муциана уже после победы под Кремоной, как бы даки и германцы с разных сторон не вторглись в области, бывшие под контролем флавианцев (Hist. III, 46).

Таким образом, можно говорить, что союзники, которым Вителлий собирался дать права федератов, — это провинциалы, которые либо еще оставались верными ему (речь идет, скорее всего, о Галлии, бывшей его опорой во время антигальбанского, а затем и антиотоновского выступления), либо верность которых он надеялся купить расширением их прав, а чужеземцы — пограничные племена. Учитывая, что термины *socii* и *externi* не юридические, едва ли надо видеть в сообщении Тацита пересказ закона или какого-либо другого правительственного акта. К тому же Тацит, рассказывая об этих актах Вителлия, использует глаголы в инфинитиве. Видимо, перед нами пересказ сообщения другого или других авторов, явно недоброжелательно относящихся к Вителлию и принадлежавших, вероятно, к тому кругу людей, мысли которых были близки самому Тациту. Может быть, это — те самые «мудрые» (*sapientes*), которые, по словам историка (III, 55, 3), считали эти действия Вителлия за «ничто» (*vana*). Это не означает, что надо отрицать достоверность этого сообщения. Тацит при всей своей ненависти к деспотам и сугубой нелюбви к Вителлию никогда намеренно не искажал факты. А гражданская война еще могла быть памятна в то время, когда он писал «Историю». Поэтому можно сделать вывод, что Вителлий то ли не успел, то ли и не собирался проводить свои решения через сенат или комиции, а, вероятнее, издал по этому поводу свой эдикт, который после его падения никто не при-

нял во внимание и который, возможно, даже не был помещен в архив, тем более что сам архив сгорел и его в начале правления Веспасиана пришлось восстанавливать. И Тациту пришлось пользоваться не самими документами, а рассказом о них.

Все свои мероприятия по отношению к провинциям императоры 68—69 гг. проводили уже после реального принятия власти. Поэтому и Веспасиан во время самой войны более или менее воздерживался от каких-либо действий в этом направлении, приняв ряд мер уже после победы. Он вернулся к цезаревской и послецезаревской политике, распространяя гражданство на всю Испанию и включая провинциалов в гражданскую жизнь Рима. Думается, однако, что эти меры едва ли были импровизациями, а скорее являлись результатом осуществления заранее обдуманых планов.

Судьба императорских мероприятий времени войны после нее оказалась различной. Некоторые меры Гальбы, как, например, снижение податей в Галлии, были отменены, другие, как тот же акт в отношении Испании, сохранены Веспасианом.⁴⁸ Что касается мероприятий Оттона, то, по словам Тацита (Hist. I, 78), и сам император, вынужденный пойти на них, не рассчитывал на их сохранение после войны. Однако те, которые успели реально осуществиться, как, например, новая дедукция в Эмериту, стали реальностью. В то же время никаких следов отоновского законодательства в Африке и Каппадокии не обнаружено,⁴⁹ вероятно, оно проведено в жизнь так и не было.

Акты Вителлия могли создать совершенно новую ситуацию в государстве. Трудно сказать, какие выгоды могли получить иностранцы от приобретения латинского гражданства; возможно, здесь сказалась римская уверенность, что любая форма приобщения к римской жизни — уже благо для всех народов. Превращение же союзников в федератов вело бы к изменению всей провинциальной системы. Общины федератов не входили (по крайней мере, теоретически) в состав провинций, на них не распространялась юрисдикция провинциальных наместников, они обладали собственным правом и своей монетой.⁵⁰ Одним словом, возникла бы новая форма взаимоотношений Рима и подчиненных народов, напоминающая взаимоотношения в рамках Римско-Италийской федерации. Но этот путь преобразования империи не осуществился. Акты Вителлия новые вла-

⁴⁸ De Laet S. J. *Portorium*. P. 122, 171—173, 293.

⁴⁹ Chilver G. E. F. *A historical commentary...* P. 143.

⁵⁰ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 206, 209—210; Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. Bd I. Leipzig, 1881. S. 76—80; Schiller H. *Staats- und Rechtsaltertümer*. Nördlingen, 1887. S. 667—668; Kornemann E. *Civitas* // RE. 1903. Sp. Bd I. Sp. 302; Medicus D. *Civitas* // Kleine Pauly. 1979. Bd I. Sp. 1198.

сти, по-видимому, не отменяли и не признавали, они просто их рассматривали как несуществующие.

Подводя итог, надо сказать, что хотя нельзя говорить о гражданской войне 68—69 гг. как о войне провинций против Рима (несмотря на элементы национально-освободительной борьбы), все же роль провинций в этой войне была довольно существенной. Их позиция оказывала влияние на расклад политических сил, и императоры должны были принимать во внимание провинции и проводить определенную провинциальную политику. Возможно, уроки гражданской войны повлияли на ту более последовательную и крупномасштабную политику включения провинций в политическую и социальную жизнь империи, которая стала характерной для следующей эпохи римской истории.

А. Б. ЕГОРОВ

ДОМИЦИАН И ТРАЯН, ДЕСПОТИЗМ И ПРОСВЕЩЕННАЯ МОНАРХИЯ

Одной из важных проблем истории римского принципата является вопрос о соотношении между правлениями Домициана и Траяна. Наша традиция видит здесь переход от жестокого правления террора и тирании последнего Флавия через правление сенатского императора Нервы к либеральному просвещенному абсолютизму императора Траяна.

Именно такая картина создается нашими источниками, и прежде всего Плинием и Тацитом. Так, для Плиния образ Траяна принципиальным образом отличается от жестокого домициановского правления. В «Панегирике» Плиний заявляет, что собирается говорить «не о тиране, но о гражданине, не о властелине (*dominus*), но об отце (*Plin., Pan. 2*)». Прославляется скромность и умеренность принцепса, его *moderatio* (*Ibid.*, 3). Траян предстает перед нами как правитель, разрушивший страх предыдущего правления и прекративший засилье многочисленных деляторов (*Ibid.*, 36), сокративший и убравший ряд налогов, положивший конец режиму конфискаций (*Ibid.*, 42). Траян отказался от лесты, которая процветала при его предшественнике (*Ibid.*, 54), от практики непрерывных консульств (*Ibid.*, 58), восстановил престиж сената (*Ibid.*, 59) и установил нормальное законное правление вместо жестокой тирании. Вероятно, именно у Плиния был наиболее четко выражен идеал новой либеральной монархии, основанной Траяном в противовес домициановскому деспотизму.

Долгое время историография нового и новейшего времени,

в общем, достаточно явственно следовала за традицией, однако многие современные исследователи делают попытку реабилитировать Домициана и, наоборот, показать, что традиция о Траяне, восходящая исключительно к лаудативным источникам, делает явный крен в противоположную сторону.

Первые попытки пересмотреть образ Домициана были сделаны в работах К. фон Фрица, А. Гроссо, К. Нессельхауфа и продолжены в трудах Т. Дори,¹ Х. Плекета,² К. Уотерса,³ Д. Кинаста,⁴ Р. Урбана⁵ и других исследователей. Так, в работах Т. Дори и Х. Плекета авторы обращают внимание на стабильный характер провинциальной администрации при Домициане и достаточно большое значение сената и consilium principis. По мнению К. Уотерса, Траян во многом проводил политику Флавиев, плохие качества Домициана либо преувеличены, либо выдуманы, а террор вообще является мифом.⁶ Исследователи отмечают популярность Домициана в армии и провинциях.⁷

Таким образом, для рассмотрения проблемы необходимо проанализировать реальность образов Домициана и Траяна в традиции и сопоставить политику этих двух императоров, которые, несмотря на хронологическую близость, во многом принадлежат разным эпохам.

Домициан пришел к власти как официальный преемник Тита, а версия, что он отравил своего брата, поддерживается только Дионом Кассием (Xiph., R. St., 216) и обычно считается вымыслом. Показательно, что эту версию не поддерживают крайне враждебно настроенные к этому императору Тацит и Плиний, и их молчание может быть в данном случае важным аргументом. Практически все авторы указывают на поспешность принятия власти и желание получить ее во всей полноте. Так, он принял imperium и титул Августа и начал отсчет срока трибунской власти с 19 сентября 81 года. Домициан фактически монополизировал консульство, поставив здесь своеобразный рекорд (17 консульств, в том числе 10 за время правления: 82—88, 90, 92 и 95 гг.). Дион Кассий пишет, что Домициан получил консульство на 10 лет, свиту из 24 ликторов и триумфальную одежду ὑπατος μὲν ἔτη δέκα ἐφεξῆς (Ibid., 219).

¹ Dorey T. A. Agricola and Domitian // G & R. 7. 1960. P. 66—71.

² Pleckett H. W. Domitian, the Senate and the Provinces // Mnemosyne, ser. 4. 14. 1961. P. 296—315.

³ Waters K. 1) Traianus Domitiani Continuator // AJPh. 90. 1969. P. 385—404; 2) The Reign of Traian and its place in contemporary Scholarship // ANRW. Berlin; New York. 1976. P. 385—391.

⁴ Kienast D. Nerva und das Kaisertum Traians // Historia. 17. 1968. S. 51—71.

⁵ Urban R. Historische Untersuchungen zum Domitianbild des Tacitus. München. 1971.

⁶ Waters K. The Reign of Traian. ... P. 386.

⁷ Ibid. P. 385.

Домициан взял себе цензорскую власть, причем вскоре он, единственный из Флавиев и вообще всех императоров, берет постоянную цензуру, став *sensor perpetuus* (Dess., 269; 1998; *τιμωτής δὲ διὰ βίον* Xiph., 219). После войны с хаттами в 85 г. он получил прозвище *Germanicus* (Suet., Dom., 13; Dess., 1997; Front., Strat., II, 11, 7) два других прозвища, *Dacicus* и *Sarmaticus*, по всей вероятности, были неофициальными, причем последнее засвидетельствовано только Марциалом. Естественно, с самого начала Домициан принял титул *pater patriae* (Dess., 268). Согласно традиции принцепс требовал именовать его «господином и богом» (Suet., Dom., 13—*dominus et deus postor*; Dio.67.4.7. *ἡδὴ γάρ καὶ θεὸς ἡξίον νομίζεσθαι καὶ δεσπότης καλεομένους καὶ θεὸς ὑπερηγάλλετο, ταῦτα οὐ μόνον ἐλέγετο ἀλλὰ καὶ ἐγράφετο*. Aug. Vict., 11.6—*qui se dominum deumque dici egerit*). Имеется также одна надпись, упоминающая Домициана с текстом *optimus princeps et dominus* (Dess., 3566).

Рим наполнился статуями императора, в том числе золотыми и серебряными.

Жесткий стиль правления вызвал конфликт с сенатом и начало императорского террора. Домициан отказался давать клятву не казнить сенаторов, хотя репрессии начались не сразу. Дион Кассий сообщает о казнях первых людей после германского похода (Xiph., R. St., 219). Первые известные жертвы — это весталки, нарушившие обет безбрачия, — Варронилла и сестры Окулаты. Тогда же был казнен и любовник императрицы, актер Парис.

Вторая волна относится к 86—87 гг. Среди жертв был проконсул Азии Г. Ветулен Кивика Цереалис (Tas., Agr., 42; Suet., Dom. 10). Третья, более сильная волна связана уже с восстанием наместника Верхней Германии Л. Антония Сатурнина в 88 г., однако Тацит и Плиний указывают, что основной террор начался после смерти Агриколы и претуры Плиния, т. е. после 93 года (Tas., Agr., 44—45; Plin., Pan., 95; Epist., III, 11), причем участились наказания за оскорбление словом. Многие расправы носили внесудебный характер, некоторые шли через сенат (Suet., Dom., 11). Особо жестоким преследованиям подверглись определенные группы людей, например, окружение Гельвидия Приска. Философы — стоики и киники — были изгнаны из Италии и Рима. Плиний и Тацит дают образы влиятельнейших деляторов — Меммия Регула (Plin., Epist., I, 5), Норбана Лициниана (Ibid., III, 9, 29—31), Меттия Кара (Tas., Agr., 45; Ibid., VII, 27, 14) и, наконец, трижды консула Вибия Криспа (Suet., Dom., 3).

Репрессивному курсу был присущ охранительный консерватизм и тщательность в судопроизводстве. Домициан во многом сочетал черты Тиберия, Нерона и Калигулы, причем с последними его роднило презрение к общепринятым нормам, неограниченное самовозвышение и яростный темперамент, а с

первым — консерватизм, жестокость и методичность. Примечателен значительный интерес Домициана к Тиберию и прозвище «лысого Нерона», которое было дано ему в Риме и которое встречается у Ювенала (Iuven., 4, 39). С религиозным нигилизмом Нерона и теократизмом Калигулы контрастировала приверженность Домициана к традиционным культам. В домициановском терроре мы видим тенденцию к преследованию групп, которые наименее соответствовали природе тоталитарного государства (христиане, астрологи, иудеи, философы-кники, стоическая оппозиция).

Курс Домициана отмечен развитием внесенатского аппарата. Число прокураторов выросло с 45 до 62, и фигура прокуратора стала ключевым элементом в провинциальном управлении. Еще при Юлиях — Клавдиях на этих постах, а также на ключевых постах руководителей канцелярий либерты сочетались с всадниками. В период правления Флавиев число всадников значительно выросло, а при Домициане во многом наступил переломный момент именно в этом плане.

В провинциальной политике продолжались основные традиции Флавиев, из окружения Домициана вышло достаточно много способных администраторов, причем некоторые из них были провинциалами из Галлии и Испании. По оценкам исследователей, во времена Домициана число провинциалов в сенате выросло с 16,8 до 23,4%. Основную же массу сенаторов составляли уже представители италийской муниципальной верхушки и выходцы из этих семей, многие из которых стали потомственными римскими сенаторами.

Сведения о финансовом состоянии Империи при Домициане достаточно противоречивы. В наследство от Тита ему достались некоторые финансовые проблемы, сам Домициан много тратил на зрелища и раздачи, резко увеличил затраты на военные расходы и строительство, повысил жалование солдатам (Suet., Dom., 7). Фактом эффективности финансовой политики Домициана является и то, что с самого начала правления Траян не испытывал практически никаких финансовых затруднений.

Исследования показывают, что по принципиальным направлениям политика Траяна не отличалась от политики его предшественника. Так, мы видим продолжение роста внесенатского аппарата,⁸ вытеснение либертов всадниками на ключевых аппаратных постах, провинциализацию Империи и эффективную финансовую политику.⁹ Примечательно, что даже успешная внешняя политика Траяна, по большому счету, была продолжением домициановских войн. Траян вел операции в Герма-

⁸ Pflaum H. G. La part prise par les chevaliers romains originaires d'Espagne à la administration imperiale // Les empereurs romains d'Espagne. Paris, 1965. P. 87—119.

⁹ Waters K. The reign of Trajan... P. 401—403.

нии, продолжая домициановские военные действия против хаттов, довел до конца проводившиеся с переменным успехом военные кампании в Дакии, что же касается парфянской войны, то она стала логическим завершением этого последнего наступления Империи. Траян и Домициан в равной степени проводили популистскую политику, используя в этих целях крупное строительство и пышные зрелища. Показательно, что даже в архитектуре флавианский гигантизм и маньеризм еще продолжают жить во времена императора Траяна. Вероятно, в этом плане возможна прямая параллель между правителями, и можно отметить наличие прямого континуитета правления.

Сходство можно продолжить и в том, что либерализм Траяна был только одной стороной его правления, главной сущностью которого была все-таки жесткая авторитарная власть, резко отличная от слабого просенатского правления принцесов типа Гальбы или Нервы. Во времена Юлиев — Клавдиев мы видим два основных типа императора, первый — это тиран, опирающийся на репрессивный аппарат и подавляющий сенат и аристократию, а второй (существовавший скорее в иллюзиях сенатских идеологов) — это принцепс, лидер сената, когда сенат осуществляет правление через императора как своего представителя. Такого рода иллюзии были отчасти связаны с началами правлений Тиберия, Калигулы и особенно Нерона. Таковым лидером был Гальба и мог стать его наследник Пизон Лициниан. Траян не был ни тем, ни другим.

Это обстоятельство заметно уже в официальном оформлении и некоторых лозунгах императора. Траян отдал дань либеральным идеям, но лозунг *libertas*, очень популярный у Нервы и непопулярный у Флавиев, не играет в его символике особого значения и, более того, до 107 г. практически не появляется.¹⁰ Наоборот, в символике сенатских императоров *libertas* фигурирует едва ли не как главный лозунг. На монетах и в надписях Траяна не част и лозунг *clementia*, очень популярный среди «монархических» правителей (особенно у Нерона), желавших, однако, всячески подчеркнуть свою мягкость и либерализм.

Старая символика вытесняется другими лозунгами. Так, титул *optimus* начинает широко использоваться и во времена самого Траяна, а «Панегирик» Плиния показывает, что этот император был не менее восприимчив к пышным эпитетам, нежели его предшественник. Если Домициан именовался *dominus et deus*, то Траян предпочел другое обозначение — *dis similis*.¹¹ В этих понятиях есть некоторое различие. Если Доми-

¹⁰ Beranger J. *Der Genius Populi Romani in der Kaiserrepublik* // Bonn. Jahrb. 165. 1965. P. 72, 87; Waters K. *The reign of Trajan*... P. 72—87.

¹¹ Beranger J. *L'expression de la divinite dans les Panegyriques Latines* // Mus. Helv. 27. 1970. P. 252—254.

циан был божеством (*deus*), то Траян оставался человеком, близким к богам, но все же не дошедшим до настоящего апофеоза. Титул *optimus* появляется на монетах, в эдиктах императора и «Письмах» Плиния. Среди эпитетов Траяна появляется обозначение *maximus princeps* по явной ассоциации с Юпитером Капитолийским. При Флавиях *maximus* встречается только у придворных поэтов, а во времена Траяна эпитет стал более употребительным. Плиний использует и такие определения, как *sanctissimus* и *sacratissimus*, относящиеся уже совершенно определенно к сакральной сфере. Таким образом, Траян более гибко, но все же достаточно последовательно проводил принцип деификации, и культ императора принимает не столь однозвучные, но все же достаточно определенные черты. Особое положение Траяну создавало обожествление его родителей, что даже оказывалось необычным, поскольку они не были императорами. В этом смысле Траян оказывался на одном уровне с Домицианом, бывшим сыном божественного Веспасиана и братом божественного Тита. В ряде работ показано, насколько внимательно правительство Траяна следило за выполнением императорского культа в провинциях.¹² Поскольку был обожествлен и предшественник императора Нерва, то в надписях Траяна постоянно подчеркивается и это обстоятельство.

Среди качеств Траяна достаточно иногда фигурирует качество *providentia* (Dess., 282), которое часто является атрибутом богов. В одной из надписей появляется и новый титул *conservator generis humani* (Dess. 304). С гораздо большим основанием, нежели Домициан, новый император использует победные титулы *Germanicus*, *Dacicus* и *Parthicus*, делая это со значительным постоянством. В надписи Dessau 296 он фигурирует как *fortissimus princeps*.

Вместе с тем явно контрастирует занятие Траяном республиканских должностей, что он делает реже, чем его предшественник, давая возможность занимать их и другим. За все свое долгое правление Траян был консулом только 5 раз, причем первый раз он занял консульство в 97 г., т. е. еще при Домициане, а затем занимал их соответственно в 100, 101, 103 и 112 гг. Как и его предшественник, Траян брал императорский титул, однако получил его всего 13 раз (Домициан брал его 21 раз), несмотря на то, что его правление было гораздо больше отмечено блестящими военными успехами, а во всех наиболее значительных кампаниях Траян командовал лично. Наоборот, цензура была полностью заброшена.

Так или иначе, Траян, несмотря на хорошие отношения с

¹² G a g e J. *Psychologie du culte imperiale romaine* // *Diogenes*. 34. 1961. P. 47—68; Will Ed. *Autour du culte des souverains. A propos de deux livres recents* // *RPh*. 34. 1960. P. 76—85; Deininger J. *Die Provincialtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr.* München, 1965.

сенатом, не был сенатским императором. Любая оппозиция была практически ликвидирована, и мы не видим случаев противодействия принцепсу. Императорская администрация практически оттесняет сенат, причем процесс этот проходил не менее активно, чем при Домициане. Переписка Плиния с Траяном показывает жесткий контроль императора над своей администрацией, и показательным является то, что Плиний должен согласовывать с императором такие вопросы, как поставка статуи в храм, способ добираться до провинции, использование городских рабов при охране тюрьмы, строительство новой бани, организацию пожарной команды, дело о христианах и тому подобные вопросы (Plin., Epist., X, 16, 17A, 18, 19, 21, 23, 24, 33—34; 38, 96). Нам представляется, что отношения Плиния и императора представляют собой обычную модель отношений с наместником провинции, причем высокопоставленным сенатором и личным другом принцепса. Вместе с тем фактом остается и то, что Траян был любим сенатом и не проводил репрессий, и именно это заставляет обратить особое внимание на различие двух принципатов.

Для решения этой проблемы необходимо рассмотреть сочетание персональных и общеполитических факторов. Домициан был императором, пришедшим к власти на основе династического принципа, фактически не имея другого, необходимого в условиях Рима фактора личных заслуг. Более того, даже это единственное основание не было достаточно твердым. Карьера Домициана при Веспасиане явно контрастирует с карьерой брата, а самоуправство Домициана во время пребывания его в Риме до приезда отца вызвало негативную реакцию последнего (Suet., Dom., 1; Tac., Hist., IV, 57), и если Тит почти с самого начала был соправителем отца, то Домициан к высшим должностям не допускался. Хотя он имел 6 консульств, только одно из них, консульство 73 года, оказалось ординарным, а членство в жреческих коллегиях также не имело принципиального значения. После смерти Веспасиана, Домициан обвинил Тита в подделке завещания, что было явно беспочвенным вымыслом (Suet., Dom., 2). Примечательно, что сам Домициан пытался вытеснить общую традицию Флавиев своей собственной, и экзальтация власти носила в известной мере, компенсаторный характер.

Говоря о правящей элите Империи, исследователи широко пользуются тацитовским делением сената на *mulit bonique* и *pauci et validi*. При всей условности этого деления все же можно выделить первую категорию как достаточно консервативных традиционалистов, стремившихся править через сенат, и вторую, представляющую собой императорских функционеров, выдвигавшихся путем интриг, деляторства, использования репрессивного аппарата, составляющую влиятельное меньшинство, малопопулярное в верхах, но имеющее весьма значитель-

ный вес.¹³ Наконец, появляется и новая категория, которую Г. С. Кнабе называет «третьей силой».¹⁴

К этой последней категории относятся вполне монархически настроенные люди, стремящиеся к сильной авторитарной власти, представлявшие собой наместников провинций, военачальников, администраторов, причем в данном случае они могли принадлежать как к сенатскому (легаты, проконсулы), так и к внесенатскому (префекты, прокураторы) аппарату. Эти силы были в наименьшей степени консолидированы, и их лояльность Империи использовалась императорами для обеспечения лояльности конкретному принцепсу. Среди этой «имперской партии» было мало коренных представителей римской знати, предпочитавшей другие пути, большинство ее составляли, видимо, выходцы из небольших городов Италии, однако были и провинциалы, причем в достаточно большом количестве.

Сенатское «большинство» обычно оказывалось оттесненным от власти «всесильным меньшинством», на которое, как правило, опирались императоры из династии Юлиев — Клавдиев. Первой заявкой «третьей силы» на власть была победа Веспасиана, выходяца из небогатой семьи, человека, прошедшего долгую и успешную военно-административную карьеру, хорошего администратора и финансиста, достаточно безразличного к борьбе сенатских группировок, но умеющего в случае надобности ею пользоваться. Именно из таких людей состояло окружение Веспасиана, который, наоборот, не был популярен среди *multi bonique*. Эта непопулярность досталась в наследство и Домициану, который усилил конфликт репрессиями, направленными именно против этой группы и ее идеологов, и проводил экзальтацию власти, особенно неприятную для этой группы сенаторов. С другой стороны, он, в общем, потерял тот контакт, который имел его отец с представителями «третьей силы». Последняя (в том числе и сам Траян), по традиции, проявляла лояльность к Домициану, не считая его своим, и в этом плане единственным и естественным выходом для Домициана оставалось обращение к *rauci et validi* типа Меттия Кара или Вибия Криспа. Это был тот путь, по которому пошли Калигула и Нерон.

Похоже, что заговор против Домициана организовала та часть его ближайшего окружения, которой непосредственно угрожала физическая расправа. Сумев убрать императора, эти люди не могли выдвинуть принцепса из своей среды, и инициативу перехватило сенатское «большинство», посадив на трон своего ставленника Нерву и повторив ситуацию Гальбы в 68 г. Очень скоро выяснилось, что сенатский император не может справиться с ситуацией кризиса и давлением продоми-

¹³ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 16—22.

¹⁴ Там же. С. 38—54.

циановских сил. В этой ситуации Нерва пошел на блок с «третьей силой», найдя очень подходящую фигуру Траяна, который в это время командовал верхнегерманской армией. Про-сопографический анализ показывает, что во главе ключевых провинций и военных группировок стояли люди, тесно связанные с Траяном и позднее составившие его окружение.

То, что с Траяном к власти пришла именно эта третья сила, показывает анализ его окружения. Именно такие люди, прошедшие военную и административную карьеру, почти исключительно провинциалы или выходцы из италийских муниципиев, сторонники твердой власти и жесткой администрации, они пришли к власти вместе с Траяном и, возможно, впервые консолидировались в единую элиту вокруг императора. Деятелями такого типа были А. Корнелий Пальма, Л. Лициний Сура, один из покровителей Плутарха Кв. Сосий Сенецион, Марий Цельс, Кв. Аквиллий Нигер, Авидий Нигрин, идеологами новой элиты, а в известной мере стали Плиний и отчасти Тацит. Новая власть твердо стояла на ногах и больше ориентировалась на Империю, чем на Рим, что принципиально отличало ее от *pauci et validi* и *multi bonique*.

Судьбы этих последних были несколько различны. *Pauci et validi* надолго сошли со сцены, Траян покончил с деляторами и деляторством, а значение преторианцев, игравших ключевую роль при Юлиях — Клавдиях, надолго падает, и мы не слышим ни о преторианских мятежах, ни об их роли в жизни принцепсов и их окружения. Траян впервые поставил гвардию под полный политический контроль, исключив их из политической борьбы.

Несколько по-иному поступили с сенатским «большинством». Траян пошел на некоторые уступки, прежде всего прекратив репрессии, что было достаточно для запуганного домициановским террором сената. Кое-что изменилось в поведении принцепса, когда Траян старался держаться как рядовой сенатор. Этих уступок было достаточно для того, чтобы «большинство» приняло новую власть.

Важным фактором легитимизации было оформление негативного отношения к старой власти. Новые идеологи, в том числе Плиний и Тацит, создали крайне отрицательную картину домициановского режима, и, во многом, мрачная картина режима Юлиев — Клавдиев, созданная Тацитом, находилась в русле новой пропаганды.

Итак, с Траяном к власти приходит новая политическая элита, которая фактически правила и при его преемниках, Адриане и Антонине Пии, и смогла обеспечить развивавшиеся процессы процветания Римской Империи.

ГОРОДА В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ

За два века римского мира Галлия превратилась в классическую страну античного урбанизма. Страна покрылась множеством городов. Исследователи римской Галлии, анализируя свидетельства античной традиции и археологический материал, говорят об охватившем страну «страстном увлечении городской жизнью»,¹ о каком-то «безумии строительства» (*la folie de construire*).²

Галльские города римского времени так же, как города в других римских провинциях, строились по нормам античного урбанизма, которые складывались, как известно, в течение длительного процесса эволюции средиземноморской цивилизации. Эти нормы включали и идею греческого синойкизма, служившего моделью для основания не только греческих, но и италийских городов, и городов Римской империи, и первую в истории архитектуры систему правильной планировки жилых кварталов города по так называемой схеме «шахматной доски» милетского архитектора V в. до н. э. Гипподама. Собственно римским вкладом в планировку античного города явился план римского военного лагеря, представлявшего собой укрепленный прямоугольник с двумя пересекавшимися под прямым углом главными улицами: *cardo* и *decumanus*.³

Галло-римский город, имевший периметр от трех до четырех миль, площадь более ста гектаров, тысячи жителей, дома которых были максимально сконцентрированы в тесно застроенных жилых кварталах, представлял собой достаточно сложное образование. В римских колониях и в некоторых привилегированных городах имелись укрепления, которые отмечали границы города. Но большая часть галльских городов не получила новых и не сохранила старых укреплений, которые оказывались ненужными в условиях римского мира.

Сердце города составлял его форум, располагавшийся в центре на пересечении двух главных магистралей. Обычно это была длинная прямоугольная площадь, окруженная портиками, лавками, базиликой, курией и другими административными зданиями. Над форумом, который был центром деловой, торговой и общественной жизни города, возвышался его культовый центр (Капитолий), содержащий храмы богов — покровителей города.

Некоторые большие города, в которых находились провин-

© Н. С. Широкова, 1997

¹ Jullian C. Histoire de la Gaule. Vol. 5. Paris, 1915. P. 34.

² Hatt J. J. Les Celtes et les Gallo-Romains. Paris, 1970. P. 211.

³ Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge; Massachusetts, 1972. P. 230.

циальные или региональные святилища императорского культа, испытали влияние римских императорских форумов. Со времени Августа они начали дополнять свои форумы монументальными архитектурными ансамблями, содержащими площадь, занятую храмом, посвященным богине РOME и Августу. Такие святилища обнаружены в галло-римском археологическом слое современных французских городов Сент-Бертран-де-Комменжа, Нарбонны, Арля, Нима и даже Парижа. Такой тип форума называют «императорским августовским типом» в отличие от предыдущего более простого «провинциального гражданского типа» форума. Впоследствии форум и рынки Траяна оказали сильное влияние на провинциальные города. Даже такие маленькие бургады, как Алезия, стали строить свои форумы по такому типу («императорский тип II века»).⁴

Галло-римские города не только являли миру красоту и изящество античной архитектуры, но они также старались сделать жизнь своих жителей увлекательной и комфортной, предоставляя им грандиозные «зрелищные залы» (театры и амфитеатры) и обширные банные заведения (термы). Театры и амфитеатры имели по большей части в Галлии своеобразные формы, которые, видимо, соответствовали интересу публики к зрелищам определенного рода. Театры собственно римского типа (в Оранже, в Арле, в Везоне), классические амфитеатры (в Ниме) расположены исключительно на юге страны и в Лионе. В Трех Галлиях (или в бургадах-святилищах, или даже в больших городах) встречаются смешанные типы: театры-амфитеатры, театры с ареной, полуамфитеатры, театры со сценой (в Гранде, в Париже). Такие компромиссные варианты, кажется, удовлетворяли вкусу провинциальной публики, которой нравились цирковые представления, всякого рода грандиозные процессии, пантомимы, религиозные мистерии. Некоторые из этих театров (Огст, Шамплье, Аванш) были прямо связаны с соседним святилищем и находились от него в зависимости.

Памятниками галло-римских городов, которые оставляют наиболее сильное впечатление, являлись несомненно их термы. В каждом большом городе их было две или три. Большая часть из них датируется концом II в. н. э., когда распространяется мода на большие симметричные термы. Самыми древними термами этого типа являются, возможно, термы музея в Меце, которые датируются временем Траяна. В Меце существовали еще более древние термы (на улице Клерк), полный план которых еще не известен, но которые восходят к I в. Самыми большими и лучше всего сохранившимися являются термы Трева: термы Сент-Барб, датирующиеся III в., и большие императорские термы времени Константина. К городским термам

⁴ Hatt J. J. *Les Celtes et les Gallo Romains*. P. 209.

подводили воду акведуки, стройные и величественные аркады которых до сих пор производят огромное впечатление (Пондю Гар, акведук Жуй-оз-Арш около Меца).⁵

Французские исследователи дают очень высокую оценку явлению урбанизации римской Галлии, полагая, что ее значение выходит за пределы античного периода и что именно тогда были заложены основы будущей, великолепной цивилизации европейской Франции. «Это интенсивное движение урбанизации и общей организации, — пишет А. Гренье, — является, может быть, самым значительным и самым блестящим из Ренессансов, которые когда-нибудь переживала наша страна».⁶

Однако римляне строили города в провинциях отнюдь не в целях изящества и комфорта. Уже давно замечено, что урбанизация провинций была для римлян мощным средством романизации. Главным инструментом романизации были создававшиеся в провинциях колонии римских граждан, которые А. Гренье называет «истинными эманациями Рима в провинциях».⁷ В колонизации римских провинций важную роль играли ветераны римских легионов. Так, Ю. К. Колосовская отмечает, что в дунайских провинциях само развитие городского строя началось с основания колоний ветеранов.⁸

В Нарбоннской Галлии, которая являлась наиболее рано и наиболее полно колонизованной из всех галльских провинций, римские колонии — это также колонии ветеранов Цезаря и Августа: Нарбонна, колония X легиона (*Colonia Julia Paterna Narbo Martius Decumanorum*); Арль, колония VI легиона (*Colonia Julia Paterna Arelatensis Sextanorum*); Безье — колония VII легиона (*Colonia Julia Septimanorum Baeterrae*); Оранж, колония II легиона (*Colonia Julia Firma Secundanorum Arausio*); Фрежюс — колония VIII легиона и моряков Флота (*Colonia Octavanorum Pacensis Classica Forum Julii*).⁹

В Трех Галлиях в начале были основаны только три колонии: Лион (*Colonia Copia Lugudunensis*); Орет (*Colonia Augusta Rauracorum*) — обе были основаны в 43 г. до н. э. проконсулом Мунацием Планком;¹⁰ и Нион (*Colonia Julia Equestrium Noviodunum*). Затем Август нигде в «Волокатой» Галлии колоний не основывал. Он сам уточнил (*Res gestae*. 5. 35), что он выводил

⁵ Ibid. P. 210—211.

⁶ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. Paris, 1934. P. 690.

⁷ Ibid.

⁸ Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура Древнего Рима. Т. II / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985. С. 167.

⁹ Lavissee E. Histoire de France. Vol. I par G. Bloch. Paris, 1900. P. 206.

¹⁰ Паурика (колония в Орет) была названа *colonia Augusta* уже после своего основания так же, как Лугдунум получил имя *colonia Claudia* при Клавдии.

колонии только в Нарбоннскую Галлию. Большинство колоний в Трех Галлиях было основано уже при преемниках Августа, особенно при Клавдии, династии Флавиев и Траяне.

Самой блестящей из римских колоний Галлии был, без сомнения, Лугдунум, столица Трех Галлий, где в 12 г. до н. э. был торжественно открыт алтарь культа Рима и Августа и куда каждый год 1 августа съезжались на совет высшие должностные лица провинции. Алтарь представлял собой величественное сооружение, четырехугольное в плане, увенчанное треножниками, украшенное щитами, скульптурными орнаментами, составленными из листьев лавра и дуба, с посвящением «Риму и Августу» (*Romae et Augusto*), написанному на цоколе огромными золотыми буквами. Направо и налево от алтаря стояли две высокие, десятиметровые колонны из египетского гранита, увенчанные бронзовыми статуями крылатой богини Победы, которая держала в одной руке венок, в другой — пальмовую ветвь. Вокруг алтаря группировались шестьдесят статуй, символизовавших цивитаты Галлии.

Алтарь Рима и Августа был религиозным центром Лугдунума, а собственно Лугдунум делился на верхний и нижний город. Верхний город возвышался на вершине холма Фурвьер, который был выбран для цитадели города, так как сам по себе служил естественным укреплением. Кроме того, он был обнесен оборонительной стеной. В верхнем городе располагались все официальные учреждения города: форум, императорский дворец,¹¹ в котором останавливались императоры всякий раз, когда они проезжали через Лугдунум (что случалось часто), монетный двор, казарма семнадцатой городской когорты, дом наместника провинции (*praetorium*), тюрьма и амфитеатр.

Жилые кварталы, мастерские ремесленников, многочисленные лавки торговцев находились в нижнем городе, который располагался на полуострове, образованном слиянием Роны и Саоны. Лугдунум очень быстро превратился в крупный торговый центр: это был как бы гигантский склад, куда стекался весь галльский импорт и экспорт. Эта оживленная торговля привлекала в город множество иностранцев, которые там оседали навсегда. Среди жителей Лугдунума были не только галлы из всех концов Галлии, но и италийцы, обитатели Пиренейского полуострова, очень много греков, сирийцы. Таким образом, Лугдунум сделался многонациональным городом, и его религия характеризовалась сложным переплетением античных, восточных и галльских култов.

Не только в Лугдунуме, но во всех римских колониях возводились общественные здания и храмы, устраивался форум

¹¹ О великолепии императорского дворца говорят найденные на месте его расположения (ниже форума) капители колонн, фрагменты из мрамора, яшмы, порфира (Audin A. Lyon, miroir de Rome dans les Gaules, Paris, 1965).

в центре города, осуществлялась прямоугольная планировка. В городе сооружались амфитеатр, театр, цирк, общественные термы, рынок, строился водопровод и выходившие из городских ворот дороги. Однако, несмотря на прекрасное архитектурное оформление и комфортные условия жизни в городе, римские колонии в большинстве случаев представляли образования иного рода, чем блестящий Лугдунум, и у них было иное предназначение.

Римская колония образовывалась как гражданская и землевладельческая община. О том, как колония наделалась земель, известно из сохранившихся кадастров некоторых провинциальных городов, которые знакомят с системой межевания полей у римлян. Один из кадастров, вырезанный в виде надписи на медной доске и датирующийся II в. н. э., происходит из римской колонии, находившейся в Оранже,¹² представляя, таким образом, материал для римской Галлии. Приписанная городу земельная территория, обычно изымавшаяся у покоренного населения провинции, делилась на равные доли (центурии). Центурия представляла собой квадрат со стороной 710 м; площадь его составляла немногим более 50 га, т. е. 200 югеров. Центурия отмечалась на земле лимитами (*decumani* и *cardines*). *Decumani* шли в направлении с запада на восток, а *cardines* — с севера на юг.

Индивидуальный участок каждого колониста мог значительно варьировать в своих размерах. При империи средняя норма составляла треть центурии, т. е. немногим более 66 югеров — 15 га. Норма изменялась также в зависимости от статуса колониста. Для простых ветеранов, составлявших большую часть населения колонии, такая норма была слишком мала, чтобы можно было посадить на свой участок арендатора и довольствоваться доходом с него. Поэтому колонисты, имея дома в городе и живя там, тем не менее сами обрабатывали свои поля, которые им давались в деревенской округе города.

Таким образом основанный город становился центром сельскохозяйственной эксплуатации отведенной ему территории. А. Гренье называет римскую колонию «городским группированием римских граждан — мелких собственников, обрабатывающих свое поле».¹³ Это была старая римская традиция, когда, по словам Цицерона, город использовался преимущественно для того, «чтобы имелось место, куда переносить и где хранить урожай, и для того, чтобы работники полей имели для отдыха городское жилище» (*Cic. De Lege agraria*, II, 32, 88; 33, 89).

Ф. Ло вообще считает, что города ранней Римской империи

¹² Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange-Supplément à Gallia, 1962. XVI.

¹³ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. P. 693.

представляли собой «род городов-садов или, скорее, городов-деревень». По поводу Лютеции он пишет: «Нужно представлять себе в Трех Галлиях большую часть городов первых трех веков нашей эры в виде чисто сельского, и, без сомнения, неправильно воображать, что Лютеция, находившаяся на холме Сент-Женевьев, была городом, по крайней мере, в современном значении этого слова. Амфитеатр, театр, большое здание, которое считают термами, возвышались среди полей и виноградников, усеянных виллами».¹⁴ Такое назначение города естественно не способствовало тому, чтобы он становился крупным центром ремесла и торговли. Поэтому ремесленники и торговцы играли там только второстепенную роль. Это были по большей части рабы, местные жители или иностранцы. Если бы выведение колоний римских ветеранов было единственным средством романизации и урбанизации Галлии, то она, вероятно, не стала бы самой развитой в промышленном отношении провинцией Запада, когда галльские льняные ткани, шерстяные плащи, керамические изделия, особенно глиняные лампы, изделия из металла широко распространялись по всем западным провинциям, вытесняя италийские товары.

Римские колонии имели еще тот большой недостаток, что они являлись чужеродным элементом в колонизованной стране. По словам А. Гренье, римская колония «по праву завоевания грубо экспроприировала местных жителей... забирая их город, если он уже существовал, и, во всяком случае, их земли».¹⁵ Ярким доказательством этого утверждения А. Гренье служит нарисованная Тацитом картина основания римской колонии в Камулодунуме (в Британии): «Ицены ненавидят в особенности ветеранов, которые, приведенные когда-то в Камулодунум, чтобы колонизировать город, изгоняли жителей из их жилищ и уничтожали их, обращаясь с ними, как с пленниками и рабами, при поддержке армии, стремившейся вторить их бесчинствам из-за корпоративного духа и в надежде на такую же распушенность» (Тас. Апп., XIV, 31). Таким образом, основание римской колонии или начисто сметало всю предыдущую организацию страны или, по крайней мере, оттесняло на задний план традиции и культуру местного населения, как случилось в начальный период Римской империи в дунайских провинциях, куда выводилось много колоний ветеранов римских легионов.¹⁶

К счастью, выведение римских колоний было не единственным и не самым главным способом урбанизации римской Галлии. В этом плане в Галлии имелась такая мощная местная традиция, что римляне не могли ею пренебречь. В Галлии до-

¹⁴ Lot F. *La Gaule. Les fondements ethniques, sociaux et politiques de la nation française*. Paris, 1947. P. 285.

¹⁵ Grenier A. *Manuel d'archéologie gallo-romaine*. Vol. VI. P. 690.

¹⁶ Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город... С. 167.

римского периода уже существовали города. Настоящими городами, хотя и не очень большими, были oppida Южной Галлии (Антремон, Анзерюн, Гланум и др.). Правда, города Южной Галлии представляли продукт своеобразной цивилизации средиземноморского типа, созданной под сильным влиянием греческой культуры, которое шло из Массалии. Некоторые из них, такие, например, как Гланум, не выдержав напора эллинизации, превращались в греческие колонии. Однако другие сохраняли во внешнем облике города, в образе городской жизни элементы культуры еще догреческих обитателей этих городов.

Еще важнее, что в собственно Кельтике, которая вплоть до времен римского завоевания сохраняла кельтскую цивилизацию целостной и лишь слегка затронутой античными влияниями, также происходило развитие городской жизни еще в до-римский период. Так, обильный археологический материал и литературные свидетельства, относящиеся к Бибракте, Герговии, Алезии и Аварику — самым известным oppida независимой Галлии, дают представление о том, что они уже были городами. Бибракте представляет характеристики, соответствующие понятию античного города: он был обнесен крепостными стенами, открытые в городе кварталы обнаруживают определенную систему планировки, хотя и не воспроизводящей классические образцы античного урбанизма. Бибракте имел постоянное население. Его жилые кварталы состояли из улиц, по сторонам которых располагались дома жителей города. Эти дома обнаруживают настолько четко выявленную социальную дифференциацию жителей города, что жилища богатых галлов составляли особый аристократический квартал. В городе был свой религиозный центр, свой мощный индустриальный квартал и, наконец, рыночная площадь, которая в последние моменты существования города начала уже получать архитектурное оформление в виде построенного рядом с ней кельтского святилища. Бибракте дает пример достаточно развитого древнего города, который служил не только крепостью, но и весьма крупным центром ремесла и торговли.¹⁷ Ж. Буйо, раскопавший Бибракте, писал: «Под защиту его укреплений ремесла, слишком выставленные на открытых местах, пришли искать убежища и безопасности, необходимых для работы, которая использует капитал».¹⁸ По поводу Бибракте А. Гренье заметил, что «галльский oppidum был одновременно рынком и ярмаркой для окружающего района».¹⁹

Раскопки Герговии и Алезии дают примерно такую же

¹⁷ Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Ленинград, 1989. С. 111—143.

¹⁸ Bulliot J. L'art de l'émaillerie chez les Eduens. Dans les Mémoires de la Société Eduenne, 1876. P. 439—479.

¹⁹ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. P. 69A.

археологическую картину. Аварик же, по-видимому, не только был городом, но по внешнему архитектурному облику городом, довольно близким к городам средиземноморского типа. Цезарь, судивший с позиций греко-римского урбанизма, считал его городом, и очень красивым.

При основании галло-римских городов по большей части учитывались и использовались урбанистические традиции доримской Галлии. Достаточно большая часть старых городов независимой Галлии продолжала свое развитие в римскую эпоху, в основном сохранив прежнее место поселения. Так, Аварик (Бурж) в укрытии окружавших его болот пережил падение галльской независимости. Его положение на скрещении двух диагоналей, которые пересекают Францию с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток, обеспечило ему почетное место в дорожной системе Галлии и процветание в римское время. Аварик был крупным центром ремесла. Текстильные изделия битуригов-кубов, главным центром которых был Аварик, пользовались большим спросом. Железные рудники Аварика, эксплуатировавшиеся уже в доримский период, еще в начале XX в. составляли одно из главных богатств департамента Шер.²⁰ Битуриги не только добывали железо, но еще со времен независимости прекрасно умели его обрабатывать. У своих соседей эдуев они заимствовали и довели до высокой степени совершенства искусство лужения. Вся область битуритов имела вид обширной металлургической мастерской.

Равным образом сохранился в римскую эпоху главный опидум секванов Везонтион (Безансон). Он занимал как раз геометрическую середину территории секванов и в то же время находился в центре большой дороги, шедшей от Рейна к Роне. Цитаделью ему служила обширная скала, возвышавшаяся над долиной реки Дуб, и река почти скрывала город в одной из своих излучин. Превосходно выбранное галлами место расположения Везонтиона римляне сохранили в таком же виде. Город по-прежнему располагался в излучине Дуба у подножия своей цитадели. Более всего он распространился на противоположный берег в течение веков римского процветания. Интересно отметить, что описание Везонтиона, сделанное Цезарем, в точности соответствует тому, которое сделал Юлиан приблизительно четыре века спустя (Caes. B. G., I, 38, 4; Julian. Epistulae. Leges, 26). Везонтион очень похорошел в течение II в. н. э. Он даже получил титул колонии. Его триумфальная арка и театр сохранились до настоящего времени.²¹

Некоторые римские города просто заняли старый высотный галльский опидум, даже не спускаясь к подножию цитадель-

²⁰ L. Lavissee E. Histoire de France. Vol. I. P. 365.

²¹ Ibid. P. 379.

ного холма. Таким образом, римляне использовали Андемантунум (Лангр), главный оппидум лингонов, располагавшийся на узком мысу высотой более 470 м.²² Лангр процветал еще в III, IV вв. н. э. Это был достаточно крупный ремесленный центр. Пользовались известностью изготавливавшиеся в городе шерстяные ткани, особенно плащи с капюшонами (*cuculles*), мода на которые распространилась даже за пределами Галлии.

Однако в отношении большинства высотных оппидумов римляне осуществляли в Галлии свою политику *deductio in plana*, которая состояла в перенесении старых галльских центров с укрепленных возвышенностей на близлежащие равнины. Традиционная точка зрения, которой придерживался К. Жюллиан, состоит в том, что высотные оппидумы могли стать в какой-то момент цитаделями антиримского сопротивления.²³ С. В. Шкунаев полагает, что опасности антиримских восстаний в ближайшее время после завоевания практически не существовало, а политика *deductio in plana* объяснялась тем, что теперь римские легионы брали на себя функцию защиты провинции от внешних опасностей и галльские крепости были больше не нужны.²⁴ Ж. Хатт связывает меры по перемещению главных центров галльских общин с вершин на равнину с более широкой политикой Августа по выделению среди других городов столицы и по приданию ей особого статуса в каждой галльской общине. Это делалось для того, чтобы администрация имела постоянный центр, где бы находились посредники между центральной властью и провинциями.²⁵

Как бы то ни было, со времен Августа в Галлии повсюду происходит систематическое перенесение столиц галльских общин с высотных оппидумов на равнины. Сак, *Augusta Suessionum* (Суассон) заменила главный оппидум суэссионов Новиодунум (Поммье); *Augusta Viromanduorum* (Сент-Кентин) — главный оппидум виромандуев Верманд (который, кажется, остался обитаемым и воспринял свое значение в смутные времена конца III, IV вв.);²⁶ *Augusta Treverorum* (Трев), наследовавшая какому-то из многочисленных *oppida* общины треворов, расположилась поблизости от старого местного святилища, которое продолжало существовать и в римскую эпоху. Это святилище было раскопано в 1924 г. Оно находилось у подножия доисторического поселения, занимавшего склон холмов, господствующих над устьем реки Альтбак на северо-восток от города.²⁷

²² Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. P. 687.

²³ Jullian C. Histoire de la Gaule. Vol. IV. P. 74.

²⁴ Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // Культура древнего Рима. С. 272.

²⁵ Hatt J. J. Histoire de la Gaule Romaine. Paris, 1959. P. 91.

²⁶ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. P. 688.

²⁷ Ibid. P. 689.

Такая же судьба постигла знаменитые галльские oppida Бибракте и Герговию. Бибракте, главный oppidum эдуев, был покинут в 5 г. до н. э., и его жители переселены в новый город Augustodunum (Отен), расположенный на берегу р. Арры.²⁸ Построенный во времена Августа город отразил в своей архитектуре и планировке благородный стиль августовского классицизма. По мнению Г. Блока, по своей протяженности и по красоте своих памятников Августодунум не уступал самым прославленным городам юга Галлии. Его театр по величине был сравним с театрами Афин, Эфеса и Смирны. Его амфитеатр уступал только римскому Колизею.²⁹ Улицы города, пересекаясь под прямым углом, образовывали геометрически правильную композицию, исполненную некоторой холодности, но в то же время изящества, которые были свойственны всем официальным творениям времени Августа.

Равным образом, Герговия, главный oppidum арвернов, была заменена расположенным на равнине городом Augustonemetum (Клермон). Город имел богатейшую сельскохозяйственную округу. Еще Аполлинарий Сидоний восхищался великолепием этих мест, говоря «об этом море пашен, шепчущиеся волны которого колышутся вдалеке... об этой прекрасной стране, дорогой сердцу каждого путешественника» (Apollinar. Sid. Epist., IV, 21). Однако значение Аугустонеметума состояло не в том, что он был центром богатой земледельческой культуры, а в том, что он стал крупным и известным в Галлии центром ремесла. Из мастерских города выходили великолепные терракоты, статуэтки, вазы, которые распространялись даже за пределы Галлии, попадая на Британские острова и на берега Рейна. Аугустонеметум продолжал развивать ремесленные традиции Герговии, которую он заменил в качестве столицы арвернов.³⁰

Таким образом, происходило или нет перемещение галльского города на новое место в римскую эпоху, экономические традиции независимой Галлии продолжали доминировать в галло-римском городе. Он так же, как и галльский oppidum, был рынком и ярмаркой для окружающего района. Его форум был по преимуществу центром коммерции, а не политики (как форумы римских колоний). Вокруг форума и вдоль главных улиц теснились лавки, которые в то же время были маленькими мастерскими. На периферии города располагались дома аристократов, похожие на виллы. Галло-римский город был

²⁸ Эта дата может быть принята, исходя из того факта, что к 5 г. до н. э. прекращается выпуск монет в Бибракте (Jullian C. Histoire de la Gaule. Vol. IV. P. 74. N 2).

²⁹ Bloch G. Histoire de France par E. Lavisse. Vol. I. P. 367.

³⁰ В Герговии были найдены обломки тиглей, слитки литой бронзы, галльские монеты, керамика местного производства (Широкова Н. С. Древние кельты... С. 128).

административным, часто также религиозным, но прежде всего коммерческим, а не земледельческим центром округа. Именно торговля, коммерческое движение, шедшее по сухопутным дорогам и через порты, обеспечивали процветание галло-римских городов. О том, что галло-римские города строились часто с коммерческими целями, свидетельствует топонимика — названия городов, в состав которых входит слово *forum* (в значении рынок). Например, *Forum segusiavorum* (Ферс); многочисленные *vici*, носящие названия, составной частью которых также является слово *forum*.³¹ Образованиями такого же рода были города, в состав названий которых входило галльское слово *magus*, тоже означающее рынок: *Caesaromagus* (Бовэ), *Augustomagus* (Сенли), *Ratiomagus* (Рян), *Noviomagus* (Нимер).³²

При строительстве новых городов в римской Галлии учитывались не только торгово-ремесленные традиции галлов, но и их религиозные традиции. Оппидум был религиозным центром, и галло-римский город играл такую же роль. В нем сохранялись культы местных галльских богов, к которым добавлялась римская капитолийская троица. Капитолий располагался рядом с местными святилищами, образуя культовый центр города. Город становился религиозной столицей окружающего его района.

Ярким образцом города такого типа был *Nemausus* (Ним). Немаус был основан как латинская колония вскоре после битвы при Акции. В его основании в качестве колонистов принимали участие греки и египтяне, входившие в состав армии Антония. Поэтому на монетах города чеканились изображения пальмы и крокодила, которые до сих пор представлены на гербе Нима.³³ Город пользовался особым покровительством Августа, который стал его патроном. В связи с этим Немаус сменил титул колонии Юлия, полученный им при основании, на титул колонии Августа. В качестве дара городу по приказу императора в 16 г. до н. э. была построена крепостная стена, охватившая площадь в 220 га, и были воздвигнуты пропилеи монументального стиля, архитектура которых отличается элегантностью и строгостью. Немаус имел, естественно, правильную планировку. Просматриваются следы *cardo maximus* между воротами Кансьер на севере и воротами Испании на юге, а следы *decumanus maximus* между воротами Арля (называвшимися воротами Августа) на востоке и воротами Сов на западе. Эти две главные магистрали пересекались под прямым углом на Форуме. На юго-запад от Форума находился Капитолий, ансамбль которого увенчивал знаменитый «Квадратный дом»

³¹ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. P. 688.

³² Jullian C. Histoire de la Gaule. Vol. 5. P. 45. N. 4.

³³ Bloch G. Histoire de France par E. Lavisse. Vol. I. P. 342.

(Maison Carrée), представляющий один из самых известных образцов римского храма. Построенный в первые годы нашей эры храм великолепно сохранился. Его пропорции и орнаментация отличаются изяществом, но формы несколько суховаты и холодны, что вообще свойственно стилю августовской архитектуры. Кроме монументального ансамбля Форума и Капитолия, амфитеатр и цирк, театр и термы придавали, по словам А. Гренье, «новому городу вид, достойный величия римского народа».³⁴

Однако этот образцовый римский город был построен рядом с древним святилищем. Святилище бога источника Немауса, от которого происходит название города, восходит к гораздо более раннему времени, чем римское завоевание. В непосредственной близости от источника находилось поселение местного племени воконтиев-арекомиков, которое очень рано начало чеканить собственные монеты, хотя, вероятно, это была только скромная аггломерация. Римский город расположился рядом со святилищем и местной деревней у подножия древнего кельтского оппидума. В Ниме римского времени сохранялось святилище бога источника Немауса, составлявшее часть городского архитектурного ансамбля.

Рядом с Немаусом у воконтиев-арекомиков, столицей которых он был, продолжали существовать еще 24 маленьких городка, которые упоминает Плиний Старший, называя их *oppida ignobilia* (Plin. N. H., III, 4). Некоторые из них сохранились до настоящего времени: Andusia (Андуз), Urgenum (Бюкер), Sextantio (Субстансьон), Ucetia (Узе). По мнению А. Гренье, они сохранили также и свое старинное, изначальное назначение: «скромные поселки коммерсантов и землевладельцев, какими они должны были быть, без сомнения, во все времена».³⁵

Таким образом, истоки галло-римского урбанизма восходят к очень ранним временам. Большинство современных исследователей согласны в том, что урбанизация римской Галлии развивалась, используя собственно галльское наследие. Однако исследователи по-разному оценивают долю этого наследия в процессе урбанизации. С. В. Шкунаев не отрицает, что значительная часть городских поселений римской Галлии демонстрирует преемственность развития с *oppida* независимой Галлии, возникая и существуя на той же территории: Бавэ, Племи, Аржентон, Алезия и др.

Выявляя новые черты галло-римских городов по сравнению с предыдущим периодом, он справедливо указывает на то, что изменился внешний облик городов. Это связано было с распространением римской архитектуры в Галлии, многие памят-

³⁴ Grenier A. Manuel d'archéologie gallo-romaine. Vol. VI. P. 681.

³⁵ Ibid. P. 682.

ники которой по уровню исполнения не уступают итальяским образцам (квадратный дом в Ниме, арка и театр в Оранже и др.). В то же время развитие ремесла и торговли в галло-римских городах С. В. Шкунаев считает тоже римским достижением. «Украшенные театрами и форумами, — пишет он, — города сделались центром производства и торговли».³⁶

Однако, на наш взгляд, в основе как раз этого аспекта галло-римской урбанизации лежала сильная торгово-ремесленная традиция еще независимой Галлии. Действительно новой чертой галло-римских городов, помимо архитектурного оформления в римском стиле, является постепенно (по мере успехов романизации) приданная им социально-политическая организация, превращавшая галльские города в античные гражданские общины типа римской *цивитас* или греческого *полиса*.

³⁶ Шкунаев С. В. Культура Галлии... С. 273.

А. Д. РУДОКВАС

ВОПРОС О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ГОНЕНИЯХ» ЛИЦИНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТОРОНА АРИАНСКОГО РАСКОЛА

Разработка различных аспектов религиозного переворота времени императора Константина Великого имеет богатую традицию как в отечественной, так и особенно в зарубежной историографии. При известном доверии к христианской традиции, которая в общем совпадает с результатами нумизматических исследований, можно говорить о решающем значении этого периода для последующей христианизации Римской Империи.

В настоящее время личная приверженность Константина новой религии, его активная роль в происходившей смене мировоззренческих ориентиров практически никем не ставится под сомнение.

Тем не менее хотелось бы отметить, что взаимоотношения «первого христианского императора» с Церковью были далеко не столь безоблачны, как это может показаться на первый взгляд. Как ни странно, этот вопрос не получил должного освещения в историографии, хотя имеющийся в наличии материал позволяет внести существенные коррективы в традиционный взгляд на эту проблему. Здесь мы имеем в виду вопрос о так называемых «гонениях» Лициния.

Практически во всех работах о времени Константина Лициний однозначно представляется как полный антипод Константину, язычник до мозга костей, временно пошедший на альянс с Церковью из политических соображений, но вскоре после это-

го ставший ее непримиримым гонителем. Вот наиболее типичные мнения на сей счет: «...насколько нам известно, в восточных провинциях Лициний, после публикации его письма 313 г. (т. е. Миланского Эдикта), не выказал никакого дальнейшего расположения к христианам и постепенно вернулся к политике репрессий. Эта перемена представляется результатом растущего отчуждения между Константином и его коллегой». «...Нет причин сомневаться в трактовке Евсевием войны Константина с Лицинием как войны христианства с язычеством».¹

Немецкий ученый Карл Хенн даже относит время появления «лабарума» как императорского штандарта к 324 г. и считает, что в данном случае он должен был символизировать открытое противостояние христианства с язычеством.²

Э. Альфельди утверждает, что «в 324 г. н. э. Константин начал сражение против Лициния как поборник Христа», не вдаваясь в подробности, как и почему Лициний потерял это почетное звание.³

В статье о Лицинии Отто Зека в *Realencyclopaedie der Classischen Altertums-Wissenschaft* также высказывается мнение, что Лициний с самого начала лишь притворялся таким же покровителем христиан, как и Константин, а после разрыва с последним из соображений как политических, так и суеверных сделал ставку на языческих богов уже в открытую.⁴

¹ Baynes N. Constantine // САН. 1939. Vol. XII. P. 694—695. — Он же отстаивает достоверность Евсевия в отношении описания гонений и их причин как политических, направленных против христиан как потенциальных союзников Константина.

² Hönn K. Konstantin der Grosse. Leipzig. 1945. S. 124.

³ Alföldi A. The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford 1948. P. 83.

⁴ Seek O. Licinius // RE. 1929. Bd XIII. S. 222—230. — Впрочем, здесь имеется оговорка, что гонения проводились выборочно, но отсутствует объяснение причин столь странной для гонителя разборчивости. Немецкий ученый также не посчитал нужным дать объяснение признаваемому им факту близости к якобы непримиримому гонителю Лицинию христианского епископа Евсевия Никомедийского. Из общего ряда сходных мнений выбивается позиция французского исследователя прошлого века В. Дюрюи, который осторожно замечает, что в этих гонениях можно видеть отражение борьбы внутрицерковных партий, инспирированной Евсевием Никомедийским. Впрочем, от более детального рассмотрения данного сюжета отказывается и он, характеризуя Лициния как язычника, хотя и не ревностного, и не настаивая на вышеуказанной версии этих событий (Duryu V. Histoire des Romains depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'invasion des barbares. Paris. 1885. Vol. VII. P. 31—32). Точка зрения В. Дюрюи в новейшей историографии игнорируется. Так, Т. Бэрнс в своем недавно увидевшем свет фундаментальном труде о времени Константина описывает изменение взглядов Лициния как эволюцию от терпимости до открытого неприятия христианства, хотя тут же делает замечание по поводу двойственного отношения Лициния к церкви, связанное с засвидетельствованной источниками близостью к последнему Евсевия Никомедийского (Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Cambridge. 1981. P. 70). В целом вопрос о том, как совмещались гонения на христианство и высокое положение церковных иерархов при дворе остается открытым.

По сообщениям наших источников, в 313 г. Лициний вместе с Константином подписал Миланский Эдикт. За это он удостоился от Лактанция и Евсевия столь же лестной характеристики, как и Константин. Более того, Лактанций приводит в своем труде монотеистическую молитву Лициния (Lact. De mort. persecut. X. 6. 6), которую ему, по словам этого писателя, продиктовал явившийся во сне ангел. Таким образом, Лактанций видит в Лицинии практически такого же христианского императора, как и в Константине. Эта молитва, по мнению А. Джонса,⁵ «несет замечательное сходство с той молитвой, которую Константин позднее приказал использовать своим солдатам язычникам и которая приведена у Евсевия в „Жизнеописании Константина“» (Euseb. V. C. IV. 20).

Тем не менее затем Лициний уже рисуется Евсевием как злобный гонитель христиан. При этом автор не пытается как-то объяснить подобную перемену в воззрениях правителя Востока, ограничиваясь утверждением, что «ум его (т. е. Лициния) был окружен каким-то мраком» (Euseb. V. C. I. 59). Он указывает, что тот, несмотря на дружелюбие Константина, постоянно интриговал против него, и потеряв здравый смысл, решил воевать с самим Богом — помощником Константина, а не с получающим помощь Константином. Евсевий сообщает, что Лициний подозревал христиан в том, что они молятся только за Константина и помогают только ему (Euseb. H. E. X. 8).

В описании Евсевия последовавшая затем война — это противостояние защитника христиан и их гонителя, последнее в цепи аналогичных по характеру военных столкновений Константина и его противников.

Нет сомнений в пропагандистском характере данной схемы,⁶ и здесь можно лишь спорить о том, насколько сознательно Евсевий допустил эту фальсификацию.

Надо заметить, что к подобной интерпретации Евсевия подталкивал сам жанр его произведения в том случае, когда речь идет о «Жизнеописании Константина».

Это «Жизнеописание...» — не биография императора в полном смысле этого слова, а похвальная речь, «энкомий» царю, известный еще со времен Исократа и Ксенофонта и получивший у греков название βασιλικὸς λόγος. Одна из его характерных черт — однозначность оценки героя, что определяет и подбор только тех фактов, которые имеют значение для формирования этой оценки.⁷

⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire 284—602. Oxford. 1964. Vol. III. P. 10. Note 6.

⁶ Ср.: Barnes T. D. Lactantius and Constantine // JRS 1973. Vol. 63. P. 29—46; Storch R. H. The Eusebian Constantine // ChH. 1971. Vol. 40. N 2. P. 145—155.

⁷ Попова Т. В. Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского Vita Constantini // ВВ. 1973. N 34. С. 125.

Но, помимо этого, у Евсевия были другие причины для фальсификаций, которые имели политический характер.

Для начала необходимо рассмотреть, насколько соответствует истине нарисованная Евсевием картина взаимоотношений Церкви и Лициния.

Как уже отмечалось, схема Евсевия проста: сначала Лициний покровительствует христианам вместе с Константином, потом, испугавшись, что они перейдут на сторону последнего, и потеряв рассудок, начинает жестокие гонения, направленные не только против отдельных сторонников Константина, но против самого Бога, т. е. Церкви как таковой.

Евсевий подробно рассказывает о том, какого рода гонения имели место. Он сообщает, что Лициний издал закон, «запрещающий взаимное сообщение епископов, путешествие их в пограничную церковь, составление соборов и советов и совещание о пользе (христиан)» (Euseb. V. С. X. 8). Он изгнал из дворца и из армии христиан, которым до того покровительствовал, запретил совместные молитвы женщин и мужчин в одной церкви, а также акты христианского милосердия по отношению к заключенным в тюрьмах и собрания народа в пределах городских стен (ibid. I. 52. 53. 54).

Апогеем гонений стали нападения на епископов, впрочем, лишь на тех, кто особенно сильно противодействовал его репрессивным мерам. Евсевий прямо связывает эти репрессии с тем, что друзей Константина Лициний считал своими врагами (ibid. I. 56).

Мы также знаем о епископах, пострадавших от этих гонений и присутствовавших впоследствии на I Вселенском соборе в Никее.

Тем не менее ни по размаху, ни по жесткости эти преследования не идут ни в какое сравнение с гонениями предшествующих императоров, начиная с Диоклетиана и кончая Максимом Дайей.

Видимо, сознавая это, Евсевий в «Церковной Истории» делает оговорку, что истреблению всех христиан Лицинием помешала война с Константином, закончившаяся победой последнего. Таким образом, утверждается, что Лициний просто не успел развернуть тотальное гонение.

Еще более определенно по поводу этих «гонений» высказался позднейший хронист из Аквитании Сульпиций Север (V в.), который писал, что они были столь незначительны, что даже не могут считаться гонениями (*sed id inter persecutiones non computatur: adeo res leuiores negotii fuit, quam ut ad ecclesiarum uulnera perueniret* — Sulp. Sev. Chronica. II. 33. 2).

В наших источниках имеется ряд немногочисленных, но важных свидетельств, которые позволяют понять, чем же на самом деле являлись репрессивные меры Лициния и против кого они

были направлены. К их числу относятся документальные свидетельства, связанные с арианским расколом.

Поскольку, по нашему мнению, события этой церковной смуты напрямую связаны с политической историей данного периода, в частности с войной Константина и Лициния и так называемыми «гонениями», представляется необходимым подойти к рассмотрению этого вопроса, начав с расстановки сил на Никейском соборе.

Собору предшествовали свободные прения, в которых принимали участие все желающие. Еще в ходе этих прений определились две партии, но вряд ли стоит называть их однозначно «арианами» и «православными».

Понятия «православие» и «арианство» для начала IV в. — весьма условны. Нельзя не согласиться с тезисом, что «к началу арианских споров твердый критерий ортодоксальности еще отсутствовал в тринитарном учении».⁸ Даже в отношении наиболее видного представителя арианства — Евсевия Никомедийского, звучат призывы различать его собственные богословские убеждения и учение Ария.⁹

В самом деле, уже то обстоятельство, что Евсевий Никомедийский и находившиеся под его влиянием епископы согласились подписать Никейский символ, говорит не только об их изворотливости или трусости, но и о том, что однозначно ассоциировать их с Арием нельзя.

Еще более плачевную картину мы видим в стане «православных». Феодорит приводит нам письмо Ария, которое проливает свет на степень «доктринального единства» противников арианства. Доказывая право на существование своей точки зрения, Арий указывает, что сторонники епископа Александра, епископы Филогоний, Гелланик и Макарий «производят Сына от Отца — один через изрыгание, другой — через выбрасывание, третий называет его сонерожденным» (Theodoretus. E. H. I. 5).

Сам Феодорит как бы не замечает этого заявления Ария, никак его не комментирует и вообще ничего не говорит по этому поводу, называя всех этих епископов «православными», признающими, что «Сын Вечный и Предвечный, Равночестный и Единосущный Отцу». Видимо, для Феодорита главным было негативное отношение этих иерархов к Арию.

Очевидно, что водораздел между арианством и православием был положен введением в Никейский символ принятого на соборе термина *ὁμοούσιος*. Сколь много значило это слово, введенное именно на соборе и не присутствующее в Писании, по-

⁸ Сидоров А. И. Арианство в свете современных исследований // ВДИ. 1988. № 2. С. 95.

⁹ Luibheid C. The Arianism of Eusebius of Nicomedia // The Irish Theological Quarterly. 1976. Vol. 43. P. 3—23. — Цит. по: Сидоров А. И. Арианство... С. 95.

казывает рассказ Созомена о том, как через 5 лет после смерти Константина ариане, собрав собор в Антиохии, низвергли Афанасия с епископства и на его место поставили Григория. Созомен пишет, что при этом они составили новый символ, затем еще один. Оба полностью соответствовали Никейским постановлениям, но там не было слова *ὁμοούσιος*. Тем не менее все остальные качества — непреложный и неизменный по божеству, верный образ существа, воли, силы и славы (божьей), перво-рожден всякой твари они признали. По этому поводу Созомен выражает недоумение и размышляет о том, не скрывается ли в их словах какой-нибудь неизвестной для него мысли (Sozomenus. E. N. III. 5).

По-видимому, строго очертить границы различных мировоззренческих традиций и порожденных ими определенных направлений в Церкви можно было только после унификации этих традиций и выработки в ходе самих тринитарных споров к концу IV в. определенного «богословского койне».¹⁰ Если сформировавшиеся ко времени арианского раскола различные «ереси» пытались в каких-либо областях вырваться из уже сложившихся рамок церковной традиции, то Арий поставил такой вопрос, ответ на который Церкви еще предстояло выработать, если ее не удовлетворял ответ самого Ария.

В самом деле, кажется, что наши источники более охотно употребляют термин «евсевiane», чем «ариане», и при этом он наполнен большей конкретностью, обозначая группу влиятельных епископов Востока. В нее входили, помимо самого Евсевия Никомедийского, также Секунд Птолемаидский, Патрофил Скифопольский, Митрофан Эфесский, Феогнис Никейский, Павлин Тирский, Марий Халкедонский и ряд других. Из сопоставления данных различных источников выясняется, что их было 20 человек. Включение в их число Евсевия Кесарийского¹¹ может быть сделано лишь с оговорками. Его скорее можно считать выразителем настроений самой многочисленной группы на соборе — колеблющихся, или «полуариан», как их называет А. П. Лебедев.¹²

«Евсевiane» и «полуариане» могут быть объединены в одну партию только постольку, поскольку и те, и другие считали возможным привнести элементы рационалистического осмысления в догматический спор. Именно такую границу между двумя группировками проводит Созомен, когда сообщает, что «одни советовали не делать нововведений в преданной из древности вере — и это были особенно те, которым простота

¹⁰ Simonetti M. La Crisi Ariana Nei IV Secolo. Roma, 1975. P. 559.— Цит. по: Сидоров А. И. Арианство... С. 97.

¹¹ Elliott T. G. Eusebian frauds in the Vita Constantini // Phoenix. 1991. Vol. 65. N 2. P. 165—166.

¹² Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V веков. СПб., 1904. С. 23.

правов внушала бесхитростно принимать веру в Бога, а другие утверждали, что древнейшим мнениям не должно следовать без их проверки» (Sozomenus. E. H. I. 17). Таким образом, позиция «православных» сводилась к тому, что вера является *causa sui* и догматы не нуждаются в толковании с позиций разума, в то время как их оппоненты придерживались противоположной точки зрения. Как мы видим, широко распространенное мнение об арианстве как развитии рационалистической, коренящейся еще в античном способе мышления, тенденции в христианской теологии имеет прямое подтверждение в наших источниках.

«Православная» партия, или партия тех, кто противился самому развязыванию данного спора, стремясь пресечь гибельную для церковной жизни смуту в зародыше, кажется, состоит в основном из людей, которых Евсевий Кесарийский характеризует как «украшенных строгостью жизни и подвижничеством» или «отличающихся скромностью нрава» (Euseb. V. C. III. 9). Среди них много необразованных (Socrat. E. H. I. 8), но в то же время многочисленные мученики прошедших гонений в основном находятся в этом стане. Их кредо может быть выражено словами одного из участников собора, обращенными к языческому философу: «Не трудись напрасно отыскивать доказательства на то, что совершается верою, и способы, которыми это могло быть или не быть, но отвечай на вопрос: веруешь ли ты?» (Sozomenus. E. H. I. 8). Их лидерами были Александр Александрийский и Осий Кордовский. Своим оппонентам представители этой партии казались «простецами, не обладающими знанием» (*i iōtas xai mē ēxein γνῶσιν* — Socrat. I. 9).

Нет веских оснований считать, что Константин совершенно естественным образом склонялся на сторону православных в самом начале спора, так как, стремясь к восстановлению единства Церкви, считал лишь ариан виновниками смуты. Нельзя забывать, что именно Александр Александрийский перевел ее из области богословских дискуссий в область практического конфликта, изгнав Ария.

Конечно, немаловажным фактором было сходство по духу взглядов «православной» партии и Константина. Еще до собора, увещевая епископов примириться, император заявлял, что «по излишней ревности к противоречию» они начали спорить о таком предмете, «о котором сперва не следовало бы ни спрашивать, ни мыслить, а если уж помыслили, то надлежало бы молчать о том» (Sozomenus E. H. I. 10).

Но даже это сходство не может объяснить до конца поступки Константина. Если император считал, что епископам «можно было бы обойтись без взаимного разделения, хотя бы относительно некоторой части учения они и не соглашались бы друг с другом» (Ibid.), то ему совершенно незачем было настаивать на дополнении слова *ὁμοούσιος* к компромиссному про-

екту символа, представленному Евсевием Кессарийским. Этими действиями он сам провоцировал решительное размежевание уже на самом соборе.

Все вышеизложенное наводит на мысль, что Константин с самого начала имел основание питать неприязнь к партии «евсевиян», и наши источники дают нам, хотя и немногочисленные, но явные доказательства того, что в данном случае играл большую роль фактор политический.

Созомен прямо говорит, что в послании к жителям Никомедии Константин обнаружил и другую (помимо поддержки Ария) причину своего гнева на Евсевия, а именно ту, что Евсевий и прежде уже держался стороны тирана (т. е. Лициния) и интриговал против Константина (Sozomenus. E. H. I. 21). Феодорит полностью приводит текст этого письма, из которого становится ясным, что Евсевий Никомедийский был доверенным лицом Лициния во время гонений и, пользуясь его защитой и поддержкой, инспирировал убийства неугодных ему епископов (Theodoretus E. H.: I. 20).

Константин также обвиняет Евсевия Никомедийского в том, что он не только интриговал против него, но и посылал к нему лазутчиков и оказывал его врагам всевозможную помощь. Император даже берется доказать свои обвинения, так как имеет в своем распоряжении схваченных им пособников Евсевия из числа дьяконов и пресвитеров (ibid.).

Очевидно, что это письмо заставляет по-иному трактовать гонения Лициния. Как выясняется, они не только не имели тотального характера, но являлись к тому же отражением борьбы группировок в Восточной Церкви, одну из которых — евсевиян (Феодорит так их называет, имея в виду не сторонников особой точки зрения на теологические вопросы, а группировку, борющуюся за влияние в Церкви) — поддерживал Лициний. Как мы видим, часть Восточной Церкви в лице евсевиян поддерживала борьбу Лициния против Константина, а судя по тому, что он их практически не покарал (здесь уместно вспомнить о пачке доносов на епископов, которые он сжег на их глазах, не читая, на Никейском соборе. — ibid.), эта группировка была столь влиятельна, что императору было выгоднее с ней примириться. Причина того, что об этом умалчал Евсевий Кесарийский, проста — он сам был близок к евсевиянам и, по-видимому, не хотел касаться этой щекотливой темы, в чем его желание совпало с желанием самого Августа.

Что касается конкретных фактов, приводимых Евсевием, то и они могут быть объяснены по-иному. Так, закон о запрещении созыва соборов мог быть принят по просьбе евсевиян, для которых в это время сложилась неблагоприятная обстановка внутри Церкви. Что касается закона о запрещении милосердия и закона о раздельных молитвах мужчин и женщин, то они могут быть объяснены нежеланием возбуждать недовольство

язычников, которые были склонны обвинять христиан в разврате и потакании преступникам, так как им были недоступны для понимания глубинные мотивы поступков членов христианских общин. Изгнание христиан из армии тоже понятно — было неясно, за кем они все-таки пойдут, а что касается изгнания всех христиан из дворца, то это, по-видимому, сильное преувеличение Евсевия, и евсевиян эта мера не затронула. Следует признать, что в отношении гонений Лициния Евсевий допустил «фальсификацию методом умолчания», неверно расставив акценты в своем рассказе.

Что касается мировоззрения Лициния, то сравнение данных Евсевия и Феодорита не проясняет картину, но делает ее еще более туманной. Евсевий откровенно говорит, что Лициний сражался, полагаясь на языческих богов, о чем он публично заявлял. Нам представляется, что мировоззрение и восприятие богов языческих и христианского Бога у Лициния было примерно таким же, как у Константина, с той лишь разницей, что он, в отличие от Константина, считал, что Юпитер ничем не хуже Бога христиан. Проанализируем речь Лициния перед битвой с войском Константина. Он говорит о Боге христиан уважительно, но при этом упоминает не раз, что это Бог чужой, и призывает солдат надеяться на помощь римских, отеческих богов. Он утверждает, что битва будет между языческими богами и христианским (не забывая упомянуть, что языческих богов больше, а значит, они сильнее) и что она покажет, какой бог сильнее (Euseb. V. C. XI. 5). Евсевий говорит, что перед этим Лициний также много общался с магами и предсказателями. Выбор Лицинием своего божественного покровителя имеет ту же логику, как и у Константина перед столкновением с Максенцием, когда тот просил у христианского Бога подтверждения своим надеждам, но у Лициния он более примитивен и не имеет такой эмоциональной окраски (Аврелий Виктор рисует нам Лициния как человека весьма грубого и не способного к тонким психологическим переживаниям). Лициний рассуждал просто: если Константину покровительствует Бог христиан, значит мне — Юпитер. Лициний не был врагом христианства, он просто воспринимал его как один из многих культов.¹³

¹³ Отношение Лициния к христианству напоминает то восприятие этой религии, которое было типично для новообращенных варварских вождей последующих веков. Так, в «Церковной Истории Англов» Беды Достопочтенного рассказывается о короле англов Редвальде, который, «по обычаю древних самаритян» (которые, согласно Ветхому Завету, имели склонность принимать чужих богов и поклоняться им наряду со своими), казалось, одновременно служил и Христу, и божкам, которым поклонялся прежде; в одном и том же храме он держал алтарь для христианской службы и другой, поменьше — для жертвоприношений демонам (Beda Venerabilis. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*. II, 15). — Цит. по: Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 46.

В то же время на примере Евсевия Никомедийского мы можем убедиться, что евсевяне до конца сохраняли верность Лицинию. В самом деле, даже если предположить, что гонения начались после войны 317 г. и затронули всех христиан, то как тогда объяснить, что епископ одного из важнейших городов Восточной Империи — Никомедии, пережил их благополучно. Следовательно, что подтверждается словами самого Константина, часть деятелей Восточной Церкви, т. е. «евсевяне», оказывала помощь Лицинию даже в его последней войне с Константином, что опровергает расхожий тезис об однозначной поддержке именно Константина со стороны всей Церкви. Подтверждением этому служит и специальное постановление Никейского собора, осуждающее тех христиан, которые, уйдя с военной службы, впоследствии опять вернулись к ней. Как отметил В. Рэмзей, это может пониматься лишь как мера, направленная против тех христиан, которых Лициний вернул в армию в 323 г. и которые воевали на его стороне¹⁴ против Константина.

В этой связи мнение английского исследователя Х. Паркера о том, что, начав гонения, Лициний отошел от сотрудничества с Церковью, так как, «полагаясь на опыт как свой собственный, так и своего коллеги, он пришел к выводу, что союз Церкви и государства является бесполезным занятием, в то время как оставлять такую развитую организацию не вовлеченной в государственную систему было опасно»,¹⁵ является, мягко говоря, не бесспорным (этот тезис выглядит тем более странно, что Х. Паркер один из немногих обратил внимание на специфические отношения Лициния и евсевяне).

Примечательно, что практически все «евсевяне» — главы христианских общин крупных городов, и никто из них во время гонения не пострадал.

Если проанализировать жизненный путь их лидера Евсевия Никомедийского, можно сделать вывод о том, что эта группировка целенаправленно возвращалась Лицинием в Церкви, так как последний стремился поставить на ключевые посты своих людей. Феодорит сообщает, что Евсевий был сначала «в нарушение законов (о запрещении переходов из одной епархии в другую) епископом Берийским, потом «перескочил в Никомедию, откуда потом, после собора, был изгнан за явное нечестие» (Theodoretus. E. N. I. 19). О том, каким образом Ев-

¹⁴ Ramsay W. N. The Church of Lycaonia in the Fourth Century // Luke the Physician and other studies in the History of Religion. London, 1908. P. 344. — К сожалению, это замечание не послужило для Рэмзея толчком к пересмотру взглядов на отношения Лициния и Церкви (Ср.: Ibid. P. 343).

¹⁵ Parker H. M. D. A History of the Roman World A. D. 138—337. London, 1935. P. 259.

севию удался этот переход, также сказано, что сделано это «при содействии людей в то время сильных» (ibid. I. 20).

О методах, которые использовали «евсевиане» в своей борьбе против инакомыслящих, мы хорошо информированы из послания Сардикского собора (343—44 гг.), где говорится, что они повинны в клевете, незаконном заключении в тюрьму, убийствах, побоях, подделке документов, пытках, ссылках, разрушении церквей, поджогах, переходе из малых городов в значительнейшие епархии, возведении из дьяконов своих людей сразу в епископы и что все это совершалось с помощью войск и своих людей (ibid. II.8). Очевидно, что эти обвинения тем более справедливы и для более раннего, доникейского периода.

О том, что Евсевий Никомедийский имел вес при дворе Лициния, сообщает и Созомен (Sozomenus E. H. I. 15).

Интересно, что и Арий еще до начала своей раскольнической деятельности был низвержен из клира епископом Петром, но затем, после того как последний принял мученическую смерть во время гонений, был возвращен назад и даже сделан пресвитером (Sozomenus. E. H. I. 15). Мы не берем на себя смелость однозначно утверждать, что начало проповеди Ария находилось в какой-то связи с политическими мотивами, но все же можно предположить, что эти действия как-то соотносились с желанием Лициния расколоть Церковь на Западную и Восточную, к тому же получая повод для расправы с неудобными ее представителями.

В этой связи хочется особо остановиться на позиции основоположника гиперкритического метода по отношению к христианской традиции о Константине — Якоба Буркхардта. Этот исследователь полностью отказывает Евсевию Кесарийскому в достоверности как раз на том основании, что «он и Лициния объявляет христианским императором, когда тот ведет войну с Максимом Дайей, хотя он прекрасно знает, что тот всего лишь толерантный язычник». Я. Буркхардт заявляет, что «вполне вероятно, что его (Евсевия) суждения о Константине — того же свойства».¹⁶ Тем не менее, как показывает анализ всего комплекса источников, мировоззрение как Константина, так и Лициния и определявшаяся им политика были гораздо сложнее, чем примитивная антитеза «язычник — христианин», и это кажущееся швейцарскому исследователю очевидным противоречие в труде Евсевия получает вполне адекватное объяснение при скрупулезном рассмотрении проблемы.

И последний вопрос, который не может нас не заинтриговать: почему Константин не применил репрессии против евсе-

¹⁶ Burchardt J. The Age of Constantine the Great // English translation by M. Hadas. New York, 1948. P. 261.

виан, а впоследствии даже отчасти проявил к ним свое благо-расположение? По этому поводу можно сказать, что, во-первых, во время правления Константина арианство так никогда и не было реабилитировано, во-вторых, что император вовсе не был столь свободен в своих действиях, как это может показаться на первый взгляд.

Опять, возвращаясь к неадекватному освещению у Евсевия гонений Лициния, зададимся вопросом: почему эта (вольная или невольная) фальсификация была столь легко усвоена современниками и не встретила никакого протеста, так что даже современные исследователи «гонения» Лициния, как правило, ставят в один ряд с гонениями того же Диоклетиана или Максимиана.

Очевидно, причина этого кроется в том обстоятельстве, что в массовом сознании рядовых христиан насильственное вмешательство Лициния в дела Церкви было воспринято по уже сформировавшейся схеме — как гонения на христиан вообще.

Таким образом, Евсевий не слишком грешил против истины, если обозначить этим понятием не сущность происшедших событий, а их отражение в сознании рядовых христиан.

Опыт Лициния показал, что переживавшая в течение десятилетий жесточайшие гонения Церковь в ответ на попытку силового воздействия могла вновь отойти от поддержки императора и оказаться, по крайней мере, в моральной оппозиции режиму. Нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что «культ мученичества», сформировавшийся во время гонений, восприятие христианами страданий за веру как кратчайшего пути к желанному спасению и единению с Христом делали союз Церкви и государства весьма хрупким. Предпринятые *ad hoc* репрессивные меры против отдельных групп или даже отдельных представителей Церкви могли быть восприняты массами рядовых верующих как начало новой волны насилия, и тогда, вне зависимости от своих личных воззрений, Константин был бы однозначно воспринят христианами как гонитель Церкви.

Д. Д. СЕРГЕЕВ

ИДЕОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV—V вв.

Аврелий Августин принадлежит к числу тех избранных людей, об огромном вкладе которых в историю человеческой мысли можно говорить без всякого преувеличения. Это тем бо-

© Д. Д. Сергеев, 1997

лее знаменательно, если учесть то обстоятельство, что Августин жил на закате античности, в то время, которое принято считать переходом к средним векам и кризисным во всех отношениях.

Аврелий Августин родился в Северной Африке в 354 г. Его отец был чиновником местного муниципалитета, а мать ревностной христианкой.¹ После окончания школы отец решил отправить Аврелия для продолжения учебы в Карфаген. Жизнь в крупном городе захватила и увлекла молодого человека («Я искал, что бы мне полюбить... Я ринулся в любовь и жаждал ей отдаться...» (Aug. Confess. 3, 1, 1)). Но внезапно, после прочтения книги Цицерона «Гортензий», у Аврелия появляется жажда знаний, желание познать смысл жизни («Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении...» (Aug. Confess. 3, 4, 7)). Августин начинает поиски истины, не зная пока, где ее можно найти. Это приводит его к манихеям, и хотя Августин проводит с ними девять лет, но постепенно сомнения в правильности их учения закрадываются в жаждущую новых знаний душу.² Августин увлекается скептической философией («Я стал, однако, по тщательном рассмотрении и сравнении, приходить к заключению, что большинство философов гораздо вернее думали о самом мире и всей природе» (Aug. Confess. 5, 14, 25)). В 383 г. Аврелий Августин отправляется в Рим преподавать риторику и изучать философию скептиков. Однако Вечный Город встретил молодого ратора недружелюбно (Aug. Confess. 3, 5, 7), и он подал прошение на вакантную должность городского ратора в Медиолане. В 384 г. Августин переехал в Медиолан и там впервые встретился с талантливым проповедником епископом Амвросием. Под влиянием его речей Августин открыто порывает с манихейством («Тогда же я начал изобличать манихейскую ложь. И по примеру академиков, я покинул манихеев...» (Aug. Confess. 5, 13)). Постепенно у Аврелия Августина формируется мнение, что существует философия, превосходящая скептицизм и тем более манихейство. Этой философией был неоплатонизм (Aug. Conf. 7, 20, 5). Между тем убеждения матери, проповеди Амвросия и идеи неоплатонизма приводят Августина к христианству («...Итак, душа моя не могла излечиться ничем, кроме Веры. С этого времени я начал предпочитать православное учение» (Aug. Confess. 6, 4, 11)). В 387 г. Амвросий Медиоланский окрестил Аврелия Августина. После этого ритор решает расстаться со светской карьерой. После смерти матери, сопровождавшей его во всех путешествиях, Августин окончательно решает посвятить

¹ Dempf A. Christliche Philosophie. Der Mensch zwischen Gott und der Welt. Bonn, 1952. S. 57.

² Герье В. Блаженный Августин. М., 1910. С. 61.

себя служению Церкви и Богу (Aug. Confess., 9, 4, 7). Осенью 388 г. Аврелий Августин возвращается в свой родной город, продает родительское имение, деньги раздает бедным, для себя оставляет маленький домик, где живет монашеской жизнью. В эти годы начинается его полемика с манихеями и донатистами, что и приносит ему известность среди христиан. В 396 г. Августин был посвящен в епископский сан³ и стал епископом г. Гиппона. Он принимал участие в карфагенских соборах, продолжал свою полемическую и ученую деятельность. В последние годы жизни Августин чувствовал нарастающую усталость, возраст не позволял ему уже совмещать практическую деятельность епископа с работой над многочисленными сочинениями. В августе 430 г. Аврелий Августин умер в осажденном вандами Гиппоне.

Ниже мы рассмотрим два, на наш взгляд, главных произведения Августина. Это «Confessionem»⁴ и «De civitate Dei».⁵ В этих трудах Аврелий Августин, помимо критики враждебных христианству учений, обращается и к колеблющимся в вере людям. В «Исповеди», которую он пишет с 397 по 400 г., показан тот нелегкий путь к христианству, подобный которому должен был пройти каждый образованный человек. Автор приходит к выводу, что не только образованный человек через постижение различных философских учений сможет, наконец, найти Единого Бога, но и самый заурядный, не отягощенный особыми знаниями ум может постичь Истину через Веру. Но, написав «Исповедь», Августин, безусловно, видел, что главная цель его сочинения не была достигнута, ибо могущество язычества в Западной Римской Империи все еще было очень сильно (ср., напр.: «Ученый старец Симплициан, до самой смерти почитавший идолов, участник нечестивых таинств, увлекаясь которыми, почти вся римская знать чтит младенца Озириса...» (Aug. Confess. 8, 2, 3)).

Взятие Рима в 410 г. готами сокрушило самую крепкую основу язычества и заставило вновь взяться Аврелия Августина за перо. Свой великий труд «О граде Божием» он задумал как отклик на падение Рима и логичный ответ язычникам, что именно христианский Бог, а не какой-либо другой покарал Рим за его неверие. Августин вновь ставит перед собой цель — способствовать обращению колеблющихся в христианство. Этой цели подчинена вся композиция сочинения. В первых книгах Августин рассматривает язычество и его основы, доказывает безнравственность многобожия и различных языческих куль-

³ Столяров А. А. Августин. Жизнь. Учение // А. Августин. Исповедь. М., 1991. С. 26.

⁴ Aurelii Augustini confessionum. Lipsiae; Teubneri, 1909; Аврелий Августин. Исповедь / Пер. М. Е. Сепренко. М., 1991.

⁵ Aurelius Augustinus. De civitate Dei. Dombart. Leipzig. 1877; Аврелий Августин. О граде Божием / Пер. с лат. Киев, 1908.

тов. Затем автор излагает происхождение, развитие и предсказывает последующие судьбы Царства Божия и царства земного. Этот труд был закончен Августином в 426 г.

Итак, пользуясь этими трудами Аврелия Августина, мы попытаемся рассмотреть взгляды автора как христианина на такие проблемы, как государство, Рим, императорская власть, язычество, варварские нашествия.

Отношение Августина к государству становилось в два этапа. Первым этапом можно назвать дохристианскую жизнь философа. Будучи молодым человеком, он относился к государству точно так же, как это делали другие римляне — он не сомневался в его необходимости и всеобъемлемости («Каждый отдельный человек, как в речи буква, представляет собой элемент государства...» (Aug. De civ. Dei V, 3)). Закончив школу риторов в Карфагене, Августин был полон честолюбивых замыслов и желания служить как для своего блага, так и для блага государства (Aug. Confess. 4, 14, 8). Но, отправившись в Рим и не найдя там для себя успеха, Августин начинает постепенно разочаровываться в государственной службе. А картина бедствий и развала, которую он увидел в Риме (ведь Северная Африка была относительно благополучной в экономическом отношении провинцией), а затем в Медиолане, усиливая его разочарование как в государственной службе, так и в самом государстве.⁶ Августин сосредотачивается на своем внутреннем мире. Видя, что человеку трудно найти и реализовать себя на государственной службе, Августин пытается обрести свое «Я» с помощью различных философских учений. Поэтому и философствование Августина начинается с самоисследования. От раздвоения и разлада действительности, окружающей его, Августин «ищет спасения в созерцании вечности».⁷ Так, молодой ритор приходит к христианству, а вместе с христианством формируется новый взгляд Августина на государство.

Для Августина теперь существует главная задача — задача спасения. Чтобы спасти человечество, божественный порядок должен воплотиться во всемирной божественной организации. Но, по его мнению, это не государство, а Церковь, которая представляет Царство Божие. Августин, чтобы донести эту мысль до читателя, старается объяснить общую идею Царства Божия, сопоставить ее с идеей царства земного, представителем которого и был Рим. Он считает, что земное государство опорочено не только способом своего возникновения из насилия и властолюбия (в случае с Римом это братоубийство), оно порочно по самому существу своему. Сильное государство стремится к своему расширению, это вызывает у его граждан чув-

⁶ Dempf A. Christliche Philosophie... S. 86.

⁷ Трубецкой Е. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. н. э. М., 1892. С. 23.

ство патриотизма и гордости. Но Августин считает это неразумным: «Пусть, в самом деле, поразмыслят, действительно ли стоит людям добрым радоваться расширению государства. Ибо возвышение государства способствует несправедливости тех, с которыми велись справедливые войны.

Государство неизбежно оставалось малым, если бы спокойствие и справедливость соседей не вызывали бы никакой обидой войны против них. Таким образом, расширение государства хорошо для людей дурных, а для хороших плохо» (Aug. De civ. Dei. IV, 15).

Так, Августин ставит под сомнение все те победы, все то величие, которого достиг Рим с начала своего существования. Он говорит о том, что сильное государство приносит несчастье не только побежденным, но и самим победителям, ибо большое и великое государство — это не благо («Знаменитые победы Рима были не истинною радостью людей вполне довольных, а суетным утешением несчастных и приманчивым возбуждением к перенесению новых страданий» (Aug. De civ. Dei. III, 17)). Государство, приносящее несчастье и покоренным народам, и своим гражданам, чуждо справедливости («Что для Рима страшнее — вторжение готов или необузданность Мария и Суллы и других знаменитых людей, совершавших зверство над своими же согражданами?» (Aug. De civ. Dei. III, 29)).

Развивая, таким образом, положение о несправедливом государстве, Августин приходит к своему знаменитому сравнению государства с разбойничьей шайкой: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не разбойничьи шайки, а самые разбойничьи шайки, что такое, как не государства в миниатюре?» (Aug. De civ. Dei. IV, 4).

Все это Августин считает присущим земному государству, т. е. любому, которое или существовало, или существует на земле. Но с появлением христианства, по мнению Августина, у государства появилась возможность стать чуть лучше и справедливее. Ибо, когда государство было языческим и являлось самоцелью, оно было несостоятельно, а при исповедании христианской религии основы государства приобретают нравственное значение. Таким образом, если государство будет чтить Истинного Бога, в его делах будет благоуспешность⁸ («Если бы они имели Единого Бога и чтили его, как своих богов, то имели бы и здесь лучшее царство...» (Aug. De civ. Dei. IV, 28)).

Для Августина христианский Рим — это, скорее, желаемое, а не действительное. Но Римская Империя, по его мнению, находится уже на истинном пути. Поэтому из своей концепции государства как зла для людей Августин пытается выделить по-

⁸ Родников Н. Учение Блаженного Августина о взаимоотношениях между государством и церковью. Казань, 1898. С. 103.

ложительные моменты, которые могут быть присущи христианскому государству: «Итак, если какая-нибудь безмерная власть любит нас — она желает для нашего блаженства быть подчиненными Тому, Кому подчинена сама, и, вследствие этого подчинения, блаженна; таким образом, если она не чтит Бога — она злополучна» (Aug. De civ. Dei X, 5). Именно здесь он проводит аналогию между Божьим Царством и земным. Божье Царство облагораживает земное, которое служит его подобием («Поэтому мы находим в земном царстве две стороны — одна — это оно само, а другая — отражение небесного Царства. Это отражение есть справедливость, которую воздает только Бог» (Aug. De civ. Dei. IX, 17)).

Таким образом, у Августина справедливым государством может быть названо христианское государство, а нехристианское — «разбойничья шайка». С этой точки зрения меняется отношение Августина к современному ему государству, ибо оно и его правители начинают становиться христианскими. Теперь Империя, «несправедливая и разбойничья», становится у Августина «славной и долговечной» (Aug. De civ. Dei. V, 18). А поскольку книга Августина обращена не к христианам, а, скорее, к колеблющимся в вере и язычникам, то автор вынужден дать более положительные отзывы о римском государстве, чем ему этого хотелось бы («Если бы они имели Единого Бога и чтили его, то имели бы здесь лучшее царство, такое же великое, какое имели» (Aug. De civ. Dei. IV, 28)). Августин вынужден был вставлять в свое описание благого христианского государства те моменты, которые подчеркивали бы славное и могучее прошлое языческой римской державы. Иначе его труд вызвал бы гораздо больше отрицательных эмоций у язычников (к которым и было обращено это произведение), ибо они верили в величие Рима, и Августин вынужден был с этим считаться.⁹ Взятие Рима в 410 г. готами самого Августина, возможно, вызвало мало, но, учитывая настроения, вызванные этим событием в обществе, он пишет: «Впрочем, римское государство скорее расстроено, чем разрушено, подобное случалось с ним и в прежние времена, до христианства, и оно от такого расстрой-ства оправлялось. Не следует отчаиваться в этом и теперь» (Aug. De civ. Dei. IV. 7).

Таким образом, Августин высказывает мысль, что из всех государств благим может быть только христианское государство, но такое государство абстрактно, существующие же государства нельзя пока назвать делом божественным,¹⁰ и, с этой точки зрения, общественно-государственный строй — явление терпимое только по необходимости. Человек должен стремиться в «истинное отечество», а государственная жизнь может

⁹ D e m p f A. Christliche Philosophie. . . S. 145.

¹⁰ Родников Н. Учение Блаженного Августина. . . С. 86.

быть только средством для этого, но не самоцелью. Гражданин должен жить в своем отечестве, как пришелец, принимать участие во всем, как чужестранец. Поэтому государство занимало малое место в помыслах Августина.¹¹ Земные цели государства, его формы и виды философа не интересовали (Aug. Confess. 9, 2, 11). Теперь Августин обращает свои слова к истинным христианам и к тем, кто твердо решил пойти по праведному пути: «Дружба с этим миром — измена Тебе, Господи!» (Aug. Confess. 1, 13, 7).

У Августина как христианина уже нет того трепетного отношения к Вечному Городу, какое чувствуется у других языческих поэтов и писателей. В произведениях Августина присутствует слияние понятий «государство» и «Рим». Это происходит потому, что идея Вечного Города уже не вдохновляет Августина, как вдохновлялись ею языческие, да и некоторые христианские писатели. Практически везде, где Августин употребляет слово «Рим», оно является у него синонимом слова «государство». Да и в этом случае «Рим» произносится редко, и автор явно предпочитает называть государство «государством».

Хотя Августину приходится отдавать дань идее Вечного Города на страницах своих произведений, но только, видимо, потому, что она была еще популярна в его время. Тем более необходимо было упомянуть о ней после 410 г., когда произошедшее вызвало шок в Римской Империи («Ибо этот Рим, трудами древних основанный, они обезобразили гораздо более при его существовании, чем обезобразило его разрушение...» (Aug. De civ. Dei. III, 3)). Но даже это упоминание о Вечном Городе Августин пытается обратить против язычников и показать им, насколько без христианства может быть порочной жизнь («Увы, безумные! Что это такое, не заблуждение, а сумасбродство, что вы, в то время как восточные народы оплакивают ваше бедствие, и величайшие города восточных стран налагают на себя публичный траур — вы заняты театрами, ходите в них и предаетесь все большему безумию, чем прежде...» (Aug. De civ. Dei.; 1, 33)).

Если можно сказать о некотором равнодушии Августина к теме государства,¹² то оно в еще большей степени распространяется и на личность правителя, поскольку, вслед за христианскими писателями, Августин тесно связывает государство и светскую власть¹³ («Не все ли равно, под чьим правлением приходится жить человеку, всегда близкому к смерти?» (Aug. De civ. Dei. XI, 12)). Как о языческих, так и о христианских императорах Августин не может сказать ничего хорошего, тем

¹¹ Герье В. Блаженный Августин. С. 132.

¹² Там же. С. 152.

¹³ Родников Н. Учение Блаженного Августина... С. 97.

более что он ни о ком почти нигде не упоминает. Только Август удостоивается похвалы Августина за то, что навел в языческом Риме порядок и установил мирное существование во всей Империи («Цезарь Август решительно отнял у римлян, и на их взгляд, уже не славную, а сварливую и распущенную свободу, все подчинил царской воле и восстановил... как бы одряхлевшее от болезней государство...» (Aug. De civ. Dei. III, 21)). Таким образом, Августин как бы одобряет сильную, но в то же время не суровую и сумасбродную власть одного человека в государстве. Ибо примерно такой император может сделать государство благим. Исходя из этой мысли, Августин рисует портрет благого императора: «Мы называем некоторых христианских императоров благими не потому, что они долго управляли или, скончавшись мирною смертью, оставили после себя управляющими сыновей своих, или покоряли врагов государства. Но мы называем государей счастливыми, если они управляют справедливо, если окруженные лестью не превозносятся, но помнят, что они люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию, если боятся, любят и чтут Бога, если медлят с наказаниями и охотно милуют, если самые эти наказания употребляют на управление и охранение государства, а не на удовлетворение своей ненависти. Если они желают господствовать над дурными наклонностями, чем над какими-либо народами, если не пренебрегают приносить Богу за грехи жертву смирения, сожаления, молитвы... Таких императоров мы называем счастливыми» (Aug. De civ. Dei. V, 24). Из этих слов Августина видно, что он признает императорскую власть ниже власти Церкви, что император должен помогать Церкви устанавливать в государстве Истинную Веру. (Поэтому Августин будет впоследствии просить императора подавить донатистскую ересь в Северной Африке.) Но пока существование такого императора остается для Августина желаемым, как и существование благого христианского государства. Строки же эти автор, вероятно, написал в расчете на то, что существующая власть постарается принять во внимание желание ортодоксальной Церкви быть единственным учением в Римской Империи, теперь уже не на словах, а на деле.

Оба рассматриваемых нами произведения Августина так или иначе посвящены борьбе с язычеством. Личная жизнь Августина самым тесным образом была сплетена с его судьбою. Он был воспитан на язычестве («Некогда в дни юности хаживали и мы на святотатственные зрелища и игры, смотрели на беснующихся, слушали певцов...» (Aug. De civ. Dei. IV, 4)). Сам Августин стал христианином только после мучительной внутренней борьбы, пережив в себе самом антагонизм двух мировоззрений и торжество христианства. Еще в год его рождения сын Константина Констанций издал закон о закрытии хра-

мов, воспретил жертвоприношения и положил смерть за поклонение идолам. В раннем детстве Августин был свидетелем господства язычества при Юлиане. В 391 г. в Милане издан еще один указ о запрещении жертвоприношений, вхождения в храм и поклонения идолам. В Африке этот закон приостановил Гильдон, примкнувший к узурпатору Евгению, тоже язычнику. Феодосий Первый в 399 г. опять восстановил христианство, императорские комиты стали закрывать в Карфагене храмы. Но, чтобы успокоить язычников, правительство прислало разъяснение, что не хотело отменять праздничные сборища граждан и всеобщее веселье, а воспретило лишь кровавые жертвоприношения.¹⁴ Таким образом, до 408 г. совершались бескровные жертвы, а в праздничных гульбищах принимали участие даже христиане. Но в 408 г. последовали суровые законы — доходы языческих храмов отдавались в казну, идолы подлежали истреблению, храмы разрушению, а пиршества и празднества запрещались. Но это мало повлияло на язычески настроенных граждан.¹⁵ Даже некоторые христиане продолжали участвовать в языческих праздниках. Августин осуждал подобное их поведение в своих проповедях: «Пусть вас не смущает телесное общение при духовном разобщении, но тот кто водится с язычниками — не спасен!»¹⁶ Некоторые христиане увлекались и многими другими языческими праздниками, особенно пиршествами в храмовые дни и патриотическими действиями в честь гениев городов или государства. В этом Августин видел камень преткновения в деле обращения язычника в христианство, ибо язычник, видя, как христиане пляшут на языческих праздниках, подумает: «Зачем я стал христианином, если мог остаться в старой вере?»

Но Августин стремился уничтожить язычество не только в делах, но, что важнее, и в умах людей. Взятие же Рима в 410 г. побудило его перенести борьбу с язычеством на более обширную почву; если раньше Августин действовал в основном в пределах Африки, то теперь его труд «О граде Божием» адресован уже всем жителям Империи. Целью Августина при написании первой части сочинения было — разрушить религиозные верования язычников, чтобы во второй части было удобнее внушить им верование христиан. Он пишет в духе языческих писателей — приводит возражения язычников христианам и опровергает их. Так, он говорит, что взятие Рима — наказание язычникам за нечестие и призыв к исправлению (Aug. De civ. Dei. I, 34), а бедствия христиан в то же время — это «испытательно-педагогическое» послание Божие (Aug. De civ. Dei. I, 9). Августин пишет, что римлян постигли два вида бедствий:

¹⁴ Герье В. Блаженный Августин. С. 225.

¹⁵ Schulz O. T. Vom Prinzipat zum Dominat. Paderborn, 1919. S. 151.

¹⁶ Цит. по кн.: Герье В. Блаженный Августин. С. 256.

моральные и политически-социальные. А виноваты в этих бедствиях, по мнению автора, языческие боги. Этим он опровергает довод, что христианство — причина всех зол в государстве: «...римские боги суть злые демоны, для которых вечное блаженство римлян было бы наказанием; поэтому они всячески стараются погубить своих почитателей и поэтому положительно вредны и не заслуживают почитания, которое подобает только Единому Истинному Богу. Если бы все люди следовали предписаниям христианской религии, то жизнь на земле была бы счастьем, а на небе блаженством...» (Aug. De civ. Dei. II, 29).

Августин убежден, что судьба всех народов и царств зависит от Единого Бога, о существовании которого подозревали и сами язычники, сводя всех своих богов к одному Юпитеру. (Образованные римляне считали, что отдельные и самостоятельные боги являются или частями, или свойствами и силами одного бога — Юпитера.¹⁷) («Так как римляне чтити многих богов, можно чтить и одного бога, частями которого признаются прочие боги...» (Aug. De civ. Dei. IV, 20)).

Давая обзор римской истории, Августин убеждает читателей в бессилии языческих богов («Если бы языческие боги были богами, то поставленный под покровительство столько богов Рим не должен был претерпеть столько несчастий, которые выпадали на его долю» (Aug. De civ. Dei. III, 12)).

Автор ведет критику языческой религии очень обдуманно. Он прекрасно понимает, что языческие настроения в обществе еще весьма сильны и простая констатация того, что язычество является злом, может оттолкнуть от его книги большинство читателей, и тогда этот труд станет бесполезным для христианства. Поэтому критика старой религии проходит без резких выпадов, с доказательствами. Августин пытается учесть взгляды не язычества в целом, а взгляды различных направлений этой религии — от язычества масс до язычества аристократии, ибо эти взгляды были различны.¹⁸ Таким образом, Августин критикует религию, а людей, ее исповедующих, старается убедить, используя их собственные взгляды и идеалы: «К этому лучше обратиться, богато одаренный природою римский народ, потомство Регулов, Сцевола, Фабиев, Фабрициев! Обратись лучше к этому и это предпочти гнуснейшей пустоте и зложелательству демонов. Если есть в тебе от природы какое-либо природное дарование, оно может очищаться и совершенствоваться не иначе, как посредством истинного благочестия, нечестие его губит. Так выбирай же теперь, чему следовать, чтобы слава твоя имела опору не в тебе самом, а в Боге Истинном» (Aug. De civ. Dei. II, 4).

¹⁷ Красин М. Творение Блаженного Августина. Казань, 1873. С. 293.

¹⁸ Dempré A. *Christliche Philosophie*. . . S. 196.

Августин, подобно многим писателям и поэтам Поздней Империи, практически не касается темы варваров. Сразу видно, что проблемы противостояния Рима и варваров для него не существует. Как церковный деятель Августин занимается только внутренними проблемами самой церкви (борьба с ересями) и полемикой с язычниками. Объяснить такое пренебрежение к теме варваров со стороны Августина предположением, что он чувствует безысходность и тупик в дальнейшем развитии государства и общества, никак нельзя. Как христианин, т. е. человек новой формации, он с оптимизмом смотрит вперед («...таких христианских императоров мы называем счастливыми, т. е. счастливыми пока надеждою, а потом имеющими быть счастливыми на деле, когда наступит то, чего мы ожидаем...» (Aug. De civ. Dei. V, 24)).

Для Августина, видимо, нет проблемы варварства, нет проблемы племенной исключительности. Самым неприятным в этом деле может оказаться только то, что варвары могут являться язычниками, но и это не должно смущать людей: «Пусть христианская семья помнит о том, что и среди самых врагов скрываются будущие граждане (Небесного Града — С. Д.)» (Aug. De civ. Dei. I, 35).

Таким образом, Августин признает единство человечества и не приходит в отчаяние при мысли о возможном падении Римской Империи. Совсем наоборот, описывая сцены разграбления готами Вечного Города и указывая каждому те прегрешения, за которые он подвергся насилию или грабежу, Августин с похвалой отзываясь о варварах, так как они, повинаясь велению Христа, не убивали и не грабили тех, кто просил этого не делать именем Истинного Бога («А что великого в том, что если римляне, чтобы увеличить число своих граждан, сделали то, что варвары сделали с целью пощадить великое число своих врагов...» (Aug. De civ. Dei. I, 34)). «Там взятое запиралось, здесь запрещено было брать, туда владычествующий враг сгонял для обращения в рабство, сюда сострадательные враги приводили для освобождения...» (Aug. De civ. Dei. I, 4)). Тем самым варвары, по мнению Августина, даже в чем-то лучше римлян, так как последние никогда не щадили ни своих врагов, ни своих граждан.

Итак, рассмотрев два больших труда Августина, в которых он, обращаясь и к христианам, и к язычникам, высказывает свои взгляды на проблемы современного ему общества, можно представить себе его отношение как христианина к основным идеям, связывающим Римское государство. Идеи государства, государственной власти на протяжении всех предыдущих веков тесно связывали Рим и его граждан в единое целое. Но с появлением христианства эти идеи начинают терять свою актуальность. Отныне христианин в качестве высшей цели имеет перед собой не земное государство, а Небес-

ное. Земное государство временно, а временное не должно занимать помыслов благоверного человека, он должен готовиться к спасению, и все, что происходит с ним и с государством, в котором он живет, не должно иметь никакого значения.

Таким образом, несмотря на то, что всякая власть от Бога, государство это зло. Даже христианское государство, которое Августин называет благом, не может быть таковым на деле. Августин только показывает путь христианскому императору, встав на который, последний может достичь благой цели. Но, так как государство дано людям от Бога для их наказания и исправления, христиане могут служить государству, но в нравственном отношении им это ничего не дает.¹⁹ Поэтому христиане не должны домогаться такой службы и, если возможно, заниматься только делами своего спасения («Мне несносна была жизнь в миру, и я очень тяготился ею...» (Aug. Confess. 8, I, 20)). Естественно для Августина точно такое же отношение к императору и его власти. К тому же эти его взгляды подкреплены и бедственным положением государства, и слабостью императорской власти. Поэтому, не видя перед собой достойного христианина императора (языческие императоры, естественно, в расчет не берутся), Августин рисует только его примерный образ, желая, чтобы в будущем такой появился и помог Церкви в ее многотрудной борьбе с инакомыслящими.

Идея Вечного Города Августину также безразлична, для него как христианина эту идею замещает опять-таки Небесный Град. Падение Рима в 410 г. для автора не удивительно и не прискорбно. Августин сожалеет об этом, только потакая взглядам тех, к кому обращены его книги. Отсюда ясно, что если падение Рима — не такой уж значительный факт, то и варвары и их роль в бедствиях Империи не так фатальны. Напротив, они наравне с римлянами являются будущими жителями Небесного Града (поскольку они чтут Христа), и ими, так же как и всеми другими народами, управляет Воля Божья.

Язычество во времена Августина еще очень сильно, поэтому полемика с ним носит осторожный характер. Автор пытается мягко подтолкнуть читателя к той мысли, что падение Рима — предвестник того момента, когда язычество исчезнет совсем, и все люди, осознав истинность христианского учения, станут чтить Христа и будут жить в Небесном Граде.

Опираясь на все эти мысли, Августин приходит к выводу, что нужно создать «нового человека», нового не в физическом, но в умственном и нравственном плане, который соответствовал бы новой, чуждой античности, идеологии — христианству («Вот, Господи Боже наш, Создатель наш, когда обузданы будут привязанности наши к веку сему, — мы умираем в них, живя худо, — и начнет возникать, живя хорошо, душа живая;

¹⁹ Родников Н. Учение Блаженного Августина... С. 301.

тогда исполнится слово Твое: „Не сообразуйтесь с веком сим”, тогда осуществятся слова Твои: „Преобразуйтесь обновлением ума вашего”, — не подражая ближайшим предкам вашим и живя не по примеру лучшего, чем мы, человека...» (Aug. Conf. 13, 22, 10)).

Путь к новому человеку, как считает Августин, лежит только через веру, такую веру, какую имела его мать. Свой собственный путь к Богу Августин считает ложным и опасным, так как не всякий сможет дойти до его конца («Мне в руки попало произведение Аристотеля „Десять категорий”, я прочел его. Какая мне от этого была польза? А вред был. Ибо ложью были мои мысли о Тебе, а не истиной. А какая польза была для меня, что я, в то время негодный раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, относящиеся к так называемым свободным искусствам, какие только мог прочесть. Но эти знания были мне не на пользу, а на погибель. ведь я запутался и заблуждался в науке благочестия» (Aug. Confess. 4, 16, 9)).

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что Августин как один из ярчайших представителей христианской Церкви, высказывая свои идеи, уже заглядывал в будущее (где он впоследствии будет весьма популярен). В свое же время он, скорее всего, не выражал мнения большинства христиан. Но в своих произведениях он уже опирался на эти, зародившиеся в античности и христианстве, тенденции, которые лягут в идеологическую основу средневековья. Кроме того, Августин выражал, может быть, в слишком радикальной форме те взгляды, которые несли с собой в Империю христиане и которые, конечно же, имели идеологическое влияние в Римском государстве. Именно эти идеи, выраженные в столь яркой форме у Августина, уже давно стали подтачивать Рим изнутри. Государство, император, Рим, достоинство гражданина, язычество теряли свою былую значимость в глазах народа. Они уже не объединяли жителей Империи, которые к этому времени распались на многочисленные религиозные секты, активно враждующие друг с другом и порою не замечающие, что происходит вокруг.

Государство и власть, лишившись поддержки народа (вначале знати, а затем и простых граждан), обойтись собственными силами уже не могли, и это обернулось полным развалом в стране. Церковь же не могла помочь государству, так как сама была раздираема противоречиями внутри себя и желала иметь поддержку последнего. Да и вряд ли христианская Церковь смогла бы помочь Римскому государству, так как оно было насквозь пропитано язычеством и возникло на его основе. Видимо, для того чтобы было создано то христианское государство, о котором мечтал Августин, старая Империя должна была рухнуть, как в 410 г. пал языческий Рим, а уже

из этих обломков, вместе с «новым» человеком, должно было возникнуть новое государство.

Я. В. ДОМАНСКИЙ, Э. Д. ФРОЛОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ДОРИМСКУЮ ЭПОХУ (VIII—I вв. до н. э.)

Проблема межполисных (и шире — межгосударственных, международных) отношений в Античном Причерноморье естественно связана с развитием научных исследований, посвященных античному прошлому Понтийского региона. Их интенсивность и богатство достигнутых частных результатов диктуют попытки исторического синтеза, одну из которых и представляет настоящий обзор. Впрочем, постановка проблемы межполисных отношений в Понте не нова, она имеет собственную традицию, уходящую корнями в самую античную древность. Еще в III в. до н. э. херсонесским историком Сириском была предпринята попытка исследовать и оценить отношения своего родного города с другими, очевидно, в первую очередь понтийскими государствами, в особенности же с Боспорским царством, за что он и был удостоен в своем отечестве высоких наград, о которых говорится в дошедшем до нас постановлении херсонеситов (IOSPE, 1², № 344).¹ В новое время, на ином историческом основании и, разумеется, с иными целями и представлениями эти попытки были возобновлены, примерами чего могут служить труды М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева, В. Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова, И. Б. Брашинского, Ю. Г. Виноградова и др.² При этом очевидная разность подходов обуславливала каждый раз и разную степень полноты и убе-

© Я. В. Доманский, Э. Д. Фролов, 1997

¹ Подробный разбор декрета см. в статье: Ростовцев М. И. Сирик — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. № 4. Отдел кл. фил. С. 151—170.

² См., в частности: Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юго России. Пг., 1918; Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи. М.; Л., 1953; Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 23—147; Шелов Д. Б. 1) Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956; 2) История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья (в сер. «Археология СССР»). М., 1984. С. 8—22; 3) Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36—42; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VII—II вв. до н. э. М., 1963; Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 366—420; Vinogradov J. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica». Vol. II. Trinovi, 1987. S. 9—77 (перевод — Севастополь, 1992).

длительности исторической реконструкции. И в данном случае, как и вообще с научными истинами, предмет далеко не исчерпан, и это оправдывает новую предпринятую авторами попытку, а наличие в новейшей историографии уже разработанных версий несомненно облегчает движение к более комплексной, более сбалансированной точке зрения.

Настоящая статья и имеет своей целью представить такую сбалансированную точку зрения. Намерением авторов является заново проследить перипетии межгосударственных отношений в Понтийском регионе (с преимущественным вниманием к северопричерноморским делам) в тот период времени, когда существовали условия для свободного политического развития основанных здесь еще в раннее время античных городов, т. е., во всяком случае, до утверждения римского господства. Важно при этом выявить роль тех историко-политических факторов, которые определяли картину межгосударственных отношений в Причерноморье со времени возникновения там поселений древних греков, а также наметить главные этапы этих отношений в соответствии с сравнительным значением импульсов, форм и масштабов политического взаимодействия. Что касается последнего пункта — исторической периодизации то нам представляется возможным выделить в межполисных отношениях Понтийского региона три главных этапа, к характеристике которых мы теперь и обратимся.

I. Период первоначального освоения греками припонтийских земель и установления первых преемственных контактов между вновь основанными полисами (с середины VIII до начала V в. до н. э.). Это был период первых начинаний и первого опыта — не только, впрочем, положительного, но и отрицательного. Так, надо указать на такой очевидный факт негативного свойства, как неспособность греческих городов-метрополий сохранить органическую государственную связь и единство со своими колониями. Это прежде всего относится к Милету, приступившему к выводу колоний в Понт еще в VIII в. до н. э. (первое основание Синопы) и основавшему их здесь, надо думать, не один десяток (в том числе Аполлонию, Одесс, Истрию, Тиру, Ольвию, Пантикапей, Феодосию и др.).³ Так же было и с Мегарами, обратившимися в эту сторону чуть позже, но основавшими стратегически чрезвычайно важные поселения в устье Понта (Халкедон и Византий в 1-й половине VII в.) и на его южном побережье (Гераклею Понтийскую в середине VI в.).⁴

³ О милетской колонизации см.: Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 23 слл., 165 слл.; Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt-am-Main; Bern; New York, 1983.

⁴ О мегарской колонизации см.: Пальцева Л. А. Роль Дельфийского оракула в колонизационной деятельности Мегар // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 4—31; Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934.

Причины, помешавшие греческим метрополиям создать в Понте собственные колониальные единства, коренились прежде всего во внутренней природе самих полисов как сугубо автономных политических образований, а также в конкретных обстоятельствах эпохи Великой колонизации — отчасти в характерной для века архаики внутренней нестабильности и смутах, отчасти же и в смыкавшихся с ними внешних осложнениях (так именно было в случае с Милетом).⁵ Из городов, активно участвовавших в колонизационном движении в архаическое время, кажется, одному лишь Коринфу, обретшему под властью Кипселидов устойчивость, силу и державные наклонности, удалось на известное время сохранить контроль над своими заморскими колониями.⁶

Отношения колоний с метрополиями ограничивались главным образом связями религиозными и экономическими. Тем большее значение приобретали действия и контакты в ближайшей округе. Вообще это время можно было бы определить как период ближних действий вновь основанных городов. Контакты завязывались по соседству: для установления и развития отношений с более отдаленными государствами или народами у новых полисов просто не было сил, да, возможно, и потребностей.

Присмотримся внимательно к конкретным историческим примерам такого рода ближнего взаимодействия вновь основанных полисов в Северном Причерноморье. Начнем, следуя географическому порядку, с северо-западного угла, с района Нижнего Поднестровья, где во 2-й половине VI — начале V в. до н. э. создаются и развиваются два новых города — Никоний (на левом берегу Днестровского лимана) и Тира (на правом). Правда, о начальном периоде их истории данные весьма отрывочны и недостаточны.⁷ Однако в контексте поставленной проблемы важно, что и тот и другой город были основаны приблизительно в одно время. Одновременность возникновения, да еще в одинаковых условиях говорит, возможно, о равных исходных позициях в развитии названных городов, ли-

⁵ Для истории архаического Милета и, в частности, о внутренних смутах и непростых отношениях с малоазийскими соседями — лидийцами и персами подробнее см.: Жебелев С. А. Возникновение Боспорского государства (1930) // Жебелев С. А. СП. С. 56—60; Доватур А. И. Аграрный Милет // ВДИ. 1955. № 1. С. 27—30; Кобылина М. М. Милет. С. 23 сл.; Jeffery L. H. *Archaic Greece. The City-States ca. 700—500 B. C.* New York, 1976. П. 209—212.

⁶ См.: Will Ed. *Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques*. Paris, 1955. P. 237 ss.; Jeffery L. H. *Archaic Greece*. P. 145—154; Graham A. J. *Colony and Mother City in Ancient Greece*. 2nd ed. Chicago, 1983. P. 118—153.

⁷ См. соответствующие разделы в последних крупных исследованиях по истории античных городов Поднестровья: Карышковский П. О., Клейман И. Б. *Древний город Тира*. Киев, 1985; Самойлова Т. Л. *Тира в VI—I вв. до н. э.* Киев, 1988; Секерская Н. М. *Античный Никоний и его округа в VI—IV вв. до н. э.* Киев, 1989.

шавших каждого из них преимуществ и превосходства над другим в начале их исторической жизни. Также немаловажно, что и Тира, и, весьма вероятно, Никоний были основаны Милетом. Впрочем, как иногда допускается, на роль метрополии Никония может претендовать и Истрия.⁸ В любом случае наличие одной или двух, но родственных метрополий могло определенным образом сближать названные апойкии. При всем том, что касается экономического развития этих городов, то уже на начальном этапе их существования обнаружилось существенное различие. Тира не обладала в своей округе сельскохозяйственными поселениями, а у Никония они были. Значительно ранее Тире Никоний приступил и к выпуску собственной монеты.⁹

Так мы находим в Нижнем Поднестровье два центра, с чертами сходства, но и отличающиеся друг от друга, вероятно, с определенным преобладанием одного над другим — Никония над Тирой. Однако последнее обстоятельство еще не означает наличия подчиненности в отношениях между поднестровскими полисами, слияния или поглощения одного другим. Очевидно, пока, на уровне современных знаний, можно допустить в сугубо гипотетической форме, что в Нижнем Поднестровье в позднеарханское время развивались параллельно две соседствующие самостоятельные полисные структуры — Никоний и Тира.¹⁰

Другой пример, а вместе с тем и другой вариант исторического развития можно наблюдать в районе Нижнего Побужья, где в ранний период также возникли два поселенческих центра — основанные колонистами из Милета Борисфен и Ольвия. Начало существования города Ольвии (на правом берегу Бугского лимана, недалеко от его впадения в Днепровский лиман) относится к 90—80-м годам VI в. до н. э. Но к этому времени здесь же, в районе Нижнего Побужья, уже развился другой центр — Борисфен (на древнем полуострове, а ныне острове Березань); его возникновение датируется лет на 50—60 ранее Ольвии.¹¹ Вопрос о том, как складывались взаимоотношения

⁸ Охотников С. Б. Нижнее Поднестровье в VI—V вв. до н. э. Киев, 1990. С. 66.

⁹ Секерская Н. М. Античный Никоний... С. 114; Самойлова Т. Л. Тира... С. 86.

¹⁰ С. Б. Охотников видит «две независимые друг от друга социально-экономические структуры» в Нижнем Поднестровье в конце VI—начале V в. до н. э. При этом он допускает «ведущее положение Никония» (Охотников С. Б. Нижнее Поднестровье... С. 68).

¹¹ Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье VII—V вв. до н. э. Письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья (Вани, 1987). Тбилиси, 1990. С. 76—85; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 32 слл.

Борисфена — Березани и Ольвии, весьма сложен. Некоторые предположения на этот счет можно высказать на основе одного не так давно опубликованного эпиграфического памятника — костяной пластинки с нанесенным на нее текстом, которая была найдена на острове Березань и датируется третьей четвертью VI в. до н. э.¹² Было признано, что числовая и текстовая символика документа отражает процесс освоения греками региона — факты возникновения Борисфена и Ольвии и, очевидно, последующую ситуацию в Нижнем Побужье.¹³ Если согласиться с подобной интерпретацией надписи, то являются возможными весьма существенных заключений относительно сосуществования Борисфена и Ольвии.

В особенности надо обратить внимание на явно звучащий в березанской надписи мотив гражданского примирения (*εἰρήνη*), что, собственно, надо думать, и явилось поводом к составлению документа. Но если идет речь о примирении, то, очевидно, ему предшествовали какие-то осложнения, конфликты и т. п. Не было ли это связано с первоначальным существованием двух самостоятельных общин Борисфена и Ольвии, с их отношениями, которые могли развиваться как связи двух центров одного региона, принимать различные формы и испытывать осложнения по многим причинам? Одной из них могло быть развитие ситуации в сторону единоличного лидерства в регионе. Вполне допустимо предположение, что текст документа таит в себе указание на объединение двух независимых гражданских общин в единый полис. При этом важно, что документ завершается словами об Ольвийском полисе. (*ᾠλβίης πόλις*), как бы подчеркивая превосходство и торжество Ольвии. События, очевидно, развивались под определяющим воздействием Ольвии, ставшей в итоге центром примиренного государства. К третьей четверти VI в. до н. э. в регионе Нижнего Побужья, скорее всего, существует уже один, единый полис — Ольвия.

Наконец, обратимся к Северо-Восточному Причерноморью, к берегам Боспора Киммерийского. Политическая ситуация на Боспоре в VI в. до н. э., наличие и тем более точные формы каких-то межполисных контактов и объединений нам неизвестны. Общее суждение об этом периоде сводится к тому, что с начала VI в. здесь была основана большая группа колоний, существовавших как самостоятельные полисы.¹⁴ Но с первой

¹² Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25—64.

¹³ Для исторической интерпретации надписи на березанской пластинке см. также: Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 78—80.

¹⁴ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 26 сл.; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 44—57.

четверти V в. источники не молчат. Речь идет об известном свидетельстве Диодора (XII, 31, 1), из которого можно сделать вывод, что с 480 г. до н. э., в течение 42 лет, Боспором правили наследственные династы (архонты) Археанактиды, объединившие тамошние полисы, как ныне чаще всего считается, в военно-политический союз — симмахию.¹⁵ Главной причиной возникновения этого союза обычно видится фактор возросшей опасности со стороны скифов, их усилившихся агрессивных устремлений.¹⁶

Нам неизвестно, как при этом в процессе консолидации складывались отношения между отдельными боспорскими родами. Можно лишь догадываться о нелегкости и превратностях этого процесса. Все же некоторые соображения о межполисных отношениях в ранний период становления боспорского политического единства можно высказать, хотя бы и в предположительной форме. Именно в связи с этим обращает на себя внимание ситуация с Нимфеем, одним из самых крупных полисов Боспора, вероятно, вторым по значению в его европейской части, возникшим, может быть, чуть позже Пантикапея, но все еще во второй четверти VI в. до н. э.¹⁷ Судя по всему, город не вошел в состав первоначального объединения боспорских городов, возглавлявшегося Археанактидами. Во всяком случае с середины V в. Нимфей находился в зависимости от Афин: как можно заключить по имеющимся в нашем распоряжении источникам (впрочем, не очень надежным), город входил в состав Афинского морского союза и, может быть, даже должен был принять афинскую клерухию (см.: IG², I, № 63=ATL, I, p. 157; Aeschin., III, 171 cum schol.; Harpocr., s. v. Νῆμφαιον).¹⁸ Надо думать, что распространение афинской власти или влияния на Нимфей могло иметь место лишь в том случае, если город до того не входил в державу Археанактидов. Столь же показательно в этом плане и то, что западной границей объединенного Боспора стал вал, протянувшийся на север от Тиритаки и не прикрывавший собою расположенный

¹⁵ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 404 сл.; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора, с. 63—70.

¹⁶ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. С. 398 сл., 405, 416—417.

¹⁷ Ср.: Шургая И. Г. Нимфей // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 63.

¹⁸ Вопрос о подчинении Нимфея Афинам дискуссионен. Утвердительно отвечают на него в нашей науке: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. С. 176—178; Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. С. 68—77; Шелов Д. Б. История... С. 13; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 90—115. Отрицательного суждения держатся: Жебелев С. А. Боспорские этюды, II. Афины, Нимфей и измена Гилона (1935) // Жебелев С. А. СП. С. 180—195; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье... С. 79—85.

чуть южнее Нимфей.^{18*} Спрашивается, не было ли обусловлено отсутствие Нимфея в союзе боспорских городов издержками процесса их объединения? Не воспротивился ли Нимфей низведению его на подчиненное положение в этом союзе? Трудно дать здесь более или менее определенный ответ. Но то, что Нимфей занял особую позицию по отношению к возникшему на Боспоре союзу, представить вполне допустимо. В связи с этим следует отметить одно из обстоятельств, выделявших Нимфей из ряда боспорских центров: город отличали особенно обширные связи, интенсивные контакты с варварским миром, что могло сказываться на отношениях его с другими греческими городами.¹⁹

Далее, согласно распространенному мнению считается, что центром Боспорской симмахии — резиденцией Археанактидов — был Пантикапей. Но существует и другое, не лишнее оснований предположение, что таким центром первоначально могла быть расположенная в азиатской части Боспора Гермонасса.²⁰ Если согласиться с этим предположением, то возникает вопрос о той роли, которую в сложившейся обстановке возникновения боспорской симмахии и возвышения другого полиса играл Пантикапей, этот наиболее крупный из городов Боспора. Может быть, здесь завязывался сложный узел межполисных проблем. Ведь то, что Пантикапей, во всяком случае, с самого начала должен был претендовать на главную роль, — это подтверждается последующим ходом событий: так или иначе, Пантикапей стал столицей Боспорского государства. В этой же связи напомним об утвердившемся в научной литературе представлении, что боспорские полисы при Археанактидах и даже позднее, под властью Спартокидов, не утратили целиком своих представительных органов, не лишились полностью своей автономии.²¹ Очевидно, это действительно так. Но тогда не является ли это отголоском борьбы, которую в смутные времена V в. до н. э. полисы вели с новыми едино-

^{18*} О Тиритакском вале подробно пишет В. П. Толстиков (К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 24—48). Он считает, что «в силу специфики своей топографии Нимфей оказался вне пределов территории, защищенной Тиритакским валом» (с. 42).

¹⁹ О контактах Нимфея с варварами см.: Грач Н. Л. К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI—V вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 260—267.

²⁰ Блаватский В. Д. Арханчский Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 36—38. — В последнее время к этой версии обратился также Ю. А. Виноградов (Виноградов Ю. А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1990. С. 11).

²¹ Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора. С. 165—167 (с указанием более ранней литературы).

личными властителями страны, борьбы, принесшей некоторые плоды?

Таким образом, история Северного Причерноморья демонстрирует ряд характерных примеров взаимодействия полисов, расположенных близко по соседству друг с другом. Можно думать, что этими контактами в ближней зоне и исчерпывались по существу взаимоотношения греческих полисов в Причерноморье в ранний период. При этом, однако, результаты этих контактов и взаимоотношений могли быть весьма различными: независимое параллельное существование соседних полисов, как это было в случае с Тирой и Никоном; слияние двух поселений в единое политическое и гражданское целое, как это произошло с Борисфеном и Ольвией; наконец, объединение нескольких рядов расположенных городов в одну общую надполисную структуру типа симмахии, но с четко, в конце концов, обозначенным центром, как это случилось на Боспоре Киммерийском. Что касается конкретного содержания исторических процессов, приведших к означенным результатам, то судить об этом трудно. Можно лишь предполагать широкий спектр взаимодействий — от соглашений между сторонами до насильственных мер.

Что касается внешних обстоятельств, то они на первых порах благоприятствовали свободному развитию полисной жизни в Причерноморье. Не было никаких попыток навязывать свое покровительство или тем более господство со стороны политических центров Эллады или передневносточных деспотий, занятых решением собственных проблем, не было пока и признаков какой-либо глобальной опасности со стороны варварского материка. Все же близкое соседство туземных племен в отдельных случаях оказывало если не прямое, то косвенное воздействие на общую ситуацию и в этом контексте на межполисные отношения. В частности, как уже отмечалось, не исключено, что ранняя политическая консолидация городов Боспора была обусловлена опасным соседством, быть может, даже нажимом скифских племен (после, а может быть, и вследствие персидского вторжения в Причерноморье при Дарии I). Иначе, по-видимому, складывалась ситуация в Нижнем Побужье, где длительные мирные контакты греческих поселенцев с местными жителями привели к появлению смешанных этнических групп — каллипидов, которых Геродот определяет как эллиноскифов (Нер., IV, 17), и, возможно, тождественных с ними (а может быть, и не тождественных) микс-эллинов, о которых упоминается в более позднем ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE, I², № 32 В 17).²²

²² По поводу каллипидов и возможности отождествления их с микс-эллинами ср. обзор мнений в новейшем комментарии к Скифскому логосу Геродота: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 224—226.

Еще один вариант взаимодействия греческих колонистов с местным варварским населением можно наблюдать на противоположном, южном побережье Понта. Здесь изначальное энергичное наступление гераклеотов на земли местного племени мариандинов привело к формированию типично дорийского державного полиса, вроде Спарты или Сиракуз, опирающегося на систему дочерних поселений и с их помощью держащего под контролем обширные земельные владения и эксплуатирующего массу покоренного земледельческого населения.²³ Опыт Гераклеи Понтийской тем более заслуживает внимания, что он мог позднее стать моделью для развития в территориальное полисное государство колонии гераклеотов Херсонеса Таврического. Вообще же приведенные примеры дают основание говорить, что не только отношения между припонтийскими полисами, но и взаимодействия этих полисов с варварским материком могли принимать самые разнообразные формы и вести к различным историческим последствиям.

Особой важности вопрос — экономическая сфера межполисных и международных отношений. Экономические связи между соседними полисами, надо думать, имели место с начальных этапов их существования. Но о развитии широких торговых контактов в раннее время, тем более в масштабах всего Понтийского региона, говорить не приходится. Экономические связи дальнего плана сводились в основном к усиленному развитию торговли понтийских городов со Средиземноморьем, и здесь важную роль, конечно, играли контакты колоний с их метрополиями. В системе этих контактов свое место должны были найти и торговые связи греков с варварской периферией. Надо думать, что уже в этот ранний период от метрополий через колонии к местным племенам Причерноморья и обратно началось движение товаров — произведений развитого греческого ремесла (ювелирных изделий, керамики, оружия) и сельского хозяйства (вина, масла) в обмен на хлеб и другие жизненно необходимые грекам продукты и сырье скифского материка.

II. Период максимальной политической активности припонтийских греков и широкого и многопланового межгосударственного взаимодействия (со второй четверти V по конец III в. до н. э.). Это было время интенсивного политического строительства, расширения и пересечения различных межгосударственных связей. В развитии этих связей понтийские государства, по сравнению с предыдущим периодом, пошли гораздо дальше и в прямом и в переносном смысле. Взаимодействие полисов стало многообразнее и простиралось на значительные, по масштабам Понта, расстояния, захватывая подчас весьма

²³ Подробнее см.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 198 слл.

отдаленные пункты и территории. Ниже мы рассмотрим в уже принятой последовательности различные ситуации, которые могут характеризовать межполисные отношения в этот достаточно продолжительный и наиболее яркий период в жизни припонтийских греков.

Первый регион — Нижнее Поднестровье. В письменных источниках содержатся предельно скупые указания на внешнюю активность и взаимоотношения местных греческих центров. Важным в этой связи является обнаруженный в Тире и относящийся к первой четверти III в. до н. э. декрет в честь местного гражданина Автокла.²⁴ Судя по документу, деятельность Автокла оказалась связанной с судьбой соседнего Никония. В силу каких-то ближе не известных обстоятельств жители последнего попали в тяжелое положение и стали покидать город. Чтобы помочь Никонию возродиться, Автокл был послан своими согражданами в Истрию со специальной целью испросить здесь для Никония помощь зерном.²⁵ Таким образом, сразу три понтийских города оказались вовлечены в одно общее начинание, что само по себе определенным образом характеризует их взаимоотношения. Никоний в то время бедствовал, Тира находилась в лучшем положении, но не настолько, чтобы ему помочь, между тем как Истрия была, по всей вероятности, вполне обеспеченным городом, по крайней мере по части продовольствия. Чествуемый в декрете Автокл несомненно выполнил свою миссию, но к каким конкретным результатам это привело в регионе, мы не знаем. Высказывается мнение, что декрет дает основания предполагать существование в Нижнем Поднестровье в эпоху Автокла, а может быть и ранее, уже с конца V в. единого полисного государства, с Тирой и Никонием в роли двух экономических центров, но при доминировании Тире.²⁶

Что касается собственно Тире, то ее участие в сложных перипетиях международной жизни в Западном Понте в III в. до н. э. подтверждается и другими данными. Так, какие-то особые отношения связывали Тире с Каллатией: специальным декретом в Каллатии чествовали одного гражданина Тире за услуги, оказанные гражданам Каллатии.²⁷ Вместе с тем не исключено, что в войне за обладание гаванью Том (около 260 г. до н. э.) Тира вместе с Ольвией выступила на стороне Византии против Истрии и Каллатии.²⁸

²⁴ Секерская Н. М. Античный Никоний и его округа... С. 8.

²⁵ Любезное сообщение Ю. Г. Виноградова, исследовавшего этот документ.

²⁶ Охотников С. Б. Территория и взаимоотношения полисов в Нижнем Поднестровье // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: Материалы к конференции. Севастополь, 1992. С. 33.

²⁷ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тире. С. 57, 64.

²⁸ Там же. С. 64—65.

В начале рассматриваемого периода трудности пришлось пережить и греческим поселенцам Нижнего Побужья. К концу первой трети V в. до н. э. замирает активность в сельскохозяйственной округе Ольвии. Город практически лишается своей хоры, что, как полагают, было связано с давлением со стороны скифов, у которых пробудился интерес к хлебным богатствам Лесостепи и выгодам торгового обмена между этой последней и греческими городами.²⁹ Не исключено, что дело завершилось установлением на какое-то время скифского протектората — в прямой форме или через посредство зависимой от скифов тирании — над ольвийским полисом.³⁰ Однако этот период зависимости от скифов и обусловленного ею спада внешнеполитической активности ольвиополитов был не слишком продолжительным. Уже к концу второй трети V в. Ольвия, по-видимому, вошла в орбиту афинского влияния и при поддержке афинян сбросила с себя ярмо варварской супрематии, а еще чуть позже, с ослаблением афинской мощи в ходе Пелопоннесской войны, она смогла избавиться и от афинской опеки и вернуться к активной самостоятельной политике.^{31–32}

В начале IV в. Ольвия возобновила начатое еще ранее распространение своего влияния на восток, на днепровское левобережье (район так называемой Гилеи), где должны были появиться новые ольвийские выселки. Далее ольвийская экспансия захватила Северо-Западный Крым, где ольвиополиты приступили к возведению укрепленных фортов (поселение Панское-I на Тарханкутском полуострове). Однако здесь успехи ольвиополитов были недолговечными: в середине IV в. их продвижение в Северо-Западном Крыму столкнулось и разбилось о восточное наступление херсонеситов.³³

Весьма активна была ольвийская политика и на западном направлении. Основанием для этого могла быть определенная, существовавшая с раннего времени культурно-историческая близость Ольвии к городам Западного Причерноморья, поскольку большая их часть, как и Ольвия, была основана колонистами из Милета. Особенно ясно эта близость проявляется при сопоставлении Ольвии с Истрией. Источники, относящиеся

²⁹ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 80—90.

³⁰ Там же. С. 90 слл.

^{31–32} Там же. С. 126 слл.

³³ Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. Л., 1986. С. 165 слл.; Золотарев М. И. 1) Херсонес и Ольвия в конце VI—II в. до н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1986; 2) Межполисные отношения в Северном Причерноморье в конце V—первой половине IV в. до н. э.: Херсонес, Боспор и Ольвия // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в до-римскую эпоху. С. 13—19; Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 313—314, 322—323.

к V—IV вв. до н. э., свидетельствуют о развитии достаточно тесных контактов между этими родственными полисами.³⁴ Однако со временем, с переменой политической ситуации в регионе, могли измениться и отношения между этими полисами. Так, есть основания предполагать, что в III в., когда, как уже упоминалось, разгорелась борьба за обладание гаванью Том между Истрией и Каллатией, с одной стороны, и Византием — с другой, ольвиополиты также вмешались в этот конфликт, приняв, однако, сторону не родственной Истрии, а более далекого и потому менее опасного для них дорийского Византия.³⁵

В Северо-Восточном Причерноморье, на землях Крыма и Таманского полуострова, продолжалась консолидация территориального Боспорского государства, включившего в конце V в. в состав своих владений Нимфей, а в первой половине следующего столетия и Феодосию. Нимфей был последним греческим городом в зоне Керченского пролива, которому так долго удавалось сохранять независимое существование. Самый факт позднейшего вхождения Нимфея в состав Боспорского государства не подлежит сомнению, но обстоятельства и время этого в точности не известны. Впрочем, если верно, что во времена афинской талассократии этот город, как и ряд других причерноморских центров, находился под контролем Афин, то его подчинение Боспору могло быть связано с ослаблением морской мощи Афин в конце Пелопоннесской войны.³⁶ Лучше осведомлены мы об обстоятельствах присоединения к Боспору Феодосии, более отдаленного и более крупного греческого полиса, тем более не спешившего расставаться со своим независимым положением. Боспорцам удалось подчинить Феодосию лишь вооруженной силой, после долгой и изнурительной войны, продолжавшейся около четверти века, примерно с 389 до 364 г. до н. э.³⁷

Все эти успехи были одержаны Боспором при правителях из новой (утвердившейся в 438 г. до н. э.) династии Спартокидов, чья власть, в отличие от предыдущих Археанактидов,

³⁴ Можно сослаться, например, на ольвийские постановления с пожалованиями проксении, права гражданства и других привилегий истрийцам. См.: Надписи Ольвии. Л., 1968. № 7 и 15. О близости Ольвии и Истрии в их исторической жизни ср. также: Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967. С. 219—224; Брашинский И. Б. Опыт экономико-географического районирования Античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. С. 129—137.

³⁵ Соломоник Э. И. Новые данные о связях Ольвии с Истрией // Кlio. Bd 52. 1970. С. 433—434; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 179—180.

³⁶ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство... С. 178; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора. С. 112—115.

³⁷ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство... С. 58—59; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 115—124. Ср. также: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 206 (с кратким обзором в прим. 15 относящихся к этому сюжету источников и литературы).

носила ярко выраженный авторитарный — монархический или даже тиранический — характер, а внешняя политика отличалась столь же отчетливо выраженными державными устремлениями. Результатом этих устремлений стало существенное расширение Боспорского государства как в европейской части, в Крыму, так и в азиатской, в Прикубанье и Приазовье. Решающим моментом в этом плане было правление Левкона I (389—349 гг.), при котором в Крыму была подчинена Феодосия, а на азиатской стороне покорены племена синдов, торетов и дандариев. Это новое качество Боспора как территориальной державы, а вместе с тем и разный уровень подчинения греческих городов и туземных племен боспорским владыкам получили отчетливое отражение в титулатуре этих властителей, которые, начиная с Левкона I, именуются в официальных документах (в боспорских надписях) архонтами Боспора и Феодосии и царями синдов и других негреческих племен (см.: КБН, № 6, 10—11, 971—972, 1014—1015, 1037—1040).³⁸

Территориальное расширение Боспорского государства, приведшее к значительному увеличению сельскохозяйственной округи, а в этой связи и личного домена правителей, того, что на языке эллинизма именовалось *χωρὶς βασιλική*, позволило Спартокидам вести активную торговую политику и щедрую благотворительную деятельность, призванную подкрепить их державные притязания и, конечно же, добыть политическое признание их нового положения в глазах эллинского мира. В IV в. главным контрагентом их торговой деятельности и одновременно первым объектом их благотворительности становятся Афины, продолжавшие и в позднеклассическое время оставаться важнейшим экономическим и политическим центром греческого мира.³⁹ Из речей Демосфена мы узнаем, что боспорские правители предоставляли право беспошлинного вывоза хлеба в Афины, а общая сумма импортируемого в этот центр боспорского хлеба достигала 400 000 (а может быть, и больше) медимнов в год. Со своей стороны, афиняне не скупилась на ответные жесты признательности, жалую боспорским правителям права афинского гражданства, освобождая их от налоговых повинностей, воздвигая в их честь бронзовые статуи и каменные стелы с текстами почетных постановлений (Dem., XX, 29—40; XXXIV, 36; о воздвижении статуй — Din., I, 43). От IV в. до нас дошла одна из таких стел с текстом афинского постановления в честь сыновей Левкона I Спартока, Перисада и Аполлония (Ditt. Syll.³, I, № 206). В этом документе, датированном началом 346 г., упоминается, что боспорские пра-

³⁸ Ср. также: Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье. . . С. 407—419.

³⁹ Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства (1934) // Жебелев С. А., СП. С. 128 слл.; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье. . . С. 117 слл.

вители неоднократно предоставляли афинянам большие партии хлеба за наличные, в долг или в качестве дара, на которые афинский народ отвечал встречными услугами, в частности разрешением набирать в Афинах корабельные команды для боспорского флота, и почестями — предоставлением властям Боспора различных привилегий (в том числе, очевидно, прав афинского гражданства) и награждением их золотыми венками. В декрете выразительно упомянуты представители трех поколений боспорских властителей — Сатир I (393—389), его сын Левкон I (389—349) и, наконец, сыновья последнего Спарток II (349—344) и Перисад I (349—311), чье совокупное правление растягивается на весь IV век. Все они были благодетелями афинского народа, и всех их афиняне почитали разнообразными почестями, молчаливо отказав им только в одном — в царском титуле. И в декрете, и у Демосфена они именуются несколько неопределенно архонтами Боспора, подобно тому как именуется в афинских постановлениях архонтом Сицилии Дионисий Сиракузский (ср.: Ditt. Syll.³, I, 128, 159, 163).⁴⁰ Продолжая оставаться во мнении эллинов тиранами (ср.: Strab., VII, 4, 4, p. 310 — *ἐκαλοῦντο δὲ τύραννοι*), эти периферийные предтечи эллинизма не могли преодолеть тот рубеж, который отделяет реальную авторитарную власть от легитимной монархии. Такое оказалось под силу лишь диадохам, да и то не ранее последнего десятилетия IV в.

Как бы ни обстояло дело с реакцией общественного мнения в Элладе, активная державная политика Спартокидов явилась катализатором более широких политических процессов в Причерноморье. Она возбудила опасения Гераклеи Понтийской за свободу торговли в Крыму и на Кубани, равно как и за судьбу своей колонии Херсонеса Таврического, и привела к длительной полосе вооруженных столкновений гераклеотов с боспорцами. Первый раз борьба разгорелась в IV в., когда гераклеоты пытались помешать Боспору овладеть Феодосией, а второй раз — в следующем столетии, когда они, видимо, старались взять реванш за неудачу в первом раунде.⁴¹ Завоевательные акции Спартокидов в Юго-Восточном Крыму, их война с Феодосией, на стороне которой выступили Гераклея Понтийская и, возможно, Херсонес Таврический, привели, таким образом, к крупному межгосударственному конфликту почти общепонтийского масштаба. Вышедший из этого конфликта победителем Боспор превратился в крупную политическую силу, способную вести внешнюю политику на уровне великих держав.

Ниже, в другом и более широком контексте, мы вернемся

⁴⁰ Ср. также: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 147 слл.

⁴¹ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 206—207.

к политическим инициативам боспорских правителей, но прежде необходимо коснуться еще одного локального сюжета в истории Северного Причерноморья — приходящегося на это же время возвышения Херсонеса Таврического. Дата основания этого города является в настоящее время предметом оживленной научной дискуссии. Согласно традиционному, укоренившемуся в историографии взгляду, Херсонес Таврический был основан совместно переселенцами из Гераклеи Понтийской и с Делоса в 422/1 г. до н. э.⁴² Однако и раньше и особенно в последние годы, по мере накопления более раннего археологического материала (фрагментов сосудов, терракот и даже граффити), не было недостатка в попытках передвинуть начало обоснования греков в районе Севастопольской бухты на более раннее время, к рубежу VI—V вв. до н. э.⁴³ Однако дело передатировки затрудняется недостатком (до сих пор) археологических данных и полным отсутствием свидетельств исторических, что делает историю раннеклассического Херсонеса, если он уже существовал, пока практически неуловимой.

Как бы там ни было, основанный колонистами, в массе своей прибывшими из Гераклеи Понтийской (что исторический Херсонес был заселен главным образом дорийцами из южно-понтийской Гераклеи, это надежно засвидетельствовано позднейшей эпиграфической традицией), новый город в Юго-Западном Крыму очень скоро, следуя примеру своей метрополии, обнаружил тенденции к территориальному росту, а вместе с тем и к внешнеполитической активности. Результатом целенаправленных усилий, пик которых приходится, по-видимому, на середину IV в., явилось освоение херсонеситами как непосредственно примыкающей к их городу округи Гераклейского полуострова, так и более отдаленных и более обширных земель Северо-Западного Крыма.⁴⁴ При этом если утверждение херсонеситов на Гераклейском полуострове было сопряжено с подчинением или вытеснением местного таврского населения, то на северо-западе они должны были столкнуться с присутствием и, очевидно, противодействием не только варваров (скифов), но и других греков. Мы имеем в виду ольвиополи-

⁴² Schneiderwirth J. H. Heraklea am Pontos. Heiligenstadt, 1882. S. 15; Тюменев А. И. Херсонесские этюды, II // ВДИ. 1938. № 2. С. 245—264; Доманский Я. В. К предистории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 37—46; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 52—69.

⁴³ См.: Vinogradov J., Zolotarev M. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs (Annales littéraires de l'Université de Besançon, 427. Centre de recherches d'histoire ancienne, vol. 100). Paris, 1990. P. 85—119.

⁴⁴ Щеглов А. Н. 1) Полис и хора. Симферополь, 1976; 2) Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310—371.

тов, возведших укрепленные поселения у Ярылгачской бухты (Панское-1) и, возможно, у Евпаторийского мыса (Чайка),⁴⁵ и других, вероятно, также ионийского корня колонистов, основавших еще ранее в районе современной Евпатории город Керкинитида.⁴⁶ Присутствие или влияние ольвиополитов в Северо-Западном Крыму было пресечено вооруженною силою, как об этом заключают по судьбе поселения Панское-1. Что же касается Керкинитиды, то здесь, как кажется, обошлось без прямого насилия. Тем не менее город был инкорпорирован в состав Херсонесского государства и стал ключевым звеном в цепи херсонесских крепостей, протянувшейся на север вплоть до Калос Лимен — Прекрасной гавани (современное Черноморское).⁴⁷

Эти приобретения херсонеситов в Северо-Западном Крыму датируются серединой — третьей четвертью IV столетия. Не исключено, что столь стремительные успехи херсонеситов объяснялись стороннею поддержкою, именно со стороны их метрополии Гераклеи Понтийской. Если допустить два вероятных предположения о совместных действиях гераклеотов и херсонеситов в 1-й половине IV в. против Боспора, а в середине и 2-й половине того же столетия против Ольвии и Керкинитиды, то возникает соблазн заключить о существовании в то время длительного альянса двух родственных дорийских полисов — метрополии и колонии, Гераклеи и Херсонеса, альянса, который хотя и не сумел предотвратить захват боспорцами Феодосии, но, возможно, остановил их дальнейшее продвижение на запад и уж, во всяком случае, способствовал укреплению и превращению в сильное территориальное государство Херсонеса Таврического.⁴⁸

Если эта система предположений верна, то перед нами разворачивается картина сложных межгосударственных отношений, складывающихся в позднеклассический период на почве и вокруг Крыма. Тут и изначальные территориальные амбиции Боспора и Ольвии, и встречные усилия Гераклеи и Херсонеса, и характерный, так сказать, естественный альянс двух этих родственных полисов, соединивший посредством политической оси противоположные берега Понта. Все в целом является пестрою мозаику захватов, противоборств и соглашений, столь характерную для микрокосма греческих полисов. Но

⁴⁵ Об ольвийском присутствии в Северо-Западном Крыму ср. выше, с. 169 и прим. 33, где указана литература.

⁴⁶ Кутайсов В. А. 1) Античный город Керкинитида (VI—II вв. до н. э.). Киев, 1990; 2) Керкинитида. Симферополь, 1992.

⁴⁷ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 322—326.

⁴⁸ Ср.: Сапрыкин С. Ю. 1) Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Автореф. канд. дис. М., 1978. С. 11—13; 2) Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 70 сл.; Золотарев М. И. Два типа редких монет Феодосии IV в до н. э. // ВДИ. 1984. № 1. С. 89—92.

даже если проявить сдержанность в отношении некоторых из развитых предположений, бесспорным остается одно существенное обстоятельство: в IV в. до н. э. Крым оказался фактически поделен между двумя греческими территориальными государствами Боспором и Херсонесом. В дальнейшем поддержание известного *modus vivendi* между ними стало важной чертой их политики, как об этом можно судить по упомянутому выше декрету в честь Сирика.

Интенсивная политическая жизнь естественно находила опору в развитии экономики и торговли. Взаимоотношения причерноморских полисов в экономической сфере в этот период неузнаваемо изменились. Государства активно расширяли ареалы своего экономического воздействия и в зонах пересекающегося экономического влияния закономерно развивалось межполисное соперничество. Все это сопровождалось проявлением политических амбиций и могло переходить — и действительно, как мы видели, переходило — в военную конфронтацию. Ярчайшим примером в этом плане может служить соперничество и прямая конфронтация Гераклеи и Боспора.

Что касается непосредственно межполисных торговых отношений, то они по существу только в этот период и сложились и усиленно развивались. Теперь это происходило в масштабах всего Понтийского региона, что демонстрирует весьма полно и разнообразно археологический материал, показывают нумизматические находки, подтверждают эпиграфические данные и, в частности, многочисленные проксении, которыми награждались граждане различных понтийских полисов. При этом надо заметить, что межполисные торговые контакты, конечно, не исчерпывали всю сферу непосредственного общения граждан полисов друг с другом. Свидетельством тому могут быть хотя бы почетные декреты в честь иностранных граждан, оказавших полисам какие-либо услуги. Мы не касаемся здесь проблем культурного, религиозного взаимодействия или влияния.

Как и в предыдущий, так и в этот период историческая жизнь Античного Причерноморья направлялась главным образом усилиями самих расположенных здесь греческих государств — главным образом, но не исключительно. Общая картина их свободного развития и двух- и многосторонних экономических и политических отношений в их микрокосме начинает затемняться своеобразными грозowymi облачками — вмешательствами сторонних политических сил. В V в. Афины сделали попытку включить Понтийский регион сначала в орбиту своего влияния, а затем и форменным образом в состав своей морской державы. Афинские державные претензии были заявлены в начале 30-х годов экспедицией Перикла в Понт и подкреплены посылкою клерухов в города Южного Причерноморья Синопу и Амис (Plut. Per., 20, 1—2; Theopomp. ap.

Strab., XII, 3, 14, p. 547=FgrHist 115 F 389).⁴⁹ В 20-е годы, по крайней мере, некоторые греческие города Понта и среди них Аполлония и Гераклея должны были войти в состав Афинского союза, возможно, образовав в нем специальный податной округ (IG², I, № 63=ATL, I, p. 157; для Гераклеи см. также: Thuc., IV, 75; Diod., XII, 72, 4; Iustin., XVI, 3, 9—12).⁵⁰

О действительных масштабах афинского проникновения в Понт судить трудно; в частности, весьма спорным является, по мнению некоторых исследователей, включение в Афинскую державу городов Северного Причерноморья (Ольвии, Нимфея).⁵¹ К тому же поражение в Пелопоннесской войне скоро положило предел державным проискам Афин в Причерноморье. Однако самая попытка Афин собрать под одним началом понтийские города заслуживает внимания: она имела значение примера и могла дать толчок к формированию в дальнейшем местной геополитической идеи.⁵² Столетием спустя дополнительными стимулами к развитию этой последней могли стать вторжения в Западное и Северо-Западное Причерноморье македонских завоевателей.

Что касается македонян, то, как и на другом направлении их внешнеполитической активности, которому суждено было стать главнейшим, в сторону проливов и азиатского материка, их продвижение в сторону Западного Понта также естественно диктовалось закономерным развитием их державных интересов. Сначала Филипп II, завершая подчинение Фракии, поставил под свой контроль западнопонтийские греческие города: в 342 г. до н. э., освободив их от угрозы фракийских вторжений, он одновременно опутал их новыми узами союзнических отношений с македонской монархией, причем главной его опорой в этом регионе стала, по-видимому, Аполлония (Diod., XVI, 71, 1—2; для Аполлонии ср.: Iustin., IX, 2, 1). Чуть позже, в 339 г., одновременно с осадою Византия и как раз в поисках средств для завершения военных операций в проливах, он совершил глубокое вторжение в Северную Фракию и нанес поражение скифскому царю Атею, державшему под своей властью земли Добруджи и, возможно, стремившемуся распространить свой контроль и на греческие города понтийского побережья. В свою очередь Филипп старался закрепить македонское господство в Северной Фракии и на западном побережье Понта, расширив пределы своей державы до низовий

⁴⁹ Брашинский И. Б. 1) Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110—121; 2) Афины и Северное Причерноморье... С. 56 сл.

⁵⁰ Ср.: Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952. С. 67—73; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., 1956. С. 97—102; Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 46 сл.

⁵¹ Ср. выше, с. 164 и прим. 18; с. 169 и прим. 31.

⁵² Ср.: Шелов Д. Б. Идея всепонтийского единства в древности. С. 37.

Истра (Дунай). Впрочем, значение победы Филиппа над западными скифами было ослаблено неудачным для него столкновением с северными фракийцами — трибаллами во время возвращения от берегов Истра к Пропонтиде (Justin., IX, 1, 9—3, 3).⁵³

Тем не менее основная территория Фракии с западнопонтийским побережьем осталась под контролем македонян. Более того, сын и преемник Филиппа Александр в 335 г., в рамках кампании против северных варваров, повторил вторжение в Северную Фракию и, дойдя до Дуная, довершил разгром и покорение трибаллов и другого родственного фракийцам племени гетов (Diod., XVII, 8, 1; Strab., VII, 3, 8, p. 301—302; Plut. Alex., II, 5; Arr. Anab. Al., I, 1, 4 слл.).⁵⁴ Во время Восточного похода Александра надзор за этими северными землями осуществлял царский наместник Зопирион, оставленный здесь с титулом стратега Фракии или Понта, или, может быть, Малой Скифии. В отсутствие царя, в 331 г., Зопирион на свой страх и риск решил продолжить дело Филиппа и Александра и с 30-тысячным войском совершил еще более глубокое вторжение в земли Северо-Западного Понта, дойдя до Ольвии. Показательным для самостоятельного положения северопонтийских городов было, однако, решительное сопротивление ольвиополитов македонскому вторжению. Когда Зопирион подступил к их городу, ольвиополиты, чтобы отстоять свою независимость, пошли даже на такие крайние меры, как сложение долгов в интересах внутреннего единства, освобождение рабов и предоставление прав гражданства чужеземцам для увеличения своего ополчения, а также, весьма вероятно, заручились поддержкой соседних скифов. Потерпев неудачу под стенами Ольвии, Зопирион должен был отступить, и на обратном пути войско его, измученное непогодой, окончательно было разгромлено, и сам он погиб в сражении то ли со скифами, то ли с гетами (Justin., II, 3, 4; XII, I, 4—5; 2, 16—17; XXXVII, 3, 2; Curt., X, I, 43—44; для Ольвии — Macrobian Sat., I, II).⁵⁵

Но и после этого северное направление оставалось актуальным для державной политики македонских завоевателей. После смерти Александра в 323 г. во Фракии обосновался один из диадохов Лисимах, который унаследовал от Филиппа и Александра также и власть над западнопонтийскими греческими городами, куда он ввел свои гарнизоны. По-видимому, эта опека была тяжелой для припонтийских греков, и в 313 г. Каллатия выступила инициатором освободительного движения:

⁵³ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города... С. 84—89.

⁵⁴ Там же. С. 89—90; Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 68—69.

⁵⁵ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Каллиник, сын Евксена, I—II // ВДИ. 1982. № 4. С. 26—46; 1983. № 1. С. 21—39; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. С. 150 слл.

каллатийцы изгнали гарнизон Лисимаха и провозгласили свой город свободным и независимым. Их почин был поддержан другими западнопонтскими городами, которые в целях совместной борьбы против Лисимаха составили союзное объединение (*συνδικία*); к нему они привлекли также и соседних фракийцев и скифов. Это освободительное движение было поддержано (разумеется, в своих интересах) главным противником Лисимаха Антигоном Одноглазым, который направил на помощь западнопонтским грекам сухопутное войско и флот. Действия союзников были, однако, безуспешными: Лисимах сумел остановить сепаратистское движение западнопонтских греков, подчинил Одесс и Истрию и начал осаду Каллатии. Одновременно он нанес поражения фракийцам и скифам, пытаясь прийти на помощь осажденной Каллатии, а затем разгромил и войско, посланное Антигоном. Каллатия была взята в тесное кольцо блокады и голодом доведена до отчаянного положения. Части граждан (до 1000 человек) удалось вырваться из осажденного города (они нашли приют на Боспоре), но остальные в конце концов должны были сдаться Лисимаху (Diod., XIX, 73; о судьбе выселившихся каллатийцев — *ibid.*, XX, 25, 1).⁵⁶

История македонских завоеваний в Западном и Северо-Западном Понте интересна в контексте интересующей нас проблемы прежде всего потому, что она подтверждает сохранение припонтскими греческими городами еще и в конце IV в. сильных полисных традиций, приверженности принципам свободы и автономии, что удерживало их от растворения в территориальной греко-македонской державе и даже, ради этого, заставляло искать союза с местными варварами — фракийцами и скифами. Особенно примечательна здесь позиция, занятая Ольвией и Каллатией в отношении соответственно Зопириона и Лисимаха. Характерна в этой связи и обнаружившаяся ориентация причерноморских полисов на укрепление или возрождение традиционных «отеческих отношений» (*τὰ πατρία*) со своими метрополиями, что свидетельствовало об их стремлении найти дополнительную политическую или хотя бы моральную поддержку в традиционном, близком им по строю и духу, полисном микрокосме (ср. договор об исполитии между Ольвией и Милетом, заключенный вскоре после 331 г., Ditt. Syll.³, I, № 286).⁵⁷ С другой стороны, череда македонских вторжений в Северо-Западный Понт имела и иной и, в исторической перспективе, более интересный, более конструктивный резонанс в политике причерноморских греков. Именно ко

⁵⁶ Блаватская Т. В. Западнопонтские города... С. 92—107.

⁵⁷ Ср. также: Жебелев С. А. Милет и Ольвия (1929) // Жебелев С. А. СП. С. 38—47; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 168—170; Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. P. 98 ff.

времени усилившегося нажима Лисимаха на западнопонтийские города относится первая попытка ответной консолидации всех припонтийских государств и народов по инициативе и под эгидою боспорских правителей Спартокидов.

Известно, что правитель Боспора Эвмел (310—304), будучи узурпатором (он пришел к власти, устранив своих старших братьев Сатира и Притана), и, как всякий узурпатор, нуждаясь в дополнительном авторитете, выступил с целой серией внутренних и внешних инициатив. Он провозгласил восстановление в Пантикапее «строю отцов» (*ἡ πατρίος πολιτεία*), т. е. восстановление традиционных, но, очевидно, упраздненных его предшественниками свобод и привилегий для граждан столичного города, и среди них прежде всего — свободы от уплаты податей и налогов (Diod., XX, 24, 4—5). Явив себя реставратором древнего гражданского общества внутри государства (разумеется, в тех пределах, в каких это было выгодно его власти, т. е. действуя в духе городской политики эллинистических властителей), он заявил еще большую претензию на роль всеобщего арбитра в понтийских делах (Ibid., XX, 25, 1—3). Так, он предоставил убежище тысяче бежавших из родного города каллатийцев, отдав им для поселения целый город с округою, где он нарезал им, очевидно, как своим военным колонистам-катекам, соответствующие земельные наделы (по-видимому, на азиатской стороне Боспора).⁵⁸ Он повел решительную борьбу с разбойничьими племенами тавров (в Крыму), ахейцев и гениохов (на Северном Кавказе), испокон веков занимавшихся пиратством на море, и, сделав Понт безопасным для торговых сообщений, заслужил славу благодетеля купеческого мира не только в Причерноморье, но и за его пределами. Он сильно расширил свое царство за счет земель, принадлежавших соседним варварским племенам, и, наконец, задумал глобальное подчинение своей власти всех народов Причерноморья (*καθόλου δ' ἐπεχείρησε πάντα τὰ περὶ τὸν Πόντον ἔθνη κατατρέφειν*).⁵⁹

Как известно, преждевременная смерть помешала Эвмелу приступить к реализации своего широко задуманного плана. Однако заявка на державное положение в Понте Спартокидами была сделана, и остается только гадать, почему в последующем, на протяжении всего (или, по крайней мере, поначалу) сравнительно спокойного для них III века, они так и не

⁵⁸ Латышев В. В. Заметки по географии северного и восточного побережья Черного моря (1894) // Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 171—173; Жебелев С. А. Боспорские этюды, I. Образование Боспорского царства (1935) // Жебелев С. А. СР. С. 175.

⁵⁹ Для общей оценки деятельности Эвмела ср.: Жебелев С. А. Образование Боспорского царства. С. 177—179; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 152—153; Шелов Д. Б. Идея всепонтийского единства в древности. С. 37—39.

сделали ничего существенного в этом плане. Можно указать, правда, на широкий царский жест сына Эвмела Спартока III (304—284), пославшего около 288 г. в Афины, по случаю их освобождения от власти Деметрия Полиоркета, большой хлебный транспорт и заслужившего за это горячую признательность афинян (до нас дошел принятый ими почетный декрет в честь Спартока, Ditt. Syll.³, I, № 370).⁶⁰ В этой акции боспорского царя можно видеть не только отражение традиционной для Спартокидов тенденции развивать дружеские отношения со старинным центром Эллады, но и претензию на продолжение широкой державной политики Эвмела. Однако по существу акция Спартока III не выходила за рамки импозантного политического жеста, царской благотворительности в духе эллинистического времени, и реальных державных последствий не имела.

Другое дело — продолжение традиционной торговой политики. Здесь действия Спартокидов в III в. характеризовались последовательностью и целеустремленностью. Кроме только что упомянутого эпизода с хлебным транспортом Спартока III в Афины, подтверждающего сохранение боспоро-афинских связей, можно указать на факты, свидетельствующие об оживленных дипломатических и, надо думать, торговых отношениях Боспора с новой эллинистической державой — птолемеевским Египтом. Мы имеем в виду пребывание послов боспорского царя Перисада II (284—245) в египетской Александрии в 254 или 253 г., зафиксированное папирусом из архива Зенона,⁶¹ а также возможный визит египетского военного корабля (или кораблей) при том же Перисаде на Боспор, отраженный в недавно открытом живописном настенном панно в одном из нимфейских святилищ.⁶² Как бы там ни было, ситуация могла резко измениться во 2-й половине III в., когда любые инициативы боспорских царей и в самом деле могли быть скованы новыми внешними затруднениями. В частности, помимо возрастающего по всему полукружию Северного Причерноморья скифо-сарматского давления, не следует забывать в этой связи и о вероятности возобновления при Левконе II (ок. 240—220) войны с Гераклеей.⁶³

⁶⁰ Ср. также: Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. С. 146—148; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье... С. 154—156.

⁶¹ Жебелев С. А. Основные линии... С. 148; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1. Oxford, 1941. P. 598; Will Ed. Histoire politique du Monde Hellénistique. T. I. Nancy, 1966. P. 167—168.

⁶² Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81—88; Grač N. Ein neu entdecktes Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch // Galanina L., Grač N., Kellner H. J., Kossack G. Scythika. München, 1987. S. 87—95.

⁶³ Ср. выше, с. 172 и прим. 41.

Так или иначе, момент для форсированной консолидации Понта был упущен. А между тем предоставленные самим себе понтийские города уже в III в. стали испытывать серьезные, все нарастающие трудности. С одной стороны, проявились симптомы того самого внутреннего социально-политического кризиса, который столетием раньше охватил города Балканской Греции.⁶⁴ Яркими свидетельствами кризисной ситуации, сложившейся, в частности, в северопричерноморских городах, могут служить знаменитая херсонесская присяга (IOSPE, 1², № 401) и ольвийские декреты в честь Антестерия (издан Ю. Г. Виноградовым, ВДИ, 1984, № 1, с. 51—80) и Протогена (IOSPE, 1², № 32). Но еще более, как следует из тех же документов, осложнились дела внешнеполитические, поскольку пришли в движение и усилили свой натиск на греческие города периферийные варварские племена.⁶⁵ Поначалу, ближайшим образом, эти передвижения затронули северопричерноморских скифов, на которых с востока, из-за Дона, уже с конца IV в. начали насаждать сарматы, а с запада, со стороны Добруджи, фракийцы и (со второй четверти III в.) кельты. Однако в результате скифы оказались оттеснены частью к низовьям Буга и Днепра, а частью в Крым, т. е. в те приморские земли, которые были зоной греческой колонизации, и вот уже все вместе — и скифы, и втягивавшиеся за ними в приморские области сарматы, фракийцы и кельты — стали взламывать оборонительные рубежи греческих полисов и подступать к самим их стенам (для Херсонеса ср. также IOSPE, 1², № 343 — декрет с благодарностью богине Деве за спасение народа во время набега варваров). Последствия были для греков неприятные: Ольвия примерно к середине III в. практически лишилась всей своей сельскохозяйственной хоры, которая была наводнена и разорена варварами, а в Крыму Херсонес стал испытывать серьезные трудности по вине варваров уже с начала, а Боспор, по крайней мере, со второй половины того же столетия. Масштабы этих внешних затруднений были столь велики, что есть основания, если и не полностью, то в значительной степени, отнести на их счет причины того кризиса, который с середины III в. охватил северопричерноморские полисы.⁶⁶

Аналогичного рода трудности стали испытывать и грече-

⁶⁴ Шелов Д. Б. История... С. 12; *Hellenische Poleis: Krise — Wandlung — Wirkung*. Bd II. Berlin, 1974 (статья Д. П. Каллистова, Ю. Крушкел, А. Штефан и В. Илиеску).

⁶⁵ Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. С. 42—43, 127 слл.; Жебелев С. А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху (1938) // Жебелев С. А. СПб. С. 261, 266 слл.; Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 66 слл., 115 слл.

⁶⁶ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 178 слл.

ские города Южного Причерноморья. Напомним, что явления внутреннего кризиса отчетливо обозначились здесь уже в 60-х годах IV в. до н. э., когда в Гераклее Понтийской вспыхнула острая социальная смута, разрешившаяся в 364 г. установлением тирании Клеарха.⁶⁷ Уже тогда ситуация в Гераклее была отягощена трудностями в отношениях с княжеским семейством сатрапов Геллеспонтской Фригии, предков позднейших понтийских царей Митридатидов.⁶⁸ А с начала III в. южно-понтийские города сделались объектом непрерывных посягательств со стороны правителей вновь образовавшегося Понтийского царства, выступивших с претензией на наследство Ахеменидов в Малой Азии.⁶⁹ В 279 г. царь Митридат I Ктист овладел Амастрией (Мемп., XIII—XIV, 16), затем последовали присоединение к Понту Амиса (ок. 255 г., Мемп., XIII—XIV, 24) и первое нападение понтийцев на Синопу (220 г., Polyb., IV, 56). А в 183 г. Фарнак I окончательно овладел Синопой, которая стала важнейшим городским центром его государства (Strab., XII, 3, II, p. 545—546; ср.: Polyb., XXIII, 9). Впрочем, при известном сходстве того трудного положения, в котором оказались греческие города Северного и Южного Причерноморья, было также и существенное различие: понтийские цари, в отличие от скифов и иных северных варваров, не были лишены некоторого налета эллинской культуры. В своих державных целях, в борьбе с другими эллинистическими владыками, а позднее также и с Римом они не прочь были разыграть эллинскую карту, выставить себя покровителями эллинства, и это предопределило в дальнейшем вынужденную ориентацию понтийских греков, перед лицом варварской опасности, на союз с Митридатидами.

III. Период политической деградации припонтийских греческих государств, свертывания независимых межполисных отношений и подчинения Античного Причерноморья стороннему диктату (II—I вв. до н. э.). Причиной наступившего в это время глубокого политического упадка стала для греческих городов Причерноморья крайне неблагоприятная перемена внешней обстановки. В особенности эта перемена оказалась чревата тяжкими последствиями и по существу обернулась глобальной катастрофой для северопонтийских городов, ставших объектом прямой атаки со стороны скифских и иных варварских племен. С греческими поселениями в Северном Причерноморье во II—I вв. до н. э. случилось то, что нередко случалось в

⁶⁷ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 216 слл.

⁶⁸ Там же. С. 224.

⁶⁹ Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976; Ломоури Н. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Автореф. докт. дис. М., 1992; Olshausen E. Das Königreich Pontos // RE. Supplementbd. XV. 1978. Sp. 396—442.

истории с малыми народами или государствами: судьба этих сравнительно небольших политических организмов оказалась в полной зависимости от воли и намерений наступавших на них мощных соседей. С одной стороны, усилился и стал неодолим натиск различных варварских племен: в Нижнем Поднепровье и Побужье — фракийцев, кельтов, сарматов, в Крыму — особенно скифов, которые при царях Скилуре и Палаке (2-я половина II в. до н. э.) создали здесь новое сильное государство, чья власть простиралась и на соседнее Нижнее Приднепровье.⁷⁰ С другой стороны, с юга, явилась далеко не бескорыстная помощь понтийских царей, помощь, за которую причерноморским греческим городам пришлось заплатить дорогой ценой — отказом от суверенитета, переходом на положение зависимых от Понтийского царства союзников, а затем и просто подданных.

Впрочем, агония оказалась достаточно затяжной. Во всяком случае, не везде в одно время обнаружилась безысходность складывавшейся ситуации. Так, Боспорское царство продолжало держаться на уровне сильного независимого государства почти до самого конца II в., между тем как для Херсонеса и Ольвии проблема выживания, в условиях усилившегося натиска варваров, много раньше приобрела особую остроту. При этом показательно, с точки зрения живучести полисных традиций и сохранения межполисных отношений, что эти два греческих города перед лицом нарастающей варварской опасности пытались объединить свои усилия, оказывая друг другу поддержку, по крайней мере, в критические моменты. Так, ольвийская надпись (IOSPE, 1², № 34), датируемая теперь началом II в.,⁷¹ донесла до нас интересные известия о миссии ольвиополита Никерата, сына Папия, в Херсонес. Город этот, захлестываемый постоянными внешними войнами (συνεχέσι πολέμοις καταβυθισθεῖσαν τήν πόλιν), вспыхнувшими вдобавок внутренними распрями вообще был поставлен на грань катастрофы. Никерат, призванный, очевидно, херсонеситами как посредник, погасил царившую среди них распрю (διέλυσεν μὲν τήν μεταξὺ αὐτῶν διαφωράν), восстановил в городе внутренний мир (κατέστησεν δὲ τήν πόλιν εἰς εἰρήνην) и тем, надо думать, укрепил его и против внешних опасностей. Интересно, что, согласно этому же документу, положение самих ольвиополитов в тот момент было лишь чуточку лучше: среди них не было

⁷⁰ Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму // Вестн. Ленингр. ун-та, 1948, № 8. С. 56—78; Соломоник Э. И. 1) О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. С. 103—128; 2) Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53—63; Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.

⁷¹ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 183—186.

внутренней смуты, но внешняя опасность была столь же велика, поскольку враги (варвары) наседали на владения и город ольвиополитов со всех сторон, и становилось все труднее защищать дальние рубежи. Так, в надписи упоминается о неудаче, постигшей ольвийское войско на южном побережье Бугско-днепровского лимана, в Гилее, где нашел себе гибель и сам чествуемый в надписи герой — Никерат, сын Папия.

Так или иначе, миссия ольвиополита Никерата в Херсонес — один из последних известных нам примеров традиционного, чисто межполисного сотрудничества в Северном Причерноморье. Не исключено при этом, что наметившееся таким образом сближение некогда соперничавших и даже враждовавших городов завершилось заключением тесного оборонительного союза.⁷² Однако реальное значение такого союза едва ли было велико. Тем же херсонеситам очень скоро стало ясно, насколько недостаточны силы полисных республик, чтобы противостоять массированному натиску варваров; неудивительно, что уже на рубеже 80—70-х годов II в. их взоры обратились к поиску иного и более сильного союзника. Таким для причерноморских греков в тот момент могло стать только (или прежде всего) Понтийское царство — молодая растущая территориальная держава, чьи властители не прочь были выступить в роли защитников и патронов припонтийского эллинизма.

Возможно, что отражением соответствующих усилий Понтийской монархии явилось включение ряда припонтийских полисов — Гераклеи Понтийской, Месембрии, Херсонеса Таврического, а также Кизика — в генеральное мирное соглашение, завершившее в 179 г. до н. э. трехлетнюю войну Фарнака I с его малоазийскими соседями Эвменом II Пергамским, Прусьем II Вифинским и Ариаратом IV Каппадокийским (Polyb., XXV, 2). Конечно, предположение об обусловленности вхождения перечисленных полисов в общий договор понтийскою инициативой выглядело бы более естественным, если бы удалось доказать, что в прошедшей войне они выступали на стороне Фарнака или, по крайней мере, придерживались дружественного для него нейтралитета. Но так как доказать это невозможно и даже, более того, не исключено, что эти города-государства, в особенности Гераклея Понтийская, которую могло страшить усиление Понтийского царства, а вместе с ней и ее колония Херсонес Таврический, могли выступать на стороне противников Фарнака, то высказанное предположение, как кажется, повисает в воздухе. Наконец, помимо всего прочего, не следует забывать о возросшем после Апамейского мира (188 г.) влиянии здесь Рима, который мог выступать истинным

⁷² Золотарев М. И. Херсонес и Ольвия в конце VI—II в. до н. э. С. 15.

дирижером любого нового генерального соглашения, подставляя условия и определяя круг участников.⁷³

Однако, как бы то ни было, у нас есть неопровержимые доказательства стремительного развития в то время обоюдной заинтересованности Понтийской монархии и причерноморских полисов в установлении дружественных, союзнических отношений. Это — дошедшие до нас эпиграфические свидетельства о заключении Фарнаком I, скорее всего вслед за общим соглашением, возможно, еще в том же 179 г., отдельных договоров с некоторыми причерноморскими полисами, а именно с Херсонесом Таврическим (IOSPE, 1², № 402) и Одессом (IGBR, 1², № 40).⁷⁴ Надпись из Одесса дошла в слишком поврежденном виде, чтобы из нее можно было извлечь что-нибудь помимо общего заключения о переговорах и вероятном заключении договора о дружбе между Фарнаком и одесситами. Зато надпись из Херсонеса, сохранившая почти целиком текст клятв, которыми обменялись на верность договору о дружбе херсонеситы и понтийский царь, доставляет важные сведения об обязательствах и расчетах сторон. Так, в обязательствах Фарнака перед херсонеситами выразительно значителен приходиться по первому их зову на помощь, «если соседние варвары (οἱ παρακείμενοι βάρβαροι) выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонеситам страну, или будут обижать херсонеситов», что, очевидно, и составляло предмет главной тревоги этих последних.

Любопытно, что поиски союзников против составлявших большую угрозу «соседних варваров», т. е. скифов, не ограничивались у херсонеситов сближением с Понтийским царством. В борьбе с опасными соседями в Крыму они пытались опереться на более далеких, обосновавшихся в степях между Доном и Днепром сарматов, использовать в своих целях их вражду со скифами. Что сарматы при случае могли оказать поддержку херсонеситам против скифов — это засвидетельствовано рассказом Полиена о сарматской царице Амаге (Polyaen., VIII, 56).⁷⁵ В этой связи обращает на себя внимание упоминание в тексте общего договора 179 г. среди включенных в это соглашение также и вождя сарматов Гатала. Может быть, права была все-таки К. М. Колобова, когда прослеживала цепь дружеских отношений, связывавших уже

⁷³ Ср.: Колобова К. М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 27—35; Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // Там же. 1979. № 3. С. 43—59; Will Ed. Histoire politique du Monde Hellénistique. T. II. Paris, 1967. P. 242—245.

⁷⁴ Для Херсонеса см. также: Пальцева Л. А. Херсонес и понтийские цари // Античный полис. Л., 1979. С. 71—81; относительно договора с Одессом ср.: Блаватская Т. В. Западнопонтийские города... С. 148—151.

⁷⁵ Для интерпретации и оценки этого предания см.: Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао // ЗОО. Т. XXXII. 1915. С. 58—77.

тогда Фарнака, Гераклею Понтийскую, Херсонес Таврический и сарматов?⁷⁶

Если Херсонесу с помощью такой политики союзов удалось продлить свое существование в качестве независимого государства еще на три четверти века, то Ольвия оказалась в этом отношении менее счастливой. Нам ничего не известно о попытках ольвиополитов опереться на союз с понтийскими царями.⁷⁷ Но если даже такие попытки и были, то большого значения они не имели. К середине II в. положение Ольвийского полиса ввиду усилившегося нажима варваров было критическим, и в этих условиях ольвиополиты избрали наименьшее из зол: перед угрозой надвигавшегося с запада нашествия полудиких племен, в частности родственных германцам бастарнов, они отдались под власть выросшего в Крыму и распространившего свое влияние до низовий Днепра и Буга нового Скифского царства. Правители этого государства Скилур и его сын и преемник Палак не были чужды эллинской культуре, в их столице Неаполе Скифском жило или подолгу гостило много греков, в том числе видных людей, купцов и судовладельцев (вроде хорошо известного из надписей ольвиополита Посидея), нередко исполнявших при своих скифских патронах функции авторитетных советников.⁷⁸ Властителям этой, как ее стали позднее называть, Малой Скифии (Μικρὰ Σκυθία, см.: Strab., VII, 4, 5, p. 311) была ясна выгода подчинения и использования в своих целях такого крупного приморского города, как Ольвия, с ее развитой городской экономикой, налаженными торговыми связями и значительным флотом: все это могло пригодиться им для реализации на причерноморских или более далеких рынках той богатейшей сельскохозяйственной продукции, которой они располагали. Это понимание должно было диктовать скифским царям бережное отношение к вновь подчиненному греческому городу. Надо думать поэтому, что скифский протекторат не был для ольвиополитов ни слишком суров, ни тягостен; во всяком случае, за признание супрематии скифских царей и содействие их торговым операциям город получил гарантии безопасного существования, сохранив вдобавок внутреннее самоуправление.⁷⁹

С тем большим ожесточением, стремясь овладеть приморскими землями и гаванями, наступали скифы на греческие колонии в Крыму, упорно отстаивавшие свою независимость и свои владения. К середине II в. скифы вытеснили херсонеситов с земель Северо-Западного Крыма. При этом разгрому

⁷⁶ Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 35.

⁷⁷ Ср., однако, осторожное допущение такой возможности Ю. Г. Виноградовым (Политическая история Ольвийского полиса. С. 229—230).

⁷⁸ О Посидее, этом «втором Протогене и, вероятно, правой руке Скилура», см.: Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 241—246.

⁷⁹ Там же. С. 248.

подверглись как сельские усадьбы херсонеситов, так и их опорные пункты-крепости, такие, как Прекрасная гавань и Керкинитида.⁸⁰ Отчасти на месте греческих фортов, отчасти совершенно заново скифы возводят собственные укрепления (в том числе упоминаемые Страбоном Палакий, Хаб и Неаполь, Strab., VII, 4, 7, p. 312; ср.: IOSPE, 1², № 352, стк. 12—13, 19—20, 29), опираясь на которые они оттесняют херсонеситов к последнему рубежу — к побережью Малого Херсонеса (Гераклейского полуострова). Готовясь к решительному наступлению на Херсонес, скифские цари заручаются поддержкой других племен, причем не только тавров, ближайших соседей и давнишних врагов херсонеситов (IOSPE, 1², № 352, стк. 9—10), но и более отдаленных роксоланов (Strab., VII, 3, 17, p. 306; ср.: IOSPE, 1², № 352, стк. 22—23). Последние принадлежали к группе сарматских племен, когда-то поддерживавших Херсонес против скифов, и их переориентация и союз со скифскими царями означали совершенную изоляцию херсонеситов в Северном Причерноморье. Когда, в самом конце II в., угроза варварского завоевания нависла над самим городом Херсонесом, граждане его воззвали о помощи к новому понтийскому правителю, внуку Фарнака I, Митридату VI Евпатору (Strab., VII, 4, 3, p. 308—309).

Возможно, что аналогичного рода побуждения исходили и от Боспора. В самом деле, полоса более или менее дружественных отношений боспорских правителей со скифскими царями⁸¹ в конце века сменилась острой напряженностью ввиду требований скифов выплачивать им дань во все больших размерах. Не имея сил противостоять скифскому давлению и прямым вымогательствам, боспорский царь Перисад V в конце концов счел за лучшее передать свое государство понтийскому владыке (Strab., VII, 4, 3, p. 309; 4, p. 310). Соответствующие переговоры могли начаться еще до экспедиции Диофанта в Крым, когда скифы находились на вершине своего могущества и внушали наибольший страх. Но в таком случае Перисад имел все основания опасаться немедленного, спровоцированного его же действиями, вмешательства скифов в боспорские дела, от чего у него была только одна защита — скорейшая помощь от властителя Понтийского царства.

Для молодого и энергичного понтийского царя эти обращения Херсонеса и, возможно, Боспора были желанными поводами для вооруженного вторжения в Северное Причерноморье и перехода, таким образом, к широкой экспансионистской политике, имевшей в виду превращение царства Митридатидов

⁸⁰ Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху... С. 131 слл.

⁸¹ См.: Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55—87.

во всепонтийскую державу. Однако задача оказалась непростой, и Митридату Евпатору пришлось посылать — и не один раз — большие вооруженные экспедиции, чтобы защитить отдавшиеся под его покровительство или власть греческие города, вернуть утраченные ими внешние владения и если не сокрушить совершенно, то хотя бы ослабить, насколько возможно, Скифское царство в Крыму.

Из разрозненных, но достаточно информативных источников, среди которых важнейшими являются сообщения Страбона (в VII, 3—4) и свидетельства херсонесского декрета в честь Диофанта (IOSPE, I², № 352), мы узнаем о драматических перипетиях начатой Митридатом борьбы за припонтийские города и земли (110—108 гг. до н. э.): о двух первых вооруженных экспедициях в Крым понтийского полководца Диофанта, во время которых ему удалось подчинить тавров и нанести серьезные поражения скифам и роксоланам, обезопасить благодаря этому Херсонес и вернуть утраченные херсонеситами опорные пункты в Северо-Западном Крыму, в том числе Керкинитиду и Прекрасную гавань (для последней см. также: IOSPE, I², № 353); об одновременных двух миссиях Диофанта на Боспор, очевидно, для завершения переговоров о переходе Боспорского государства под власть понтийского царя; о мятеже на Боспоре группы местных скифов во главе с Савмаком и третьей экспедиции Диофанта в Крым, итогом которой стало подавление движения Савмака и присоединение Боспора к Понтийскому царству; о военных действиях другого понтийского полководца Неоптолема в зоне Керченского пролива, в ходе которых были разгромлены и вновь приведены к покорности азиатские подданные Боспора — меоты и другие родственные им племена на Таманском полуострове.⁸²

Тогда же или чуть позже, по завершении операций в Крыму, власть понтийского царя в Северном Причерноморье распространилась далее на запад — на Ольвию, где был размещен понтийский гарнизон (см.: IOSPE, I², № 35),⁸³ и, возможно, на Тиру.⁸⁴ Затем наступил черед и греческих полисов, расположенных на собственно западном побережье Понта. И здесь сложившаяся во 2-й половине II в. до н. э. внешнеполитическая обстановка была для греков крайне тяжелой. Прежние

⁸² Для Крымской кампании Митридата Евпатора см. также: Молев Е. А. 1) Митридат Евпатор. С. 28 слл.; 2) Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. С. 114 слл.; Ломоурн Н. К истории Понтийского царства. С. 77 слл.; Will Ed. Histoire politique du Monde Hellenistique. T. II. P. 393—395.

⁸³ Ростовцев М. И. Мифрадат Понтийский и Ольвия // ИАК. Вып. 23. 1907. С. 21—27; Жебелев С. А. Ольвия и Мифрадат Евпатор (IOSPE, I², 35) (1940) // Жебелев С. А. СП. С. 275—290; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. С. 250 слл.

⁸⁴ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира... С. 79—80.

достаточно сбалансированные отношения с соседними варварами — фракийцами и скифами, от которых удавалось откупаться подарками (данью) и разумной уступкой части суверенитета, оказались нарушены вторжением воинственных бастарнов, которые обрушились всей своей грубой мощью на греческие города (ср. надпись из Истрии Ditt. Syll.³, II, № 708, где под «постигшим город несчастьем» (ἡ καταστροφή τῆς πόλιν περίστασις) понимают учиненный бастарнами разгром).^{84а}

В этих условиях западнопонтийские города естественно последовали примеру своих северопричерноморских собратьев. Судя по нумизматическим данным, Истрия, Томы, Каллатия, Дионисополь и Одесс, ранее подчинявшиеся скифским царям Добруджи, теперь, на рубеже II—I вв., спасаясь от бесчинств бастарнов, отдались под власть Митридата Евпатора. То же наверняка относится и к более южным Месембрии и Аполлонии. Для последней это можно утверждать с полной уверенностью, поскольку и в ней тоже эпиграфическим документом засвидетельствовано присутствие понтийского гарнизона (IGBR, I², № 392). Да и позднейшие (в конце 70-х годов I в. до н. э., во время III Митридатовой войны) военные действия римлян против этих городов подтверждают, что они все были союзниками понтийского царя.⁸⁵ С другой стороны, по южному побережью Понта власть Митридата Евпатора распространилась далеко на восток, на так называемую Малую Армению и Колхиду (Strab., XI, 2, 18, p. 498—499; XII, 3, 1, p. 540—541; 28, p. 555; Мемп., XV, 30, 2), и только побережье Северного Кавказа, населенное воинственными племенами ахейцев, зигов и гениохов, осталось ему неподвластным (ср.: Strab., XI, 2, 13, p. 496).⁸⁶

Таким образом, открытая Митридатом Евпатором в самом начале его царствования завоевательная кампания завершилась замечательным успехом. Именно результатом стало не только отражение и разгром северных варваров, но и одновременное фактическое подчинение понтийскому царю всех причерноморских греческих городов и сопредельных с ними территорий за вычетом лишь зоны проливов и, как уже было сказано, северокавказского побережья. Это имело большие последствия для межполисных, межгосударственных отношений в Причерноморье. Подчинение понтийскому протекторату почти всего этого региона, доставив греческим городам защиту от варварских вторжений и безопасность в торговых операциях, не могло, однако, не сказаться отрицательным образом на традиционных межполисных отношениях, включая и политику и экономику. Вынужденный отказ от суверенитета и растворе-

^{84а} Б л а в а т с к а я Т. В. Западнопонтийские города... С. 151 слл.

⁸⁵ Там же. С. 159 слл.

⁸⁶ М о л е в Е. А. Митридат Евпатор. С. 24—28; Л о м о у р и Н. К. Истории Понтийского царства. С. 75—77.

АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ

ние в общепонтийском державном единстве, возведенном властной волею Митридата Евпатора, обернулись для причерноморских греческих городов утратой драгоценных элементов полнокровной полисной жизни. Остались в прошлом существенные аспекты межполисных, межгосударственных взаимодействий, исчезли зоны экономических влияний, нарушились двух- и многосторонние независимые торговые связи и за недолгим первоначальным всплеском деловой активности последовала неизбежная спутница авторитаризма — депрессия. Наконец, само собой разумеется, остались позади крупные акции полисной взаимопомощи (едва ли не последним примером действий такого рода была миссия ольвиополита Никерата в Херсонес, о чем упоминалось выше). Тенденция разрушения межполисных отношений, их деградация становится доминирующей в жизни понтийских греков.⁸⁷

Главным в политике причерноморских полисов со 2-й половины II в. до н. э. становится приспособление, установление приемлемых отношений с угрожающим Севером и победоносным Югом и при каждом удобном случае — поиски путей освобождения. При этом, однако, взор обращался не вперед, на обнаружение новых форм и возможностей, а вспять, к уже пережитому и исчерпавшему себя способу бытования. Роковой для греческих полисов Причерноморья оказалась не только неблагоприятная внешняя обстановка, но и характерная собственная неспособность построить на межполисных связях какое-либо прочное объединение, могущее обеспечить его участникам защиту от общих врагов. В решающий, трагический момент своей истории полисы не сумели действовать сообща и по очереди вошли в состав Понтийской державы Митридатидов. Между тем последняя под легким флером эллинизма скрывала вполне азиатское, деспотическое нутро. Достаточно скоро припонтийские греки должны были почувствовать гнет этой азиатской деспотии, которая в роковой схватке с Римом готова была без колебаний пожертвовать и их достоинством, и самой жизнью. Очень скоро они должны были утратить те панэллинские иллюзии, которые поначалу могли связывать с понтийскими царями. В конце концов, разочаровавшись в Митридате Евпаторе, они покинули его в решающий, заключительный момент его единоборства с римлянами (74—63 гг.). Последние, сокрушив Митридатидов, переняли от них

⁸⁷ О положении припонтийских греческих городов в созданной Митридатом Евпатором всепонтийской державе см.: Ломоури Н. К истории Понтийского царства. С. 145 сл.; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. С. 257—263; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 26—31, 37—38. — Трезвые и сдержанные суждения этих авторов выгодно отличаются от нередко встречающейся в литературе завышенной, романтизированной оценки политического творчества Митридата Евпатора и его роли в жизни Понтийского региона (см., например: Шелов Д. Б. Идея всепонтийского единства в древности. С. 41—42).

эстафету покровительства причерноморским грекам и, по большому счету, справились с этой задачей и успешнее и продуктивнее. И это было естественно, поскольку истинным восприимчивником эллинизма — понимаем под этим не конкретную эпоху, а общие традиции эллинской политики и культуры — был именно европейский, античный Рим, а не азиатская постахеменидская деспотия.

Однако отношение Понтийского царства и Римской державы к наследию эллинизма — это особая большая проблема, вдаваться в обсуждение которой здесь, по-видимому, не место. Нас интересует более частный вопрос: каково было воздействие инициативной политики названных сверхдержав на политическую жизнь греческого Причерноморья, как изменился ее лик в результате их поочередного вмешательства в дела этого региона? Ответ здесь очевиден: на протяжении одного столетия политическая жизнь понтийских греков дважды подверглась формирующему воздействию древней геополитики, дважды испытала государственную консолидацию в рамках всего региона, однако не благодаря их собственным усилиям, а вследствие навязанной им сторонними силами инициативы, более или менее чуждой их традиционному строю жизни. В общегисторическом плане это был переход от микрокосма преимущественно полисных государств (Боспорское царство общей картины не меняет) к более обширной и более развитой государственной макросистеме, но переход этот свершился форсированным путем, и заслуга самих понтийских греков здесь была минимальной.

Таким, в общих чертах, рисуется нам развитие межполисных, межгосударственных отношений в Античном Причерноморье (преимущественно в северной его части) в доримскую эпоху. До определенного момента, в благоприятных внешних условиях, эти отношения органически развивались по восходящей спирали как в территориальном плане, так и по своему содержанию, все полнее охватывая различные стороны полисной жизни. Но затем, примерно с рубежа III—II столетий, они начали утрачивать свое значение и в конце концов отошли на второй план. На смену им пришли проблемы большой международной политики, на фоне которой жизнь полисов, их интересы и контакты стали выглядеть несущественными деталями. Греческие государства Понтийского региона оказались вовлечены в орбиту действий могущественных, внешних по отношению к ним, но весьма заинтересованных в контроле над ними сил. Это были прежде всего скифские племена, надвинувшиеся с севера и ставшие вдвойне опасными, поскольку в Крыму и Приднепровье им удалось создать новое сплоченное государство. Это была, далее, полуазиатская-полуэллинистическая монархия Митридатидов, выступившая с претензией на господ-

ство над всем греческим Востоком. Это был, наконец, Рим, который, став сильнейшей средиземноморской державой и с Балканского полуострова перешагнув в Малую Азию, принял вызов понтийских царей.

В этих условиях судьба припонтийских полисов оказалась плачевной. Не сумев перед лицом варварского нашествия создать собственное военно-политическое единство, греческие государства Причерноморья поодиночке отдались под покровительство Митридата Евпатора и, таким образом, стали элементами созданной им общепонтийской державы. Однако состояние понтийского подданства длилось для них недолго. Переоценивший свои силы и возможности Митридат Евпатор проиграл развязанную им борьбу за первенство Риму, который сменил Понтийское царство в роли державного патрона Причерноморья. Под римскую эгиду припонтийские полисы обрели большую устойчивость и более сносные условия для своего существования и сумели благодаря этому продержаться перед лицом непрекращающегося натиска варварских орд еще несколько веков. Однако им суждено было с тех пор оставаться фигурами второго плана, подчиненными и пассивными участниками исторической жизни, направлявшейся помимо их воли иными и более мощными силами.

Как бы то ни было, жизнь Античного Причерноморья отличалась завидным полнокровием и разнообразием, способными возбуждать интерес и подавать повод к размышлениям и заключениям не только собственно исторического, но и более отвлеченного, политологического характера. Именно, опираясь на этот исторический материал, можно дать сравнительную оценку возможностям различных политических форм, порожденных классической древностью. И прежде всего очевидна беспомощность автономных полисов в условиях большой международной политики. У этих политических микроорганизмов не было ни сил, ни возможностей, ни желаний, нужных для того, чтобы преодолеть узкие рамки собственной государственной жизни и, в осознании общей нужды и общей цели, возвести совместными усилиями некое общее строение, некую симахию, или федерацию, способную противостоять натиску мощных, охватывавших весь регион этнополитических бурь.

Более перспективной могла оказаться в этом случае инициативная политика державных единств вроде Боспорского государства или государства Митридатидов. Однако правители первого из них Спартокиды, по-видимому, упустили свой исторический шанс, между тем как строители Понтийского царства, наоборот, оказались в плену неистовых имперских амбиций, не считавшихся ни с их собственными силами, ни с возможностями и интересами их важнейших сателлитов — греческих городов, ни, наконец, с мощью противостоявшей им Римской державы. В конце концов по настоящему победоносной и

жизнеспособной оказалась именно Римская держава, удачно соединившая в своей государственности и политике элементы общинно-городского, полисного плана с более широким державно-территориальным построением, собственный национально-государственный интерес — с общей для всей античности задачей противостояния варварской периферии, наконец, энергичную целеустремленность большого и, естественно, склонного к агрессии государственного организма — с трезвой рассудительностью и здравомыслием, воплощением чего всегда был наиболее авторитетный и наиболее жизнестойкий из политических институтов античности — римский сенат.

*Из истории науки об античности:
два портрета ученых старой школы*

Э. Д. ФРОЛОВ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕБЕЛЕВ (1867—1941)

В истории русской науки об античности, вне всякого сомнения, особое место принадлежит академику Сергею Александровичу Жебелеву. Особенное значение его научной деятельности определяется не только ее очевидной общей результативностью (Жебелев был автором более 300 научных работ и воспитал не одно поколение отечественных антиковедов), но и длительностью и непрерывностью ее в самое трудное для науки время — в годы революционного и постреволюционного лихолетья. Эта его деятельность как бы своего рода аркой соединила дореволюционный и советский периоды в истории нашей науки и, таким образом, обеспечила столь необходимую для любой научной дисциплины преемственность.

Разумеется, жизнь и творчество столь крупной фигуры, как Жебелев, не остались обойденными вниманием в историографии античности. Видному этому ученому в разные его юбилейные годы посвящались доклады и статьи в различных изданиях: в журнале «Гермес» за 1916 г.,¹ в «Вестнике древней истории» за 1940 и 1968 гг.² Общий обзор его ученой деятельности можно найти в известных пособиях по отечественной и зарубежной историографии античности, составленных В. П. Бузескулом.³ Мы располагаем также полными перечнями его

© Э. Д. Фролов, 1997

¹ К 25-летию научной деятельности С. А. Жебелева // Гермес. 1916. № 7—8. С. 151—157 (статьи Э. В. Диля и И. И. Толстого).

² К 50-летию юбилею научно-исследовательской и общественно-политической деятельности акад. С. А. Жебелева // ВДИ. 1940. № 1. С. 160—187 (статьи И. И. Толстого, Д. П. Каллистова, Б. Д. Грекова и другие материалы); К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева // ВДИ. 1968. № 3. С. 147—175 (статья Д. П. Каллистова и др.).

³ Бузескул В. П. 1) Введение в историю Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915. С. 412, 508, 540—541; 2) Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. II. Л., 1931. С. 143—147, 192.

ученых трудов, начало которым положил список, составленный учеником Жебелева А. И. Доватуром в 1926 г.⁴ Важными дополнениями к этим материалам служат собственные воспоминания Жебелева: обширный очерк о своих университетских годах, опубликованный в начале 20-х годов,⁵ и составленный десятью годами позже весьма своеобразный Автонекролог. Оставшийся в рукописи, этот последний и в самом деле представляет собой не автобиографию, а именно автонекролог.⁶ Написанный Жебелевым в связи с собственным 65-летием, он дает минимум биографических данных, но зато содержит исчерпывающий обзор и взвешенную оценку деятельности автора по всем важнейшим аспектам, характеристику научных трудов, преподавательской деятельности, общественных и административных занятий. Другого подобного документа, кажется, не знает наша наука. Знакомство с ним облегчает дело любого биографа С. А. Жебелева. Опираясь на эти записки самого Жебелева, привлекая дополнительные данные и суждения из библиографических обзоров, составленных другими, мы можем с достаточной полнотой восстановить жизненный путь и облик ученого, в котором по праву можно видеть патриарха современной отечественной науки о классической древности.

С. А. Жебелев родился в Петербурге 10(23) сентября 1867 г. Происходил он из средней городской прослойки: его отец принадлежал к петербургскому купечеству. Отец рано умер, оставив вдове и детям весьма скромный капитал. Все же Жебелев-сын смог поступить в классическую гимназию, однако уже с 5-го класса должен был зарабатывать недостающие деньги репетиторством, занятием, которое он должен был продолжать и в свои студенческие годы и даже позже. По окончании гимназии Жебелев в 1886 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Хотя в гимназии он с удовольствием занимался и историей древности, и древними языками, каковыми успел неплохо овладеть, желание специально заниматься изучением античности родилось у него не сразу: оно вполне сформировалось у него в университете лишь к концу первого курса.

В университете Жебелев получил прекрасную историко-фи-

⁴ Список печатных трудов С. А. Жебелева. Л., 1926 (212 номеров за 1889—1925 гг., сост. А. И. Доватур). Далее см.: ИАН СССР. Сер. VI. Т. XXI. 1927. № 8. С. 1546—1557 (215+12 номеров за 1889—1927 гг.); ВДИ. 1940. № 1. С. 176—187 (264 номера за 1889—1940 гг.); Советская археология. Т. VII. 1941. С. 13—15 (№ 213—293, дополнение к списку, изданному в 1926 г., сост. Е. Г. Кастанаян).

⁵ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний (1886—1890 гг.) // *Анналы*. Т. II. 1922. С. 168—187 (перепечатка — ВДИ. 1968. № 3. С. 158—175).

⁶ Жебелев С. А. Автонекролог (1932 г.) // *Архив АН СССР*. Ф. 729. Оп. 1. № 47. С. 1—43 (машинопись). Публикация: ВДИ. 1993. № 2. С. 172—201. Далее ссылки даются по этому изданию.

логическую подготовку. Его наставниками были, в частности, видные ученые-антиковеды К. Я. Люгебиль, П. В. Никитин и В. К. Ернштедт, под руководством которых он значительно углубил свои филологические познания. Что касается собственно античной истории, то его занятиями в этой области руководил выдающийся представитель Петербургской историко-филологической школы профессор Ф. Ф. Соколов. Этот последний привил ему интерес к изучению исторических фактов и реалий и приобщил к занятиям эпиграфикой. Эти занятия, ведшиеся Соколовым из года в год по пятницам у себя дома с группой избранных учеников, были для Жебелева высшей школой, где он сформировался как ученый.⁷ Из этих семинарских занятий он вышел подлинным «соколовцем», до конца дней своих исповедовавшим культ конкретного историко-филологического исследования, направленного преимущественно на реконструкцию и истолкование исторических фактов. От Соколова же Жебелев перенял и глубинную антипатию ко всякого рода преждевременным обобщениям — антипатию, но не безусловное отвержение. Позднее, в особенности в работах советского периода, он показал себя ученым, вполне способным к историческому синтезу, но только — это было условием *sine qua pop* — на основе предварительно исполненной всеобъемлющей аналитической работы.

Наряду с классическими языками, литературой и историей, еще одним предметом, к которому Жебелев рано оказался приобщен, стала археология и тесно связанное с ней античное искусствоведение. Не то чтобы Жебелев стал археологом в буквальном смысле этого слова. Он, конечно, посещал места раскопок и в России, и за границей, в Греции и Италии, был хорошо знаком с общими контурами археологических исследований, но сам никогда не копал. Археологом он был постольку, поскольку рано, особенно благодаря близости с выдающимся исследователем византийского и древнерусского искусства Н. П. Кондаковым, приобрел вкус и навыки к изучению вещественных остатков античности, памятников искусства в первую очередь. Вместе со своими более молодыми товарищами М. И. Ростовцевым и Я. И. Смирновым Жебелев даже составил кружок, как они себя называли, «фактопоклонников», объединенных любовью к вещной античности и почитанием общего мэтра — Н. П. Кондакова. Таким образом, по научной природе своей Жебелев был двойным фактопоклонником: от Соколова он воспринял культ исторического факта, воссоздаваемого через эпиграфический документ, а от Кондакова — то же, по

⁷ Ср.: Жебелев С. А. 1) Ф. Ф. Соколов (извлечение из ЖМНП за 1909 г.). СПб., 1909. С. 47—48; 2) Из университетских воспоминаний // *Анналы*. Т. II. 1922. С. 182.

сути, стремление, но опирающееся на памятники античного искусства.

По окончании университетского курса Жебелев по рекомендации Ф. Ф. Соколова был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. По порядку, введенному тем же Соколовым, он должен был отправиться в длительную, на два или три года, заграничную командировку для участия в полевых исследованиях и работы в библиотеках в странах классической культуры, т. е. в Греции и Италии в первую очередь. Однако, в отличие от ряда своих коллег, например, более старших В. К. Эрнштедта, В. В. Латышева, А. В. Никитского и более молодого М. И. Ростовцева, Жебелев не смог воспользоваться этой замечательной возможностью: он должен был поддерживать семью, и ему пришлось немедленно определиться на службу. В Петербургском университете он получил должность сначала писца, а потом хранителя при Музее древностей (в то время был такой) с ничтожным, однако, жалованьем. Недостаток средств он должен был компенсировать репетиторством и преподаванием исторических дисциплин в различных учебных заведениях. С 1891 г. он преподавал историю быта в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, с 1894 г. стал читать курс истории древнего искусства в Высшем художественном училище при Академии художеств. Защита магистерской диссертации в 1898 г. открыла ему дорогу для преподавательской деятельности в университете сначала в качестве приват-доцента (т. е. практически без оплаты), а затем, после защиты докторской диссертации в 1903 г., в качестве профессора. С этих пор его жизнь становится более или менее обеспеченной, и он вполне отдается своей ученой карьере.

Обращаясь теперь к обзору ученой деятельности С. А. Жебелева, мы должны прежде всего отметить ее завидную целенаправленность и продуктивность. Жебелев безусловно обладал от природы хорошими гуманитарными способностями, отшлифованными до надлежащей высокой степени университетским образованием. Однако, в сравнении с М. И. Ростовцевым, его талант, конечно, был более скромным, да и приверженность к соколовскому направлению, что бы ни говорил сам Жебелев о необходимости и пользе фактологических исследований, сильно сужала поле творчества. И если тем не менее общий вклад Жебелева в русскую науку об античности оказался весьма внушительным, то объясняется это его исключительным трудолюбием — чертой, которую он сам вполне справедливо подчеркивал как главную в своем характере.⁸ К этому надо добавить известное благоприятствование внешних обстоятельств: надлежащий благоприятный общественный кли-

⁸ Ср.: Жебелев С. А. Автонекролог... С. 187.

мат и соответственные материальные условия для научной деятельности гуманитаря в дореволюционном университете, собственное крепкое здоровье и чуточку везения, позволившие Жебелеву пережить и страшные революционные годы и после-революционные осложнения.

«В лице С. А. Жебелева мы видим сочетание филолога-классика, эпиграфиста, археолога и историка», — писал в свое время В. П. Бузескул.⁹ Комментируя это определение, Жебелев в своем Автонекрологе делает к нему ряд существенных уточнений. Он указывает, что никогда не был ни филологом, ни эпиграфистом, ни археологом в полном и точном смысле этих слов. В филологии он, по его признанию, не шел далее использования текстов в реальных исторических целях, не слишком интересуясь формальной стороной, т. е. самостоятельным изучением древних языков и литературы ради них самих. В эпиграфике он довольствовался работой с уже опубликованными надписями, поскольку никогда не находил и не изучал их *in situ* и не занимался их первоизданием. Равным образом и в археологии он оставался кабинетным ученым, который пользовался опубликованными результатами раскопок, но сам никогда в них не участвовал.

По существу, признается Жебелев, более правильным было бы определить его как историка античности, хотя и здесь тоже должны быть сделаны некоторые оговорки. «Историком, — читаем мы в Автонекрологе, — Жебелев является постольку, поскольку некоторые из его работ, правда самые большие по размеру, написаны на исторические сюжеты. Но: 1) эти работы касаются только истории Греции, отчасти истории Рима; 2) они посвящены рассмотрению проблем, связанных почти исключительно с так называемой внешней, политической историей; 3) они почти исключительно аналитического, а не синтетического характера. В своих исторических работах Жебелев занимался главным образом установлением фактов как таковых; тут он всецело — ученик „Соколовской школы“. Если Жебелев и может быть квалифицирован как историк, то его работы в этом направлении скорее историко-филологического, чем строго исторического характера».¹⁰

Вообще, по словам Жебелева, из всех его ученых титулов самым дорогим для него было звание «доктора греческой словесности или, что то же, доктора греческой филологии».¹¹ Однако вспомогательная роль филологии в его научных занятиях была очевидна, и он завершает весь пассаж о направлении собственного научного творчества новым и окончательным признанием: «Если уж быть абсолютно точным, предме-

⁹ Бузескул В. П. Всеобщая история... Ч. II. С. 147.

¹⁰ Жебелев С. А. Автонекролог... С. 179.

¹¹ Там же.

тами его изучения была античная история и так называемые древности, преимущественно греческая история и греческие древности. Для изучения их Жебелев старался привлекать всю античную традицию, т. е. источники литературные, документальные и вещественные, причем главную свою задачу усматривал в критическом анализе этой традиции, в установлении, на основании ее разбора, фактов и только фактов. Он не только не смутился бы, но был бы очень польщен, если бы к нему применили кличку „фактопоклонник“. Ибо, по его мнению, в установлении фактов заложены, как фундамент, цель и назначение научного знания: узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию». ¹²

Вступив в науку в русле историко-филологических занятий соколовской школы, Жебелев даже и во временном отношении отделил для своих исследований тот отрезок античной истории, который в последние годы жизни особенно интересовал его учителя Ф. Ф. Соколова, именно — эллинистическо-римский период греческой истории. Здесь надо подчеркнуть неслучайность особенного интереса Соколова, Жебелева и ряда других русских и зарубежных исследователей того времени к истории эллинистического периода. Поворот внимания к этой эпохе был обусловлен столько же общими сдвигами в историческом сознании, сколь и состоянием источников. «В последние десятилетия прошлого века, — писал по этому поводу В. П. Бузескул, — исследователи греческой истории и древностей стали обращаться к таким сторонам и периодам, которые раньше оставались вне их внимания. Отчасти это стояло в связи с общим направлением исторической науки, с стремлением изучать историю масс, а не только „великих людей“, не только события, „деяния“, но и состояние, бытие. С другой стороны, это связано с открытием нового для нас материала в виде надписей и затем греческих папирусов — материала, часто более достоверного, документального, сообщающего новые данные и освещающего темные вопросы и периоды. К этой категории работ принадлежат и главные труды С. А. Жебелева». ¹³

Первая печатная работа Жебелева была посвящена анализу дошедшего до нас в значительных фрагментах сочинения греческого историка Флавия Арриана „История после Александра“ (Ta meta Alexandron), важного для реконструкции времени диадохов. ¹⁴ Греческой истории еще более позднего эллинистическо-римского времени были посвящены два крупнейших историко-филологических труда Жебелева — две его диссертации, магистерская и докторская. В магистерской диссертации «Из

¹² Там же, с. 180.

¹³ Бузескул В. П. Всеобщая история... Ч. II. С. 144.

¹⁴ Жебелев С. А. К истории диадохов // ЖМНП. 1889. Ноябрь. Отд. кл. фил. С. 13—32.

истории Афин, 229—31 гг. до Р. Х.» (СПб., 1898) Жебелев, используя главным образом эпиграфический материал, разобрал целый ряд сюжетов из достаточно смутного времени афинской истории, крайне недостаточно отраженного в литературной традиции. В частности, им много было сделано для восстановления списка афинских архонтов этого периода, каковые в качестве эпонимных магистратов являются важнейшими вехами для распределения событий во времени.

Аналогичный характер носит и докторская диссертация Жебелева «АХАЙКА». В области древностей провинции Ахайи» (СПб., 1903). Здесь также изучаются различные неясные вопросы так называемой внешней, т. е. политической, истории, и изучаются они также в значительной степени на основе материала надписей. Однако самый предмет взят теперь шире, в рамках всей греческой истории эллинистическо-римского времени. Помимо уточнения различных частных деталей, важна и центральная мысль о постепенном формировании римской провинции Ахайи. До Жебелева среди ученых господствовало мнение, что со времени разгрома римлянами важнейшего в эллинистической Греции политического объединения Ахейского союза и разрушения ими его центра Коринфа (146 г. до н. э.) вся Греция под именем Ахайи составила часть римских владений на Балканах, будучи присоединена к аннексированной еще ранее Македонии. Однако Жебелев, что называется, с фактами в руках доказал, что война, закончившаяся в 146 г. разрушением Коринфа, была войною римлян именно против Ахейского союза и его союзников, а не против всех греков. Соответственно провинцию Ахайю составили первоначально только области открыто воевавших с римлянами греческих государств — Ахейского союза с Коринфом, Беотии и Эвбеи. Из прочих греческих общин многие продолжали пользоваться политической свободой и сохраняли свой государственный строй, по крайней мере формально, вплоть до времени Августа, а некоторые и еще дольше.

Это наблюдение чрезвычайно важно для понимания римской политики на эллинском Востоке, отношений Рима с греками и роли, которую самоуправляющиеся греческие городские общины продолжали играть в составе римской державы. Но важным, конечно, было и другое наблюдение Жебелева о том, что под воздействием римской державной политики эти элементы полисного быта греков постепенно увядали, теряли свое принципиальное содержание и становились формальными аксессуарами низведенных до положения простых муниципиев некогда независимых городов.

Обе диссертации Жебелева, изданные в виде отдельных монографий, заслужили высокую оценку таких выдающихся знатоков античной истории и одновременно мастеров эпиграфического исследования, какими были Ф. Ф. Соколов и А. В. Ни-

китайский.¹⁵ Они и в самом деле остаются отличными образцами аналитической работы, тщательного изучения и реконструкции исторических фактов. Однако читать их нелегко, особенно тем, кто не имеет законченной классической подготовки. Древние тексты, равно как и выдержки из новейшей иностранной литературы, цитируются, как правило, без перевода, изложение, стремящееся к максимальной полноте и точности, нередко выглядит громоздким, что позднее было осознано и самим автором, осудившим в Автонекрологе такую чрезмерно усложненную манеру.¹⁶ Надо отдать должное С. А. Жебелеву: в позднейших своих работах он, подобно своему учителю Ф. Ф. Соколову, постепенно упрощал стиль и форму повествования, делая свои сочинения более доступными для понимания среднего гуманитарно образованного читателя.

К политической истории Греции в эпоху эллинизма Жебелев неоднократно возвращался и позднее, особенно к истории эллинистических Афин. Но его научный интерес не замыкался в рамках одной лишь политической истории. Тот же эпиграфический материал давал возможность исследовать и иные аспекты жизни античного общества. Еще в бытность свою студентом, почти в одно время с публикацией первого этюда по истории диadoхов, Жебелев начал работу над темой большого медального сочинения о религиозном врачевании у древних греков. Сюжет и материал были указаны Ф. Ф. Соколовым: имелось в виду использовать многочисленные надписи из различных святилищ — в первую очередь, конечно, бога врачевания Асклепия, для изучения той особенной медицины, которая практиковалась жрецами Асклепиадами и, судя по благодарным отзывам их пациентов (в надписях, сохранившихся от дарственных посвящений), подчас давала самые блестящие результаты. Жебелев с увлечением начал работу над этим сочинением. При этом обнаружилось много интересных и не совсем понятных деталей чисто медицинского профиля, за разъяснением которых приходилось обращаться к специалистам-медикам. Завершить работу к заданному сроку автор не успел и медали, естественно, не получил, но зато появилось обширное исследование, изданное им уже по окончании университета, пролившее свет на совершенно еще не изученную область античной культуры и науки («Религиозное врачевание в Древней Греции». СПб., 1897). К надписям из Эпидавра, где находилось одно из самых знаменитых святилищ Асклепия, Жебелев неоднократно обращался и позднее.

Работа над темой религиозного врачевания свидетельствовала о развитии у Жебелева интереса к истории античного

¹⁵ См. рец. Ф. Ф. Соколова в ЖМНП. 1899. Март. Отд. V. С. 83—103; 1904. Май. Отд. II. С. 211—223 и А. В. Никитского: Там же. 1899. Май. Отд. II. С. 215—259.

¹⁶ Жебелев С. А. Автонекролог... С. 181.

быта и культуры. Но тому были и другие свидетельства, связанные с тем рано усвоенным вкусом к археологии и искусству, о котором мы уже упоминали выше. В журнале «Филологическое обозрение», издававшемся в Москве, Жебелев с 1893 г. начал вести «Археологическую хронику эллинского Востока» — обзор новых археологических открытий, связанных с обнаружением различных памятников античной архитектуры и искусства. Эту хронику он вел из года в год без малого в течение десяти лет, а в начале 900-х годов им было опубликовано и собственное обширное исследование археолого-искусствоведческого характера «Пантикапейские Ниобиды» (СПб., 1901). В этой работе Жебелев опубликовал и всесторонне исследовал 25 частью терракотовых, частью гипсовых рельефных изображений Ниобид — детей Ниобы, хваставшейся ими перед Лето, за что они и были погублены стрелами Аполлона и Артемиды. Рельефные эти фигурки-«односторонки» служили украшением одного из древних саркофагов, обнаруженных в Северном Причерноморье. Жебелев уточнил их назначение, датировал их (временем эллинизма), а главное, провел настоящее искусствоведческое изучение, доказав, в частности, что греческие мастера, изготавлившие такого рода украшения к саркофагам, ориентировались в качестве образца не на статуарную скульптуру, а на рельефы, наподобие того, что украшал трон Зевса в его олимпийском святилище. Для обнаружения такого прототипа им был использован текст сочинения Павсания «Описание Эллады» (II в. н. э.), анализу которого он позднее посвятил специально большую статью.¹⁷

«Пантикапейские Ниобиды» демонстрируют умение Жебелева работать в качестве археолога и искусствоведа, но они уже знаменуют и обращение его к северопричерноморской тематике, которая традиционно занимала видное место в исследованиях отечественных антиковедов. Уже в следующем после «Ниобид» году он опубликовал статью о боспорских Археанактидах.¹⁸ Впрочем, особенно широко исследования в области древней истории Причерноморья развернутся у Жебелева позднее, уже в советское время.

Вообще с годами, как это и естественно у крупного ученого, диапазон научной работы Жебелева становился все более широким. Важными дополнениями к собственно исследовательской работе явились переводы античных авторов, издания переводных (с западноевропейских языков) трудов по античной истории и культуре, наконец, разнообразные историографические этюды-рецензии, обзоры, некрологи. В ряду жебелевских пере-

¹⁷ Жебелев С. А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // ЖМНП. 1909. Окт. Отд. V. С. 395—440.

¹⁸ Жебелев С. А. Боспорские Археанактиды // Там же. 1902. Март. Отд. V. С. 130—138 (перепечатка — Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 21—28).

водов заглавное место занимает новая русская версия «Политики» Аристотеля. Новый перевод этого центрального из политических сочинений Аристотеля был опубликован Жебелевым в 1911 г.¹⁹ Перевод был снабжен добротным историческим комментарием и обширной статьей о греческой политической литературе до Аристотеля, представляющей самостоятельную ценность. До революции Жебелев успел также издать заново выполненный в свое время Ф. Г. Мищенко перевод «Истории» Фукидида.²⁰ Перевод Мищенко, страдавший неточностями, был весь пересмотрен и исправлен Жебелевым, а само издание снабжено новыми, написанными Жебелевым, превосходными статьями о Фукидиде и его труде. Переводческой деятельностью Жебелев продолжал заниматься и в советское время, о чем мы еще скажем ниже.

Важную услугу русскому просвещению Жебелев оказал изданием — в переводах под его редакцией — крупных оригинальных трудов западных ученых: «Греческой истории» Роберта Пельмана (1910 г.) и «Истории греческой литературы» братьев Альфреда и Мориса Круаза (1912 г.). Первый труд на долгие годы стал источником важных идей для интерпретации греческой истории особенно в архаическое и позднеклассическое время (темы архаической революции и кризиса полиса). Второй до сих пор не имеет себе равных (во всяком случае, среди учебных пособий, к жанру которых он принадлежит) по полноте, а еще более по изяществу изложения главных явлений греческой литературы. Обе книги могли бы быть с большой пользой для всех — и для студентов, и для преподавателей — переизданы в наше время.

Особо надо подчеркнуть вклад Жебелева в историографию науки о классической древности. Он был трудолюбивым рецензентом многих работ русских и зарубежных ученых. Эти его рецензии, из года в год печатавшиеся в русских журналах, составляют важный блок в отечественных историографических штудиях. Еще более примечательной была другая линия историографических занятий Жебелева: подобно В. П. Бузескулу, он был мастером библиографических очерков, публиковавшихся им также из года в год в виде некрологов. Количество этих посмертных обзоров столь велико, а качество их, т. е. содержательность и объективность оценок, столь высоко, что Жебелева по праву можно назвать Плутархом современного антиковедения (что и было сделано Б. В. Варнеке в его оставшихся, впрочем, неопубликованными мемуарах). Среди этих обзоров есть и капитальные, разраставшиеся до объема целой монографии, как, например, обстоятельный очерк жизни и дея-

¹⁹ Аристотель. Политика / Пер. с греч. С. А. Жебелева. СПб.; М., 1911.

²⁰ Фукидид. История / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко в переработке С. А. Жебелева. Т. I—II. М., 1915.

тельности учителя Жебелева Ф. Ф. Соколова (1909 г.). Последний труд особенно ценен, поскольку содержит, в форме высказываний о научных принципах Соколова, изложение собственного ученого катехизиса автора.

Даже этого весьма беглого обзора ученой деятельности С. А. Жебелева достаточно, чтобы судить о том, какой значительной фигурой он стал в 900-е годы в научной жизни русского, в первую очередь, конечно, петербургского, общества. Его значение в этом плане может быть сопоставимо разве что со значением его знаменитых коллег по Петербургскому университету Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева. Следствием этого было непрерывное расширение сферы, так сказать, внеученого влияния Жебелева, и прежде всего в области преподавания. Помимо университета, он вел занятия в Историко-филологическом институте, этом своего рода педагогическом филиале университета, и на Высших женских (Бестужевских) курсах. На юбилейных торжествах, посвященных 25-летию ученой деятельности Жебелева (в 1916 г.), его чествовали как признанного мэтра представители студенчества всех этих трех высших учебных заведений.

Одновременно разрастается круг общественных обязанностей Жебелева. Как справедливо он сам указывает на это в Автонекрологе, он никогда особенно не рвался к административным постам, но и не уклонялся нарочито от исполнения тех или иных должностей, если, по его мнению, этого требовали интересы дела и если это не было категорически противно его натуре.²¹ В этом отношении он вполне напоминает Сократа, который, кстати, был ему симпатичен до такой степени, что позднее он посвятил ему специальный очерк. В Петербургском университете Жебелев исполнял на протяжении ряда лет обязанности ученого секретаря историко-филологического факультета, был проректором университета, а в страшное время революции и гражданской войны занимал ответственные посты декана факультета и ректора университета (1918—1919 гг.). За пределами университета его главными обязанностями на протяжении многих лет были ведение дел в классическом отделении Русского археологического общества (он состоял секретарем этого отделения с 1894 г.) и редактирование статей по классической филологии в Журнале министерства народного просвещения (на пост редактора отдела классической филологии в этом журнале он заступил в 1903 г., сменив рано умершего В. К. Ернштедта). Стараниями Жебелева были подготовлены к изданию статьи, составлявшие содержание отдела классической филологии названного важнейшего научного журнала в России за 1903—1918 гг.; они составили 15 объемистых сборников.

²¹ Жебелев С. А. Автонекролог... С. 186.

Это была весьма тяжелая, сильно отвлекавшая от собственной научной деятельности и не слишком-то оплачиваемая работа, но Жебелев ею не тяготился. Как он позднее признавался, ему нравилось этим заниматься, и он находил дополнительное оправдание этим занятиям в той пользе, которую приносило ему знакомство с новыми трудами своих сотоварищей по цеху.²² И многообразная плодотворная научная и преподавательская деятельность, и перечисленные общественные обязанности, исполнявшиеся Жебелевым с неизменным усердием, естественно создавали ему уважение и авторитет в ученой среде. Выражением этого общественного признания стало избрание Жебелева в 1914 г. членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Октябрьская революция обернулась для С. А. Жебелева, как и для большей части остальной русской интеллигенции, тяжким испытанием. Нарушилось нормальное течение столь дорогих для него учебных занятий в университете, закрылись Историко-филологический институт и Бестужевские курсы, прекратили свое существование Русское археологическое общество и Журнал министерства народного просвещения. Не будучи богатым человеком, Жебелев имел все же некоторые сбережения — теперь он их всех лишился.²³ Надо думать, что никакого сочувствия порожденные революцией перемены, нередко самого катастрофического свойства, у Жебелева не вызывали. Позднее он отзывался об этом времени не иначе, как о лихолетье. Однако, в отличие от Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева, он не покинул родины — отчасти потому, что не чувствовал за собой никакой политической вины, не скомпрометировав себя никакими публичными выступлениями против новой власти, но еще более потому, что у него никогда не было столь обширных связей с зарубежным научным обществом, как у только что названных его коллег. До революции у Жебелева за границей вышла всего лишь одна публикация,²⁴ да еще одна заграничная публикация будет осуществлена в советское время.²⁵

Вообще Жебелев с происхождения своим, и первоначальным воспитанием, и образом жизни был гораздо более привязан к русской почве, чем тот же Ростовцев, который был ярко выраженным западником, не говоря уже о поляке Зелинском, для которого отъезд из Петербурга в Варшаву был, в конце концов, всего лишь репатриацией. Жебелев был слишком русским человеком, чтобы последовать их примеру и отправиться в эмиграцию. Подобно все тому же Сократу, он не мыслил для

²² Там же. С. 183 сл.

²³ Там же. С. 192.

²⁴ Zebelev S. Zur Geschichte von Lemnos // *Klio*. Bd II. 1902. S. 36—44.

²⁵ Zebelev S. L'abdication de Pairisades et la revolution scythe dans le royaume de Bosphore // *Revue des Etudes Grecques*. T. 49. 1936. P. 17—37.

себя жизни за пределами своей родной страны, своего родного города. Для русской науки об античности это, во всяком случае, обернулось великой выгодой. Не эмигрировав, умудрившись выжить в самых тяжелых условиях, Жебелев фактически возглавил сильно поредевшие ряды русских антиковедов. Он стал центром притяжения разрозненных сил и своей деятельностью, научной, педагогической, общественной, обеспечил столь необходимое для науки преемство. Впрочем, как мы увидим, горькая чаша испытаний, из которой пришлось испытать русской интеллигенции, не обошла стороной и Жебелева.

Научная деятельность Жебелева после Октябрьской революции, по необходимости повинаясь если не духу, то требованиям времени, претерпела существенные изменения. Университетские аудитории заполнили новые люди, не всегда подготовленные к собственно ученым занятиям. Колоссально возрос спрос на популярную литературу, и Жебелев, естественно, откликнулся на эту новую общественную потребность, опубликовав в начале 20-х годов целый ряд популярных книг, предназначенных служить введениями в изучение древнегреческой и римской истории, а также археологии.²⁶ К общим пособиям по античной истории тесно примыкает написанная тогда же книжка об Александре Македонском.²⁷ Кроме того, Жебелевым были изданы два популярных биографических очерка, посвященных выдающимся представителям древнегреческой интеллигенции Сократу и Демосфену.²⁸ Выбор персонажей, возможно, был здесь не случаен: не исключено, что он был продиктован сходством горестной судьбы, постигшей афинских интеллектуалов, с той трагедией, которую переживала современная Жебелеву образованная и интеллигентная часть русского общества, к которой он сам принадлежал.

Показателен и другой поворот в ученой деятельности Жебелева. Как и некоторые другие русские исследователи классической древности, счастливо соединявшие ученый интерес с глубокой религиозностью, он испытывал особенное влечение к христианским сюжетам. До революции обращение к ним обычно было прерогативой профессоров богословия. Теперь с этой монополией было покончено, а между тем время, исполненное катастрофических перемен, возбудило новые импульсы к тому, чтобы всегда испытывавшийся религиозный интерес реализовать в специальных исторических разысканиях. И действительно, Жебелев воспользовался новыми возможностями для издания ряда работ, тоже, впрочем, скорее популярного характера,

²⁶ Жебелев С. А. 1) Древняя Греция. Ч. I—II. Пг., 1920—1922; 2) Древний Рим. Ч. I—II. Пг., 1922—1923; 3) Введение в археологию. Ч. I—II. Пг., 1923.

²⁷ Жебелев С. А. Александр Великий. Берлин; Пг.; Москва, 1922.

²⁸ Жебелев С. А. 1) Демосфен. Берлин; Пг., Москва, 1922; 2) Сократ. Берлин; Пг.; Москва, 1923.

по истории раннего христианства: о возникновении евангельской традиции, об образе Христа и о деятельности апостола Павла.²⁹ Им был обработан и ряд других христианских сюжетов, но эти другие сочинения остались неопубликованными.

Вместе с тем Жебелев не оставлял и собственно научной, аналитической работы, отчасти продолжая разрабатывать различные темы из истории классической и эллинистической Греции, в особенности из истории Афин, отчасти же, и еще более, продолжая и углубляя свои исследования по истории античного Причерноморья. Поводами к составлению статей, посвященных античному прошлому Северного Причерноморья, служили накопленные эпиграфические документы, а дополнительным стимулом стало возобновление в широких масштабах уже в 20-х годах археологических изысканий в этом регионе. Ряд статей посвящен Ольвии, ее характерному названию («Ольвия» буквально значит «Счастливый город»), ее отношениям с собственной метрополией Милетом и с понтийским царем Митридатом VI Евпатором. Другие касаются Херсонеса Таврического, его возникновения и политической жизни. Но более всего внимания Жебелевым было уделено истории Боспорского царства.³⁰

Все эти статьи являются великолепными образцами конкретного исторического исследования. В этом плане они служили продолжением научной традиции, заложенной еще Ф. Ф. Соколовым. Однако влияние нового времени заметно и в них. Характерное для советского антиковедения повышенное внимание к проблемам социально-экономических отношений и политической борьбы находит свое отражение в работах Жебелева, посвященных экономике Боспора при Спартокидах и политическому состоянию Херсонеса Таврического на рубеже IV—III вв. до н. э. Но более всего это проявится в его работе о восстании Савмака, о чем мы скажем чуть позже.

Что касается преподавательской деятельности, то она велась Жебелевым в первые советские годы параллельно в Петроградском (Ленинградском) университете и во вновь основанной Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). В первом он продолжал оставаться профессором классической филологии, а во второй руководил историко-филологической подготовкой новых аспирантов. С увольнением его осенью 1927 г. из университета ГАИМК стала для Жебелева основным местом работы. С университетом он не потерял

²⁹ Жебелев С. А. 1) Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919; 2) Христос-плотник // Христианский Восток. Т. VI. 1922, С. 303—314; 3) Апостол Павел и его послания. Пг., 1922.

³⁰ Печатавшиеся в самых различных изданиях, эти работы были позднее собраны и переизданы в виде книги: Жебелев С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи / Под ред. Д. П. Каллистова. М.; Л., 1953.

совершенно связи, он вел там отдельные занятия, но профессорской его карьере был положен конец.

Мы не знаем в точности мотивов и обстоятельств увольнения Жебелева из университета. Возраст не мог быть к тому поводом; скорее всего с ним расстались как с нежелательным представителем старой науки. Сам он тяжело переживал свой вынужденный уход из университета, но, как оказалось, это было лишь прелюдией к выпавшему на его долю более тяжелому испытанию.

В мае 1927 г. Жебелев был избран в действительные члены Академии наук СССР, что должно было стать для него своего рода компенсацией за последовавшую вскоре университетскую отставку. Впрочем, избрание было непростым: с инициативой перевода Жебелева в действительные члены Академии наук выступил еще в 1922 г. В. П. Бузескул, однако в академической среде у Жебелева нашлись сильные недруги, и их стараниями избрание было задержано на целых пять лет. А в следующем 1928 г. разразился настоящий скандал: за публикацию (с опозданием на 10 лет) некролога о своем друге Я. И. Смирнове в зарубежном эмигрантском издании,³¹ а еще больше за допущенную там характерную реплику о «лихолетье» Жебелев стал объектом яростных нападок в советской печати. Он был подвергнут настоящему остракизму, и лишь с большим трудом, после публикации соответствующего покаяния (хотя и в сдержанных и достойных, насколько это было возможно, выражениях), Жебелеву удалось избавиться от весьма опасной «проработки». При этом, однако, политический торг с советской общественностью не исчерпался для Жебелева признанием ошибочности своего участия в эмигрантском издании. Ему пришлось пойти на еще один унижительный компромисс посредством выразительного отречения от своего старого товарища — ушедшего в эмиграцию М. И. Ростовцева.³² Мало того, свою идейную лояльность он должен был затем подтвердить публикацией работ, выполненных в марксистском духе. Именно в этом русле родилось его исследование о восстании Савмака на Боспоре.

Надо признать, что в тех условиях Жебелев избрал наиболее достойный путь. Работа о восстании скифов на Боспоре была построена им на обычном для него историко-филологиче-

³¹ Жебелев С. А. Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*. II. Prague, 1928. С. 11—18.

³² Как сильно переживал и как сурово судил себя Жебелев за декларированный разрыв с М. И. Ростовцевым, видно из составленного им четырем годами позже предисловия к Автонекрологу: «... Я публично отрекся от него (Ростовцева. — Э. Ф.), отрекся, конечно, вынужденно, в силу сложившихся, но несколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни» (Жебелев С. А. Автонекролог... С. 177).

ском основании — на скрупулезном анализе эпиграфического документа (херсонесского декрета в честь понтийского полководца Диофанта), но акцент был поставлен на социально-политической интерпретации исторического факта, что и было соответственно подчеркнуто в заглавии: «Первое революционное восстание на территории СССР (историческая справка)» (Сообщения ГАИМК. 1932. № 9—10. С. 35—37). Краткая эта заметка уже в следующем году была опубликована в развернутом виде, в качестве своего рода минимонографии: «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (Изв. ГАИМК. Вып. 70. Л., 1933). В этом расширенном варианте работа Жебелева была затем дважды переиздана: в «Вестнике древней истории» (1938, № 3) и в посмертно изданном сборнике его статей «Северное Причерноморье» (М.: Л., 1953).

Эта работа стала важным моментом в советской историографии античности. В 30-е годы она была встречена восторженными отзывами историков-марксистов, увидевших в ней свидетельство перехода старого филолога-классика на рельсы марксистско-ленинского учения. Более того, подкрепленная академическим авторитетом автора, она стала примером и импульсом к дальнейшей усиленной разработке темы классовой борьбы в античном мире. Позднее, после войны, в пору начавшейся оттепели, вокруг нее вспыхнула горячая полемика. Одни, подобно С. Я. Лурье, подвергли критике и решительно отвергли как конкретную интерпретацию эпиграфического текста, так и опирающуюся на нее общую историческую концепцию Жебелева о восстании рабов на Боспоре.³³ Другие — и среди них также были крупные ученые, такие, например, как В. Ф. Гайдукевич и В. В. Струве — защищали позиции Жебелева и в критиках его видели ниспровергателей достижений советской науки,³⁴ за что и заслужили славу политических и научных консерваторов. Вообще полемика вокруг жебелевской работы о Савмаке в 50—60-е годы была одной из пробных схваток научной оппозиции с традиционным советским, пропитанным марксистской догматикой антиковедением.

Теперь, когда страсти вокруг работы Жебелева поутихли, мы можем не только откровенно говорить о внешних поводах,

³³ См.: Lurie S. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // *Meander*. Rok 14. 1959. T. 2. S. 69—74. В советской печати было дано только краткое изложение тезиса Я. С. Лурье (Вопросы истории. 1948. № 12. С. 183).

³⁴ См.: Гайдукевич В. Ф. 1) Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 303—304, 349—350, 536—538 (прим. 14 к гл. IX); 2) Еще о восстании Савмака // ВДИ. 1962. № 1. С. 3—23; 3) О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. // *Античное общество*. М., 1967. С. 17—22; 4) К дискуссии о восстании Савмака // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968. С. 81—95; Струве В. В. Восстание Савмака // ВДИ. 1950. № 3. С. 23—40 (перепечатка — Струве В. В. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л., 1968. С. 200—215, 265—268).

подтолкнувших автора к острой, в марксистском стиле, интерпретации исторического факта, но и спокойно оценить историко-филологическую подоснову этой интерпретации. Вся конструкция была возведена Жебелевым, как уже было сказано, на данных известной греческой надписи — херсонесского декрета в честь Диофанта (IOSPE, I², № 352). Этот Диофант был полководцем понтийского царя Митридата VI Евпатора, который в конце II в. до н. э. откликнулся на призыв Херсонеса Таврического, изнемогавшего в борьбе со скифами. Диофант не только отбросил скифов от Херсонеса, но и трижды побывал на Боспоре, находившемся тогда, по-видимому, в аналогичном трудном положении. Последний боспорский царь Перисад передал свое государство понтийскому царю, но эта акция была осложнена выступлением скифов во главе с Савмаком. Во время второго пребывания Диофанта на Боспоре, читаем мы в надписи, «когда скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его боспорского царя Перисада, а против него самого составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и т. д.» (далее рассказывается о возвращении Диофанта в Херсонес и о новой его, третьей по счету, экспедиции на Боспор, завершившейся подавлением движения Савмака).

Камнем преткновения в этом тексте является выражение «воспитавшего его» (*ekthrepsanta auton*). Вслед за В. В. Латышевым Жебелев отнес «его» на счет Савмака, а в причастии «воспитавшего» усмотрел особенный смысл — указание на рабский статус Савмака. При этом он ссылаясь на аналогию с отглагольным прилагательным того же корня *threptos*, обозначающим в некоторых древних текстах раба, вскормленного в доме господина, т. е. то же, что более распространенное в этом смысле *oikogenes*.

Надо заявить со всею определенностью, что сами по себе эти истолкования ничуть не хуже любых других, но, конечно, строго говоря, они всего лишь гипотезы и, как всякие гипотезы, уязвимы для критики. Так, под местоимением «его» можно, но не обязательно, подразумевать Савмака (критики предлагают другие варианты с Диофантом или даже Митридатом). Точно так же натянутой может представляться связь между причастием от сложного глагола *ektrepho* и отглагольным прилагательным *threptos*, произведенным от простой формы *trepho* и ставшим отчасти *terminus technicus*. Естественно, что на таких зыбких опорах рискованно делать вывод о массовом движении скифов-рабов на Боспоре в конце II в. до н. э. И уж совсем необязательно было другим возводить это построение Жебелева, работавшего под воздействием не одних только научных импульсов, в ранг крупнейшего достижения передовой марксистской науки.

Статья о Савмаке — не единственное свидетельство обра-

ния Жебелева, так сказать, *volens polens* к актуальному жанру социально-политических штудий, выполненных в марксистском духе. Можно указать на работу о великих восстаниях рабов в античном мире, подготовленную совместно с С. И. Ковалевым,³⁵ на характерную направленность написанных тоже в 30-е годы статей по истории Боспора и Херсонеса Таврического, о чем уже упоминалось выше. Добавим к этому участие в составлении известной в свое время хрестоматии «Античный способ производства в источниках» (Л., 1933), где, впрочем, Жебелев курировал главным образом близкий ему эпиграфический материал (подборка и перевод надписей, касающихся социально-экономических сюжетов). В этой связи упомянем и о других научных предприятиях, осуществленных в советское время при активном участии Жебелева, а именно о начатом, но, к сожалению, не завершенном издании всего Платона в новом русском переводе (1922—1929 гг.), а также о переводе «Гражданских войн» Аппиана (1935 г.). Заметим также, что и в советское время, как и раньше, Жебелев усердно продолжал писать хронику нашей науки, действуя привычным для него способом — составлением некрологов.

Последнее, о чем хотелось бы еще сказать, касается школы Жебелева. Мы уже подчеркивали значение того факта, что продолжением своей научной и педагогической деятельности в советской России Жебелев содействовал сохранению преемственной ученой традиции. Его стараниями важнейшее научное направление в отечественном антиковедении, которое обычно именуется историко-филологическим, продолжило свою жизнь и в советское время. Мы мало что можем сказать о лекциях Жебелева, о его мастерстве лектора. Едва ли его выступления перед большой университетской аудиторией были захватывающими. Впрочем, в советское время эта сфера преподавательской деятельности Жебелева оказалась по необходимости сужена. Но зато велико было значение тех семинарских занятий, с чтением греческих и латинских авторов или надписей, которые Жебелев по-прежнему продолжал вести в Петроградском (Ленинградском) университете, а также в ГАИМК.

В этих занятиях принимали участие ученики Жебелева разных поколений, как те, которые начали формироваться еще в дореволюционные годы, так и новые, молодые, кончавшие уже советскую школу и советский университет. Естественно, что они неодинаково воспринимали преподносившуюся им науку и их научные пути в дальнейшем могли сильно разойтись. Если И. И. Толстой (он, впрочем, свое ученичество у Жебелева завершил еще в дореволюционные годы) и А. И. Доватур самым

³⁵ Жебелев С. А. и Ковалев С. И. Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. в Риме // Из истории античного общества (Изв. ГАИМК, № 101). М.; Л., 1934. С. 139—180.

близким образом усвоили методу учителя и продолжали его дело, то другие, подобно Д. П. Каллистову, отведав чуть-чуть филологической мудрости, склонялись в дальнейшем к более широким историческим построениям, не обязательно опиравшимся на строгое филологическое основание. А иные, как О. М. Фрейденберг, известная позднее представительница структурализма в нашей науке, лишь по обязанности посещали занятия старого классика, не испытывая никакого глубинного влечения к той мудрости, которую он представлял.

В случае с Фрейденберг это особенно видно. Ее кумиром рано стал Н. Я. Марр, и не случайно, что во время диспута по ее диссертации в 1924 г. оба названных ее патрона оказались по разные стороны барьера: Жебелев, будучи официальным руководителем, выступал как оппонент с резко отрицательным отзывом (так же, как и И. И. Толстой и А. И. Малинин), тогда как Марр, в качестве председателя ученого собрания, открыто поддерживал диссертантку в ее споре с консерваторами.³⁶

Таким образом, говоря об учениках Жебелева, требуется известная осторожность. Не все, кто у него учился, продолжали его дело. Однако нашлись и такие, и среди них выдающееся место принадлежит упомянутым уже И. И. Толстому и А. И. Доватуре, чьи ученые труды и долголетняя педагогическая деятельность составили важное звено в развитии Петербургской историко-филологической школы, — не менее важное, чем деятельность М. С. Куторги, Ф. Ф. Соколова и самого Жебелева. И если верно, что жизнь мастера продолжается в его творениях, то судьбе С. А. Жебелева можно позавидовать: его дело живет в его ученых трудах, которыми мы продолжаем пользоваться, живет оно и в той научной традиции, которую до сравнительно недавнего времени представляли его ученики, а теперь представляют и ученики его учеников.

³⁶ Ср.: Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре // Восток и Запад. Вып. 3. М., 1988. С. 182 и 184.

И. А. ШИШОВА

АРИСТИД ИВАНОВИЧ ДОВАТУР (1897—1982)

В самом начале 50-х годов книжные магазины Ленинграда время от времени стал посещать необычный человек: небольшого роста, небрежно и бедно одетый. При этом внешний его облик явно не соответствовал ни изысканной речи, ни манерам, выдававшим принадлежность этого человека к тому слою

подлинно интеллигентных людей, которые к этому времени стали чрезвычайной редкостью. Он охотно вступал в разговоры с молодежью, особенно в тех случаях, когда замечал интерес к древней истории. Забрасывая собеседника вопросами, которые изобличали в нем специалиста по античности, он, однако, тщательно уклонялся от каких-либо разговоров о самом себе, а потому оставался для своих собеседников личностью весьма загадочной. Все же довольно скоро выяснилось, что в Ленинград вернулся известный в тридцатые годы филолог-классик Аристид Иванович Доватур, долгое время проводивший в сталинских лагерях...

Аристид Иванович родился 5 ноября 1897 г. в городе Рени (бывш. Бессарабия) в отличавшейся богатыми культурными традициями семье кадрового офицера русской армии. Дома говорили в основном по-румынски и по-французски. Знатком русского языка у женской половины семейства считался маленький Аристид. По семейным преданиям уже в очень раннем возрасте у него возник интерес к истории и, в частности, к истории Франции, которой он первоначально и занимался весьма обстоятельно.

В связи с переводом отца по службе Доватуры некоторое время жили в Варшаве, где юный Аристид поступил в Первую русскую варшавскую гимназию, отличавшуюся очень высоким уровнем преподавателей. О них Аристид Иванович хранил самые теплые воспоминания. В связи с началом первой мировой войны семья переехала в Саратов, где Доватур завершил гимназический курс и поступил на историко-филологическое отделение эвакуированного туда же Киевского университета. Перейдя затем в только что открытый Саратовский университет, Аристид Иванович, уже и прежде занимавшийся греческим языком, сделал окончательный выбор в пользу науки о греческих и римских древностях. Этот выбор был тем более удачен, что в Саратовском университете в то время преподавали известные филологи-классики С. И. Протасова и С. В. Меликова, прошедшие перед тем стажировку у Эд. Мейера и У. Вилламовица в Берлине, который еще в XIX в. стал крупнейшим центром науки об античности. К своим первым учителям, к числу которых он относил также В. Я. Каплинского, Аристид Иванович всю жизнь относился не только с почтением, но даже с некоторым трепетом. Впрочем, впоследствии те же чувства испытывали к своему учителю ученики самого Аристида Ивановича.

В Петрограде, куда он был в 1922 г. «командирован в качестве оставленного при Университете для продолжения научных занятий», круг его учителей расширился. Во время занятий в аспирантуре при Петроградском университете большое влияние на развитие А. И. Доватуры как исследователя оказали, наряду с С. В. Меликовой-Толстой, А. И. Малеин, С. Я. Лурье, а также академики И. И. Толстой и С. А. Жебелев, принадле-

жавшие к той школе отечественной науки об античности, основы которой в Петербурге были заложены Ф. Ф. Соколовым и В. В. Латышевым. Строгих принципов этой школы, ставившей своей целью изучение исторических текстов (в том числе и эпиграфических) с помощью филологических методов, А. И. Доватур придерживался неукоснительно.

В 1925 г. он окончил аспирантуру, сделав (согласно действовавшим тогда правилам) доклад в секции древнего мира научно-исследовательского Института истории литературы и языка Запада и Востока при Ленинградском университете, после чего в течение ряда лет был внештатным сотрудником Института.

До открытия кафедры классической филологии в ЛГУ, где А. И. Доватур преподавал с 1932 по 1935 г., он работал в различных библиотеках. В 1926 г., окончив Высшие курсы библиотекведения при Государственной Публичной библиотеке, он поступил туда работать вначале простым библиотекарем, а затем научным сотрудником и библиографом. В 1933—1934 гг. работал также библиографом в Библиотеке Академии наук.

В те же годы (с 1924 по 1934) он был еще и внештатным преподавателем греческого языка в Институте искусств, а также продолжал заниматься в семинарах своих учителей с тем, чтобы расширить свое знакомство с античными текстами.

В этот первый период жизни Аристид Иванovich в Ленинграде наука об античности была представлена не только мэтрами, но и более молодым поколением, к которому принадлежал и сам Аристид Иванovich и его друзья, составившие небольшой кружок, названный ими АБДЕМ (А. Болдырев, А. Доватур, А. Егунов, А. Миханков). На дому у членов этого кружка проходили регулярные чтения древних авторов. Тогда же зародилась дружба Аристида Иванovich с А. Н. Егуновым, оказавшим на него большое влияние.

После 1925 г., когда был опубликован совместный с другими членами АБДЕМа перевод греческого романа Ахилла Татия,¹ одна за другой выходят в свет многочисленные статьи А. И. Доватура, переводы с древнегреческого и латинского языков. Три его статьи были изданы за рубежом. Их публикует французский журнал «Revue des Études Grecques».

Увлеченный этой напряженной творческой работой Аристид Иванovich и его друзья скорее всего не слишком много внимания обращали на то, что происходило в стране. Едва ли они всерьез задумывались о том, как страшно отзовется на их

¹ Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Клитопонт / Пер. АБДЕМ. Под ред. Б. Л. Богаевского, со вступ. ст. А. В. Болдырева. М., 1925. Кроме членов АБДЕМа, в этом переводе так же, как и в переводе Геллиодора (Геллиодор. Эфиопика / Вступ. ст., ред. перевода и примеч. А. Н. Егунова. М.; Л., 1932), принимал участие Э. Визель.

судьбах создание кружка, целью которого было чтение античных авторов. Впрочем, в двадцатые годы наука и культура переживали годы относительного благополучия. Но уже в 1935 г., когда после убийства С. М. Кирова власти стали энергично очищать Ленинград от дворян и иных «нежелательных элементов», А. И. Доватур был выслан в Саратов, где преподавал в знакомом ему Саратовском университете до 1937 г. Одно упоминание этой даты способно вызывать ужас при мысли о многочисленных жертвах. Одной из таких жертв оказался и Аристид Иванович. Поводом, если тогда вообще был необходим повод, послужила злополучная аббревиатура АБДЕМ. А. И. Доватур был объявлен участником очередного заговора против существующего режима и осужден на десять лет, которые провел в одном из лагерей, находившемся в Горьковской области.

По-разному были сломаны судьбы и других членов этого кружка. В те годы отечественная наука потеряла многих блестящих специалистов, недостаток которых остро ощущался не только среди исследователей античности, но и во всех других областях отечественной науки и культуры. Зэка Доватура встречал в своих скитаниях по лагерям А. И. Солженицын. Он упоминал об Аристиде Ивановиче во многих своих книгах — и в «Раковом корпусе» и в «Августе 1914». Но самые яркие строки написаны им в «Архипелаге ГУЛАГ».

В главе «Музы в лагере» мы читаем:

«Вот Аристид Иванович Доватур — чем не чудак? Петербуржец, румыно-французского происхождения, классический филолог, отроду и доведу холост и одинок. Оторвали его от Геродота и Цезаря, как kota от мясного, и посадили в лагерь. В душе его все еще — недоистолкованные тексты, и в лагере он — как во сне. Он пропал бы здесь в первую же неделю, но ему покровительствуют врачи, устроили на завидную должность медстатистика, а еще раза два в месяц не без пользы для лагерных свеженабранных фельдшеров поручают Доватуре читать им лекции! Это в лагере-то — по латыни! Аристид Иванович становится к маленькой досочке и сияет как в лучшие университетские годы! Он выписывает странные столбики спряжений, никогда не маячившие перед глазами туземцев, и от звуков крошащегося мела сердце его сладострастно стучит. Он так тихо, так хорошо устроен! — но гремит беда и над его головой: начальник лагеря усмотрел в нем редкость — честного человека! И назначает... завпеком (заведующим пекарней)! Самая заманчивая из лагерных должностей! Завхлебом — завжизнью! Телами и душами лагерников изостлан путь к этой должности, но немногие дошли! А тут должность сваливается с небес — Доватур же раздавлен ею! Неделю он ходит как приговоренный к смерти, еще не приняв пекарни. Он умоляет начальника пощадить его и оставить жить, иметь нестесненный

дух и латинские спряжения! И приходит помилование: на зав-пека назначен очередной жулик».

Все, сколько-нибудь хорошо знавшие Аристида Ивановича, не раз слышали его воспоминания о лагерной жизни. Правда, он всегда стремился рассказывать о ней легко и даже не без некоторого юмора. Так, он любил повторять, что в лагере ему довелось быть в самом изысканном обществе — князей, графов и баронесс, к сожалению, слишком долго... Однако о самом страшном (в том числе — о данных медстатистики) он говорил лишь с близкими людьми. Все мы — и учившиеся у него, и работавшие вместе с ним, знали, какую неизгладимую тень наложил на него лагерь и с каким отчаянием ощущал он напрасно потерянные годы, когда только присущая ему сила воли помогла Аристиду Ивановичу сохранить все им накопленное в области науки. У Солженицына Аристид Иванович предстает тихим, потеряннм существом — «чудаком». Возможно, он и казался таким в лагере. Тем поразительнее, что ему удалось сохранить и энергию, и темперамент, и блестящую память, и острый интеллект.

Лагерный срок истек в 1947 г. Однако, как и всем другим заключенным, А. И. Доватуру было запрещено жить в больших городах. Он поселился в Луге, где занимался переводами латинских сочинений Ломоносова, Гильберта и Рихмана, которые выполнял для Института истории естествознания и техники АН СССР. В Луге он также редактировал переводы новых текстов переписки Вольтера и писем Цицерона. В эти годы он лишь изредка по делам наезжал в Ленинград, но свои поездки старался скрывать — отсюда и некоторая таинственность в разговорах с незнакомыми людьми. В 1955 г. Аристид Иванович получил долгожданную бумагу о полной реабилитации, подтверждавшую, что у большого ученого без всякой его вины были вычеркнуты из жизни лучшие годы.

С переездом в Ленинград начался новый, необычайно плодотворный период его жизни. По существу уже немолодым человеком он начал строить все с самого начала. В 1952 г., в возрасте 55 лет, он, при поддержке академика И. И. Толстого, защитил кандидатскую диссертацию. защите предшествовали достаточно унижительные для человека его возраста и образованности экзамены кандидатского минимума. Он вспоминал впоследствии, как решал, какой новый язык ему выбрать для сдачи экзамена. Французский был его родным языком — до последних лет он вел по-французски записи в своем дневнике, а французские мемуары он любил читать и в юности и в зрелые годы. К тому же он опасался поставить в неловкое положение экзаменаторов. К английскому языку он всегда относился неприязненно и полагал, что на странице текста могут встретиться два-три незнакомых слова. Он выбрал немецкий, на котором, как и на многих других языках, говорил свободно.

Аристид Иванович поставил перед собой цель — занять в науке место, которого он был достоин, и упорно стремился к этой цели, работая так продуктивно, как никто из его более молодых коллег. Если к 60 годам у него было около двадцати публикаций, то к концу жизни их насчитывалось уже более ста. Среди них многочисленные статьи, переводы, рецензии, а также фундаментальные труды, в основу которых были положены его кандидатская и докторская диссертации (о них будет подробнее сказано ниже). Защита докторской диссертации в 1965 г. (в 1968 г. он получил звание профессора) была, кстати сказать, определенным рубежом в его жизни. После защиты он разрешил себе хотя бы несколько расслабиться: читать художественную литературу, ходить в театры и в кино. Прежде на все это им самим был наложен строжайший запрет. В 1965 г. вышло и невероятно трудоемкое, отнявшее у него много времени, сил и, конечно, здоровья издание Корпуса боспорских надписей (КБН), для которого А. И. Доватур подготовил комментарий к большому числу надписей и грамматику, отражающую особенности греческого языка на Боспоре. Над КБН он работал по преимуществу «на общественных началах» (т. е. совершенно безвозмездно) в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Вокруг этого издания кипели отнюдь не академические страсти, но Аристид Иванович представлял в нем интересы науки, и без его участия оно едва ли могло состояться.

Напряженная исследовательская работа не могла, однако, заслонить главного и самого любимого дела его жизни. В 1955 г. он возвратился в Ленинградский университет, где с 1957 по 1971 г. возглавлял кафедру классической филологии, сменив на этом посту Я. М. Боровского, с которым до самых последних дней жизни его связывали дружеские отношения. Еще в тридцатые годы они вместе разрабатывали методику преподавания древних языков, которой Аристид Иванович много занимался и позднее. Об отношении Аристида Ивановича к студентам можно написать отдельную книгу, и, весьма возможно, она будет написана, ибо в жизни большинства его учеников он навсегда останется в памяти как необычайно яркий, живой человек, неподражаемый по своему артистизму рассказчик. Он был не просто талантливым педагогом, а учителем с большой буквы, учителем «милостью божьей». Он всегда точно оценивал возможности каждого своего ученика и умел раскрыть в нем все, что только поддавалось раскрытию. Простое чтение со студентами текстов того или иного автора сопровождалось таким богатством самой разнообразной информации, что иногда по прошествии некоторого времени его ученики с изумлением обнаруживали свою осведомленность в специальных отраслях науки об античности, о чем они прежде даже не подозревали. Даже проходя со студентами грамматику

(что может быть скучнее!), он умел оживить их ослабевающее внимание шуткой или интересным, не относящимся к предмету занятий рассказом, превращая любое занятие в увлекательную игру ума. Основанный им в 1956 г. студенческий научный кружок давал его ученикам дополнительную возможность истинно творческого общения с человеком, который щедро делился с ними огромным богатством знаний.

Аристид Иванович отнюдь не был ангелом. Он был необычайно вспыльчив и далеко не всегда прав в своих симпатиях и тем более антипатиях. Но никому из тех, кого он почему-либо невзлюбил, он никогда не отказывал в консультации и помощи. В последние годы его жизни, когда он начал заметно слабеть, нам, работавшим вместе с ним в ЛОИИ, приходилось ограждать его от назойливых посетителей, требовавших консультаций и даже помощи в переводе какого-нибудь обширного латинского трактата по физике или химии.

Надо заметить, что работу над переводами и комментированием новолатинских научных текстов, начатую еще в годы его пребывания в Луге, он продолжал и позднее. Он перевел примечания к некоторым латинским сочинениям Ломоносова. Уже после его смерти в журнале «Химия и жизнь» (1987, № 8) был опубликован перевод труда В. Гильберта «О магните». Как считают его ученики, занятия эти были важны для Аристида Ивановича, поскольку они укрепляли его веру в единство научного знания. Но, кроме того, ему вообще было свойственно сохранять живой интерес к тем областям науки, которыми приходилось заниматься иногда в ущерб основному направлению его научных поисков. Работал он всегда с огромным увлечением. Объем собранного им для таких, побочных, в сущности работ, как правило, был настолько велик, что оставался требующий лишь небольших доработок материал для целого ряда статей.

Во время подготовки КБН, отнявшей у него, как уже было сказано, много времени и сил, он вошел во вкус работы над надписями Северного Причерноморья, позволяющими пополнить уже имеющиеся сведения о древнейшем периоде истории этого региона, а также о жизни, быте и религиозных представлениях его обитателей. Этих занятий он уже более не оставлял. Северочерноморской эпиграфике он посвятил ряд своих научных докладов. Для задуманного им сборника наиболее содержательных надписей с обширным комментарием Аристид Иванович оставил ряд интересных этюдов, посвященных анализу стихотворных эпитафий. По одному из таких этюдов учениками Аристида Ивановича была после его смерти подготовлена статья «Проводы Феофилы». В ней тщательно исследуются особенности языка одной из самых выразительных стихотворных надписей, найденной в Керчи. В ней безутешные родители скорбят по поводу кончины юной Феофилы, похищенной безжа-

лостным Аидом. Эта статья, как и материалы индекса всех найденных на Боспоре эпитафий, была включена в сборник «Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья», опубликованный издательством «Глагол» (СПб., 1992).

Круг научных интересов А. И. Доватура был необычайно широк, а диапазон — безграничен. Еще в период своего вынужденного пребывания в Луге он занимался источниками по истории Рима, редактируя перевод писем Цицерона, крупнейшего оратора и политического деятеля Рима I в. до н. э. Он, совместно с другими авторами, переводил письма Плиния Младшего. Переписка этого видного римского администратора с друзьями, в особенности с императором Траяном, представляющая собой очень важный источник, в котором освещены самые различные стороны жизни Рима в конце I — начале II в. н. э., вышла в свет новым изданием уже после смерти А. И. Доватура (в 1984 г.).

Изучением сочинений римских авторов Аристид Иванович занимался всю свою жизнь. Он с легкостью переходил от анализа «Записок о Галльской войне» Цезаря к редактированию перевода сочинения «Авторы жизнеописаний Августов», выполненного С. П. Кондратьевым и публиковавшегося в журнале «Вестник древней истории» с 1957 по 1960 г. В том же журнале в 1957 г. он опубликовал статью по истории изучения этого памятника, а в 1960 г. указатель к биографиям римских императоров, составленный совместно с В. И. Денисюком. В римской историографии он чаще всего обращался к памятникам, освещающим поздний период римской истории. И все же с определенной долей уверенности можно утверждать, что римская историография не входила в круг наиболее близких Аристиду Ивановичу сюжетов. Тем более поражает та обстоятельность, с которой он работал над памятниками, попавшими в поле его зрения в силу тех или иных причин. Так, к 1972 г. он отредактировал выполненный его учениками перевод сочинения писавшего по-гречески автора II—III вв. Геродиана «История императорской власти после Марка». Переводу он предпослал фундаментальную статью «Историк Геродиан» (ВДИ, 1972, № 1), в которой познакомил читателя с рукописной традицией памятника, с неудачными попытками ряда исследователей расширить сведения о жизни Геродиана. Все известия о жизни этого автора, как показывает А. И. Доватур, следует извлекать только из его сочинения. Основное место в статье, посвященной Геродиану, уделено характеристике самой «Истории» как источника наших сведений о Риме, начиная с правления императора Коммода, наследника Марка Аврелия, и кончая Гордианом III. В центре внимания Геродиана, как подчеркивает А. И. Доватур, всегда император — его личность и деятельность, образ жизни и судьба. Отмечая многочисленные неточности сообщений Геродиана и трудность выявления тех источ-

ников, которыми он пользовался, Аристид Иванович вместе с тем дает полное представление о том, чем ценен этот труд, какие пробелы в римской истории он восполняет. Казалось бы, столь обстоятельный очерк должен был исчерпать весь материал, изученный Аристом Ивановичем при обращении к «Истории» Геродиана. Однако через три года появляется статья «Обзор новейших работ по „Истории“ Геродиана» (ВДИ. 1975. № 1. С. 205—217).

Позднеримской историей А. И. Доватур занимался и в последний период своей жизни.² Но все же самые яркие его работы связаны с изучением греческой литературы. Именно в них он полнее и ярче всего сумел воплотить историко-филологический метод исследования, унаследованный им от его учителей. Можно назвать целый ряд греческих авторов, любовь и интерес к которым Аристид Иванович пронес через всю свою многотрудную жизнь, чье творчество было ему особенно близко и дорого. Еще в студенческие годы он обратился к изучению элегий Солона — ключевой в истории античной цивилизации фигуры, сочетавшего в себе поэта, мыслителя и политического деятеля. За свое конкурсное сочинение «Личность и деятельность Солона в историческом предании» Аристид Иванович при окончании Саратовского университета был удостоен золотой медали.³ В дальнейшем элегии Солона стали предметом его постоянных размышлений. Солону он посвятил целый ряд статей. Еще в 1926 г., когда его жизнь еще не была омрачена «заботой» властей, а наследие античных авторов представляло такой богатый выбор для самых разнообразных штудий, он написал статью «К вопросу о влиянии стихотворений Солона на греческую историческую традицию» (1. Аристотель. Афинская политика; 2. Плутарх. Жизнь Солона, 13).⁴ Как и в первом его сочинении о Солоне, филологические наблюдения послужили опорой для решения вопросов афинской истории. Здесь, как обычно, Аристид Иванович следовал правилу, которое он не устал повторять: историк без филологии витает в воздухе, филолог без истории прижат к земле.

Поэтическое наследие Солона было самым тщательным образом изучено А. И. Доватуром при исследовании положения аттического крестьянства накануне реформ Солона в его последней, опубликованной при жизни, книге «Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э.» (Л., 1980). Работа над этой книгой не до-

² См., например, статью А. И. Доватура «Римский император Марк Аврелий Антонин» в кн.: Марк Аврелий Антонин. Размышления / Пер. А. К. Гаврилова. Л., 1985. С. 76—93.

³ Отдельные фрагменты из этого конкурсного сочинения А. И. Доватура помещены в комментарии к книге: Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 134—140.

⁴ Сборник статей в честь С. А. Жебелева (Л., 1926). С. 347—351 (машинопись).

ставила ему удовольствия. Он писал ее по обязанности, поскольку она была его «плановым заданием» в ЛОИИ, куда он в 1971 г. перешел на основную работу в качестве профессора-консультанта. Но возвращение к элегиям Солона должно было хотя бы отчасти смягчить горечь от потраченного на эту ненужную ему в сущности работу времени, которого оставалось так мало. Во всяком случае до этой книги Аристид Иванovich элегии Солона при изучении социальной действительности афинского государства в отечественной литературе с такой полнотой не использовались.

Любимым автором Аристида Иванovichа, общение с которым приносило ему всегда подлинную радость, был Геродот. Как и Солон, Геродот привлек его внимание в самом начале творческого пути. В 1928 г. в той, еще свободной жизни, были опубликованы «Заметки к Геродоту»,⁵ а в 1937 г., когда автор был уже вычеркнут из числа людей, имеющих право на жизнь, вышла на французском языке его статья «Угроза Демарата (Геродот. VI. 67)»,⁶ после которой в списке трудов Аристида Иванovichа следует красноречивая лакуна. Но именно с Геродотом связано и возрождение Аристида Иванovichа для отечественного источниковедения античности. Этому автору посвящена его кандидатская диссертация «Повествовательный и научный стиль Геродота», опубликованная в 1957 г. в издательстве ЛГУ. В этой книге исследуются истоки научного стиля греческой историографии. В ней приведен огромный сравнительный материал: сохранившиеся отрывки из сочинений бесспорных предшественников Геродота, а также его современников, надписи VIII—V вв. до н. э., позволяющие проследить появление документальной прозы, послужившей для Геродота источником приведенных в его «Истории» географических и этнографических описаний, различных исторических сообщений и т. д. Именно в документальной прозе, как пишет А. И. Доватур, первоначально выработались отличительные особенности ионийской исторической прозы, унаследованные Геродотом. Специальная глава посвящена социальной и политической терминологии у Геродота. В ней оттачивались приемы, которые потом сыграют важную роль при анализе исторического наследия Аристотеля — еще одного автора, не отпускавшего Аристида Иванovichа в течение всей его жизни.

Необычайно увлекательно и живо написаны главы, посвященные анализу исторической новеллы, которую Аристид Иванovich считал вторым основным элементом в истории Геродота, включающим всю совокупность устных рассказов исторического содержания: новеллу в собственном смысле, сказку, сагу, легенду, анекдот и т. д. Геродот жил в эпоху расцвета устного но-

⁵ ДАН — В СССР. 1928. № 4. С. 57—58.

⁶ REG. 1937. T. 50. P. 464—469.

веллистического рассказа и, по выражению А. И. Доватура, «черпал полными пригоршнями из живого родника новеллистической традиции». «Отец истории» собирал свои рассказы в разных странах и в разных слоях общества. Выявлению источников разнообразных сведений Геродота о Лидии, Ливии, Египте, Скифии — были ли то греки или местные толмачи — Аристид Иванович уделял особое внимание, выделяя каждый раз «греческий след». Любой фольклорный рассказ и целые комплексы новелл, которыми так богата «История» Геродота, были им подвергнуты тщательному филологическому и сравнительно-историческому анализу. В результате многие, знакомые еще со школьной скамьи легенды получили необычайно глубокий смысл; предложенные Аристом Ивановичем толкования позволяли понять и мировоззрение самого Геродота, и принципы его работы с противоречивыми версиями. Так, например, входящая в лидийский цикл легенда о трагической гибели лидийского царя Креза послужила отправной точкой для выявления воззрений Геродота на причины различных исторических событий и судеб отдельных людей. Множество разобранных с большой тщательностью новелл позволило А. И. Доватуре прийти к выводу, что в сознании Геродота большое место занимало представление о зависти богов (именно завистью богов, согласно одной из приведенных Геродотом версий, объясняется гибель Креза, чрезмерно возомнившего о себе; по другой версии — причиной его гибели была наследственная вина).

Исторические рассказы, собранные Геродотом отовсюду, несли с собой неодинаковую философию истории, и он, как показывает Аристид Иванович, не чувствовал никакой потребности примирить разнообразные точки зрения на движущие силы истории. Особенностью стиля новелл и всего исторического повествования Геродота А. И. Доватур считал многочисленные ученые примечания, касающиеся географии, этнографии, государственных установлений и в особенности истории в самом широком смысле этого слова. Эти оригинальные наблюдения Аристида Ивановича позволили ему подвергнуть серьезному пересмотру, дополнениям и уточнениям взгляды его предшественников, посвятивших свои труды сочинению Геродота.

Долголетнее изучение «Истории» Геродота и той поистине безграничной литературы, которая посвящена самым различным аспектам этого уникального памятника, было широко использовано при подготовке комментированного издания «Скифского рассказа» Геродота,⁷ для которого Аристид Иванович написал обширный очерк зарубежной литературы, начиная

⁷ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982.

с XVIII в., и филологический комментарий к отредактированному им новому переводу IV книги Геродота. Это издание, в котором были подведены итоги изучения труда Геродота как источника по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, состоялось только потому, что его участниками руководил такой крупнейший знаток «Истории» Геродота, каким был Аристид Иванович Доватура.

Характер и стиль сочинений самого Аристида Ивановича в значительной степени определяли жанр и стиль трудов того автора, к изучению которого он обращался. Сам прекрасный рассказчик Аристид Иванович сумел передать читателю увлекательную манеру изложения, характерную для «отца истории». Совсем в ином ключе написаны работы, посвященные трудам Аристотеля. Здесь преобладают точность и скрупулезность, соответствующие аналитическому жанру исследований великого грека. Исторические сочинения Аристотеля стали темой докторской диссертации А. И. Доватура, к созданию которой он шел долго и упорно. Впрочем, судьба аристотелевских штудий Аристида Ивановича сложилась по уже известной нам схеме. Аристотелю он посвятил доклад, завершивший его пребывание в аспирантуре ЛГУ в 1925 г., а в 1932 г. была опубликована статья под несколько необычным названием «Куропатка Клеобея».⁸ В ней рассматривался один из дошедших до нас фрагментов Милетской политики (сочинения о государственном устройстве милетян), сохранивший легенду о гибели Антея, юноши царского рода из Галикарнасса. Антей был заложником у правителя милетян Фобия, жена которого, Клеобея, страстно влюбилась в Антея. Так как чувство ее осталось без ответа, Клеобея решила погубить юношу. Загнав в колодезь ручную куропатку, она попросила Антея вытащить ее и сбросил на него сверху тяжелый камень. Блестящий анализ этого незамысловатого сюжета с привлечением многочисленных фольклорных параллелей позволил автору статьи установить связь легенды с целым рядом древних верований и символов. Таким был первый из появившихся в печати опытов обращения А. И. Доватура к наследию Аристотеля.

В 1933 г. появляется статья, посвященная анализу еще одного фрагмента из политик Аристотеля. В самом фрагменте речь идет о событиях, приведших к государственному перевороту, а в статье доказывается его принадлежность не к Магнезийской, как прежде считалось, а к Дельфийской политике. Можно с уверенностью говорить о том, что еще в 30-е годы круг научных поисков А. И. Доватура пополнился еще одним направлением — исследованием политик Аристотеля как жанра исторической прозы.

⁸ La perdrix de Cléobée // Язык и литература (Тр. Научно-исслед. ин-та речевой культуры. Т. VIII). Л., 1932. С. 265—272.

После 1933 г. снова обрыв, и лишь в мае 1957 г. уже в качестве преподавателя ЛГУ на первой конференции по классической философии Аристид Иванович выступает с докладом «Композиция „Политий“ Аристотеля». Жанр исторических сочинений Аристотеля — тема докторской диссертации, послужившей основой самого фундаментального труда А. И. Доватура «Политика и Политии Аристотеля» (М.; Л., 1965). Его появлению предшествовали многочисленные доклады, статьи, посвященные композиции отдельных политий. Была проделана поистине гигантская работа по изучению текста Политики и Политий, выявившая особенности жанра этих сочинений. Книга получила высокую оценку специалистов. В печати монография Аристида Ивановича оценивалась как крупнейшее достижение отечественной и мировой науки. В 1966 г. она была удостоена первой университетской премии.

Еще В. П. Бузескул и С. А. Жебелев, изучавшие Афинскую политику и Политику Аристотеля, отмечали, что выводы Аристотеля основаны на богатейшем историческом материале. Аристид Иванович также всегда подчеркивал, что Аристотель отнюдь не был далеким от реальной действительности кабинетным ученым. В своей книге он не только показал, что политии Аристотеля — это серия научно-популярных исследований, жанр которых был прежде неизвестен греческой историографии. Аристид Иванович также серьезно обосновал тезис о постоянном интересе Аристотеля к политическим реалиям его дней. Новую трактовку получила основная мысль Аристотеля, доказывавшего на примере истории Афин и других городов, что государственный строй греческих полисов постоянно и неуклонно ухудшается. Особого внимания заслуживает предложенное А. И. Доватуром решение спорного вопроса о том, кого считал Аристотель «единственным мужем», который готов даровать греческим полисам идеальный, с точки зрения Аристотеля, «средний строй», свободный от недостатков и крайней олигархии и крайней демократии (IV, 9, 12, р. 1296 а). Предшественники Аристида Ивановича усматривали в этом «единственном муже» различных выдающихся деятелей прошлого и в их числе Тесея, Ликурга, Солона и др. Тонкий филологический и исторический анализ указанного отрывка позволил Аристиду Ивановичу обосновать выдвинутое без серьезной аргументации Эд. Целлером⁹ предположение, согласно которому «единственный муж» — это Александр Македонский. Как известно, с деятельностью своего царственного воспитанника Аристотель связывал много надежд на его благотворное вмешательство в дела Греции, и потому, заключая свой блестящий анализ зна-

⁹ См.: Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. Bd II. Tübingen, 1846. S. 539. Anm. 3. — В третьем издании книги (Leipzig, 1879) Эд. Целлер назвал «единственным мужем» Эпаминонда.

менитого отрывка, А. И. Доватур имел все основания написать: «Перед нами одно из тех мест, в которых отчетливо видна обращенность теоретических рассуждений Аристотеля к современности» (с. 58). По силе и стройности аргументации этот раздел один из самых блестящих в книге.

«Единственный муж» был темой одного из первых докладов в стенах ЛОИИ. Думаю, что никто из присутствовавших на нем не забыл необычайно сильного впечатления, которое оставил не только доклад, поразивший редко встречающейся в те годы глубиной анализа античного текста, но и сам докладчик, его эрудиция, безукоризненная логика предложенного им решения и необычайно экспрессивная манера изложения, буквально ошеломившие слушателей.

Книга, посвященная жанрам исторических сочинений Аристотеля, богата яркими и оригинальными решениями самых различных проблем, текстологических, филологических, исторических. По выражению одного из рецензентов, она оставила после себя неизгладимый след в истории изучения творчества одного из величайших мыслителей древности.

После завершения монографии «Политика и Политии Аристотеля» Аристид Иванович по своему обыкновению не расстался ни с темой, ни с автором. В последние годы он был занят переизданием комментированного перевода «Политики» Аристотеля, вышедшего в 1983 г. Он также опубликовал об Аристотеле как историке целый ряд статей, а также рецензию на книгу американских ученых Дж. Дея и М. Чемберса «История афинской демократии Аристотеля».¹⁰ Вопросы, поднятые А. И. Доватуром в этой рецензии, сугубо принципиальны, поскольку она посвящена защите исторического наследия Аристотеля от модного в наши дни «антимодернизаторского» направления в науке, отвергающего многие свидетельства Аристотеля. А. И. Доватур убедительно доказал, что Дей и Чемберс, обвиняя Аристотеля в склонности к априорным построениям, сами следуют своим превратным представлениям о том, что факты, изложенные им в Афинской политике, недостоверны. Историческую ценность сообщений Аристотеля об архаических Афинах (а именно они чаще всего подвергаются разрушительной критике антимодернизаторов) А. И. Доватур доказывал, сопоставляя их с элегиями Солона, активного участника событий того времени, о котором Аристотель пишет в первых главах Афинской политики.

В план работы А. И. Доватура была внесена книга об Аристотеле как историке. Он опубликовал несколько статей на эту тему, но осуществить свой замысел полностью не успел...

Аристид Иванович, столько переживший, едва ли боялся смерти. Он любил повторять, что собирается, как это принято в

¹⁰ ВДИ. 1967. № 2.

его семье, дожить, по крайней мере, до девяноста лет. Но его долголетние родственники не сидели в сталинских лагерях и не работали буквально на износ. А именно так он трудился весь последний период своей жизни (с 1947 по 1982 г.) для того, чтобы выполнить все, что задумал, о чем, наверное, мечтал еще в заключении. Он боялся, что не успеет выполнить все, им намеченное. Может быть, ему не хватало философской определенности его друга — А. Н. Егунова. Для этого он был слишком страстным, слишком темпераментным и достаточно честолюбивым человеком. Но именно эти качества помогли ему сделать так много за отпущенные ему судьбой годы. Он стал ученым европейского масштаба и оставил в науке об античности свой собственный и достаточно глубокий след.

Нельзя забывать и о том, что за годы преподавания в Ленинградском университете, где после перехода в ЛОИИ он еще долгое время все на тех же «общественных началах» нес полную профессорскую нагрузку, А. И. Доватур оставил целую школу учеников, круг которых он очерчивал придирчиво и строго. Однако о «школе Доватура» можно говорить и в более широком смысле, имея в виду то влияние, которое он оказывал на всех, кому посчастливилось общаться с ним так или иначе и в особенности на тех, кому довелось с ним вместе работать. Подготовка Корпуса боспорских надписей, а также комментированного издания «Скифского рассказа» Геродота были именно школой, хотя бы отчасти возмещившей его более молодым коллегам по ЛОИИ недостатки образования, полученного в университете в годы тотального уничтожения науки.

Он действительно, как писал Солженицын, был всю свою жизнь холост и одинок. Из близких ему людей у него оставался лишь двоюродный брат — А. Н. Дейч, профессор, работавший в Пулковской обсерватории. С ним Аристид Иванович нередко проводил свой летний отдых. И далеко в Ереване — родная сестра, Раиса Ивановна, с которой он виделся редко, но переписывался регулярно.

Его семьей были ученики. Их он не просто любил. Он принимал самое горячее участие не только в судьбах самих учеников, но и членов их семей.

Он был необычайно щедрым человеком и, кажется, большую часть своих денег тратил на подарки. Его ученики до сих пор вспоминают о том, как он вел их в студенческий буфет (где всегда стоял в общей очереди) и накупал там гору пирожков, чем располагал к себе даже буфетчицу, известную своей профессиональной мизантропией. Он дарил студентам книги, которые приносил в большом мешке. Их раздача сопровождалась веселой игрой. Мы, работавшие вместе с ним, нередко находили на своих столах конфеты или плитки шоколада (тем, у кого были дети, полагались дополнительные — «для малюточек»), а также только что вышедшие из печати

книги по специальности. У него был редкий талант общения с людьми, даже совершенно незнакомыми. Он иногда огорошивал их самыми неожиданными вопросами или разъяснениями, в которых, как ему казалось, нуждался его случайный собеседник. Подобные знакомства иногда сохранялись на всю жизнь, особенно в тех случаях, когда он находил в них возможные родственные связи.

Характер у него был нелегкий, а поступки, нередко продиктованные чисто южным взрывным темпераментом, не всегда предсказуемы. Ему случалось иногда несправедливо обидеть человека, хотя, нужно добавить, что в этих случаях он мучился куда больше, чем сам обиженный. Именно поэтому на эти редкие, но впечатляющие припадки ярости мало кто обижался. Его очень любили ученики. Любили те, кто с ним вместе работал, соседи по коммунальной квартире, в которой он жил, возвратившись в Ленинград из Луги, где у него также сохранилось много друзей, и еще много самых разных людей, испытывавших неотразимое обаяние этого необычайно талантливого и самобытного человека. И это не просто слова, которые принято говорить о том, кто уже ушел из жизни.

Весной 1980 г. Аристид Иванович тяжело заболел. Как выяснилось уже в больнице, куда его увезли по скорой, болел он уже давно и, согласно кардиограмме, перенес на ногах, по крайней мере, два инфаркта. Мы видели, с каким трудом он работал последние годы. Он слабел на глазах. Медленно, и с большим усилием передвигался, держа по лагерной привычке руки за спиной. Его походка словно была скопирована артистом Евстигнеевым, игравшим профессора Плейшнера в фильме «Семнадцать мгновений весны». Спрашивать Аристида Ивановича о самочувствии было небезопасно. Можно было получить либо сухой ответ, либо взрыв самого яростного негодования. Но когда он оказался в больнице, то, как отмечал медицинский персонал, у них еще не было больных, окруженных заботой такого большого числа людей. И позднее, когда он находился на предписанном ему постельном режиме дома, его навещали буквально каждый день. И это не были визиты вежливости, едва ли полезные больному человеку. Просто было необходимо накормить его и хотя бы как-то организовать его быт, к которому он всю свою жизнь был более чем равнодушен. Комната была буквально набита книгами, а книжный развал на письменном столе, в котором сам он прекрасно разбирался, грозил обрушиться в любую минуту. На фоне этого развала его удалось сфотографировать. Эта фотография, на которой у Аристида Ивановича столь знакомое нам ироничное выражение лица, помещена в книге «Феогнид и его время», опубликованной уже после смерти автора.

Сам он питался обычно в столовых, покупая на ужин неизбежный кефир. У него не было даже холодильника, перед ко-

торым он испытывал почти суеверный ужас. Вынужденный из-за болезни терпеть его присутствие в комнате (ибо как иначе можно было сохранять запасаемую для него еду), он, кажется, к нему так и не притронулся.

Когда его увезли с последним инфарктом, врач сказал, что следующего раза уже не будет. Но жить инвалидом Аристид Иванович не желал и не мог. Выписанный вторично из больницы, он снова возобновил научную работу, у него на дому проходили заседания с докладами. Он занимался со студентами и обучал свою внучатую племянницу французскому языку. В довершение всего, обманув бдительность Ю. К. Поплинского, самого преданного из своих учеников, он добрался до Университета и провел там 171-е заседание студенческого научного кружка, стоившее ему жизни.

В его архиве было обнаружено множество недоконченных статей, отдельных заметок, обширных библиографических обзоров. Издать эти материалы взялись его ученики и те, кто работал с Аристом Ивановичем последние годы. Уже увидела свет статья, посвященная интерпретации одной из эпиграмм римского поэта I—II вв. Марциала.¹¹ В ней язвительный Марциал, чьи эпиграммы были зеркалом, отражавшим жизнь императорского Рима, выступает в несвойственной ему роли философа, занятого вопросом о существовании богов. Отвергнув все ранее существовавшие толкования этой эпиграммы, Аристид Иванович подробно ее исследовал и, продемонстрировав читателю, как игра слов определяет композицию и смысл многих эпиграмм поэта, доказал с необыкновенным изяществом, что и в данном случае Марциал, неожиданно переходя из философского плана в бытовой, высмеивает какого-то достаточно известного философа, выступающего в эпиграмме под вымышленным именем Сегий, для которого философские рассуждения — источник дохода.

Самому Аристу Ивановичу более всего радости, вероятно, доставил бы выход в свет прекрасно изданной, снабженной разнообразными индексами книги «Феогнид и его время». В книгу включены как опубликованные статьи, так и архивные материалы, подготовленные его учениками — А. К. Гавриловым, И. А. Левинской, а также другими сотрудниками ЛОИИ. В этой книге нашли свое отражение различные формы творчества А. И. Доватура, связанные с изучением греческой элегии, к которой он обращался в самые различные периоды своей жизни. Введением послужила глава об элегии, предназначенная автором для учебника античной литературы. Ясность и простота ее изложения дают возможность представить еще одну сторону творчества А. И. Доватура, адресованного на сей

¹¹ Марциал. IV, 21 (опыт интерпретации) // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 11—32.

раз тем, кто только приступает к изучению предмета. Но основное место в книге, естественно, уделено творчеству Феогнида как ценнейшему источнику для изучения истории Мегар и греческого мира в целом на заключительном этапе архаической революции. Аристид Иванович отвергает мнение исследователей, полагавших, что в стихотворениях Феогнида никаких исторических сведений почерпнуть нельзя. Анализируя творчество поэта, А. И. Доватур доказывает, что в нем отразились основные линии истории Мегар и связанная с ней личная судьба Феогнида, аристократа по происхождению, длительное время принимавшего участие в политической борьбе. «Изгнание, конфискация имущества, бедность по возвращении на родину, — пишет А. И. Доватур, — с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что он принадлежал к побежденной стороне» (с. 87). Выразительно показан и характерный для поэзии Феогнида социальный пессимизм, связанный с разочарованием в тех, кого поэт считал близкими себе людьми. Ему стали глубоко чужды аристократы, которые не только примирились с новым политическим порядком, но и вступали в родство с богатыми людьми из незнатных слоев мегарского общества. В этом труде Аристида Ивановича нашел отражение его жизненный опыт: заключение, а затем и вынужденное пребывание в Луге помогли ему глубже, чем кому-либо другому, понять горечь строк мегарского изгнанника.

В книгу о Феогниде включена статья, как бы завершающая цикл исследований греческой элегии. Она посвящена поэтической полемике о ценности жизни, которую вел Солон с поэтом Мимнермом, уроженцем города Колофона.¹²

Мимнерм, простившись с молодостью и опасаясь наступления безрадостной старости, заявляет о своей готовности умереть по достижении шестидесяти лет. В ответ Солон раздвигает границы жизни до восьмидесяти лет. Отношение к жизни самого Аристида Ивановича в последние, предзакатные годы несомненно совпадало с позицией Солона. Он заполнил свою жизнь наукой об античности и сделал своим девизом непрерывное обогащение своего разума новыми знаниями. Подобно Солону, он мог сказать: «Я старею, все время многому научаясь».

Прошло более десяти лет со дня смерти Аристида Ивановича. Но он продолжает жить в публикующихся трудах, созданных им самими и его учениками, в наших постоянных разговорах о нем, в чтении его памяти на филологическом факультете в Санкт-Петербургском (как и в начале его жизни) университете и в

¹² Доватур А. И. Солон и Мимнерм. Поэтическая полемика по поводу разного восприятия жизни // Традиция и новаторство в античной литературе. К 100-летию со дня рождения академика И. И. Толстого. Межвуз. сб. Л., 1982. С. 55—62. Позднее также в кн.: Доватур А. И. Феогнид и его время. С. 118—124.

Санкт-Петербургском же филиале Института истории Российской Академии наук. Такие чтения проводятся и на его родине, в городе Рени, где на одном из домов укреплен доска с надписью: «В этом доме родились доктор филологических наук Аристид Иванович Доватур и доктор физико-математических наук, астроном Александр Николаевич Дейч». По сторонам доски два барельефа, выполненных из черного гранита: портрет Аристида Ивановича и его двоюродного брата А. Н. Дейча.

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
(доклады профессора античной истории,
ректора Лозаннского университета Пьера Дюкре
на Историческом факультете СПбГУ
в апреле 1994 г.)*

П. ДЮКРЕ

ВОЙНА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Введение

Подсчитано, что греки в период с 490 до 338 г. до Р. Х. воевали каждые два года из трех и что в это же время они не знали мира более чем десять лет подряд. Эти цифры ошеломляют, они могут вызвать впечатление, что греки только и делали, что воевали. Однако эту оценку следует воспринимать с некоторыми поправками. Греческий мир состоял из большого числа суверенных государств, что сопоставимо с нашим миром, который, если брать его в целом, в последние 40 лет также не был свободен от войн.

Настоящий доклад посвящен таким сюжетам, как победа и поражение, а затем и более всего — обращению с побежденными в Древней Греции. Но это предполагает предварительное знакомство с собственно военным делом. Соответственно доклад строится так: первая часть посвящена сражениям, победе и добыче, вторая — судьбе побежденных, а третья — законам, нравам и обычаям, определявшим положение побежденных.

Часть I. Война

1. Сражения на суше и на море

В классическую эпоху греческой истории царицей полей была тяжелая пехота. Воин-гоплит имел на вооружении копье и меч, а также большой круглый щит, панцирь, шлем и поножи. Представить себе сражение гоплитов не просто, хотя мы располагаем некоторыми описаниями, особенно Фукидида и Ксенофонта. Лучшее изображение мы находим на вазе из кол-

© П. Дюкре, 1997

* Доклады в оригинале составлены были на немецком и французском языках. Здесь они приводятся в сокращенном переводе Э. Д. Фролова.

лекции Киджи: два ряда выступающих друг против друга воинов в полном вооружении, с копьями, нацеленными в горло противника, поскольку оно не было защищено ни щитом, ни панцирем. Воины идут в ногу, а ритм задается флейтистом.

Хотя нам легко представить первую фазу боя — столкновение двух армий, труднее судить о продолжении сражения. Традиция лишь сообщает, что та армия становилась победителем, которая прогоняла врага с поля боя. Примером может служить гоппитское ополчение афинян, разгромившее персов при Марафоне. Мощная в натиске фаланга гоппитов, однако, имела свои слабости, как показали битва при Левктрах в 371 г., где спартанцы были разбиты фиванцами, и битва при Киноскефалах, где македоняне были разгромлены римлянами (198 г.).

Помимо гоппитов, надо напомнить о пельтастах — легковооруженной пехоте, появившейся с конца V в. Вооруженные копьями, короткими мечами-махайрами и серповидными щитами-пельтами, эти воины, бывшие нередко наемниками-профессионалами, доставляли большие неприятности традиционному строю гоппитов.

2. Захват городов

Другим типом военных действий был вооруженный захват городов. Уже в архаическое время греки начали укреплять свои города. Искусство защиты и укрепления городов достигло вершины в IV в. и далее в эллинистическую эпоху. Оборонительные стены греческих городов, вроде Длинных стен у афинян, играли такую же роль, как швейцарская Альпийская крепость в 1940 г., или как атомное оружие: они должны были показать возможному противнику, что ввиду мощи укреплений прямой захват города обойдется слишком дорого. Однако этого было недостаточно, если нападающая сторона решалась на осаду или штурм. Судьба защитников и жителей была различной в зависимости от того, был ли город взят штурмом или сдан на капитуляцию.

Дополнительно надо сказать о сражениях на море. И здесь о столкновениях триер можно судить как по рассказам древних авторов, так и по изображениям на памятниках искусства.

3. Победы, жертвы и посвящения

Если была одержана победа на поле боя, то она отмечалась прежде всего боевой песнью и, конечно же, установлением трофея. Обычай, по которому победители после сражения снимали оружие с поверженных врагов, описан уже в «Илиаде». Гомеровские герои рассматривали это оружие как часть своей добычи, не забывая, впрочем, посвящать долю ее богам. Однако обычай воздвигать трофеи на поле битвы, кажется, появился лишь позднее. Различают два типа трофеев — антропоморфный и простое нагромождение шлемов, щитов и панцирей.

Воздвижением трофея победитель выражал желание посвятить свою победу богам. Это посвящение было связано с жертвоприношением. Соответственно уничтожение трофея воспринималось как святотатство.

Морские сражения не представляли исключения: в качестве трофея жертвовали богам часть корабельного носа или даже целый корабль. Такой трофеем устанавливали в месте, откуда победоносный флот отплыл в море или на высоком мысу вблизи места сражения.

Некоторые сражения обладали для греков особым значением, если, например, они были связаны с борьбой за независимость. В их память и в благодарность богам за помощь устанавливали особый ритуал, устраивались особые празднества. Так, платейцы в память о победе над персами вблизи их города устраивали ежегодное жертвоприношение и процессию в честь павших воинов.

4. Жертвы и посвящения

Парадоксальным образом война внесла свой вклад в свершения греческой культуры благодаря посвящению части добычи (обычно десятины) богам. Эти средства использовались на возведение храмов, портиков и сокровищниц, на заказы скульпторам, художникам и ювелирам.

Солдаты охотнее всего посвящали богам оружие. Поэтому освященные места полны предметов вооружения. Как правило, посвященное оружие хранилось в портиках. После морских побед богам посвящали предметы такелажа, паруса, весла, тараны и даже целые корабли. Храм Афины Афайи на Эгине хранил бронзовые тараны самосских кораблей, а портик афинян в Дельфах — такелаж с персидских судов.

Часть II. Судьба побежденных

1. Обращение с побежденными

После поражения в Сицилии в 413 г. оставшиеся в живых 7 тыс. афинян были заключены в сиракузские каменоломни, где многие из них умерли от ужасных условий, а выжившие были, в конце концов, проданы в рабство. Это событие поднимает вопрос об обращении с военнопленными в греческом мире: какова была судьба воинов, взятых в плен на поле боя, и жителей завоеванных городов? Постигала ли всех одна и та же судьба — греков и чужеземцев, участников войны и сторонних лиц, граждан и рабов, мужчин и женщин? Можно ли постичь мотивы, определявшие поведение победителей, и точнее представить обстоятельства, способные изменить их позицию?

Прежде всего необходимо коснуться проблемы терминологии. Если сейчас выражения типа «военнопленные» и «гражданское население» являются точными юридическими понятиями

ми, то в греческом мире это выглядело иначе. Технический термин для военнопленного «айхмалотос» (взятый копьем) чаще встречается в эллинистическое и римское время. Авторы V столетия предпочитают прагматические или образные названия, которые выразительно обозначают пленных, но не содержат однозначного определенного понятия.

Согласно обычному представлению сражения у греков заканчивались для каждой из сторон либо победой, либо гибелью (ср. слова Мардония у Геродота, VII, 9). Но действительность нередко выглядела иначе: многие сражения завершались пленением побежденных. В греческой истории из 120 правительственных сражений лишь 24 закончились истреблением побежденных, тогда как 28 завершились обращением в рабство, а 68 привели к иным последствиям — заключению в тюрьму, обмену, зачислению в войско победителей.

Что касается поголовного истребления, то нередко оно проходило при особых обстоятельствах, например, в войне не на жизнь, а на смерть между двумя соседними городами, вроде Кротона и Сибариса, или в гражданской войне. Пелопоннесская война началась и закончилась подобной резней: фиванцев и пелопоннессцев в Платеях в 431 г. и афинян после битвы при Эгоспотамах (405 г.).

2. Обращение в рабство, заключение в тюрьму и другие варианты

Если истребление побежденных было сравнительно редкой мерой, то обращение в рабство — гораздо более частой. Напомним в этой связи о судьбе афинян в Сицилии.

Продажа пленных в рабство или их использование на принудительных работах указывает на экономическую эксплуатацию победы. Так, акрагантяне принудили карфагенских пленных участвовать в строительстве огромного храма. Афиняне использовали часть 20 тыс. пленных после битвы при Эвримедонте на работах в серебряных рудниках Лавриона.

Наряду с истреблением и обращением в рабство, надо упомянуть о заключении в тюрьму и обмене. Характерный пример — судьба спартанских воинов, захваченных афинянами на Сфактерии во время Пелопоннесской войны: 292 воина, в том числе 120 знатных спартиатов, было доставлено в Афины и заключено в тюрьму. Их жизнь афиняне сделали залогом того, чтобы спартанцы воздерживались впредь от вторжений в Атику. Лишь четыре года спустя они были обменены на афинских военнопленных.

С IV столетия война приняла другие масштабы. Возросшей величине армий соответствовали огромные массы военнопленных. Показательна политика Александра Великого, который использовал самые различные меры в отношении побежденных — от щадящих до полного уничтожения.

3. Судьба жителей завоеванных городов

Ксенофонт в «Киропедии» (VII, 5, 73) говорит о том, что по общему и вечному закону в городе, захваченном врагами, все принадлежит победителям — и люди и их имущество. Это определение подтверждается историческими примерами начиная с судьбы Трои.

Каково все-таки было отличие судьбы защитников и жителей поселения от судьбы солдат, сражавшихся в открытом бою? Прежде всего надо учитывать разность самой борьбы: город, защищенный стенами, мог долго сопротивляться агрессору. Его защита была для гражданской общины делом жизни. Падение города имело более тяжкие последствия, чем поражение армии, ибо оно могло означать для защитников смерть, для населения — порабощение, а вообще — исчезновение государства как независимого социального и политического единства.

У агрессора было много способов использовать свою победу. В случае упорного сопротивления защитников постигала смерть, а женщин и детей — рабство. Определяющими для поведения победителей были политические расчеты, но временами их поведением могли руководить ненависть или гнев. Сошлемся на примеры с Сибарисом, Платеями, Митиленой, Мелосом, наконец, с Фивами, уничтоженными Александром.

Успех или неудача при осаде городов зависели от возможностей нападавших и защитников. Успешные нападения были скорее редкостью, поскольку из 69 таких случаев в V в. 42 закончились соглашениями. Обычным условием капитуляции было предоставление защитникам и населению возможности покинуть город с минимумом имущества.

4. Тюремное заключение, казнь и жестокое обращение

Условия заключения для военнопленных могли быть различными: худшим случаем была работа в рудниках, но бывали случаи и простого содержания в государственной тюрьме (судьба спартанцев, плененных на Сфактерии). Нередко заброшенные каменоломни обращались в лагеря для военнопленных (как это было в Сиракузах в 413 г.). Пленные иногда заковывались в цепи. Напомним, что на Афинском акрополе хранились цепи, в которые были закованы пленные беотийцы и халкидяне (после их поражения в конце VI в.).

Хотя обычным орудием истребления или казни был меч, использовались и другие способы расправы, например, утопление пленников в море, как это было проделано со святотатцами-фокидянами после их разгрома Филиппом в Фессалии. Особенностью этого метода было то, что здесь избегался прямой кон-

такт между исполнителем наказания и наказуемым. То же было и в случае сбрасывания со скалы. Святотатцы погибали от воздействия внешней среды, и исполнители приговора не оскверняли своих рук безбожной кровью.

Хотя и не часто, но временами военнопленные подвергались пыткам и мучениям, распятию, увечью и т. п., как это практиковалось в городах Сицилии (вспомним о быке Фалариса).

В некоторых случаях пленным на лбу выжигалась эмблема их победителей: сова — афинянами, корабельный нос — самосцами, лошадиная голова — сиракузянами. В истории человечества этот обычай известен издавна — обычай отмечать тавром стада скота или группы людей. Вспомним также о наказании Ксерксом Геллеспонта за разрушение наведенных царем мостов: море получило триста ударов плетьюми, в него бросили цепи, а воды его прижгли раскаленным железом.

Часть III. Военное право и общественное мнение

1. Военные обычаи и военное право

Война в Древней Греции подчинялась целому ряду законов и обычаев, которые довольно точно предписывали, что дозволено и что запрещено воюющим сторонам. Этот кодекс чести находит свое происхождение в греческом менталитете, для которого определяющим было внимание к религии. Чувство принадлежности к единой общности людей, говорящих на одном языке, почитающих одних богов и имеющих одни и те же обычаи, также способствовало тому, чтобы определить границы поведению воюющих сторон.

Конечно, поскольку эти установления не были зафиксированы в письменной форме, их соблюдение зависело от доброй воли каждого. Лишь повеления богов обладали неоспоримым авторитетом, но и на них временами не обращали внимания: прибегающих к защите богов в храме могли пощадить, а могли и не пощадить. Наказаниями для святотатцев в таких случаях могли быть неудача, толкуемая как знак божественного вмешательства, и неодобрение, высказываемое общественным мнением. Последнее находило свое выражение там, где господствовала свобода мысли, как это было при демократии. Население могло выражать свою точку зрения либо прямо, в народном собрании, либо через ораторов, поэтов, философов и историков.

Вспомним о главных правилах ведения войны: обязанность держать данное слово или соблюдать договор, уважение к священной перемирию во время религиозных праздников, право для побежденных собрать и похоронить своих мертвецов, неприкосновенность трофеев, культовых центров и мест, равно как и лиц, выполняющих религиозные функции или находя-

щихся под защитой богов. К этому добавляется общее правило, согласно которому хладнокровное истребление взятых в плен вражеских воинов было недопустимым (ср. выражение этого взгляда в «Гераклидах» Еврипида).

2. Заключение. Война и общественное мнение

Отметим одну из существенных черт, которая отличает греческий мир от других: сознание того, что эксцессы достойны сожаления и незаконны и что они подлежат осуждению. В то время как восточные народы были подвластны авторитету, запрещавшему им выражение своих мнений, а римляне оправдывали законом свои войны и свои завоевания со всеми их последствиями, греки голосами своих поэтов, писателей и художников ясно высказывали мнение, что массовые убийства и обращение побежденных в рабство не являются корректным образом действия. Величие Греции, возможно, основывается на том, что боги и общественное мнение порою добивались успеха в том, чтобы изменить естественный ход вещей и воспрепятствовать систематической практике массовых убийств и обращений в рабство.

С.-Петербург, 5.IV.1994.

П. ДЮКРЕ

ШВЕЙЦАРСКИЕ РАСКОПКИ В ЭРЕТРИИ НА ЭВБЕЕ

1. История раскопок в Эретрии

Раскопки в Эретрии начались в XIX в. Греческие и американские археологи выявили главные памятники древнего города: святилище Аполлона Дафнефора, театр, гимнасий, а также ряд погребений, доставивших прекрасную керамику. В 1962 г. греческие службы археологии предложили швейцарским университетам принять участие в раскопках древней Эретрии. Швейцарские работы начались с весны 1964 г. Можно сказать, что они увенчались большим успехом: они выявили жилые кварталы классического времени и важные следы геометрического периода, а именно целую группу погребений с богатым инвентарем и сооруженными рядом культовыми зданиями — ансамбль, который определяется как Героон. Кроме того, в районе святилища Аполлона обнаружены еще более древние следы, возможно, первых греческих храмов. К северу от этого

святилища раскрыт священный участок с примыкающим к нему хранилищем даров. Наконец, греческий археолог Петрос Темелис открыл дальше к северу остатки ювелирной мастерской.

Эти открытия проливают новый свет на прошлое Эретрии в геометрический период. Кроме того, они вписываются в контекст других открытий, сделанных неподалеку в Лефканди археологами Британской школы, а также на Ближнем Востоке, на сирийском побережье, и в Южной Италии. В докладе дается обзор возникающих в связи с этим проблем и их возможных решений.

2. Эвбея и конец микенского мира

Начнем с короткого напоминания, что к 1200 г. до Р. Х. микенские царства попали в тяжелый кризис: цитадели Микен и Тиринфа были взяты штурмом, Пилос и Фивы сожжены. Эти события, потрясшие Грецию и все Восточное Средиземноморье ставятся в связь с нашествием «народов моря». К этой же эпохе относят и конец Трои.

Разрушение микенских царств не сопровождалось немедленным их обезлюдением. Недавние исследования в Арголиде показали, что земледельцы продолжали обрабатывать свои земли и что жизнь вообще продолжалась. То же можно сказать об Эвбее. Хотя микенская эпоха не оставила здесь значительных следов, известно, что уже во II тыс. до Р. Х. остров был населен. Следы заселения многочисленны, в частности, на акрополе Эретрии, где обнаружены микенские черепки. Более всего материала доставляет Лефканди на середине пути между Халкидой и Эретрией. Древнее поселение располагалось на холме, на вершине выдающегося в море мыса. За ним, в хинтерланде, английские археологи обнаружили богатые захоронения и, в частности, княжескую гробницу, расположенную в месте, называемом «Тумба».

3. Княжеская гробница в Лефканди

Гробница представляла собой помещение шириной в 10 и длиной в 45 м. Нижние части стен, сложенные из камня, сохранились на высоте 1,5 м. Строение завершалось на восточном конце портиком, а на западе — апсидой. Кровля поддерживалась двумя рядами столбов — наружными, на расстоянии примерно 2 м от стен, и внутренними, впритык с внутренней стороной стен.

В центре строения обнаружены две могильные ямы: в северной лежали скелеты четырех коней, в южной — скелет женщины с драгоценными украшениями. С обеих сторон головы обнаружены спиралевидные украшения из золота, затем ожерелье с бусинами из золота, фаянса и хрусталя. Грудь прикрывали два золотых диска, соединенных золотой пластинкой в форме

полумесяца. Найдены также два кольца из золота и электрона. В южной части этой же ямы была захоронена бронзовая амфора, послужившая погребальной урной: внутри найден прах покойника, завернутый в хорошо сохранившуюся материю. Рядом с этой урной найдены меч и железный наконечник копья. Было ли это погребение какого-то князя, захороненного со своей супругой и упряжкой коней? Во всяком случае, сооружение, как кажется, использовалось очень недолго, а затем было разрушено таким образом, чтобы прикрыть могилы. Сооружение гробницы и ее разрушение падают на время между 1000 и 950 гг. до Р. Х.

Надо подчеркнуть высокое архитектурное качество этого большого сооружения, и это — в пору так называемых Темных веков. До сих пор мы не имели ничего подобного. Поражает также богатство погребального убранства. Но что особенно интересно, так это полное сходство с погребальными обрядами, описанными в «Илиаде» (ср. рассказ о похоронах Патрокла).

4. Гробница в Лефканди и эпическая традиция

Гробница в Лефканди возбуждает вопрос: дала ли какая-либо эпическая поэма поселенцам в Лефканди около 1000 г. идею похоронить их героя столь пышно, или же, наоборот, рассказ о таких княжеских похоронах вдохновил автора (или авторов) «Илиады» на соответствующее описание? Кажется, проще было бы думать о двух интерпретациях одного обычая: одной — собственно погребальной, а другой — эпической.

Новейшие исследования показывают, что гомеровские поэмы складывались в сложной системе пересекающихся влияний греческих локальных циклов (Фессалии, Беотии, Арголиды), восходивших к микенской эпохе, затем новых ионийско-эолийских привнесений из Малой Азии в послемикенское время, наконец, некоторых легенд восточного происхождения. Наверное, герой Лефканди, богатый собственник коней, находил удовольствие, слушая песни аэдов о подвигах стародавних героев. В этом мире легенд, в облагороженном таким образом прошлом, надо искать образец для погребения в Лефканди.

5. Начало контактов между Эвбеей и Востоком

Эвбейцы были одними из первых среди островитян, кто вошел в контакт с Кипром и сирийским побережьем. Древнейшая греческая керамика в финикийских поселениях — эвбейская. С другой стороны, швейцарские раскопки в районе святилища Аполлона в Эретрии показали встречное движение с Востока на Запад не только предметов обихода и искусства, но, что особенно важно, и письменности.

Но начнем по порядку. Между тем как поселение в Лефканди было заброшено около 700 г. до Р. Х. (возможно, в связи с Лелантской войной), развился новый поселенческий

центр в Эретрии. Первые следы заселения обнаруживаются здесь уже в IX в. до Р. Х., а в VIII в. они умножаются: обнаружены жилые дома, овальные или апсидиальные поначалу и квадратного плана позднее, а также первые храмовые строения на месте будущего святилища Аполлона Дафнефора. Среди ранних строений особенно интересно одно в форме подковы с остатками глиняных цоколей для столбов, поддерживавших кровлю (вне и внутри стен). Очевидна параллель с более ранним погребальным сооружением в Лефканди, о котором говорилось выше.

6. Храмы и приношения

Надо ли видеть в названном апсидиальном строении один из первых храмов? Трудно сказать, особенно ввиду отсутствия каких-либо следов алтаря. Но другое, более позднее апсидиальное строение, признанное как «гекатомпедон», несомненно представляет уже переход к классическому храму. Об этом говорят как его план, так и сопутствующие находки. А примерно в 50 м к северу обнаружены священный участок и рядом с ним — богатое хранилище votивных предметов.

Особый интерес представляет конский наглазник, открытый в секторе апсидиальных строений. Это — бронзовая пластинка 19 см в длину и 12 см в ширину. Схожий экземпляр был найден в начале века в той же Эретрии, а еще три — на Самосе. Все пять представляют один и тот же декор: мужчина с обнаженным торсом и небольшой набедренной повязкой, поднимающий за задние лапы двух львов. Эти наглазники, служившие объектами посвящения, происходят из Северной Сирии. На одном из них имеется надпись, по-видимому, на арамейском языке. Аналогичный текст имеется на бронзовой пластинке, служившей нагрудным украшением для лошади и найденной на Самосе в 1984 г. В тексте говорится о подношении, сделанном Хададом царю Арама или Дамаска Хазаэлю. Датировка — конец IX в. до Р. Х.

Были ли эти подношения Хазаэлю помещены в святилища Самоса и Эретрии по приказанию самого этого царя, или же они попали туда от позднейших владельцев, греков или финикийцев, — трудно сказать. Важен сам факт появления на Самосе и особенно в Эретрии предметов с надписями на семитическом языке.

7. Появление письменности в Греции

Известно, что микенские греки обладали письменностью, заимствованной у минойцев Крита, но с падением микенской цивилизации письменная традиция пресекается. Первые письменные документы вновь появляются в Эретрии и в эвбейском дочернем поселении на Питекуссах (Искья). Между тем как на Самосе и в Эретрии нашли бронзовые пластинки с арамейски-

ми надписями, о которых мы только что сказали, на Питекуссах обнаружены многочисленные фрагменты ваз с граффити, в том числе известный «кубок Нестора» с метрической надписью, предполагающей знание составителем надписи гомеровской «Илиады».

В этой связи коснемся проблемы распространения в Греции алфавитной письменности. Если изобретение алфавита должно быть приписано народам Ближнего Востока, то его развитие и упрощение письма — дело греков. Несомненно, что распространение алфавитного письма с Востока на Запад следовало за движением материальных предметов по маршруту Кипр — Самос — Наксос — Эвбея — Питекуссы. Если наиболее древние граффити на вазах восходят в греческом мире к 770 г. до Р. Х., а письменные свидетельства умножаются с 750 г., то очевидно, что близкие формы финикийского алфавита распространялись здесь уже в IX в.

Важно подчеркнуть при этом глубину происходившего культурного взаимодействия: параллельно с распространением алфавитной письменности, надо думать, происходило и распространение литературных традиций с Востока на Запад. Очевидно, что гомеровский эпос опирался на микенские традиции, но, с другой стороны, он нашел себе новую опору как в новой письменности, так и в связанной с нею восточной мифологической и литературной традиции.

Эвбея и расположенная на ней Эретрия, во всяком случае, занимали видное место на пути следования с Востока на Запад новых культурных ценностей.

8. Приношения, найденные на священном участке

На священном участке к северу от храма Аполлона найдено большое количество votivных приношений. Самые многочисленные предметы — миниатюрные гидрии. Наряду с этим найдено около 50 скарабеев и скарабидов, 8 печатей из кости, около 15 терракотовых мужских и женских фигурок, примерно 50 фаянсовых амулетов с изображениями египетских и восточных божеств. Поражает количество и разнообразие предметов восточного происхождения, хотя есть вещи и западного происхождения. Напомним в этой связи об эвбейском поселении на Питекуссах, о находках эвбейской керамики в Карфагене.

Другой вопрос, встающий в этой связи, — объяснение размаха колонизационной деятельности эвбейцев в VIII в., в ту самую эпоху, когда они покинули Лефканди, чтобы обосноваться в Халкиде и Эретрии. Причины здесь могут быть разнообразные: помимо недостатка жизненного пространства и социальных конфликтов, на что обычно указывают, надо подчеркнуть значение экономических и технологических факторов. Так, поселение на Питекуссах могло служить целям обеспечения эв-

бейских городов металлами, а с другой стороны, целым эвбейского экспорта (керамики, вина, масла) на Запад.

9. Героон у Западных ворот

В районе позднее сооруженных Западных ворот открыт некрополь с могилами двух типов — кремации и ингумации. Прах кремированных покойников заворачивался в материю и помещался в великолепные бронзовые котлы. В одной могиле поверх такого котла обнаружен набор оружия: два железных наконечника копья, один бронзовый наконечник и четыре согнутых меча. Очевидно, это было захоронение воина. Возможно, что и другие могилы этого типа были захоронениями воинов. Наоборот, могилы с ингумацией сопровождаются вещами женского и детского обихода (золотая диадема с изображением животных в восточном стиле, ожерелье и маленькие сосуды, бывшие, возможно, детскими игрушками).

Особенностями этого некрополя являются его сосредоточение недалеко от главного входа в город и наличие в центре выложенного из прекрасных каменных блоков треугольника, ориентированного вершиной на север. Выложенный примерно 40 лет спустя после захоронений, этот треугольник выполнял какую-то функцию, но какую именно — неизвестно. Были ли эти могилы, а затем и этот каменный треугольник перекрыты курганом? Если да, то напрашивается сближение с гомеровским ритуалом, а с другой стороны, с гробницей в Лефканди.

Недалеко от этих могил обнаружен ряд строений архаической эпохи: четырехугольное здание и рядом еще одно — вытянутое, с пятью комнатами. Высказывают предположение, что первое помещение служило для религиозных церемоний, а второе — местом собраний пяти архаических братрий эритрейцев и что сам некрополь был прежде всего местом погребения основателя города. Если это так, то мы имеем здесь, с одной стороны, религиозный центр города, а с другой — центр гражданский, отмеченный гробницей основателя и связанными с ней религиозными и гражданскими строениями. Обращает на себя внимание очевидное сходство этого некрополя с гробницами в районе Кум и Монтеканьяно на юге Италии, свидетельствующее, вероятно, о греческом влиянии на Западе.

Многое остается неясным в интерпретации отдельных деталей. Очевидно одно — накопление признаков, свидетельствующих о раннем взаимодействии цивилизаций, о влияниях с Востока на Грецию, а из Греции на Италию, наконец, о том, что среди посредников этого движения на первом месте стояли эвбейские города Халкида и Эретрия.

С.-Петербург, 7.IV.1994.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ответственного редактора	3
Туманс Х. (Рига). Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII—VI вв. до н. э.)	6
Пальцева Л. А. (С.-Петербург). Мегарида и Беотия: к проблеме ран- них контактов	20
Печатнова Л. Г. (С.-Петербург). Западная историография об отноше- ниях илотов и спартиатов	27
Кулишова О. В. (Июшкар-Ола). Процедура прорицания в Дельфах: к характеристике оракульной практики в Древней Греции	36
Петров А. В. (С.-Петербург). Политическая теория в раннем пифаго- реизме (данные традиции)	54
Казаров С. С. (Ростов-на-Дону). Рим и Тарент в 280 г. до н. э.: на- чало конфликта	63
Тыжов А. Я. (С.-Петербург). Черты политической теории Полибия	71
Белкин М. В. (С.-Петербург). Эволюция римского сената в V—III вв. до н. э.	84
Циркин Ю. Б. (Новгород). Гражданская война 68—69 гг. и провинции	97
Егоров А. Б. (С.-Петербург). Домициан и Траян, деспотизм и просве- щенная монархия	114
Широкова Н. С. (С.-Петербург). Города в Римской Галлии	123
Рудокасас А. Д. (С.-Петербург). Вопрос о так называемых «гонениях» Лициния и политическая сторона арианского раскола	135
Сергеев Д. Д. (С.-Петербург). Идеология и мировоззрение господст- вующих классов Западной Римской империи в IV—V вв.	146
Доманский Я. В., Фролов Э. Д. (С.-Петербург). Основные этапы раз- вития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII—I вв. до н. э.)	159
Из истории науки об античности: два портрета ученых старой школы	194
Фролов Э. Д. (С.-Петербург). Сергей Александрович Жебелев (1867— 1941)	—
Шишова И. А. (С.-Петербург). Аристид Иванович Доватур (1897— 1982)	212
Новые научные явления (доклады профессора античной истории, рек- тора Лозаннского университета Пьера Дюкре на Историческом факультете СПбГУ в апреле 1994 г.)	231
Дюкре П. Война в общественной жизни Древней Греции	—
Дюкре П. Швейцарские раскопки в Эретрии и на Эвбее	237